

Боги, которые играют людьми и люди, которые играют судьбами богов, сами не зная об этом.

Простая поездка на ролевуху в пригородных лесах вылилась в нечто много большее. Сможет ли Виктор по прозвищу Кот н просто отыграть роль, но вжиться в неё и выполнить то, что требуют от него совесть, Кодекс и пославшее его божество?

Где-то вне привычного времени и пространства.

Эх, сколько сказано людьми про родственников, особенно — дальних! И кое-что из этого даже можно было записать. А кое-что — запомнить и при случае применить, фантазия у смертных часто больная, что в данном случае только к лучшему. Знали бы смертные, что это не только их проблема и забота! Высокий мужчина, сидевший на краю высокого постамента посреди каменистой равнины, раздражённо сплюнул вниз и обвёл взглядом окрестности. То же незыблемо-изменчивое пространство Узла, те же мосты, воплощающие связи внутри веера... Мосты, ведущие к различным мирам, в каждом из которых — свои боги и божки. И большинство из них фыркают и ворочают нос от «бедного родственничка», который всё никак не может обзавестись собственным миром.

Самое обидное, что изрядная часть этих фыркающих даже не представляют себе истинной иерархии Сил и не понимают, насколько «нищий бродяга» сильнее их, и насколько большими возможностями обладает. Но ведь и среди понимающих тоже в избытке фыркающих! Вариант «наплевать и забыть» не подходил — общаться с роднёй надо, а терпеть их выходки становилось всё труднее. Нет, то, что редкая грубость или колкость оставалась безнаказанной, облегчало жизнь, но... Мужчина вновь раздражённо сплюнул вниз, вспомнив одну особо возмнившую особь из числа молодых, так сказать, «соплеменниц». Да уж, если даёшь себе труд воплотиться в смертное, хотя бы по виду, тело — то получаешь заодно кучу привычек и реакций этого самого тела.

Мужчина, а точнее сказать — выглядящий мужчиной сравнительно молодой бог, достигший, тем не менее, немалого уровня сил, сферой интересов которого были не группы прихожан или даже разборки планетарного уровня — а делёжка сил и полномочий в пределах Веера миров, причём даже не одного, призадумался. Его облик при этом утратил статичность — менялось не только выражение лица, но и его черты, длина волос, телосложение, одежда — зрелище одновременно пугающее и завораживающее, если бы рядом как-то оказался и ухитрился выжить кто-то из смертных.

Всё более заманчивой становилась одна мыслишка, мелькнувшая впервые ещё пару эпох назад. Но тогда сил и способностей не хватало даже для того, чтоб представить себе пути решения чисто технических, как выразились бы обитатели недавно облюбованного и почти бесхозного мира, проблем. Позже появилось понимание — но не хватало сил. Сейчас же в достатке было и того, и другого — дело стояло только за решимостью.

С одной стороны — удача с аферой сулит, как минимум: прослыть спасителем миров и повысить свой божественный статус и силу, а как максимум же — увеличить свои владения в веере за счёт тех божков, которые просто сбегут с собственных территорий. Правда, если додумаются, как и куда. Или за счёт тех, которым гордость и самонадеянность помешают принять помощь «бродяги», с фатальными для гордецов последствиями. В идеале вообще можно стать единовластным владельцем Веера и перейти в гораздо более высокую лигу. Кстати говоря, в контексте бродяги и единовластного властителя, как там звали персонажа той наивной, но забавной истории? Арогорн его звали, да и внешность в так называемой «экранизации» удачно подобрали — не грех и позаимствовать, в рамках операции, если она начнётся.

С другой стороны — можно нарваться на неприятности со стороны тех самых «игроков

высшей лиги», очень уж неодобрительно смотрят они на игры с Первичной стихией.

Тут бог вновь вспомнил ледяной блеск презрения в изумрудных глазах недавно (пару тысяч лет тому назад) возвысившейся дурынды — но ведь до чего же красивой! «Ладно, в конце концов — я же бог игры? Вот и сыграю на решение», — в руках мужчины появилась пара двенадцатигранных игральных «кубиков», которые он, не долго думая, высыпал с ладони вниз, на равнину.

— Хм, две дюжины, а я ведь не вмешивался. Что ж, сыграем на максимальный результат. Пара маленьких, управляемых прорывов Хаоса в нужных местах могут дать большой эффект. Если грамотно это подать, хе-хе...

Где-то около Центра Веера.

Арогорн сидел на камне, задумчиво глядя на то, что его смертные орудия легкомысленно обозвали «костром». Сидел, анализировал обстановку, строил планы, вспоминал...

Дела вроде начинают налаживаться. Конечно, до видимых улучшений ситуации в целом ещё далеко, удалось только уменьшить скорость нарастания неприятностей, но были и приятные моменты. Удалось выявить механизм появления Стабилизаторов, и даже немного переналадить его в своих интересах. Несмотря на некоторые потери, прорывов Хаоса в ранее незатронутые противостоянием реальности не было. Вот только старая ошибка, которая угрожает стать новой главной проблемой...

Нуждаясь в зримом воплощении образа Врага — как пугала для других богов и для наглядности пропаганды среди смертных — он придумал удачный, как казалось ход. Выбрав одно из воплощений Хаоса, своего рода недоделанную аватару, обладающую некоторым подобием автономности, бог Игры немного доработал его. Придал иллюзию разумности и свободы, некоторые черты личности. Не мудрствуя лукаво, Арогорн взял слепок собственной сути, убрал всё лишнее — и слил этот фанерный макет бога с выбранным порождением первичной силы. Удобный имитатор противника, про которого известно всё и действия которого легко просчитать.

Как же! Хаос не был бы таковым, если бы не менялся вечно сам и не менял всё, что с ним в контакте. И вот это недоразумение, это чучело бога, обрело подлинное самосознание! Более того — сила Хаоса компенсировала большую часть тех свойств, которые Арогорн отнял у своей упрощённой копии. В частности — божественную силу, точнее, её замену, не менее мощную и эффективную.

Фарс превратился в полноценную драму, боксёрская груша — в мощного оппонента. И эта проблема обрела имя — Артес. А теперь он претендует и на обретение своего аспекта, проще говоря — сферы деятельности. Причём норовит оторвать кусок от его, Арогорна, епархии!

Там же, но позже.

Бескрайнюю равнину, хоть и обозримую полностью, если уметь и знать, как и откуда смотреть, затянули клочья белёсого тумана. Тот же мужчина в уже привычном и пообтрепаншемся облике сидел на том же самом месте, стараясь не смотреть в сторону пары обрушенных мостов.

А как всё хорошо начиналось! Аномальные зоны в местах даже не прорывов, а

просачиваний Хаоса, попытки местных божков решить проблему, как они думали, их мира своими, локальными средствами, не показывая соседям и коллегам свою «слабость». Последующее бегство или дурацкая гибель этих самых божков, переход контроля к нему. Пусть часто — неявно, через аватар или полностью подчинённых полубогов и иных существ, но все же...

А потом неожиданно пошли сбои — неплановые прорывы, изменённые существа. Смертные, которые сами лезли заигрывать с силой, что пугала большинство богов. Дальше — больше. Хаос стал выбрасывать в Веер свои порождения, которые обретали самосознание. Да и кое-какие изменённые, не уничтоженные вовремя по той или иной причине, росли в статусе. Появлялись кучи всяких демонов, и архидемонов, аватар Хаоса, полубогов и прочей братии. На всех их банально не хватало ни времени, ни сил. В итоге несколько миров уже погибли, поглощённые Хаосом.

Как ни жаль, но придётся уходить из этого Веера, забрав всё, что можно унести, и тщательно заметя следы. Хорошо, что у него были интересы и владения в парочке соседних Вееров, есть на что опереться и с чего начать. Арогорн встал, отряхнув ставшим привычным за сотни лет странствий жестом одежду. И совсем уж собрался шагнуть с пьедестала, возле которого зримым воплощением Оси Веера с недавних пор возник столб призрачного пламени, как за спиной его раздался раздражённый и ехидный голос:

— Куда это ты собрался? Нашкодил — и бежать? А кто убирать за тобой будет, Создатель?!

Еще позже.

— А этот мир?! Я тебя что, носом в каждый ткнуть должен?

Бог, даже на внешний вид, будучи сильно потрепанным, вжал голову в плечи.

— Или ты думал, что мир имеющий Стражей Грани сам справится с тем, что ты натворил?! — продолжал меж тем греметь голос. — А может быть, Хранители СПЕЦИАЛЬНО будут о нем заботиться? Или раз храмы умудрился там поставить, то всамой разрешиться?!

— Нет, я...

Мужчина посерел лицом, и казалось только волевым усилием, сдерживал панические гримасы.

— Тогда делай! Иначе если ты потеряешь этот мир, то... — повисла многозначительная пауза. — Думаю, мне не нужно будет объяснять, ЧТО случится.

Лишь когда присутствие вышестоящего божества исчезло, он рискнул расправить плечи. А потом, отдышавшись, даже решился на более — зло сплюнул себе под ноги.

Черт же его дернул затеять всю эту авантюру с Хаосом! Черт... Такой забавный фольклорный персонаж с той самой Земли, если бы он существовал...

Что ж! Видимо малой кровью не получится отделаться. Придется всем мирам пораженным Хаосом уделить свое внимание. Всем. И особенно этому... Эх, Стражи, Хранители!.. Как же вы... А, ладно! Придется поднапрячься, поработать с хронопотоками, чтобы успеть везде одновременно. Хотя, может?..

— Этот мир обязательно! — словно предупреждение громынуло вновь.

Мужчина непроизвольно дернулся от неожиданности, но тут же успокоился.

— Всё! Уже иду! — прокричал он в белесую мглу, а после в сердцах поддал ногой по скрытому в завихрениях тумана камешку; тот отлетел далеко за горизонт.

С какой-то необъяснимой тоской он проследил за его полетом и, махнув рукой, словно закончил спор с самим собой, поджал недовольно губы, а потом с упрямым выражением на лице, зашагал в сторону, прямо противоположную той, куда улетел камень.

Часть первая. Бродяга. Глава 1

Часть первая. Бродяга.

Глава 1.

Повёлся на провокацию, называется. Соскучился по привычному ежегодному развлечению. Недаром говорят эксперты: каждая авария имеет сразу несколько причин, обязательно. Одну или две выловят специально придуманные системы и методики, а вот когда совпадает сразу несколько — тут-то и случаются всякие гадости, вроде упавших самолётов или свалившихся с рельсов поездов.

Так и у меня получилось. Во-первых, сменил работу, оторвался от коллектива, с которым и ездил каждый год на турслёты. Во-вторых, на старой работе поменялась «политика партии» и ездить стали не летом на природу, а осенью в санаторий. Оно, конечно, комната на четверых и душ в коридоре куда как комфортнее, чем палатка. И обед в столовой получить проще, чем готовить на костре, не говоря уже о том, что воду и дрова искать-таскать не надо. Конечно, да, но... Но поездка с палатками, на берег лесной реки — это туризм для одних и пьянка на природе для других. А слёт «туристов» в доме отдыха — это просто пьянка, только что с выездом из города. Короче, компания стала другая (много народу поуходило кроме меня), и ездить стали не туда и не тогда.

В-третьих, дома были кое-какие сложности, поминать которые подробно тут не совсем уместно. Соскучился, в общем, по походам. По ночным купаниям в реке, по шашлыкам вечерами, под бурное обсуждение прошедшего дня. По соревнованиям, в которых был то участником, то просто болельщиком. По конкурсам песен, к которым охотно сочинял переделки шлягеров и сценарии подтанцовки. Даже по хозяйственным хлопотам и то скучал. Вообще: «слёт — это отдельная планета!», как говорится, и вот по этой-то планете я и скучал.

И тут позвонил старый друг, которым вместе работали, вместе уходили, но только ушли разными путями, и назначил встречу. Встретились, взяли пивка, поговорили минут пятнадцать обо всём и ни о чём, и вот он подошёл к сути.

— Что, котяра старый, по слётам ещё шастаешь?

— Шастал бы, да вот некуда.

— Есть вариант. Ты ж у нас не только турист, но и этот, ролевик?

— Ты со словами поосторожнее. Ролевики — это люди, которые серьёзно занимаются этим делом. Я, скорее, просто игрушки ролевые люблю. Ну и Толкиена, естественно, перечитывал раза три, «Сильмариллион», правда, только дважды — нудновато.

— Вот, о том и речь! У меня на новой работе друг завёлся, как раз из таких, «толкнутих». Зовёт меня на их тусовку. Мне там одному, боюсь, скучновато будет, так я договорился и тебя взять.

— Ну ты же знаешь — не люблю с незнакомыми людьми. Я кот ленивый, мне знакомиться и отношения устанавливать влом...

— То-то на слёте с тобой половина табора здороваётся! И на танцах кто постоянно зависает?

— Ну, это другое дело. Я ж кот, ты знаешь, не мурчать не могу. Особенно когда рядом столько кошечек в купальничках... Тем более, что я сейчас опять холостой.

— Ну, а там их ещё больше, дриадочек да эльфиечек...

— Угу, и у каждой за кустом — дружок в прикиде крестonosца. С воот такенным дрыном в лапах! И потом, — прервал я друга, — с пустыми руками не поедешь. И в том смысле, в частности, что нужен костюм и знание правил. Костюма, кстати говоря, нет.

— Меня, собственно, просили подыскать кого-нибудь. Им разведчик нужен, а ты ж у нас потомственный партизан. Просто нынешний следопыт на прошлой игре завёл команду так, что уже год их «клан Сусанина» дразнят, или просто «ляхи». Короче, целый день блуждали, причём по небольшому лесочку. А твои прогулки в три часа ночи по незнакомому лесу я помню, ушёл вверх по течению, вернулся снизу и ещё девчонок привёл из другой команды. Костюм себе сам делать будешь, но обещали помочь с реквизитом. Меня в строй с копьем поставят, благо руки длинные, а для эльфа утонченности не хватает. И мордой не вышел, и со слухом тоже... Помнишь, небось, как мы с тобой одной песней толпу в семь десятков нетрезвых рыл разогнали?

— Да уж, в караоке нам с тобой ходить гуманизм не велит.

— И я о том же, эльф из меня никакой, так что в строй. Кое-что из снаряжения дадут готовое, а кое-что тоже самому делать надо. С нашими с тобой габаритами, сам понимаешь.

Длинный хлебнул светлого, зажевал задумчиво рыбкой и продолжил:

— А ещё тут такая отдельная история. У соседей наших восточных какие-то ролевушные знаменитости завелись, про которых легенды рассказывают и про их игры. И вроде как самый крутой из них к нам в гости приехать согласился. На полигоне под Колодищами большая игра будет, международная, вроде как даже с призовым фондом и прочим. Короче, команда кипятком писает. Сведу тебя с капитаном, обговорите подробности и у тебя две недели на сборы.

— Ладно, попробую изобразить что-то такое. Хоть и не знаю, как можно заблудиться там, где игра будет. Телевышка-то в Колодищах, дурында железная под две с половиной сотни метров высотой, издали видна. Знай, правь на неё, пока не выйдешь к посёлку или на железку. Ну ладно, хотя разведчика — отработаю. Не совсем толкиеновского Следопыта, вроде того же Арагорна, а, скорее, мультикласс Рейнджер, который лучник и совсем немного маг...

— Это ты с капитаном обсудишь. Кстати, он минут через десять подойти должен.

— Ага, чисто случайно!

Вот так получились и сложилось одно к другому. Да ещё и семья меня этим летом уже не сковывала, хоть я ещё и не определился: хорошо это или плохо.

* * *

С костюмом всё решилось просто. Камуфляжные штаны (окраска «лес»), парочка таких же маек. Достал старую куртку-плащ, которую носил ещё в 11 классе. Тогда она была длиной почти до колена, сейчас — выше середины бедра. Тёмно-зелёная ткань, причём не «болонья» или ещё что-то такое блестящее, а скромная, но качественная «плащевка». Распустил на тонкую лапшу ещё одни старые камуфляжные штаны, нашёл на куртку — получилась злобная пародия на «лохматку». Прорезиненный милицейский плащ несколько выбивался из стиля, в том числе цветом, но на случай «а вдруг дождь» продумал легенду, как моему персонажу достался эльфийский «плащ Тени». Вообще биография отняла немало сил, но за работой сочинилась. Обосновал необходимость хороших отношений с эльфами и приложил к ним пару совместных боёв и походов.

С оружием было труднее. Решили, что нужны лук и меч. В команде предлагали ещё

небольшой щит, и брались обучить «правильному» бою — точнее, его основам. Но тут уже я решил показать характер.

— Извините, но рейнджеры строями не ходят, и вообще большими стадами не собираются. А если и собираются, то как лучники. Так что щит и правильный бой — вон, Длинному. А мне бы посох дорожный или что-то ещё такое. Эх, глефу бы, только не такую, что у Кэра Лаэды перумовского была...

Лук пытались вручить типа «палка с верёвкой» — мол, соревнования лучников будут, но участие не обязательно, а для игры достаточно, чтобы Мастер видел факт вылета стрелы. В итоге от команды я взял: лёгкий шлем, перчатки лучника, колчан и «кобуру для лука» (забыл на тот момент, как называется). Меч в ножнах тоже пришлось брать готовый, хоть был он и не такой, как хотелось. Лук решили делать если не хороший по качеству, то хоть с красивой «легендой». Его вырезали из толстой фанеры и обозвали «композитным». Правда, слои совсем не так и не туда шли... Тетиву я, недолго думая, сплёл из запасной лески к спиннингу. В общем, оружие было полной порнографией, прятал я его с удовольствием, чтоб не позориться. Единственное, что посох удалось сделать хоть на что-то похожим: толстая, крепка палка, на которую надели четыре стальных кольца, в нижний торец вбили прочный шип, к верхнему концу приделали довольно длинное лезвие из чистейшего алюминия. Будь оно настоящим — можно было бы и рубить, и резать, и колоть. Его я прятать не стал.

Ехали на электричке недолго, но весело. Команда, отыгрывающая отряд вестфолдских копейщиков, начала «вживаться в роль», а точнее — в образ той самой «пихоты» ещё на вокзале. В вагон грузились бодро и весело, вызывая осуждение на лицах дачниц и искреннюю зависть в глазах их мужей. Разумеется, в дороге бойцы продолжили догоняться «гномским элем» (в магазине проходившим под псевдонимом пиво «Партизанское») с добавлением гномьей же «слезы». Как бы то ни было — добрались, разбили лагерь. При разбиении порадовало, что большая часть команды была уже на автопилоте — проще оказалось настоять на вменяемом варианте размещения. Потому как то, что предлагали соратники, наводило на мысли о моём попадании в шайку маньяков, причём мазохистов-экстремалов. Но когда назавтра увидел один из лагерей «эльфов» на самом берегу небольшого болотца...

Снаряжение моё не вызвало, разумеется, восторгов, но и полным хламом не оказалось. Было, к моему удивлению, и хуже, к тому же меня спасла подробная и убедительная легенда. Немало времени согласовывали отдельные вкусы и особенности персонажа. Умение «знание леса» утрясли довольно долго, пока не объяснил, что это не пожелание, а реальность. Ну да, с пяти лет за грибами хожу, причём с десяти — сам, в смысле — один, без сопровождения. И в детстве искренне не понимал, как можно летом в лесу оставаться голодным, если специально не стараться, а также — зачем люди в лесу заблуждаются. Ну не мог я понять, что можно сделать это случайно и на самом деле не знать, куда идти! Убедило «коллегу» (а кого ещё мог бы отыгрывать персонаж с именем Арагорн?) то, что я вывел свой отряд к месту сбора от лагеря напрямую, через незнакомый лес, руководствуясь один раз увиденной по приезду картой. Притом, что сам я этот маршрут засчитывал в число своих косяков: не так свернул около приметного дуба, промахнулся мимо угла тропинки, которая должна была вывести нас на просеку и уже по ней — к точке сбора. Вместо этого пришлось идти по бездорожью, и я в итоге промахнулся метров на пятьдесят — недопустимо много, на мой взгляд, и «прямо в точку» по мнению копыеносцев.

Да и местность была далеко не дикой. Рядом довольно большой посёлок (не считая без малого двухмиллионного города), с нашей стороны железной дороги (не вплотную, разумеется) — армейский полигон, краешек (изрядный) которого мы собирались прихватить в качестве игровой территории. Что говорить, если даже за водой ходить надо было не к роднику или колодцу, а к водопроводу. Тут, кстати, одна особенность была. Ибо вождьеленный кран находился в служебном помещении у сторожа местного кладбища. Как мне сказали — дядька он был уже опытный, «открывает даже дроу с вампирами и инквизиторам». А ещё, помнится, подумал про себя, что пока дядька привык — или пить совсем бросил, или наоборот — выпил втрое больше, чем за всю остальную жизнь, причём совсем не воды...

Ещё был вопрос с очками. Ага, рейнджер-очкарик. Пришлось проводить их как артефакт — различитель, дающий полную информацию о предмете, включая подробности о встроенной в него магии. Вариант системы наведения, разумеется, не прошёл.

Поговорили и о луке. Мастер скривился при виде изделия, словно живую жабу есть заставили, скептически, но молча, выслушал легенду. Молча — пока я не заговорил о тетиве:

— Тетива — не намокающая и неразрывная. Сплетена из волос из гривы...

— Единорога, видимо? — ехидно спросил один из помощников гейммастера.

— Нет, что вы. Из гривы Водяного Коня.

— И как же его ловили, если не секрет?

— Никак не ловил. У русалок готовый волос добыл.

— Ну-ну... Видимо, была эпическая битва, и...

— Да нет, зачем? Злой Вы какой-то, всё на драку свернуть норовите. Не иначе, как тёмных курировать будете. Выменял я материал, на дюжину гребешков для волос и три зеркала стекла. Ещё и дюжину речных жемчужин на сдачу насыпали. Вот они, кстати.

Я продемонстрировал горсть конфет «морские камушки», купленных на станции. Цветные уже выел, а белые оставил «на потом». И вот, удачная импровизация... Лицо у молодого мастера (или, видимо, помощника) было растерянно-недоумённое. Видимо, придумал отповедь «зарвавшемуся новичку», а тут облом.

— Ладно, принимается! — произнёс «Арагорн». Но вид при этом имел такой ехидный, что я понял — русалки и конь мне ещё аукнутся.

Без споров было принято, что тетива не намокает, не пересыхает и не рвётся, поскольку каждая прядь сохраняет сродство с водой и при повреждениях срастается. Единственно, что помощник мастера, придя в себя, вставил комментарий, мол, тетиву можно уничтожить целенаправленным воздействием огненной магии.

— Да ладно, в принципе, у меня запас есть, — с этими словами я продемонстрировал парню катушку с надписями «T-Rex» и «150 Meter». Как же его передёрнуло... А нечего хамить старшим, перебивать и ехидничать раньше времени. Зачем ему знать, что там осталось метров двадцать лески максимум?

Утрясли вопрос с доступной моему альтер-эго магией — ничего особенного, в основном бытовуха, немного улучшающих заклинаний («бафов» в терминологии Lineage) и совсем немного боевых. Тут обе стороны охотно шли на компромисс. Я давил на игрушки, в основном на Pits of Angband, оппоненты апеллировали к тексту Профессора, но договорились быстро. И пошли знакомиться с народом. Хм, такое ощущение, что кое-кто именно для того, чтобы «знакомиться» и приехал. А эльфиечки хороши, особенно некоторые... Как выразился друг — «в одних топиках от купальника top-less».

* * *

Ненавижу подруг. Точнее, «подруг» — тех, которые тащатся на отдых «за компанию» не пойми для чего. И там, на курорте ли, в походе ли, или как сейчас — на игре, волочатся за своей подругой как нудный хвост. «Нам пора», «пойдём в лагерь», «мне скучно», «я замёрзла»... Замёрзла и скучно — иди, оденься и спи, не мешай другим. Или песню спой. Так ведь нет! Ну, не совсем, чтобы уж полностью нет, нашли место и возможность, но ночевать приходится переться к себе в лагерь. Ещё, как назло, «домой» после утверждения у Мастеров заскочить случая не было, потому иду с полной выкладкой — вся снаряга, которую несли показывать организаторам игры на мне, да ещё и кое-что сверх того...

Четыре часа — и не скажешь точно, ночи или утра... Прикинул, что до своей палатки доберусь к пяти, не раньше. И обязательно найдётся кто-то, кому не позже начала седьмого приспичит попить кофе, к нему подтянутся единомышленники... Короче, поспать не дадут. А вот если вздремнуть часика три сейчас, а потом прийти в лагерь к завтраку — это гораздо

лучше. Вон, кстати, подарок судьбы — сравнительно свежий выворотень. На голом песочке разжечь костерок, залечь между костром и стенкой из корней, завернувшись в «плащ тени» и придавить на массу.

Так и сделал: натеребил с вывернутой давешним ветром ёлки тонких веточек, веток потолще, зажёл от зажигалки с форсункой — люблю её за то, что горит при любом положении в пространстве, что бывает полезно. Сам не курю уже много лет, а зажигалку на всякий случай с собой вожу на подобные выезды. На самый крайний вариант — коробок с десятком оставшихся от прежних времён «саперных» спичек. Не понадобились «сапёрки», чего и следовало ожидать. Так, теперь пару сучьев посерьёзнее... Хорошо, что свой топорик не оставил в палатке — побоялся, что сопрут, потащил с собой, хоть и не игровой инвентарь. Уж больно удобный и ухватистый инструмент, и где только дед такой в своё время достал? Сам небольшой, раза в полтора меньше по длине лезвия, чем плотницкий, потолще того же плотницкого, но тоньше, и намного, колуна. На длинной, под себя деланной, яблоневого рукоятке, сантиметров шестьдесят от кончика до обуха. Я этим топориком осинку сантиметров двадцати в диаметре валил и разделял минуты за три, чтоб столбик для кой-какого дачного строительства добыть. Откромсать пяток толстых, в руку, смолистых корней, в огонь их. Туда же сломанную при падении ёлки молодую берёзку. Всё, на три часа сна тепла и уюта хватит, нечего тут «пионерский» костёр устраивать, ещё выворотень мой загорится. Спать, спать, а то глаза слипаются...

Перед самым сном вспомнил, что надо тренироваться отыгрывать роль. Видимо, был не настолько адекватен, как казалось. Решил поставить «охранный периметр». Правда, такого заклинания вроде бы не обсудили с мастерами (ну, забыл, не слон же я — всё помнить!) но которое просто обязано быть у человека, что в одиночку по фэнтезийному лесу шарится. Иначе сожрут — на первой же ночёвке. Или днём, после двух-трёх бессонных ночей подряд. Вспомнил читанный когда-то давным-давно обряд «братания с огнём» и постановки «огненного кольца». В оригинале оно призвано было охранять носителя днём от «злых помыслов», но я решил подойти творчески.

Правда вот, друг мой, ещё один турист ярый, который последние лет десять подсел помимо своей любимой йоги ещё и на эзотерические учения, говорил, что Огня во мне немного. Как-то раз на посиделках, на втором полулитре беленькой, он решил «посмотреть мою ауру». Заявил, что Воздуха во мне очень много (не удивил — жена бывшая любительница гороскопов, потому уже давно знал, что мой Водолей — знак воздушный). Что на втором месте — он не может разобрать, Астрал или Земля; потом идёт Огонь, но его мало, и совсем мало Воды, почти нету. С водой понятно — она меня и на плаву почти не держит, видимо, кости тяжёлые, если расслабиться, лёжа на спине в реке — начинаю медленно погружаться. А с Огнём вроде дружу. Сказал это всё другу, тот ответил, что это и понятно — Воздух с Огнём дружит. Потом понесли его кони вдохновения в дали неведомые, тропами нехоженными...

Вспомнил всё это, когда легенду для персонажа придумывал — ну, и загнал туда. Сейчас же «ставил охрану». За неимением свечи — взял тоненькую веточку. Провёл весь ритуал, максимально серьёзно, вспомнил и произнёс вслух слова наговора, только охрану представил себе не в виде обруча или стакана вокруг тела — а как стену вокруг «стоянки». Мысленно сомкнул стены в купол, поблагодарил: «спасибо тебе, брат мой Огонь», и загасил огонёк пальцами, тем самым одновременно принеся малую жертву в оплату работы и указав на старшинство (ведь погасил же).

После всего этого лёг поудобнее и уснул с чистой совестью и чувством выполненного долга.

* * *

Утро было яркое, звонкое и на удивление тёплое. Обычно, когда просыпаешься в лесу, особенно — если спал на земле, да ещё недалеко от воды, то поначалу зябковато, даже в разгар лета. Приходится попрыгать, побегать, чаю или кофе попить, чтобы согреться. А тут — хорошо, уютно, как всё равно дома спал, или даже у бабули — на старой, продавленной кровати, но продавленной именно мной, потому каждый бугор или вмятина — именно там, где они и нужны. Чувствуешь себя, как в каком-то на удивление уютном коконе. Потому и не даю выбрасывать «старое хламьё»...

Что-то я отвлёкся. Интересно, сколько времени? Наручные часы не ношу уже лет пять, как надоело выбрасывать в тряпки любимые рубашки, у которых браслетом манжету истрепало. Тем более — на ролёвке, наручные электронные часы были бы, мягко говоря, сомнительным аксессуаром. Говорят, как-то раз один из мастеров, увидев на руке командира одной из групп незаявленные в начале игры часики, объявил их «проклятым браслетом неудачи», который надели на руку спящему зловерные посланцы сил Тьмы, и устроил показательное выступление на тему «отыгрывать надо правильно» с говорящим манекеном. Открываю один глаз, ага! Солнышко ещё над макушками не поднялось, с учётом времени года, как раз около семи утра, а то и чуть раньше.

Смотрел я на то, как лучи света играют в перистых, напоминающих растопыренную ладошку листьях со специфической бахромой на каждом из «пальцев» и радостно улыбался новому дню и его первому подарку. Надо же, а я и не рассмотрел в темноте, что рядом карсиал[1] растёт! Если ещё ему в этом году поросль молодую не проредили — пополнию боекомплект...

СТОП! Что я вчера пил?! Какую дрянь приносили эти дриады с дредами? Настойку на мухоморах с добавкой псилобицина для вкуса? Какой, к едреням, «карсиал»?

Тут же вспомнил, что это за дерево, чем ценно. Потряс головой — не помогло. Схватился за головушку бедовую руками — нащупал кожаную ленточку поперёк лба. Это ещё что за? И тут только обратил внимание на то, что с самого начала подспудно тревожило — очки-то я не надевал! А вижу всё так, как уже и забыл, что бывает. Метров с двадцати (двадцать один метр тридцать два сантиметра до ствола — щёлкнуло в голове) мог при желании бахрому на листьях считать, сколько ворсинок на каждом! И нет уже начавшей становиться привычной тянущей боли в спине, которую сорвал неосторожно, пытаюсь поднять неподъёмное. Тэээкс, это начинает дурно пахнуть старым литературным штампом. Осмотрел себя — и я, и не я. То есть основа моя — мои 190 сантиметров роста, мои 110 кило веса. Вот только сбылось давнее пожелание — «вот бы снять килограммов десять сала, а вместо них навесить в нужные места килограммов десять мяса!», причём сбылось с избытком. Ощущение, что жира не осталось вообще, а мяса добавили с лихвой, больше, чем «забрали» сала.

Ну, и одежда — моя и не моя. Моя в том смысле, что соответствует заявке на игру и не моя — потому как не подделка, а настоящая.

Окинул всё это длинным и тяжёлым взглядом и застонал, опускаясь на землю. «С приплытием Вас, Ваше высокомордобразие...»

[1] Карсиал — «дерево лучников». Листья похожи на каштан, только с бахромой на

«пальцах», ствол — скорее, на молодой клён. Редко вырастает толщиной ствола у комля большей, чем может охватить двумя руками взрослый мужчина. Ценен тем, что каждый год даёт обильную прикорневую поросль, каждый росток — идеальная заготовка для стрелы. Растёт быстро, как земной бамбук, но ростки ровные, не коленчатые. Быстро дорастают до длины 120–140 см, после чего рост замедляется. Имеют очень твёрдый и острый кончик, благодаря чему для охоты можно использовать без наконечника. Более того, на срезе выделяют сок, который быстро густеет и схватывается — природный клей для оперения и наконечника. То, что при крайней нужде для оперения можно использовать листья этого же дерева, довершает список его достоинств.

Ну что же, традиционная дилемма — перенос или шиза. Ничего нового и необычного, писано-читано многократно, даже многодесятикратно, если можно так выразиться. И что делать прописано столько же раз, и на себя примерялось. Во-первых, вести себя так, как будто всё всерьёз и на самом деле: лучше побыть в глазах гипотетических санитаров чуть большим идиотом, чем оказаться трупом, приняв реальность за бред. Ну, это стандартно, с этим я согласен на все сто. А вот дальше — выйти к людям, осмотреться и решить, как жить дальше, тут уж — извините, «позвольте вам не позволить». Не люблю искать приключений на свою хм... ходовую часть, так скажем. Поэтому действуем с точностью до наоборот: провести инвентаризацию, выяснить «кто я, где я, зачем я», осмотреться на местности; потом решить, что делать дальше и уже потом, с толком и учётом обстановки, выходить к людям, или кто тут их заменяет.

Второй штамп в поведении попаданцев, который мне не нравится — куда попал, там и начинают штотки раскладывать. Потом приходится срочно драпать, или катаклизм какой — и привет горячий, получите картину маслом: в новом мире с голой задницей. Нет уж, гамадрила изображать — настроения нет, категорически. То, что мне удалось спокойно переночевать здесь, отнюдь не гарантирует спокойствия днём. Может, тут рядом гнездо какой-то твари, которую все так боятся, что не рискнули жрать беспечно дрыхнувшее мясо. Или перенос произошёл непосредственно в момент просыпания, и сейчас шайка местных звероящеров ломится к внезапно унюханному деликатесу. Итак, найти спокойное да уютное местечко, где можно, не опасаясь внезапной угрозы, проверить вещи, память, умения и навыки, именно в таком порядке. Поскольку сейчас у меня в голове каша, а содержимое рюкзака может помочь её переварить. И уже потом, зная материальную базу, экспериментировать с умениями.

Итак, куда двинуть? Вдруг возникло интересное чувство. Как будто изображение проступает на фотобумаге, или что-то выдвигается из тумана. Или радар высвечивает картинку, с каждым оборотом добавляя деталей. Я осознал, что вон в той стороне метров через триста протекает речушка и если пойти туда, взяв чуть левее дуба, то выйдешь на небольшой пляжик. Ошалеть можно — это что, «чувство леса» так работает? Нюансик такой — выхухоль какую-то около речки чую на водопое, а вот что в реке творится — как ножом отрезано, по кромке воды. Тут мой взгляд зацепился за что-то в траве около ног. Ушки, шкурка... Заяц, что ли? А чего он валяется тут? И шерсть с каким-то зеленоватым отливом...

«Опасность!» — заорало что-то внутри меня. Я помимо воли отпрыгнул назад, шаря глазами по кустам в поисках источника, руки сами ухватили мой посох. «Близко! Рядом! Нет, не опасно, сдохло уже» — хоровод не то мыслей, не то образов. Странно, но похоже, что опасностью мои новые инстинкты сочли вот этого вот кролика. Я наклонился рассмотреть поближе и тут что-то щелкнуло, как до этого с деревом.

— Рэбтор[1]! Мелкая лесная нечисть, шкодливый дух. Телесно воплощается, маскируясь под кролика или зайца. Выдают его зеленоватый отлив шерсти, тёмная аура и хищные повадки, хотя их он умеет скрывать. Редко нападает на того, кто может дать отпор, только стаями в брачный период. Но вот перегрызть горло спящему и сожрать не столько тело, хоть и мясом не побрезгует, сколько более энергонасыщенные структуры может и любит. Убиваем хладным железом[2], серебром, Огнём, кое-чем из арсенала Воздуха, силой

Светлых Богов. При убиении металлом, плоть быстро разлагается, оставляя зловонный остов, есть вероятность выживания духа. Если будет пища — может и отождраться до нового воплощения. Огонь и Воздух уничтожают злой дух, тушка остаётся. Святая атака братьев-паладинов или отцов-эксзорцистов уничтожает полностью, во всех планах бытия. Если сила веры молящегося недостаточна для полного уничтожения нечисти, то молитва обращает врага в бегство. При совсем слабой вере, или сильном духе, противник может наоборот разозлиться и нападать с удвоенной силой. Это, кстати, характерно для всех видов нечисти и нежити. Да уж, хорошо, что я не стал отыгрывать паладина (а ведь предлагали!), с моим идейным атеизмом... хм... придётся пересматривать мировоззрение, похоже, в этом мире Вера — реальная и осязаемая Сила.

Да, неплохой инфопакет распаковался при виде зверушки. Вот если только так накроет в бою, то двух- или трёхсекундный ступор может стоить жизни, а то и дороже. Но стоп (чувствую, ближайšie пару дней это станет моим любимым словом), тушка цела! Значит, его прихлопнуло магией! Так, морда опалена — огонь поработал, точнее говоря — Огонь. И кто ж его так?

Перед мордой твари пролежала на песке опаленная полоска около полуметра длиной. И эта полоска, вот чтоб мне пива не пивать, шла точно по линии моего «игрового» защитного купола! Это что же творится — перенесло меня ещё до сна? Или во сне, но вместе со всей округой? И я что, и правда владею магией?

Нет, не тем я маюсь. Во-первых, шагом марш на речку, там ключи рядом и на них — пусть слабенькое, но всё же место Силы. Силы светлой, так что в радиусе метров пятьдесят мелкой нечисти не будет, а крупную я учую намного раньше. А во-вторых, что ж это получается — не вздумай я отыграть роль перед сном, и меня бы ночью схарчили саблезубые (точнее — иглозубые) демонические кролики?! Вот тут-то меня и накрыло по-настоящему...

Прочухавшись слегка, я, стимулируемый воображаемой стаей злобногрызов, спешащих на неожиданный завтрак в виде меня, любимого, быстро собрал вещи. Мельком удивляясь на тему «эк вас переколбасило-то», но не всматриваясь и не вдумываясь в подробности. Только обратил внимание, что обширные накладные карманы на куртке превратились во что-то вроде двух ташек, пристёгнутых плотно к бокам (не стал смотреть, как именно). Плащ-накидка, дубовая и потрёпанная, с потрескавшимся кое-где резиновым покрытием превратилась во что-то мягкое, но плотное, не сразу поймёшь какого цвета. Рюкзак — похож на тот, что был, топорик тоже вроде как не изменился. Меч, лук, колчан — три раза по ого! Посох! Вот это подарочек! Но — потом, потом. Что-то мне не нравилось в моём месте ночёвки, как будто зудело под кожей по всей тушке сразу. Итак, ножны с клинком и саадак за спину, колчан со стрелами на бедро, посох-копье-топор... эээ... да пусть будет глефа, кто-то против? Не слышу возражений. Если что — переименую. Итак, глефа — в руки, и вперёд.

Пока шёл и осматривался по сторонам, стараясь определить возможные опасности и полезности, успел подумать, что моё чувство леса как бы даже слишком того... Какой-то эльф получается, а я на такое не подписывался. На ходу пощупал по бокам головы — уши, как уши, вроде такие, как и были. А с другой стороны... Эльф, если верить описаниям, должен чувствовать весь лес вокруг, как единое целое и каждую деталь. Ощущать желания каждого кустика, и не только ощущать, но и изменять — попросить куст не цеплять одежду, уговорить заросли расступиться или траву распрямиться. Есть у меня такое? «А вот хрен вам в обе руки», как говаривал один персонаж. Могу прощупать лес метров на двести, причём — в достаточно узком секторе. При этом могу не заметить чего-то прямо под ногами, что я и

подтвердил, споткнувшись о сосновый корень. Выругался тихонько и оставил только «фоновое» чувство, плюс — усиленное внимание вперёд и за спину, поскольку на спине у меня глаз нет.

Вот оно, местечко! Речушка, неширокая, тут изгибается полупетлёй. На внешней стороне излучины образовался песчаный обрывчик высотой метра два. Слева, если стоять лицом к реке, бугорок сходил на нет и был удобный спуск к воде. Вдоль кромки воды шёл неширокий, метра полтора, пляж. Просматривалось чистое дно, понижавшееся полого. Слева, напротив спуска, виднелся брод, но заросший водорослями так, что было очевидно — не ходят тут люди. Справа на краю излучины берег нависал над водой, получалась эдакая тумбочка высотой около полуметра. Присмотревшись понял, что эта тумбочка — старый ольховый пенёк, полощущий корни в воде, подобно спруту, который захотел было перебраться жить на берег, но на пол пути засомневался, остановился, задумался. И стоит эдакое чудо, с одной стороны глянешь — плоская тумба, как в бассейне. С другой стороны — неведомое чудище призадумалось у кромки воды. Вот так и рождаются легенды о водяных, как раз и стоит над явным омутом — река там тёмная, дна не видно.

Я, хоть и не имею сродства к воде, если верить тому, что увидел в моей ауре полутрезвый дружественный йог, но рыбалку люблю, и понимать реку или озеро научился. Правда, с чисто утилитарной точки зрения. Мысли о рыбалке навели на мысли о рыбе и о еде. Приступ банального голода, совпавший по времени с приступом прагматизма, развеял романтический настрой, как буйный осенний ветер тонкий дымок от угасшей свечи. Хм, похоже, всё-таки не до конца развеял. Мысли о рыбе тут же сформировались в план пошарить в корнях под пнём и под обрывом. Перед глазами, как живой, встал когда-то пойманный мной руками у берега налимом на полтора кило весом. Эх, и вкусный же был, зараза...

Нет уж, перед тем, как шарить руками в корнях надо попытаться сообразить, что в тех корнях может водиться, не окажусь ли я сам в роли того налима. Вздохнув, окинул взглядом дугу пляжа, длиной метров двадцать-двадцать пять, реку, шириною на изгибе метров шесть-семь и сужающуюся до трёхметровой речушки на входе и на выходе. Глянул на противоположный берег, заросший осокой луг. Похоже, по весне речушка разливается по ширине своих петель и даже больше. Потому и до кромки леса на том берегу шагов сто — сто двадцать, по границе паводка растёт. Покосился я подозрительно на заросли камышей на правом фланге, вздохнул и пошёл проводить инвентаризацию.

По левую руку и выше по течению, чем мой пляж, сразу за бродом били три родничка. Почти правильный треугольник, один ключ на дне реки («не жарко будет купаться — мелькнула мысль, — как бы судорогу не словить») и два на берегу. Вот там-то и ощущался источник чего-то светлого, бодрящего. Захотелось увидеть, что же там на самом деле. Удивляясь себе, но не сильно, поднял руки к лицу, заслонил ладонями глаза, закрыл их. Глубоко вздохнул, как когда-то на занятиях по кун-фу, в три этапа, представляя себе течение энергии по телу к соответствующей точке тела, после чего с резким выдохом развёл руки в стороны, открыл глаза и... открыл глаза *ещё раз*. Не знаю, как это объяснить, но ощущение было, как будто поднимаю ещё одни веки. Почти сразу в глазах появился какой-то дискомфорт, как будто пылью запорошило. Но я не обращал на это внимания, глядя на феерическую картину.

От трёх родников поднимались три... трудно подобрать было слова, даже для себя и мысленно — три фонтана? Колонны? Скажем — три фонтанные колонны, каждая свита из

девяти струй неразличимо разного оттенка. Серовато-синяя гамма донного родника, салатово-голубовато-бежевая ближнего, бьющего из песчаной чаши на границе берега и травы и изумрудно-сапфировый отлив третьего родника, притаившегося в траве. Все три жгута поднимались вверх, примерно на высоту панельной пятиэтажки, там изгибались навстречу друг другу, будто стремясь сплестись в косичку, но, на полпути к центру как-то разом дробились на облака опалесцирующих брызг, которые смешивались, сталкивались и оседали на землю каплями жидкого света, накрывая круг радиусом не менее пятидесяти шагов. Мне стало понятно, что именно я вижу: вода материальная исторгалась из земли и бежала в речушку. Вода-стихия поднималась вверх, поскольку была перемешана пополам со стихией Астрала, причём Астрала светлого. Стало кристально ясно, что никакой рэбтор не рискнёт подойти и на сотню метров к Источнику, а более крупная нечисть никогда не вступит под эти капли.

— Конечно, зомби-воина этот туманчик растворит без сухого остатка за пять биений сердца максимум, — пришла в голову моя/не моя мысль, проговоренная моим/не моим голосом.

И сразу накатило... Глаза горели огнём, голова раскалывалась, кроме того, казалось, что в черепе поселилась какая-то неведома зверушка и пытается выдавить глаза изнутри наружу. Расплата за видение сил? Похоже на то, всё-таки я не маг, хоть и располагаю кое-каким арсеналом базовых заклинаний. Маг бы мог любоваться этим алтарём Воды долго и безнаказанно, мне же не стоило так развлекаться, особенно если бы впереди планировался бой.

— Эх, а очки-то пропали. Зажилил переносчик артефакт-различитель, через него бы, наверное, всё время можно было так смотреть!

Ладно, быстренько проведём инвентаризацию и делом займёмся. А что это я о себе во множественном числе-то? Плюстик в пользу версии о диагнозе, или просто привычка? Неважно пока что. Итак, начнём с оружия, поскольку неведомо, где я и что вокруг.

Значит, глефа. На нижнем конце вместо вбитого в торец колышка от палатки появился шип наподобие копейного навершия. Ромбическое поперечное сечение, двусторонняя заточка, классическая форма: плавное расширение и резкое сужение к основанию. Крепится надёжно, «стаканчиком». Три металлических кольца на древке, на них не то орнамент, не то надписи — посмотрю попозже. Основное лезвие крепится на некотором расстоянии от древка, так, что можно ухватить рукой и за этот конец. Кончик клинка выведен на одну линию с древком и заострён — можно колоть. Общая длина оружия — чуть меньше, чем у моих лыж, два метра и сантиметров десять-пятнадцать сверх того, длина рукояти метр семьдесят — метр восемьдесят.

Не смог устоять перед соблазном схватить это изделие и покрутить в руках. Собственно, я и намного раньше не мог удержаться от того, чтобы покрутить «восьмёрку» или «мельницу», если в руки попадала более-менее хватистая палка, а тут...

Поразмявшись с глефой минут пятнадцать, опомнился, спохватился. Обматерил себя мысленно и вернулся к разбору имущества. Правда, ещё немного подумав, вытащил из кармана рюкзака свечку, которую брал с собой с одним расчётом — от нее в палатке больше «романтики», чем от светодиодного налобного фонарика. Ну, вы поняли, когда романтика нужна, да? Ну так вот, вытащил свечку, полез за зажигалкой, которая оказалась оформлена в виде странно тёплой каменной ящерицы, у которой язычок огня вырывался из пасти при поглаживании затылка. Не сразу догадался, как этим пользоваться. Ну да ладно, в итоге

зажѐг свечу и повторил ритуал установки защиты, на сей раз — по читанному ранее рецепту, вокруг себя.

«Здоровая паранойя — залог здоровья параноика и долгих лет его жизни!» Вот под этим лозунгом, ага... Так, глефу в сторону, меч в руки. Классная штука, как раз то, что хотелось! Сколько раз, выслушав моё описание разного рода «специалисты» и специалисты настоящие крутили носами, мол, «попса», и другие слова говорили, похуже. Ну и шли бы они лесом! Мне с ним бегать, а мне — нравится! Что-то есть от бастарда-полуторника, что-то — от рапиры: прямое лезвие длиной восемьдесят пять сантиметров, ширина у основания примерно «на два с половиной пальца», то есть шесть-семь сантиметров, на последней трети клинка начинается его ланцетовидное сужение и в итоге к кончику сходится в точку. Толщина лезвия у рукояти — «в палец». Рукоять полуторная, с небольшим запасом. Собственно, это для меня она полуторная, для моей лапы, которая ни в одну банку не лезет, для кого-то «ножик» мог бы и двуручником показаться. Круглая витая гарда, похожая на четыре сплетѐнных из металла лепестка. В общем, почти эсток, но не совсем. Характерный коленчатый узор на клинке — это отлично! И то правда, из средневекового железа клинок таких размеров и формы не получился бы, другое дело — аносковский булат[3]! От рукояти по клинку опять, как на обсадных кольцах глефы, бежит не то орнамент, не то какой-то девиз.

Лук — ещё одно «ух ты» и подарок переносчика. Многослойное древко длиной примерно полтора метра, скорее — сантиметров сто шестьдесят. Вопреки всему слышанному и читаному мною ранее тетива натянута! Или это я — тормоз гидравлический от БелАЗа (правда, на самом деле там пневматика), вчера не увидел и не снял, а теперь... Дрожащими руками схватил оружие, с неведомо откуда взявшейся сноровкой проверил — тетива, как струна! На ощупь оставляет ощущение какой-то шелковистой прохлады, неужели реализовали мою байку? Ладно, потом проверю. Стрел не густо — четыре десятка, с разными наконечниками. С другой стороны, стрела — не патрон, самая лёгкая весит восемьдесят граммов, боевая бронебойная до ста двадцати. Итого запас, считая по «среднему по больнице», более четырёх килограммов, ближе к четырём с половиной. А полный боекомплект лучника на средний бой — та ещё вязанка дров, на себе носить никакого здоровья не хватит — это к вопросу о худых и субтильных лучниках, агась. Обратил внимание на то, что каждому виду наконечников соответствует свой вид оперения, что логично: удобно вытаскивать из колчана на ощупь.

В целом разбор вещей оставил двойственное впечатление. С одной стороны, есть почти все нужное, кроме котелка, с другой... Сложилось чѐткое ощущение, что сила, перенесшая меня сюда, имела какое-то отношение к Мастерам игры или, по крайней мере, присутствовала при наших разборках. Короче, тщательность исполнения на грани издевательства. Просил чувство леса — вот оно. Знания мира не просил — его и нет, вообще не соображаю, что вокруг творится, какие тут расы живут и тому подобное. И котелка нет! Не брал с собой из лагеря, поленился тащить казанок на пять литров, и в разговоре с мастерами не упомянул. В итоге специи мои есть, разве что не в пластиковых пакетиках, а в холщовых мешочках, а котелка — нет! И что мне толку от чайной заварки в таких условиях?!

Вот ещё пример. Говорил, что деньги в лесу не нужны — пожалуйста, пустой кошелѐк! Не совсем пустой, конечно. Есть кусочек пергамента, изрисованный вензелями и исписанный, похоже на вексель или что-то в этом роде. Видимо, реинкарнация моей пластиковой карточки. Прочитать не могу, только разобрал, что на двух языках — точнее,

двумя разными шрифтами, один похож на стилизацию под готический, другой — на полуустав. А кроме того — двенадцать жемчужин. Причем одна жемчужина — дефектная, как будто начали сверлить, но бросили. Как конфета, у которой была сколота глазурь и виднелась изюминка. А ещё одна — надкушенная! Вот же ссссс... сложно ссохранять уважение к высшим силам с такими их приколами!

А жрать же хочется! Так, у меня в рюкзаке была пачка галет, обозванных «эльфийскими хлебцами» и презентационная литруха пива. Презентационная благодаря названию «Партизанское». Светлое, крепкое, сорт “Lager”. Так, вот этот свёрток из зеленоватой ткани, похожей на холстину, но шелковистой на ощупь — оно самое, галеты. Вроде как потолще стали. А пиво где? Нет, я понимаю, пластиковой бутылки мне не дадут, тааак... Вот это, разве что? Килограммовая примерно бутылка керамическая, закупорена, этикетка приклеена, на ней накарябано что-то полууставом и фигура мужика в плаще.

Галеты суховатые, но вкусные. Что до сухости — откупорим бутылочку. Судя по запаху — это что-то совсем другого класса, чем прототип. Хм, на вкус — настойка какая-то, крепостью градусов двадцать пять и с мощным можжевельным духом. После первого же глотка как огонь пробежался по телу. И голова перестала болеть. Видимо, не так проста настоечка, как кажется, заныкаю её на будущее, грех такое просто так вылакать. Кстати, наелся, чуть меньше четверти галеты ещё осталось — а уже наелся!

Ладно, пора завязывать с сортировкой запасов и заняться их пополнением. Во-первых, стрел маловато, причём все боевые, для охоты такие тратить жалко. Котелка нет. Запастись едой — путём охоты, рыбалки, собирательства, поскольку галеты с их сроком хранения — НЗ, не надо их сразу съесть. И добыть бы какую-никакую посудину. Ладно, питаться в принципе какое-то время можно жареным да копчёным, а пить что, если родника рядом не окажется? Даже и с собой воды взять не во что, фляжки тоже нет. Были бы специи в полиэтиленовых пакетах — смешал бы кое-что между собой и в пакетик литра полтора воды набрал, а так...

[1] Мелкая лесная нечисть, шkodливый дух. Телесно воплощается, маскируясь под кролика или зайца. Выдают его зеленоватый отлив шерсти, тёмная аура и хищные повадки, хотя их он умеет скрывать. Редко нападает на того, кто может дать отпор, только стаями в брачный период. Но вот перегрызть горло спящему путешественнику и сожрать не столько тело, хоть и мясом не побрезгует, сколько более тонкие структуры, способен.

[2] Хладное железо — металл, часто упоминаемый как в классических фэнтези и оккультных текстах (Хайнлайн, Сташефф и т. д.), так и в современных книгах (Рудазов, например) и играх. Ему приписывается множество свойств, подчас противоречивых. Но все источники сходятся на том, что оно, во-первых, не подвержено магии и блокирует её, а во-вторых, губительно для существ различной степени потусторонности. Нередко ассоциируется с самородным или (реже) метеоритным железом, что не совсем верно.

[3] по имени академика П. П. Аносова, разработавшего современную технологию получения булатной стали взамен утраченной древней. Его булат отличается от традиционной кристаллической структурой, благодаря чему и выделяется в отдельный сплав.

Пока, наклонившись, пил воду из родника, на меня снизошло озарение. Песок и родник просто так не соседствуют. Тут должна быть глина! Из глины можно слепить и обжечь на костре какую-никакую посудину!

Через полчаса уже сидел над кучкой накопанной, перемятой и разведенной до нужной кондиции глины и медитировал на тему «чем заменить гончарный круг». Нет, всё-таки медитация в правильном месте — великая сила! Вскочил и полез в задний карман на штанах. Кстати, накладные карманы сохранились, хоть и стали совсем примитивными по крою, а вот врезные — увы... Извлёк уцелевший в ходе «знакомства с дриадами» экземпляр «Изделия номер два» или попросту — презерватив. Надул, завязал горловину, вдавил «пимпочку» внутрь «шарика» и стал обмазывать глиной.

Минут через сорок, как минимум дважды перебрав весь свой запас экспрессивной лексики, получил что-то, на что-то похожее. Воспоминания пионерского детства говорили, что перед обжигом сушить надо двое-трое суток. В принципе, никто никуда не гнал, но хотелось побыстрее. В арсенале магии, оговоренной для моего персонажа, ничего сушильного не было. С другой стороны, защиту я тоже ставил «не лицензированную» — и ничего, сработало. Первая мысль — «попросить» воду уйти из изделия. Никакой реакции, обидно, но ожидаемо. Подсушить огоньком? Поврежу «модель» чего доброго, а ещё может не раз пригодиться. Остаётся земля.

Я сжал свой будущий котелок в ладонях, сел в полу-лотос (оно же «Поза удовольствия», не знаю, кто может получать удовольствие от такого положения тела), подышал немного, сконцентрировался... И начал внушать своему изделию все прелести существования в твёрдом и сухом виде. Сколько так промедитировал — не знаю, открыв глаза увидел у себя в руках горшок, очень похожий на каменный. Вскочил радостный, но стоило нарушить концентрацию — и этот сосуд осыпался на землю сухими колючими крошками.

Высказал себе честно всё, что думаю по поводу торопливости и начал лепить заново. Опыт сказался — новая заготовка была вылеплена через минут пятнадцать-двадцать. Слегка отжал её, обратившись снова к Земле, и оставил сушиться на солнышке. Изгваздался так, что просто ой, решил ополоснуться и спустился к реке. Начав умываться, нащупал кожаный ремешок на лбу, про который практически уже забыл. Надо бы снять, промыть — наверное, и на нём глина есть.

Хм, забавно — на ремешке нарисованы красной краской два закрытых глаза. Это что, напоминание, что я был «четырёхглазый»? Шуточка сомнительного качества. Дурачась, надел ремешок так, чтобы нарисованные глаза были напротив моих собственных и со словами «Поднимите мне веки» открыл глаза. Опаньки! Так вот он, артефакт-различитель! Интересное, конечно, решение, только есть два недостатка: во-первых, я вижу потоки энергий, но не вижу окружающего материального мира. Так сказать, выбери одно из двух... Ну, и второе — личное. Второй раз в жизни почувствовать себя персонажем анекдота, того, где мужик долго и старательно ищет очки, которые находятся у него на лбу — неприятно.

Итак, за припасами. Сходить к месту ночёвки, проредить поросль у «дерева лучников», наделать охотничьих стрел. По пути попытаться подстрелить какую-нибудь съедобную дичь, или хоть грибов насобирать. Собрал и упаковал всё своё имущество, кроме будущего горшка. Да-да, параноик я — собираюсь волочь на себе весь груз, отправляясь в поход на метров

триста, не более. Ну и что, что нет никого, кроме меня, из разумных обитателей? Когда выскочат к бесхозному имуществу из лесу — поздно будет думать. Нет уж, ничего лишнего у меня нету, только запасное, и того мало.

По мере приближения к месту ночлега опять стало возникать ощущение дискомфорта и тревоги. И чем дальше — тем больше. Так, раз это не мой родной и привычный лес, а такой, в котором достоверно водится всякая нечисть, например, прихлопнутый мною нечаянно рэбтор, то к подобным ощущениям следует относиться серьёзно. Я остановился, не доходя до места своего ночлега метров двадцать, и начал сканировать лес, стараясь прочувствовать его. Странно, всё нормально, ничего особо страшного. Ещё раз, по кругу, как радарный луч — норма, норма, растёт напряжение, ближе к карсиалу — сильнее, ага, слабеет, удаляемся от цели моего визита... Стоп! Только что приближался к дереву своим сканером — и вот уже удаляюсь?! А под самым деревом? Такое ощущение, что кто-то или что-то старательно отводит мне глаза. Ага, а если пристально всмотреться именно туда? Взгляд скользит, как будто дерево намылено, а взгляд мокрый.

И что это я дурью маюсь? Чувство леса — хорошо, но это же вспомогательное умение, да ещё и не боевое. Так, заявлялось заклинание «поиск врага», где оно? Вот оно. Сосредоточиться, прочитать, посмотреть результат. Есть контакт, сидит, гадость, точно под деревом, расплзлась на всю поросль. Название — брр, не то что выговорить — прочитать с листа на трезвую голову не получится.

Нечисть, находится в призрачном состоянии. В таком виде она малоуязвима для физических атак, вот если бы заставить воплотиться в тело, а как? На данный момент её можно прихлопнуть соответствующей молитвой, астральной атакой, если ты шаман или магическим воздействием. Но не простым, если я ударю, скажем, молнией или волшебной стрелой толку будет мало. Нужно именно что сгустить стихию, не воплощая её материально, чтобы воздействие было в том же плане реальности, что и цель. Но это работа для мага, причём более чем серьёзного. Мне о таком — только мечтать, причём мечтать о том, что когда-то встречу кого-то, способного это сделать.

Как же быть? Сняв с себя и пристроив под памятным выворотнем свою поклажу, за исключением меча и глефы, хожу вокруг, как кот вокруг горячего сала. Что-то во мне не даёт просто плюнуть и уйти. «Кодекс Стража» — казалось, произнёс кто-то внутри уже знакомым, одновременно моим и не моим голосом. Скорее, не кот возле сала, а как собака с жабой — и съесть противно, и бросить жалко. Нарезав таким образом десяток кругов то по, то против часовой стрелки и ощущая при этом, что тварь тоже наблюдает и тоже не знает, что делать, прервал производственную гимнастику. Мне пришла в голову мысль, посмотреть на супостата через различитель. Но сначала, на всякий случай — прокастовать на себя каких-нибудь полезностей. Хм, на игру оговаривалось ограничение в три штуки разом, не более. А поскольку я имел возможность убедиться, что переносчик в переговорах если не участвовал, то болел за Мастеров — ограничимся двумя, скорость реакции и устойчивость к страху. Так, теперь посмотрим на тебя, соседushко, иным взглядом.

Сказано — сделано, открываем глазки под повязкой... Ой, мля! Косматый буро-чёрный комок, с кучей шупалец, а посреди него — здоровенный красный глаз, и смотрит, скотина, прямо на меня! Увидев в нескольких шагах от себя такую прелесть, вначале передёрнулся, а потом... А потом сотворил редкостную глупость. С криком: «На, падла, чтоб тебя порвало!» сделал выпад и ткнул копейным навершием глефы в этот самый глаз! Ой, что тут началось...

Похоже, тварь и правда не могла по какой-то причине решиться на атаку, а тут — «глаз»

стремительно ушёл вглубь и раздвоился, а навстречу мне метнулся пучок щупалец-верёвок. Которые потолще — ну точно змеи. А уж как «нежно и трепетно» я отношусь к змеям, это надо знать. Даже заклинания на бесстрашие как будто и не бывало, на голом рефлексе отпрыгнул назад, споткнулся, откатился дальше кувырком через спину, отметив пару мелькнувших сверху отростков, а потом... То, что произошло потом снова требует цитировать народную мудрость. На сей раз это «дуракам везёт». А если дурень ещё и параноик, то везенье становится закономерным.

Помнится, на берегу речушки, ещё перед инвентаризацией запасов, поставил вокруг себя защитный периметр, на Огне замешанный. Как полыхнуло перед глазами! Было похоже на взрыв в обратной перемотке, кокон, трепетавший вокруг меня на грани осязания даже в очках, стремительно стянулся в пятнышко там, где его границы коснулась тварь. Вспышка, потусторонний вой, мелькание каких-то полос и пятен, отмахиваюсь наугад, точнее, кручу вокруг себя глефой, пытаюсь изобразить круговую защиту. Наконец, улучил момент, сдвинул вверх с глаз повязку — по лесу всё же лучше бегать зрячим.

Опаньки, вот ты где, радость моя! Если рэбтора, нечисть мелкую, моя защита прибила на месте, то эту тварь Огонь, воплощаясь, выдернул в реальность. Ну и морду припалил, ясное дело. Кроме того, вокруг валялись, истаивая буроватым дымком несколько отсеченных щупалец. «Вдохнёшь — смерть», предупредил меня внутренний голос. Угу, а я-то думал, от насморка излечит и придаст моему белью аромат весенней свежести!

Десяток минут плясок с шестом (но не на шесте) вокруг чудища, дюжина седых волос, стремительная атака... Вонзив основное лезвие в ту часть существа, которую считал для себя затылком, задействовал заготовленное заранее заклинание — молнию. Только вот не стал «бросать» её в удалённую цель (эффект во время тренировки на берегу меня не впечатлил), а сбросил заряд по оружию — в рану, внутрь твари. Что-то глухо хлопнуло, «лихо одноглазое» дрогнуло и с громким хлюпаньем разломилось на части. Ударной волной меня отбросило метра на три и хорошенько приложило о всё ту же вывороченную из земли ёлку. Хорошо, что не на карсиалову поросль — дюжина дополнительных дырок в организме мне не нужна.

* * *

То ли эмоциональная встряска помогла, то ли время пришло, то ли перенесшие меня силы смилостивились — но, пока я приходил в себя после боя, хлебнув хорошенько настоечки, в голове распаковался очередной инфопакет. Я понял, о каком таком Кодексе говорил мой голос и что за Стражи такие. Стражи Грани — это такой не то Орден, не то клан, в общем — моя профессия, мой, если угодно, мультикласс в данной Реальности. Кодекс — та самая нетолстая книжечка, что нашлась в рюкзаке. Сейчас я не сомневался, что смогу прочитать её.

Также вспомнилось, что где-то в недрах и видел тубус, а в нём (как озарило) должен храниться свёрнутый Патент Стража. Причём сей документ, вручаемый при Посвящении, служит не столько доказательством принадлежности к Ордену, как удостоверением личности. Принадлежность к Стражам, как и место в иерархии (звание и должность — перевёл я для себя) определяются как-то иначе.

Пришло и знание того, что за истребление нечисти, вообще-то говоря, положено некое вознаграждение, только требуются доказательства, для отчёта чиновникам. Кроме того, с некоторых тварей можно было поймать что-нибудь на продажу. К примеру, у рэбтора в центре нёба есть некий «сонный шип» — своеобразный зуб, выдвигающийся вперёд и

впрыскивающий в жертву парализующий яд. Этот зуб не разлагается даже при убиении твари серебром, а потому и служит доказательством. Сам же яд можно пристроить в городе, тому же лекарю, и не только. Вещь не слишком дорогая. Но не очень и дешёвая, поскольку сохраняется, только если убить эту дрянь чистой магией, маги же нечасто шарятся по лесам, охотясь на мелкую нечисть. Разве что ученики...

* * *

Добыв доказательства, включая мешочек с ядом, и заготовив охалку стрел, я двинул обратно к реке, к месту силы и к своему будущему котелку. Навалилась жуткая слабость и усталость, придя на берег, только и нашёл сил, что приволочь из леса сухостойную сосну (или что-то, очень на неё похожее) да помыться в реке. Вода оказалась холодноватая для лета. А чему удивляться — чуть выше пляжа сразу три родника бьют! Осмотрел тело — похоже на моё, только шрам от аппендицита стал вроде как длиннее и шире, плюс большая часть родинок сошла. А вот семь штук, охватывавших почти правильным кольцом левое плечо — остались. В общем, непонятно — или моё тело, но «после капремонта», или не моё, но синтезированное по мотивам. Неважно пока.

Навалилась новая волна усталости. С трудом нашёл в себе сил для того, чтобы повторить в третий раз ритуал с установкой охраны. Запахнувшись в плащ и пожелав стать как можно неприметнее, рухнул на солнышке вдоль сухостоины.

Разбудили меня голоса...

Проснулся я от звука голосов.

Говорили двое. Гортанно, резкими голосами — спросонок показалось, что по-немецки. В душе взвился вихрь мыслей, подчас противоречивых. «Что, теперь я Партизан? И буду с Вермахтом воевать?!» С одной стороны — родной мир, с другой — ууу... А если не родной и «ууу», то вообще вилы!

Стараясь не делать резких и размашистых движений, аккуратно цапнул под плащом лежащее рядом оружие, внутренне почти готовый к тому, что это будет в лучшем случае трёхлинейка, а то и охотничий дробовик. Лук и глефу воспринял почти с облегчением. Голоса приблизились, и я начал вслушиваться в полузабытые звуки немецкой, как мне на тот момент всё ещё казалось, речи.

— Во, глянь, лесина готовая, считай, дрова есть!

— Ща я с неё топориком веточек накрошу, на растопку.

— Не торопись — смысла нету. До темноты ещё далеко, а жрать всё равно нечего.

— Хоть кипяточку погреем.

— Ты лучше глянь — вон, колода лежит, замшелая. Лучше по ней топором постучи, а лучше расколи или сбрось в реку. Вдруг под ней дрянь какая живёт, змеюка, к примеру...

До меня начало доходить, что говорят всё же не по-немецки, просто я этот язык воспринимаю как один из давно и хорошо известных, но это мелочи. Самое главное, что «колода», которую собираются скинуть в реку — это я и есть, в моём маскировочном плащике! Ну нет, я сегодня уже купался!

— Я сейчас этот топорик какой-то колоде прямоходящей в развилку воткну!

Ой, как он прыгать умеет! Спиной вперёд, вверх по склону... Интересно, я от «Лиха одноглазого» так же отпрыгивал или нет? В любом случае, балет много потерял, лишившись такого кадра. Понимаю, голосок у меня спросонок не ангельский совсем, но не настолько же!

— Гролин, слева обходи! Сейчас мы эту нечисть на язык укорачивать будем! Да брось ты топор, меч бери!

Ага, раз на нечисть с мечами собрались — то, стало быть, свои. А значит — надо договариваться.

— Мало того, что поспать не дают человеку, мало, что на честно притащенные им дрова права заявляют — так ещё и самого в мечи взять хотят, ну, что ж это творится-то, а?

— А ты точно человек? Уверен?

— Уверен, — я, наконец, встал во весь рост, на всякий случай сжимая в руках проверенную глефу.

Как ни странно, мой вид несколько успокоил явившуюся в гости парочку, а когда я поднял лук и колчан, то они и вовсе повеселели, подошли поближе. Колоритная парочка, надо сказать. Коренастые, рыжебородые, ростом примерно метр тридцать — метр сорок, поперёк себя шире, вылитые гномы[1] из фэнтези, только не с топорами, не считая явно рабочего, а с мечами в руках.

Не гномы, подсказал внутренний голос, а двурвы. То есть — двуединый народ детей гор, берглингов и бергзеров. Эти, похоже, из первых. Гномы — лесные мелкие пакостники, и назвать этих ребят таким словом — сильно оскорбить. Так, что ещё я о них знаю/помню,

быстрее, пока разговор не начался.

Берглинги — северная ветвь «двуединого народа», типичные дварфы, горняки, рудознатцы, кузнецы, мастера по камню и металлу. Бергзеры — их южные родственники. Те — помельче в кости, но более пузатые, с длинными, вдвое длиннее, чем у берглингов, пальцами, главные ювелиры Мира. Ну, а где ювелирка и драгметаллы — там и банки. Короче говоря, немцы и швейцарцы, раз уж их язык у меня знание немецкого заместил при Переносе.

Похоже, в этой парочке своеобразное разделение труда. Тот, что шёл впереди (Гролин, вроде бы) — руки, а второй, предположительно, голова. По крайней мере, язык так точно. Вот и сейчас заговорил тот, что сзади.

— Ну, здоров будь, человек. Мы — дети гор, вот он — Гролин, я — Драун.

Берглинг сделал паузу, явно ожидая ответа. Хм, а теперь-то он говорит на другом языке, я его как родной воспринимаю. Не заметил, что я понял их разговор про топор и колоду? Или думает, я по их поведению догадался?

— И вам здоровья, почтенные берглинги, — отвечаю на их языке, ишь, морды удивлённые, — я — человек, Страж. Звать меня... звать меня можете Котом пока.

— Да ну? Настоящий Страж Грани?! Иди ты...

— Не пойду, потому как лень. СТОЙ! Стой, где стоишь, не двигаясьааа!.. Ааа!

Драун замер на месте, стоя на одной ноге и задрал другую. Блин, толку-то, если не та нога в воздухе? Блин, мой котелок!

— Что такое? Опасность, где?!

— Вы опасность. Блин, ну вот что плохого вам моя посуда сделала, а?! Зачем было убивать мой котелок, как гада подколодного?!

— ЭТО вот — котелок? Это ж глина сырая!

— Ну, будущий котелок, какая разница! Как я готовить буду?!

— Ну, как готовить, это не вопрос, было бы что. Мы вон, третий день одной водичкой питаемся.

Я внимательно посмотрел на этих двоих. Странно, на поклонников диет они не похожи. На людей (или нелюдей), которые третьи сутки уходят от висящей на плечах погони, не дающей даже поесть — тоже. Они что, как раз и есть те непонятные и загадочные существа, что ухитряются летом в лесу голодать?! А эти, похоже, решили меня добить окончательно:

— Шли, стало быть, в город ваш, человеческий, в Роулинг. Решили уголок срезать, и заблудились. Неделю уже по лесам плутаем...

— Ой, дайте на вас посмотреть. Давно мечтал найти кого-то, кто летом в лесу голодать будет, или того, кто по своей воле заблудится. А тут и то, и другое сразу!

Двурвы насупились.

— Ладно тебе издеваться. Ты, Страж, в лесу как дома. Мы под горой тоже не пропадём, а ты?

— Хм... И то правда. Простите, почтенные, не подумав ляпнул. Моя вина. Ещё раз, простите, почтенные.

— Ладно, простим.

— А чтоб легче прощалось — сейчас будем ужин готовить. Если, конечно, посудой поделитесь.

Эх, какой у них котелок красивый, из красной меди, чудо.

— Ну, против такого мы возражать не будем!

— Значит, договорились. Только мне помощь ваша понадобится.

— Ты, главное, говори, что делать, а мы ради такого случая!.. Э-эх!

* * *

Не прошло и получаса, как я уже помешивал в котелке ароматную похлёбку. Двурвы изнывали, стараясь держаться против ветра от костра и занять себя работой по обустройству лагеря. Я же погрузился в мысли обо всём и ни о чём, переваривая распаковавшийся после встречи с нечистью и последующего сна инфопакет.

Ну, во-первых, сам поединок, если ЭТО позволительно так назвать — форменное безобразие чистой воды. Зачем-то полез в ближний бой, не использовал свой меч, в структуру которого были встроены некоторые магические изыски именно против такого рода противников. Ну, про меч я, допустим просто не знал на тот момент, но в контакт-то зачем лез? Эту дрянь можно заставить воплотиться при помощи жертвенной крови. И не надо делать возмущение, это таки зря — достаточно было порезать палец, смочить кровью деревяшку и закинуть её в кусты, где сидело это. Ранку можно было закрыть имеющимся заклятием лечения малых ран, деревяшку закинуть, привязав к тупой стреле и потом делать из чудища ёжика. От трёх до пяти стрел с наконечниками из «стражьего сплава номер три» — и грузите тушку в ящик.

Этот сплав номер три меня заинтриговал, я полез в Кодекс Стражей, но ничего там не нашёл. Однако в процессе листания — вспомнил.

Сплав номер раз — разработан для изготовления брони. Кроме таких, как я Стражей в Ордене были полноценные маги, послушники, а также тяжеловооружённая пехота и конница — в основном из числа тех, кто не прошёл отбор в Стражи по причине отсутствия способностей к магии. Вот для них-то и был разработан этот сплав, содержащий компоненты, дающие особую защиту от нечисти и нежити. Очень прочный, но сложный в производстве и достаточно дорогой.

Сплав номер два — оружейный. Вот уж где штука драгоценная! Содержит в своём составе «истинное серебро», требует кучи редких ингредиентов в качестве технологических материалов. Сплав очень прочный, почти неуничтожимый и фатальный для всякого рода порождений Мрака и Хаоса. Возможность заготовить впрок слитки отсутствует, оружие изготавливается от сырья «под ключ». Процедура занимает трое суток, при этом необходимо постоянное присутствие двух-трёх сильных магов, а с учётом трёхсменной работы... Короче, продавать такое оружие по тройному весу золота — это отдавать почти даром. Мне бы и хотелось, но ненужного баронства на продажу, чтобы оплатить хоть рапиру, у меня как-то не заваялось...

А вот номер три мог и в руках подержать, и состав знал точно, и всю технологию. Вот воспроизвести — увы, сырья не было, навыков и, опять-таки, магических способностей не хватало. Сплав с высоким содержанием «хладного железа», серебра и кое-чего ещё. Предназначенный для уничтожения всё тех же нечисти, нежити и созданий Нижних Миров, он при попадании в тело таких тварей начинал чудовищно быстро разрушаться, уничтожая цель. Если стрелять в полноразмерного орка-урука, то любое попадание в голову, шею или район сердца — смерть мгновенно (да я думаю, и простого железа кусок вогнать в мозги тоже фатально). При попадании в корпус — успеет сделать два-три шага, в конечность — до пяти-семи шагов, в зависимости от кондиций орка и точного места ранения. Сплав не самый дешёвый, но и не слишком дорогой, вот только одноразовый. И стрел таких у меня было

всего семь, да десяток наконечников в рюкзаке. Нет, не стал бы тратить до пяти шгук на тварь эту.

Вообще, с металлургией весело получалось. В родном мире прослушал хороший машиностроительный курс, металловедение, материаловедение, теорию обработки материалов, элионные технологии... Однако тут всё это оказалось пока — бесполезным. Почему? Да вот пример, висит, булькает — котелок медный. Медь тут, как вспомнилось, есть обычная, красная (ну, это знакомо, в родном мире тоже есть, нагличане называют brass, для ламп использовалась), а кроме того — медь белая (но не латунь и не бронза), медь монетная и медь поделочная, она же ювелирная. Бронз больше дюжины видов, все названия не говорят ни о чём. Плюс — широкое использование в металлургии магических практик и компонентов.

Короче, до составления таблицы соответствий сплавов земных и местных, о своих знаниях в металлообработке надо подзабыть.

Так, пора добавить гвоздику и лаврушку, чеснок пока рановато. Как двурвы-то извелись. А как помогли заготавливать продукты, поминутно удивляясь и охая! Я постарался сделать как можно вкуснее на подножных (в буквальном смысле) компонентах. В речке добыл пару полуметровых кусков корневища кувшинки жёлтой, на роль картошки. На лугу парочка заблужденцев накопила корней лопуха и несколько корневищ хрена. Конечно, для заготовки острой приправы под тем же названием был не сезон, а вот как овощ в рагу — нормально. В той же речке, не мудрствуя лукаво, наловили перловиц, этих “пресноводных мидий”, наколупали мяса. Потом добыли ещё кое-что. Вспомнив, не смог удержаться от ухмылки.

Говорливый Драун ловил ракушек, не заходя глубже, чем по пояс и держась подальше от омота. Как самый голодный, он добывал побольше корма, пока мы с Гролином чистили-резали заготовленное ранее. Внезапно он заорал диким голосом и рванул к берегу, с воплями:

А-а-а-а! Водяной змей! Спасайте, помогите, он сожрёт меня!

Через три секунды я был уже у кромки воды со всё той же глефой, всмотрелся в реку, подождал пару мгновений, нанёс стремительный рубящий удар с оттягом, подцепил тушку, повернув лезвие плашмя, выбросил на берег.

— Это кто? Оно очень опасное? — спросил Гролин, опасливо приближаясь ко мне. Драун дрожал мелкой дрожью на верху обрыва.

— О, да! Жуткая тварь — заползает в штаны и вгрызается в тело в самой уязвимой части, после чего выедает жертву изнутри. При этом хвост торчит наружу, заменяя собой то, что было отгрызено первым!

Один из берглингов икнул, другой забормотал благодарственную молитву Духу Гор. Я сам испортил тожественность момента, заржав, как артиллерийский конь.

— Успокойтесь, абсолютно безвредная и безобидная животина, называется уж. Видите, пара оранжевых пятен за головой?

— А, ик! А зачем было его убивать? Если оно безобидное?!

— Интересные вы, ребятки. То рассказываете жалобно, что три дня не жрамши, то от дармового мяса отказываетесь. Гляньте, какая колбаса с глазами! Точнее, уже без глаз...

* * *

От размышлений меня оторвал вид всё того же Драуна, гордо шествующего к родникам с охапкой тряпок.

— Эй, друже! А куда это ты собрался?

— Да вот, портянки простирнуть, бельишко, опять-таки. В реку лезть не хочу, там живность разная, а в роднике и вода чистая, и всё видно...

Я сел, где стоял.

— Ребьяаата... Вы что, озверели окончательно? Или совсем нет не только способностей к магии, но даже и элементарного ощущения Сил? Или это у вас такое хобби — Алтари осквернять? Так я пойду тогда, поищу себе другую полянку, подальше...

Как-то жалобно у меня получилось и растерянно.

— Какой ещё «алтарь»?

— Вон тот самый, Алтарь Светлых Вод, на трёх ключах.

— На двух...

— На трёх — третий на дне реки. Когда это, скажите, вода мешала Воде?

— Точно знаешь?

— Абсолютно, даже подпитался от него немного.

Берглинг задумчиво почесал в затылке (звук был — как шпателем по кирпичной стене), повернулся и молча потопал к броду через реку. А я стал доваривать рагу, вспоминая кусочек информации о Местах Силы.

«Место, где в Мир является, воплощаясь в зримых для любого, обладающего Даром, проявлениях, одна из Сил, питающих и держащих его, называется Источником Силы». Эко завернули авторы наставления. Если своими словами, без освящённых давними традициями наукообразных периодов, то точка, где равно проявляются две силы, называется Алтарём, три — Храм, четыре — Собор и, наконец, точка воплощения пяти Сил называется Престолом Сил. При этом если в Алтаре, Храме или Соборе участвует Астрал, то добавляется слово «свет» или «тьма», в зависимости от полярности пятой стихии. Если его нет — то, соответственно, «природы». Например, Светлый Храм Пламенного Ветра, или Собор Сил Природы. Это ОЧЕНЬ кратко, на самом деле топонимика Мест Силы — вполне себе полноправный раздел в местной геральдике.

Причём Престолов было очень мало — широкой публике было известно пять. Менее широкая общественность знала больше. Например, один из Светлых Престолов находится в сердце Твердыни Туманов, один из Тёмных — в землях орков, маги ордена даже определили его координаты. Великие маги, по-настоящему Великие, способные ощутить и осознать течение потоков Сил в масштабах всего Мира, могли определять точное количество и места расположения Престолов, но сообщали об этом не всем. Мне, как рядовому Стражу, было достоверно известно о семи, и я знал, что всего их не более дюжины.

С уменьшением ранга количество Мест росло нелинейно и многократно, как минимум на порядок на каждой ступеньке. Соборов Сил было около двух сотен, Храмов — не менее трёх тысяч, Алтарей — тысяч пятьдесят-семьдесят. Источников — почитай, в каждой деревне или рядом с ней. Если это не Тёмный Источник, понятное дело, от таких даров природы Светлые расы старались держаться подальше.

— Эй, народ! Вы ужинать не передумали?

— Урррааааааа!

* * *

После того, как выхлебали моё рагу и вылизали котелок, мы втроём попили настоящего чаю. Ещё в своём мире я отдал некоей даме в дружественном лагере пакетик белого перца,

один из трёх, а взамен она отсыпала мне пару ложек какого-то «особенного» чаю. Крупный лист — обещает быть ароматным, но не очень крепким — на ночь самое то. В ходе поисков компонентов для чаепития я нашёл тубус с патентом. Прочитал и ещё несколько раз заставил, надеюсь, икнуть того, кто этот Патент мне готовил. Ну, по крайней мере, надеюсь, что заставил. А причиной тому — имечко. Витольдус Дик Фелиниан — это мне теперь такой кличкой называться до самого конца пребывания в этом Мире?! Мало того, что самую нелюбимую форму моего настоящего имени взяли, так ещё и над излюбленным ником поиздевались от души...

Добавил пару листиков душицы, насыпал из запасов кускового сахара. Вообще — с травами надо поступать аккуратно. А то ведь, изгаляются люди над собой, как только могут. Один из самых распространенных фокусов — зверобой. Никто, почему-то, не задумывается: а откуда такое название, почему эту чудо-травку не ест ни одно животное? Да хоть изучить его действие и противопоказания! Короче говоря, мужчины, если вы ещё в репродуктивном возрасте и соответствующая функция организма дорога вам не только как напоминание о молодости — не пейте! Потому как иначе через пару-тройку лет будете закусывать свой чаёк «Виагрой» не для эпических подвигов, а для элементарной отдачи долга (супружеского) и жаловаться на «совсем испортившуюся экологию».

Ведь никто же не станет просто так, «на всякий случай» есть антибиотики горстями (клинические, из практики психиатра, случаи не рассматриваю)? Или, скажем, барбитураты пачками? А вот те же препараты, но растительного происхождения и не «упакованные» в таблетки — запросто. С непоколебимой уверенностью, что «это же травы, они от природы, они не навредят». Да, конечно — белена или вороний глаз тоже травы, но безобидными их не назовёшь. «Это другое», говорите? Частенько люди берутся составлять «травяные чаи» вообще не имея никакого представления о действии большей части ингредиентов своей смеси. На моей памяти одна любительница мешала две травы успокоительные, одну снотворную и к ним в довесок — мочегонное. Неделю пила литрами это месиво, причём — на ночь. После чего жаловалась на плохой сон и отёчность. Она же додумалась поить бабку-гипертоника смесью, включавшей в себя элеутерококк, а деда с повышенным протромбином — аронией черноплодной кормила. А уж смешать в одном чайнике бодрящее с успокоительным вообще в порядке вещей. На такое смотреть-то больно, а уж в цензурных выражениях отказать от настойчиво, если не навязчиво, предлагаемой в качестве угощения отравы...

Чай двурвам понравился. Сахар — ещё больше. После ужина мы втроём насобирали молодых побегов папоротника, я замариновал их в найденном среди кузнечных запасов берглингов уксусе на утро. Заварив ещё чайку, стали устраиваться на ночлег. Для этого приволокли пару засохших на корню сосен, после чего я четвёртый раз за сутки провёл ритуал, окружив лагерь огненным куполом. Пояснил, что вот за этот круг выходить не нужно, заклинание одноразовое, но мощное. Рассказал для примера о первом применении данного способа защиты в этом мире и пошёл спать, поскольку дежурить мне выпало последним.

Мои новые знакомые остались попивать чаёк у костра и завели приглушенную беседу. Я же, разумеется, напряг все свои способности, чтобы подслушать. Не торопитесь осуждать меня — я знаком с этой парочкой меньше суток, всё, что знаю о них — знаю с их слов. Доверять им полностью и безоглядно? Щаззз, только разбежусь как следует! Странно, рассказчиком выступает молчаливый Гролин, а болтливый Драун только вставлял вопросы и

осторожные замечания. А разговор, кстати говоря, шёл обо мне, о доверии и о Стражах.

— Слушай, не понимаю я тебя, — тихонько бубнил Драун. — Ты же из бочки с водою поковку голой рукой не возьмёшь, на всякий случай, а тут сразу поверил.

— Дурень ты. Это же Страж! Настоящий страж, уж я-то знаю, встречал когда-то и способы проверки знаю.

— Ну и что, что Страж. Всё-таки верховик... Кстати, расскажи, когда это ты со Стражами познакомился?

И Гролин заговорил, для простого горняка, каким казался, как-то очень уж складно.

* * *

Семь лет назад, если помнишь, была крупная ссора нашего клана с одним верховиком, графом вроде, который городом Пармоном правил. Как раз в разгар орочьего нашествия поцапались, нашли время. И граф этот, стоя рождённый, да на каменном полу, и наши старейшины, как на отливку горячую сели... Короче, расплевались вконец, собрались всем кварталом, погрузили скарб, детишек, домочадцев и двинули из города в горы.

Везли старейшины, что на переговоры с графом приезжали, какой-то ларец, нам сказали только, что его содержимое «не должно попасть в руки тех, кто настроен недружественно к Детям Гор ни при каких обстоятельствах». Охрана при нашем караване была — две с половиной сотни латников Каменного Щита да почти три сотни ополченцев.

Шли неделю — тихо и спокойно. Однако за сутки до родного поселения, в какой-то деревушке верховников, встретили нас гонцы от Подгорного Трона и приказали всей охране срочно идти на юг — там орки навалились на один из наших городов, возникла угроза захвата. А нам, мол, осталось идти один световой день, и врага рядом нет.

Короче, утром мы вышли, имея в охране дюжину ополченцев, причем или старых, или хворых, или молодых совсем. И вот, на полпути от деревни до гор мы попали. Вышли на гребень очередного увала, а перед нами на лугу, поперёк дороги — полторы сотни орков. Причём не какой-то мелочи, снайгов легковооружённых так всего три десятка, с луками да дротиками, а сверх того — два десятка рейдеров на волках, да сотня уруков из Багрового Когтя.

Как, говоришь? Вот именно — офонарели мы. Стали к смерти готовиться, старейшины с шаманом затеяли прятать сундучок, орки начали эдак не торопясь, с удовольствием даже, в цепь разворачиваться. Представь: стоим головой каравана на гребне, впереди — ровное поле, склон, но такой пологий, что почти и нет. Впереди, в каких-то четырёх сотнях шагов — орки. Сзади — поле, слева — овраг, вдоль дороги. Справа, в паре сотен шагов начинаются какие-то кустики, дальше, шагов через тысячу — лес.

Детишек бы отправить в лес, с бабами, да боязно — кто его знает, сколько там по кустам снайг да гоблинов понатыкано. Развернули мы передний воз, встали перед ним строем, прощаемся друг с другом. И тут, из травы, что гному по пояс, выходят трое — в плащах эльфийских, с луками, с мечами — Стражи, при полном параде. Ну, думаю, хоть недаром помрём, прихватим с собой орочьей крови.

А эти что-то старейшинам сказали, на воз вскочили, благо тот без верха был, луки в руки схватили, посовещались коротенько... Трое их было, двое постарше, один молодой ещё. Да только у того молодого — перстень Мастера-лучника на пальце был, а у старших на колчанах темляки, пятихвостки. Знаешь, что это значит? Правильно, чтоб доказать право своё на него — надо поднять в воздух пять стрел, чтоб последняя с тетивы сошла раньше, чем первая в цель попадёт. И чтобы каждая следующая раскалывала древко предыдущей. И

повторить три раза за три дня, в любой момент, как Мастера прикажут, без подготовки.

Так вот, орков-лучников эти трое постелили чуть не с лентой, на расстоянии двести пятьдесят шагов, ближе не пустили. Потом перебили всадников и их зверей. А потом начался цирк... К тому времени сотня уруков была на расстоянии двухсот шагов. Шли, сомкнув щиты, сплошная стена. А у нас — дюжина, с позволения сказать, пехотинцев да три лучника. Зато каких!

Вот представь картинку: идёт здоровенный орчара, весь в броне, щитом прикрыт, голову наклонил, из-за края щита только шлем и виден. И вот в этот шлем бьют сразу две стрелы, мощно бьют. Голова у орка откидывается назад, между щитом и шлемом возникает щёлка, на миг всего и тонкая, в палец. И в эту щель влетает третья стрела. Не простая, со стражым сплавом. Орк, понятное дело — труп, он ещё падает, как над ним пролетают ещё две стрелы — в шею его соседям, третья — сшибает орка, что вслед за первым шёл и пытался его место занять!

И раньше, чем успеешь сказать «спаси меня, дух Гор, сына твоего» — в стене щитов дыра, как шахтные ворота. А главное диво в этом всём вот в чём: когда те две первые стрелы орка в лоб ударили — каждый из Стражей уже ещё по три-четыре в воздух поднял! И почти все — в цель. Почти, а не все, потому как бой: то орк о кочку споткнется, и его смерть над головой прожужжит, то щитом зелёный отмахнётся.

И что удивило — орки пёрли, как будто их сзади кирпичная стена подпирала. Или просто знали, что от Стража в чистом поле не убежишь, и потому пытались прорваться вплотную. Короче, самый шустрый и живучий орк не добежал до нашего воза ровно дюжину шагов, сам мерил потом. Этот успел бросить на бегу топорик и дротик. Топорик я щитом отбил, а дротик мой сосед перехватил. Вот и всё наше участие.

А после я увидел, чего это стоило Стражам. Мало, что у них на троих осталось пять стрел, из которых три — охотничьи, с костяным двузубым наконечником, на птицу. У молодого самого перчатка на левой руке лопнула и свалилась. И от запястья до середины большого пальца была одна сплошная рана, тетивой нарубленная, с белеющей внутри костью. Лук мокрый от крови, на помосте телеги — длинная лужица, тёмная, лаковая...

Ты представь только — ему каждый выстрел, как пытка был, а он бил так, как я не видел ни до, ни после и даже не представлял, что бывает! К нему подскочили старшие, заклинаний пару кинули, кровь остановили, тут и наши старейшины подошли, с благодарностью. Увидели эту кровавую лужу, на руку глянули, на колчаны пустые — и аж побелели. Колени преклонили, как в храме, благодарить стали. А стражи только и сказали:

— Мы выполняли Долг перед Орденом и Миром, не надо нас благодарить, мы сделали то, что были обязаны.

Но наши наши-таки, что поднести. Открыли тот самый ларец, достали из него кожаный мешочек, а в нём — пять дюжин Рунных Трилистников! Да-да, я тоже ахнул. А старейшина наш и говорит:

— Вы потратили все ваши стрелы на наше спасение. Так возьмите же от нас замену!

Молча поклонились Стражи, приняли наконечники и — ушли. А Долг Крови наш клан всё равно на себя принял. И Подгорные Владыки позже признали этот Долг за всем народом. Наш же глава Клана ту окровавленную доску вынул аккуратно, оправил в золото и мифрил и установил в святилище Клана.

Для чего, спрашиваешь, это нужно было Ордену? Да кто ж скажет. Одно знаю — наши старейшины вернулись к графу, пошли на уступки в переговорах, он — тоже. И помирились,

и поселились там опять. А могло всё войной окончиться. Может, для того и приходили Стражи, чтоб междоусобицы не допустить, перед лицом врага? Кто ж их знает...

* * *

Умолкли, допив чай, берглинги, отправился спать Гролин, оставив на часах непривычно притихшего Драуна. Задремал и я. Вот только почему-то зудела левая кисть, от запястья до середины большого пальца. И тревожная мысль билась сквозь сон в голове, как птица в клетке: «Только бы тетива не намокла... Только бы не отсырела тетива!..»

И крутился перед глазами трёхгранный наконечник для тяжёлой стрелы. Красивый, из тёмного металла, с высокими рёбрами, в каждом ребре — треугольное сквозное отверстие, в отверстиях — пластинки из разных редких сплавов, на каждом — прорезная руна. Две руны Сродства и одна — руна Преодоления. Такой наконечник пройдёт сквозь любую броню, включая гномий тяжёлый доспех, так, как будто брони и вовсе нет. Конечно, если на кирасу не наложены особые заклятья, именно против таких стрел. Тогда должно добавиться четвёртое ребро и четвёртая руна...

И стояла перед глазами картина, как рушатся на землю подрубленными дубами, один за другим, как пшеница под серпом, пять дюжин чёрных троллей, почти неуязвимых гвардейцев, прикрывавших штабной шатёр тёмного воинства...

[1] В оригинале они там dwarf'ы — просто когда-то кому-то из переводчиков было лень объяснять, вот и валят в переводной литературе в одну кучу гномов, дварфов, цвергов... Подчас так даже и спрайтов многострадальных туда же (хоть чаще всё же их обзывают «феечками», «пикси» или даже «эльфами», хоть и «цветочными»).

Утро в лесу, летом, на берегу реки... Воздух медленно, незаметно светлеет. Просто как-то вдруг замечаешь, что кусты на дальней стороне поляны не угадываются смутным силуэтом, а видны. Хоть глаз ещё плохо различает оттенки листьев, но это уже не чёрно-белое «ночное зрение», а самое обычное, дневное, цветное. От травы, от земли поднимаются тонкие язычки тумана. Серые дымчатые змеи скользят по поверхности воды, которая в этот момент намного теплее воздуха, даже если выглядит тяжелой, свинцовой и холодной. Языки, хвосты и пряди отрываются от поверхности, скручиваются в жгуты и косички, поднимаются в небо и бесследно истаивают в нескольких метрах над землёй. Восток светлеет, кромка леса окрашивается красноватой каймой и, наконец, над линией горизонта показывается оно — светило, дарящее жизнь и тепло Солнце, как бы не называли его в этом мире и в этом месте. Вначале это просто красный шар, круглый красный глаз Мироздания, на который вполне можно смотреть, не щурясь, на равных. Но этот шар быстро наливается светом и жаром, вот он брызжет первыми лучами и очень скоро заставляет обнаглевшего смертного отвести взгляд, потупить, признать превосходство главного Источника сил и энергии Мира.

Но этот, оторвавшийся от светила, взгляд встречает и на земле такие красоты... Недолговечные россыпи драгоценных камешков — капель росы. Тут и алмазы, и аметисты, и изумруды всех видов и оттенков. Иные капельки вспыхивают топазами и турмалинами, другие, в тени, отливают опалом и перламутром. Недолог срок сияния этих драгоценностей. Выпьет Солнце утреннее подношение Земли, ненадолго озарив его своим Светом. А взамен — одарит всё вокруг новыми, яркими красками, сиянием нового дня. Заиграют лучи света на песчаном речном дне, побегут серебряные рыбки-отблески по мелким волнам...

А как роскошно, великолепно, царственно выглядит явление Миру и взглядам населяющих его существ Его Величества Светила в ином пространстве, доступном восприятию не каждого. Посмотрев на восход через повязку-различитель, я задохнулся от восторга и восхищения. Как, ну как описать всё это?! Эти потоки Стихий, цветов, энергий? Эти переливы, волны, накатывающие на тебя, пронзающие и омывающие, ласкающие и равнодушно скользящие мимо? Какими словами описать это? Как рассказать глухому о величественных раскатах органных кантат Баха, о печальных аккордах-переливах Вивальди, о лёгкой поступи и россыпи нот Моцарта? Конечно, можно показать спектры и графики звучания, как отдельных инструментов, так и всего произведения в том же «Саунд Фордже». А толку? Как это может передать все аспекты музыки тому, кто её не слышал и не услышит?

Конечно, можно вспомнить про светомузыку, про Скрябина, но это опять же — не то, не то, это дополняет впечатление от музыки, позволяет понять её глубже — но никоим образом не подменяет. Нет, не описать мне эту красоту, уж простите, лучше будем вместе любоваться обычным восходом, в материальном мире.

Дымка, восход, переливы света во всех пластах бытия и диапазонах восприятия, радостные песни птиц, залиvistый, многоголосый храп двурвов...

Тьфу ты, пропала поэзия, убитая грохотом заводящегося раздолбанного дизеля, да ещё и в двух экземплярах. Пришлось вставать, брать котелок и идти за водой. Пускай закипает, чайку заварю, позавтракаем чаем с галетами, благо, они в новом качестве более чем питательные. Мне вчерашнего рагу со змеятиной хватило бы и на сегодня, а вот на троих — и вчера на один раз еле-еле достало.

* * *

Утро прошло в хозяйственных хлопотах. Перво-наперво, поставив воду на чай, вынул из реки вершу, или её подобие. Вчера я, изготавливая это устройство, преследовал сразу две задачи. Во-первых, карсиалову поросль я вчера не обработал должным образом, сок-клей застыл, пришлось читать особое заклятие и замачивать в проточной воде как минимум на четыре часа. Ну, раз уж всё равно затапливать на ночь охалку прутьев — то почему бы при этом и не половить ими рыбку, используя в качестве наживки змеиные потроха? Улов оказался не слишком богатый, две плотвички, три окунька и один карасик. Вьюны и пескари поживились безвозмездно — всё же ячейка в моём орудии лова была великовата. Ну, на уху для запаха хватит, хоть половину галеты сэкономим.

Потом, пока двурвы копали корешки и варили похлёбку, я обработал будущие стрелы. Изготовил десяток охотничьих, остальное сырьё оставил до привала — только, на сей раз, обработал как положено. Кстати, колчан оказался с секретом — стоило правильно нажать и потянуть, и задняя стенка расслоилась пополам и отодвинулась на шарнирах. Колчан стал двухсекционным. В одну половинку я сложил боекомплект, вручённый мне при переносе, во вторую — охотничьи самоделки.

Третьим делом, прикинув расход галет (минус три с половиной из двенадцати), я полез в реку за мясом. Всё-таки надо было пошарить под пеньком. Омут напротив пня был приличный, метра три глубиной, но возле самого берега вдвое меньше. Жилец под берегом был! Эта наглая усатая морда цапнула меня за пальцы — и больно, скотина речная! Потом он ушёл глубоко в нору, заставив нырнуть с головой и при этом ещё и хлебнуть ила. Отплевавшись, я опять полез под пень, и опять был цапнут за руку, для разнообразия — за другую. Озверев, не столько от боли, сколько от ехидных комментариев пары зрителей, я схватил глефу. Мельком рыкнув на резко замолчавших нахлебничков, я опять полез в воду. Пошарив левой рукой в корнях, дождался прикосновения рыбьего бока к пальцам и ткнул туда пяткой глефы.

Недаром говорят, что злость — плохой советчик. Вот каким местом надо было думать, чтобы добавить вражине электрошоком? При этом стоя в той же реке, что и мишень? Хорошо, что заряд давал с постепенным нарастанием, но и так трянуло изрядно. Меня откинуло к середине речки, однако рыбе досталось больше и неожиданней. В итоге мой оппонент вылетел из норы прямо ко мне в объятия, и мы оба рухнули в омут. Схватив рыбину за жабры, пока не очухалась, я оттолкнулся ногами от дна и поплыл к берегу. Там я передал улов ошеломлённым двурвам и нырнул за глефой.

Да уж, с берега это выглядело так, будто неведомое чудище атаковало меня магией, потом резко набросилось и утащило на дно. А рыбка оказалась серьёзная — сом, и не маленький, на глаз — около пуда весом. А это удача! Рояль с усами...

* * *

Рояль — не рояль, а выпотрошили, порезали на куски и частью запекли, частью подкоптили над костром. Эх, хлеба бы! Обычного хлебушка!

Пока рыба готовилась, я «скрафтил», как выражается младший братишка, ещё полтора десятка стрел, из них пять — с наконечниками, на всякий случай. Попутно беседовали с двурвами «за жизнь».

Тут-то и выяснилось, как именно заблудились в лесу мои спутники. Нет, понятно, что

история про «решили уголок срезать», ни в какие ворота, даже берглингской работы, не лезла. Но и новая тоже, извините... Впрочем, судите сами.

Итак, наша парочка шла себе по дороге. Топала-топала и притомилась. Решили стать на постой ближе к вечеру. Отошли от дороги шагов за сто, где кусты не загажены, положили котомки на землю и пошли дрова добывать. В это время рядом проходила стайка гоблинов, а может и гномов — термин «мелкие и подлые твари» точно определить не позволял, а подробностей бравые заблужденцы старательно избегали.

Итак, встреча концессионеров состоялась. Мелкие, но многочисленные оппоненты заметили бесхозный провиант на полянке и разыграли классическую двухходовку: пока одни шумели в стороне, привлекая двурвов обещанием дичи на ужин, другие тисканули самый вкусно пахнущий мешок. Видимо, запах был настолько соблазнительным (или вор настолько голодным), что восторг прорвался наружу вскриком.

Обобранные и оскорблённые, мои нынешние попутчики выскочили на полянку, подхватили второй рюкзак и ломанулись в кусты, «по следам наглых ворюг». Угу, «по следам», как же! Учитывая то, какие Чингачгуки вели рассказ, наиболее вероятно — куда ни попадя. И браво бегали за эхом от собственного топота, пока не стемнело. Так сказать, обеспечили похитителей не только хлебом, но и зрелищем. Заночевали в полглаза под ёлочкой, утром приговорили считать себя заблудившимися и отправились «искать дорогу».

Тут на меня уставились две пары глаз, старательно пытающихся изобразить выражение «сиротка Марыся» — это при таких-то мордах! Если ребята рассчитывали на сочувствие, то их ждал жестокий облом.

— Ну, и каким, скажите, местом вы всё это время думали? Для какого хобота вам приспичило заблудиться?!

— Ну, тебе хорошо говорить, для тебя лес... — завёл ту же песню, что якобы подействовала на меня в прошлый раз, Драун.

— Да хоть мачеха-тундра! — на сей раз никакие соображения «высокой дипломатии» меня не сковывали, да и ситуация прояснилась.

— Вот, смотрите. Откуда вы шли, вы знали?

— Конечно!

— Куда шли — вы знали?

— Да что мы, идиоты, что ли?!

— Ну, прикидываетесь похоже. Итак, откуда и куда шли — в курсе. Направление, в котором дорога шла, представляете себе? На тот момент, как свернули? Хотя бы примерно, с точностью в осьмушку оборота?

— Нуу....

— Баранки гну! Солнце светило в глаза, сзади — тень под ногами была, сбоку?

В общем, выяснили, что дорога шла примерно с юго-востока на северо-запад. Потом уточнили, что свернули они на левую обочину. Я разровнял на песчаном берегу участок примерно метр на метр. Сказал:

— Вот, теперь давайте рисовать карту.

— Так мы ж не знаем...

— Знаете! Достаточно, чтобы выбраться. Итак, вот это будет карта. Пусть вон там — север. Рисуем вашу потерянную дорогу.

Я провёл нижним остриём посоха кривую линию наискосок, слева направо и вниз.

— Вы шли вот отсюда сюда. Свернули на эту сторону. Потом устроили скачки с

препятствиями. Остановились где?

— Под ёлкой! Откуда нам знать? — двурвы, кажется, начинали терять терпение, но и заинтересованы были тоже.

— А и не надо!

— Как это?!

— А никак не надо! Неважно это! Ткнём в случайную точку к югу от дороги. Вот так. Допустим, тут вы ночевали. Или тут. Или тут, — я ткнул глефой ещё дважды. Кратчайший путь к дороге будет, смотрите, вот так, так или так. А теперь, внимание — в любом варианте, кратчайший путь к дороге — на северо-восток от места ночёвки! На рассвете влезли на дерево, или вышли на полянку и глянули, куда тени легли. Сориентировались по сторонам света — и пошли! Если бегали кругами часа два — то за час-полтора вышли бы на дорогу, свернули налево — и пошли дальше!

Двурвы выглядели сконфуженными и ошарашенными.

— Ну, где тут требуется «чувство леса», или «запредельная мудрость из-за Грани Миров», а? Разве нужно медитировать три года в позе Обалдевшего Дикобраза На Зимнем Ветру, чтобы додуматься? Всего и надо — крупица здравого смысла, размером с лесной орех. И ещё учесть, что солнце восходит строго на востоке и садится строго на западе два раза в год, на равноденствие. А потом — смещаются эти точки, летом — к северу, зимой — к югу. Иначе, учитывая, что скоро день летнего солнцестояния, можно было доолго идти почти вдоль дороги — в зависимости от широты, точка восхода могла уйти градусов на сорок — сорок три.

Я старался притушить давно накопившиеся во мне злость и недоумение по адресу таких вот деятелей. Которые умудряются заблудиться в десяти минутах хода от жилья, а потом их ищут всем посёлком, отрывая людей от их обычной жизни, с привлечением милиции и солдат, как будто народу больше совершенно делать нечего...

— Вот! Про Солнышко-то мы и не знали, про сдвигание! — нашёл, как ему показалось, лазейку Драун. Я только рукой махнул — не было настроения спорить.

* * *

Пообедав, отправились в путь.

Ещё перед обедом я прощупал своими новыми способностями Лес, на пределе дальности, но с минимальной интенсивностью. Как говорится, «к чёрту подробности, какой это город», или, в моём случае — где ближайший край леса? Ощущения подсказали, что на северо-северо-западе. Это неплохо сочеталось с рассказом напарников и нарисованным нами подобием карты. Не мудрствуя лукаво, туда и решил их вести, надеясь, что это опушка леса, а не край большого болота, к примеру.

Мой расчёт был прост — или выйдем на край леса и пойдём вдоль него в поисках жилья либо дороги, или по пути выйдем на какую-нибудь тропу. Как вариант — выйти к попутной речке. К сожалению, та речушка, около которой мы встретились, текла совсем не туда...

Шли этот день, весь следующий, и только ближе к вечеру третьего дня вышли на опушку. Чуть больше двух суток пешего хода, две ночёвки. В целом — рутина, не считая некоторых моментов.

Во-первых, лес порождал ощущение неправильности и заброшенности. Складывалось неясное, но тревожное чувство, что тут не хватает чего-то очень важного. Нетронутые побеги карсиала (пришлось придушить давившую меня жабу), обнаглевшая мелкая нечисть,

нервозность зверья. Многие участки леса выглядели так, будто за ними ухаживали, невзначай и без насилия, а потом вдруг перестали.

Во-вторых, я наконец-таки опробовал свой лук. Вначале пристрелил на обед птицу, что-то среднее между индюком и тетеревом. Пущенная с тридцати шагов стрела прошла через тушку навывлет и глубоко воткнулась в сосновый ствол. Сперва я сильно изумился, потом подумал и успокоился. И то: пресловутый английский «длинный лук», тисовая палка, даже не композитный, хоть и двухслойный имел усилие на тетиве примерно сто двадцать фунтов (чуть больше 50 килограмм-сил) и «паспортную» дальность стрельбы двести метров (тяжёлой для него стрелой в 95 граммов), хотя по кольчужной пехоте стреляли на расстояние до сотни метров. Мой, по ощущениям моего «второго я» требовал до двухсот фунтов тяги (порядка девяносто килограммов тяги при полном растяжении — прощайте ещё раз, легенды и стройных лучницах!) и прицельно бил на метров триста. Заложенные в конструкцию заклинания несколько уменьшали разброс на дальней дистанции, но именно что несколько. Я же, сдуру, не иначе, стреляя по сравнительно небольшой птице с дистанции в десятую часть максимальной, оттянул тетиву «по-боевому», до уха...

В-третьих, побывали в бою. Я малость поразвлёкся, двурвы утолили жажду мести. Но — по порядку. Засаду я почувал заранее — не зря периодически «прощупывал» лес вперёд на предмет нечисти, нежити и порождений Хаоса, короче — «зла». И вот, наконец, обнаружил. Сигнал множественный, но слабый, мои ощущения как бы двоились. С одной стороны — порождения Хаоса, с другой стороны — Леса. А, точно — гоблины! Мелкая пакость, габаритами схожая с гномами, чертами морд и цветом шкуры — с орками, а характером — с обоими этими видами. Я немного приотстал, пропустил двурвов в броне вперёд, указав направление чуть-чуть в стороне от засады. Итак, картинка: два компактных трелёвочных трактора, эдакие мотоблоки на стероидах, с шумом и грохотом ломаются через лес, воображая себя крадущимися следопытами. В то же время шайка придурков считает, что сидит в засаде, надёжно спрятавшись, и контролирует обстановку. Первые старательно не замечают вторых, хоть те разве что в карты на щелбаны не играют — и то, наверное, потому, что не умеют; вторые в упор не замечают, что в засаду идут не двое, а трое.

Ну что же, дурней надо учить... Я перед выходом перераспределил оружие. Рукоять меча — за левым плечом, оперения стрел — за правым, саадак на правом бедре, так, что тетива моего вечно натянутого лука пересекает плечо, как ремень винтовки. Итак, перчатку на левую руку, перстень лучника — на правую, глазами и заклинанием поиска цели — по кустам. Так, цель номер раз — смертничек с корявым подобием лука на липе, номер два — такой же стрельбец в кустах слева, три — вон тот, в отдалении справа — а ну, как шаман или вожак? Или сбежит за подмогой... Цель номер четыре — придурок с пучком дротиков в левой дальней группе, дальше бум посмотреть по обстановке.

Глефу — пяткой в землю, лук в руки — пошла потеха! Двурвы за приглушенным гудением Драуна и сосредоточенным сопением Гролина не заметили не только засады, но и моего первого выстрела. К тому моменту, когда мимо них просвистела стрела, предназначенная для второго лучника, я успел выстрелить четыре раза. Первым попаданием я, опять перестаравшись с силой натяжения, пришил к липе первого «конкурента». Зеленомордые придурки тоже не сразу осознали, что всё пошло не совсем так, как планировалось. Да уж, похоже, думать — это не самое их любимое развлечение, а уж думать быстро — вообще запредельно, какое-то заковыристое ругательство, не иначе. Вместо того чтобы правильно понять намёк и разбежаться, они, явно по предыдущему плану, рванули в

атаку. Что ж, дальнюю от нас левую группу я сократил на парочку с дальнобойным оружием, потом переключился на тех, что поближе. Пока горе-вояки лезли из кустов на волю, пристрелил троих. Ещё двух — пока они пытались добраться до ближайшей цели, то есть — Драуна. Хм, четверо последних, похоже, самые умные — решили сбежать. Я бы и отпустил, никогда не считал себя излишне кровожадным, но вот моё «второе я» просто пылало холодной яростью к «хаоситам». «Не беги от снайпера — умрёшь уставшим» — так, кажется, гласит солдатская поговорка? Ну, устать они не успели. Бронебойные, чтобы уменьшить рикошеты от веток, стрелы догнали всех, кого не достали мои прикрывающие пехотинцы.

Двурвы провели инвентаризацию трофеев, я выдернул и почистил стрелы, и мы двинулись дальше. Спокойно и деловито, будто и не лишили только что жизни два десятка разумных существ. Да уж, политкорректностью тут и не пахнет, что не может не радовать. Если я назову дерьмо дерьмом, то оно или смоется, или постарается стать незаметным, а не пойдёт в суд подавать за оскорбление. Ну, или попытается дать мне в морду, если само себя дерьмом не считает.

Кстати, во время рефлексий после боя я понял, что перенос гораздо сильнее выбил меня из колеи, чем я сам думал. Я со стыдом и смехом вспомнил свои гончарные эксперименты. Спрашивается, зачем в детстве ходил в изостудию, где учили работать в том числе и с глиной, а потом ещё отдельно — на кружок керамики? Если забыл одну из древнейших и простейших (если есть навык) технологию лепки посуды. Ленточная керамика — лепим длинную и тонкую «верёвку», крепим её конец на краю доньшка и просто укладываем по кругу, слой за слоем. В итоге получается характерная полосатая посудинка. А я устроил шоу с шариками... Да уж — считать, что находишься в адекватном состоянии и реально быть в нём, это две очень разные вещи, причём изнутри никак не различимые.

Ещё на третий день пути уничтожили «лихо одноглазое», аналогичное моему первому осознанному трофею, только это «оседлало» родник — простой родник, не Источник. И сняли мы его чисто и спокойно — деревяшка с кровью, три серебряные стрелы, по паре ударов берглинговских клинков — и всё, бобик сдох. Удар глефой с разрядом туда, где должны бы быть мозги — в качестве контрольного выстрела. Да уж, спокойная профессиональная работа и суета дилетанта — это очень разные вещи. А мои спутники прониклись — похоже, тварь считается у них достаточно опасной, чтоб не лезть на неё без тщательной подготовки.

Еще на ночёвках мимоходом прибили четырёх рэбторов — это за две-то ночи! Нет, что-то не так в этом лесу. Один наскочил на купол во время дежурства Гролина. Пришлось вставать и восстанавливать защиту. Двоих пристрелил я — хладным железом, стражий сплав я посчитал слишком дорогим ресурсом. А четвёртый... Вас никогда не будил голос укушенного за задницу мамонта, который с детства мечтал работать паровой сиреной? Нет? Вам повезло. Оказывается, берглинг, отошедший в кусты по-малому, которого пытается укусить в процессе за интимные части тушки иглозубый псевдокролик, вполне может с ним (то есть мамонтом), конкурировать. По крайней мере, если это Драун. Правда, свой вокальный экзерсис он сопровождал могучим ударом кованого башмака. Шип на носке оказался из хладного железа и вошел твари в шею, пробив хребет. Так что об ствол ближайшей берёзки ударился уже полуразложившийся труп.

— Слушай, впечатлительный ты наш... Тебя, случайно, не выгнали из гор, а? Может, ты своим голосочком пару-тройку шахт обрушил?

— Н-н-нет! До-дома на мен-ня всякая тварь не кидалась, особенно, когда я, это...

— Эх ты, дитя больших городов! — это я-то, житель почти двухмиллионного Минска говорю типу, который искренне считает шестьдесят пять тысяч соплеменников под одной горой просто огромным поселением...

— Замочил зверушку, панцеркляйн голосистый?

— Угу, а потом ещё и запинал, — поддержал меня Гролин, не понявший идиому. Да и откуда бы ему знать про «замочить» и, тем более, про то, как это правильно связать с сортиром...

— А сколько зверья со страху померло!

— А те, кто не помер, уже верст по пять отмахали!

Что-то Гролин сегодня разговорчив необычайно. Может, к дождю?

— Значит, сегодня будем внимательно смотреть под ноги. Очень внимательно!

— Будем искать тушки умерших зверьков?

— Угу, и кучки обгадившихся гоблинов.

Так, за шутками и прибаутками, стали готовить ранний завтрак. После соло Драуна заснуть не удалось бы в любом случае, до сих пор пальцы дрожат. Вот же голосище, таким только брёвна на доски раскалывать!

За завтраком решил испробовать на берглингах одну старую хохму.

— Хотите секрет, как сделать так, чтобы никогда и нигде не заблудиться?

— Хотим!

— Да.

Хором ответили, угадайте, где чья реплика?

— Ну вот. Когда о ком-то можно сказать, что он заблудился? Если он (или она) не знает, как пройти туда, куда ему нужно и не знает, где находится. Правильно?

— Ну, да, конечно!

— Стало быть, пока тебе всё равно, где именно ты находишься и куда идти — тебя нельзя считать заблудившимся!

Ого, зависли ребята. Не слишком ли мощно я озадачил их головушки бедовые, очухаются ли, хоть к обеду? А нет, вон, проблески жизни во взгляде появились...

— Ну, так... Мы и не знали, что заблудились, когда за теми тварями наглыми бегали. Пока не захотели к дороге выйти...

В глазах — осознание, обида, непонимание. Мол, «это если бы не решили идти к дороге, то не заблудились бы?!» хе-хе... Ага, вторая волна мысли по лбам прокатилась, что что-то тут не так в рассуждениях.

Ну, пусть очухаются, а я пока чайку попью, с лакрицей. Очень удачно вчера этот кустик солодки нашли, корешков накопили, подвялили. Вообще, лес странный. Вроде бы — обычный лес средней полосы, за исключением некоторых растений, на Земле не растущих. Как тот же карсиал, или, радостная находка второго дня пути — ренкилииана, не то высокий куст, не то деревце, плодоносит под присмотром эльфов круглый год, без них — с середины июня (по земному названию месяцев) до заморозков. Плод — кожистый, лилово-розовый, напоминает сразу сливу без косточки и киви. Вкусный, зараза, и питательный. Вот только моя вторая память не припомнит, чтобы эти плоды были червивыми, а вчера из дюжины выбросили три. Из четвёртого Драун, мрачно ворча, повыковыривал «паразитов зеленомордых, так и норовящих лишить честного берглинга его законного пропитания» и съел. Фрукт съел, а не конкурентов хитиновых.

Но это отклонения понятные. А вот встреченные пару раз кусты бамбука? Он-то в какие

ворота, вперемишку с орешником?! Да и солодка, если моя первая память мне ни с кем не изменяет, в диком виде расти должна южнее. Но это если считать, что меня в мои родные широты забросило.

Как бы то ни было, ближе к обеду стали попадаться следы жизнедеятельности человека. То очищенный от поросли карсиал, то охотничья платформа, для засады на кабанов в ветвях ольхи, то пень со следами топора... Чем дальше мы шли, тем больше было таких следов. Вот стал попадаться навоз, обглоданные овцами или козами ветки кустов. Исчез сухостой и хворост из-под ног, вон виднеется какая-то халупа, скорее всего — лесорубами поставленная. Ближе к вечеру, по ощущениям — часиков в шесть пополудни, мы вышли на опушку и увидели примерно в полукилометре крайние домишки какой-то деревеньки. Удачно вышли, ничего не скажешь. Нет, я, конечно, корректировал немного маршрут, ориентируясь на те самые следы, но не рассчитывал выйти настолько точно — прямо напротив сельской улочки.

Что ж, здравствуй, цивилизация! В лучших и столь нелюбимых традициях попаданческой литературы — без разведки и без оглядки. Э-эх...

Ну уж нет, совсем без подготовки я к предполагаемым сородичам не полезу. Какая-никакая разведка необходима. Мало ли — тут какая-нибудь локальная войнушка и меня в шпионы запишут? Бред, конечно, Стражи в такого рода разборки если и влазят, то только чтоб сказать: «Брэк!» и разогнать по углам. Ага, как тот лесник в анекдоте...

С другой стороны — кто знает, что ударит в голову какому-нибудь барончику? И куда после этого горшок отскочит?

А вот что я могу сделать? Нет, не с возомнившим о себе барончиком, а в плане разведки? Понаблюдать, пользуясь новыми особенностями зрения, как тогда, когда ворсинки на листиках считал — не густо, но лучше, чем ничего. Еще двурвов поспрашивать. Вряд ли эта парочка знает много о жизни в человеческой деревне, но про общеполитическую ситуацию могут и сообщить что-то.

Как же удивились берглинги, когда я объявил малый привал на опушке! Смотрели на меня, на деревню, опять на меня, с такой детской растерянностью в глазах, что я решил прийти к ним на помощь:

— Ну как, думаете — бежать за лекарем для меня, или мне по голове обушком и к лекарю?

Судя по мелькнувшим в глазах «немцев» искоркам — такого варианта они не исключали. Да уж, напарнички, горе луковое...

— Объясняю. Посмотрите на себя. Два диких типа, выглядят, как только что из берлоги. Задача: проверить одежду, снаряжение, привести себя в какой-никакой порядок. И ещё одно дело будет, личного плана.

У меня уже давненько бродила мысль, что в лесу-то деньги без надобности, а вот как только я из него выйду, так тут же станут очень даже нужны. Вначале я думал выйти к городу и сдать там свои трофеи, получив законное вознаграждение. Плюс — та бумажка, точнее — пергамент, с отчетливыми следами магии и надписью на двух языках. Это, и правда, оказался банковский чек, я всё же смог прочесть его после частичного появления памяти. На сумму в девять солеров. Что это за сумма — понятия не имею, как и о данной денежной единице и системе денежного оборота в стране и Мире. Была надежда, что это название восходит к слову Солнце, и монеты будут золотыми, но кто его знает. Это могло быть, например, название монеты, за которую когда-то можно было купить некое количество соли. Или равнялась размеру «соляного налога». Или ещё что — придумать можно много, но надеяться хотелось на лучшее.

Однако при виде того очага цивилизации, к которому мы вышли, я понял — не-а. Не сработают тут оба метода. Зато вспомнил, что двурвы, дварфы, или как их ни назови — должны знать толк в драгоценностях. Может, продать им пару жемчужин, заодно и о денежной системе представление сложится.

— Так, во-первых, расскажите-ка мне, какие нынче отношения у вашего племени с людьми в целом и с местными властями — в частности. Может, вас потащат сразу в камеру запирать, и меня тоже, как пособника?

— Да нет, ты что? Мы ж подписали вечный мир, при участии Ордена! Ой... — вид у Драуна стал какой-то виноватый, но ненадолго. — А что до местных, то я же не знаю, куда мы вышли...

— Хорошо, тогда такой дурацкий вопрос: вы в камнях драгоценных разбираетесь?

— Ну, не как бергзеры, однако же...

— Хорошо, вот про этот жемчуг, что сказать можете? Стоит он чего-нибудь, или же не очень?

Двурвы оживились. Честно говоря, я не был до конца уверен, что прокатит — всё же жемчуг не совсем камень, а перламутр, органика. Да ещё и не горного происхождения. Но это не стало помехой. Особенно их заинтересовали два камушка с изъяном. Очень долго смотрели на дырявую бывшую карамельку, наконец, Гролин повернулся ко мне:

— Интересно очень. Такое ощущение, что там, внутри белой жемчужины, прячется чёрная! Двухслойный жемчуг, надо же...

— Так сверху же слой повреждён. Может, ободрать белое?

Берглинги аж задохнулись:

— Да ты что! Это ж для амулета какого заготовка — просто прелесть! Жемчуг и так хорошо принимает на себя заклятия и силу, как и янтарь — а тут такое, что можно одно в другом прятать.... И вот с этой непонятно — что тут на ней такое?

— Зубы...

— Да нет, какие-то вмятины, или царапины.

— Это от зубов, — мрачно уронил я.

— От каких зубов?!

— От передних. Моих.

— А зачем?! — ишь, как наострились хором орать.

Не говорить же им всю правду?!

— Перепутал в темноте. Думал — орех.

С Драуном чуть родимчик не случился. Он хихикал, смеялся, ржал в голос, давился смехом, пытался сделать серьёзную морду и опять катался по земле. Второй двурв немного похихикал — но и только. Постояли мы, посмотрели на это буйство.... Потом Гролин сходил к небольшому пруду (похоже, из него скот поили на выпасе), принёс котел с водой и, спокойно и невозмутимо, надел его на голову Драуну. Говорливый двурв сплюнул головастика и сказал:

— Всё, прошло, спокойно только...

— А что про остальные десять жемчужин скажете?

— А что там говорить — нормальный жемчуг, для речного довольно крупный. За обычную цену можно отдать любому ювелиру.

Вот спасибо! Полезной информации — ноль, не считая того, что «дефектная» и чуть было не выброшенная бывшая конфета оказалась дороже всех остальных, и как бы не вместе взятых.

Что ж, пока жизнерадостный наш переодевается — визуальный осмотр деревни. Из озорства приставив к глазам руки, будто бы в них был бинокль, я обшарил своим «встроенным оптическим прицелом» ближайшую окраину. Вроде бы всё нормально, только в ближней к лесу избе пара окон выбита, и сарай выглядит каким-то подкопченным. Ну да мало ли — перепил хозяин после бани. Дымки от печей поднимаются, птица домашняя шумит, дети кричат — играют.

Эх, будь моя воля — месяц бы точно ещё из лесу не вылез. Осмотрел бы все, разузнал, свои возможности изучил. Кого-нибудь из охотников встретил, допро... эээ... побеседовал дружески, в смысле, а уж потом и к жилью.

Ну, пошли в люди.

* * *

Узнав, что я хотел продать им жемчужинку, чтобы оплатить постой, поскольку денег наличных не имею, двурвы обиделись. Пока Гролин, нахмурившись, молча сопел носом, Драун озвучил их позицию:

— Зачем обижаешь? Ты нас три дня с лишком и кормил, и поил. Да ещё и из лесу вывел! Теперь — наша очередь.... А будешь спорить — обидимся, и крепко.

— Эх, не люблю я такого — долгами мериться! Сегодня я вам помог, завтра — вы мне, а считать и мерить, кто кому сколько должен — не люблю.

— Так и мы о том же! Ты нас кормил — мы тебя, все нормально.

— Ладно, будь по-вашему...

Не стал спорить, хоть не столько для прокорма деньги нужны были. Хотел прикупить себе кое-что в дорогу, включая котелок, с местным кузнецом договориться, чтобы наконецников железных наковал, ну и мало ли, что ещё — в зависимости от размеров деревни. Может, тут всего дворов двадцать, а я губу раскатал — и кормёжка, и ночлег, и лавка, и кузня...

Так, за разговорами и размышлениями, дошли до деревни. Почти сразу появились и зеваки — вначале детишки зыркали из-за заборов, потом, осмелев, стали проноситься мимо нас по улице. Если вы представили себе забор в виде калиброванного штакетника, прибитого гвоздями к жердям, то зря. Или редкого плетения плетень (почти тавтология, да вот как ещё скажешь?), или просто — крестовины из кольев, на них, горизонтально, ещё один кол лежит. А то и просто — ветки узкой полосой и высотой по пояс навалены — хворост сушится. Заборы не для красоты, и не от всякого вора: скотина в огород не забредёт — ну и ладно. Разумеется, крапива, малинник и всякие кусты, преимущественно — колючие, составляли изрядную долю этой ограды.

Затем показались и взрослые. Причём моя персона вызывала гораздо больше интереса, чем оба двурва. Интересно, что это они? С другой стороны, если вспомнить Шиллера...

Сей пиит весьма сокрушался в виршах своих и письмах прозаических, знакомым отправляемых, что очень утомило его внимание толпы. И особенно оскорбительным ему было то, что вызвано сие оказывалось не его литературными талантами, а банально и вульгарно — ростом. Люди оглядывались, мальчишки следом с криками бежали. А было в Шиллере ни много, ни мало, а цельных сто семьдесят шесть сантиметров. Да, официальный средний рост на сегодня, а двести лет назад, как видим, хватало для привлечения зевак. Мои сто девяносто, да в мире, пока похожем на средневековый (холодное оружие, одежда и прочее) явно должны выбиваться из массы.

Кстати, о Шиллере. Казалось бы — прошло всего двести лет, персонаж известный, а поди ж ты. В одной биографии Иоганн Кристоф Фридрих Шиллер описывается как выходец из низов бюргерства, отец — полковой лекарь, мать — дочь пекаря. В другом источнике отец уже хирург, мать — «набожная женщина», то ещё описание происхождения и рода занятий, да. В третьей биографии вообще, обзывают фон Шиллером, мать выводят из семьи священника, отца называют хирургом и доктором медицины. В общем, врут историки, «как свидетели» — по выражению одного известного сыщика.

Возвращаясь от старинных поэтов к современным для меня реалиям, осмотрелся. Да уж, резон в предыдущих рассуждениях был. Народец вокруг мелькал, мягко говоря, не крупный — метров от полутора, некоторые больше, но ненамного. Непонятно, с чего бы это

средневековые легенды обзывали дварфов коротышками? Например, Драун почти одного роста с той вон тёткой. Непонятно. Хотя... То, что для Драуна его рост — предмет гордости, почти на полголовы выше любого из встреченных им сородичей, я уже знал. Да и немудрено было не знать — это только в первый вечер он постеснялся хвастаться, потом подобие робости прошло, и быстро. А для простого народа разница сантиметров двадцать-двадцать пять вполне могла бы стать эдаким классифицирующим признаком, и именно в этом качестве тщательно подчёркиваться.

Деревенька оказалась не так уж и мала — дворов двести-двести пятьдесят, как минимум. Большая, можно сказать, деревня. И корчма нашлась — длинный одноэтажный дом, крытое крылечко с небольшой коновязью и колодой для воды. Прямо за широкой дверью — темноватый коридор поперёк всего дома, в дальнем конце — выход во двор. Направо — вход в обеденный зал, налево — крепкая, монументальная, из тёсаного бруса дверь на хозяйскую половину. Причём прорезана не напротив той, что ведёт в зал, а со значительным сдвигом. Разумно — и захочешь, а лавкой с разгона не выбьешь. Был тут и представитель власти — староста, или тиун, на местный лад. Собственно, именно в корчме мы его и нашли. Оно и хорошо — ходить далеко не надо.

Вот и он — первый контакт человека Земли с представителем инопланетного человечества! Где журналисты и фанфары? Что-то я нервничаю, раз такие плоские шутки в голову лезут.

— Доброго Вам вечера, уважаемый... — я сделал паузу, намекая на то, что хотел бы услышать имя. Может, и стоило представиться первому, но вот так получилось.

— Семн, Ригдоров сын.

Представился в ответ и я, следом — двурвы. На этом они сочли своё участие в переговорах законченным и устремились к соседнему столику, одному из полудюжины имевшихся в наличии. Там вскоре и заговорили с корчмарём, очень похожим на тиуна. Как оказалось позже — братья они были, корчмарь и тиун, хоть и двоюродные. Звался же хозяин местного общепита Юз, Юзов сын, хотя чаще ему приходилось откликаться на «дядька Юзок».

Тиун уже минут пять плёл кружева, говоря обо всём и ни о чём. Это начинало немного напрягать. Тут слева от меня открылась входная дверь, и сразу левое плечо кольнуло десятком иголок — отзывом какой-то магии. Я резко обернулся. На пороге стоял дядька лет пятидесяти на вид, в одеянии... ну, наверное, это и был пресловутый камзол, а для меня — так клубный пиджак, малиновый, кстати, длиной до колена, с большими золочёными пуговицами, нашивками и чем-то вроде аксельбантов. Эдакая пародия на «Нового Русского» в роли официанта. Вот только аура гостя, ощущаемая мною даже без артефакта, была не официантской.

— Господин маг?

— Приветствую истинного Стража Грани в нашем поселении. Нет-нет, вы мне льстите, какой же я маг — просто сельский заклинатель. Хотя Школу магов закончил, конечно же.

Услышав приветствие мага, тиун явно расслабился и взглянул на нашу компанию иначе. Он что, самозванца во мне заподозрил?! Да что же это творится в Мире?!

Разговор пошёл веселее. На вопрос, как жизнь, тиун ответил:

— Дык ить гоблины, чтоб их поперёк наискось. Развелось в лесах, как комаров. Ну, это не токмо мы страдаем, по всему графству такое. Наш граф даже приказал выплачивать награду за каждого гобла убитого, надо токмо камушек нагрудный предьявить. Хотели ухи

резать, так они воняют сильно, летом-то. Вот, отмечаем, — немного невпопад закончил тиун.

— Что отмечаете?

— Дык той ночью гоблы, чтоб им поперёк рожать, на село-то напали. На крайнюю хату, там Степк-плотник живёт. Ну, у него в хате и инструмент, и учеников двое, отбиваться начали. А жинка его, как горло открыла — вся деревня набежала, отогнали. Она ещё сарай подпалить хотели, но сараюшка у плотника от огня заговорённая, закоптили токмо. Дык вот, пока то да это — ажно шестерых зеленомордых прибили. Кто кого — неведомо, решили сообща отметить, на призовые гроши.

— Такие камушки? — раздался голос Драуна. Он протягивал руку, с которой свисал целый пучок амулетов. А я ещё думал — зачем мои спутники снимают этих «куриных богов», в которых ощущался только слабый след магии — видимо, использованной при изготовлении.

Тиун старательно раскладывал камушки на кучки — сначала по пять, потом подвигал туда-сюда. Получилось две группы по десять серых амулетов, кроме того — один зеленоватый и один красновато-кирпичный камешки.

— Полный сквид, — произнёс кто-то в тишине. — Со спиллом и тинном вместе.

— Половина — его, — Гролин кивнул в мою сторону. — Причём и оба цветных тоже.

Радости большой в глазах тиуна я не заметил. Наверное, призовые суммы, присланные вместе с указом (тут графу неведомому большой плюс — живые монеты гораздо лучше подогревают интерес, чем обещания да расписки), уже пристроены в какое-то быстрое и выгодное дело. Эх, есть что-то общее у чиновников всех миров.

— Уважаемый, а можно, вместо наличности, обменять эти камушки на какой-никакой припас? А то мы в лесу поиздержались изрядно. Что останется — мы тоже отдохнуть и поприбавить не против, только в меру. Как вам такой вариант?

Я подумал — если шесть жетонов дают возможность попить пивка всем активом села, то за десяток можно купить продуктов на троих на три-четыре дня пути. Ну, ещё за постой, за ужин.... А тиун получает возможность потом, когда гешефт провернёт, забрать себе призовые деньги. Или, если афёра не удастся, эти камушки прикроют его от гнева начальства.

Так и получилось. Тиун подозвал корчмаря (тут-то и выяснилось их родство), что-то перешептались, поспорили шёпотом, косясь в нашу сторону. Наконец, тиун с болью в сердце, придвинул себе дюжину серых камушков и красновато-коричневый.

— Вот, этого хватит. Остальное — забирайте.

Дворвы протянули камушки мне со словами:

— Мы договаривались, что сегодня припасы — за наш счёт.

Как-то невзначай, за общим разговором, выяснилось, что мы своих гоблинов промыслили в дне пути от села, а, значит, это были не те, что напали на деревню и потеряли шестерых. Мужики погрустнели. Пришлось предложить переночевать в избе плотника и встретить гостей дорогих, буде явятся мстить за своих. После этого, сославшись на предстоящий ночью бой, я из попойки вышел, и оба дворва — тоже. Правда, Драун прихватил с собой изрядный жбан с пивом — «на утро».

Я ещё успел зайти, переговорить с кузнецом. Договорились на полсотни наконечников, три десятка обычных и двадцать гранёных, бронебойных. Расчет запланировали многоэтажный — кузнецу заплатит тиун, я же расплачусь с властями всё теми же

гоблинскими трофеями. Кузнец присутствовал при нашей встрече с тиуном, пришёл с магом, скорее всего — в качестве силового решения возможных проблем. Видел он и сцену расчёта со старостой, поэтому вопроса о кредитоспособности не возникло. Я оставил в кузнице два наконечника из числа тех, что достались мне при переносе, как образец и пошёл на ночлег. Кстати, кузнец был здоровый дядька. Ростом с Шиллера, а шириной — побольше меня.

* * *

На ночлеге я поменял диспозицию. Двурвов отправил дежурить в копчёный сарай с приказом — дожждаться, пока заваруха разгорится в полный рост и ударить во фланг нападающим. Сам полез на чердак, планируя потом спуститься вниз и охватить противника уже с правого фланга, даже в тыл зайти и устроить охоту на командный состав и резервы. А потом — предотвратить бегство недорослей гринписовских.

Примерно так и получилось. Вскоре после полуночи сработали мои сторожки. Я надел повязку-различитель на глаза и увидел там, где должен быть луг, серо-зелёные пятна аур гоблинов. Ага, пора идти в обход. А много же их — ещё мельком удивился я, спускаясь на землю. Так, на всякий случай — камушек в копчёный сарай, который и не сарай, собственно, а склад сырья плотника. Отсюда и противопожарное заклинание.

Кустами-огородами, на луг. Вот, кусты черёмухи — она уже отцвела, но ещё не созрела. Отлично — не воняет и не пачкается. Так, шум разгорается — понеслась душа...

Всё получилось почти так, как планировалось. Почти — потому что гоблинов оказалось слишком много. И не простых гоблинов — на большей части были доспехи! Корявые, кустарные, но охотничьи стрелы из простого карсиала, без наконечников — оказались малопригодными.

И, что самое неприятное, — шаман у них оказался настоящий. Поставил некое подобие защитного купола, сдувая им мои стрелы, и попытался кастовать на меня какие-то гадости. Первое плетение сгорело в моём защитном коконе, вызвав почти равное удивление у меня и у шамана. Я ответил «волшебным снарядом», он же “Magic missile”. Колдун, завизжав что-то явно матёрное по интонации, отбил мой снаряд своим щитом, который при этом треснул (я злорадно ухмыльнулся). Потом он бросил в меня целым пучком какой-то дряни — некогда мне было сортировать и определять, опознал только попытку ослепить, усыпить и нагнать страху. Я шарахнул молнией, которая растеклась по защите гоблина, но тряханула того изрядно, и купол почти погас. Не знаю, чем бы всё это кончилось — к моему оппоненту подтягивалось пехотное прикрытие, а я не мог отвлечься на то, чтобы их пристрелить. Но мне повезло.

На шум дискотеки подтянулся местный Гудвин — откуда-то из малинника на краю деревни в спину гоблинскому колдуну прилетел маленький, искрящийся, болтающийся в воздухе — но самый настоящий огненный шар. Грохнуло солидно. Гоблины, стряхнув с ушей ливер своей артиллерии, решили, что пора и честь знать. Развернувшись, зеленые рванули к лесу. Щаззз! Надвинув повязку по-пиратски на один глаз, я, безо всяких угрызений совести, открыл беглый огонь в спины удирающих противников. Картинка ауры местности при этом оказалась плоской и перекошенной, но это было не смертельно. Так, лёгкое головокружение...

Убедившись, что никто никуда уже не бежит, я повернулся к деревне — там ещё раздавался шум драки. По дороге, на чём свет стоит, клял свою бережливость. Надо же — перед боем выложил из колчана стрелы со спецсплавом, чтобы случайно не потратить «на мелочь всякую». Угу, и эти мелочи меня чуть не покусали. Что-то мне подсказывало, что

специальные боеприпасы могли и пройти через гоблинскую защиту...

* * *

Утром начали считать трофеи и потери. С нашей стороны, слава богам, дело ограничилось несколькими ушибами и порезами да одним переломом — излишне горячий боец воткнулся ногой в кротовую нору. Гоблинов, целиком, в нарезке и запечённых, собирали при свете дня довольно долго. От шамана, доставившего мне пару неприятных минут, остался кусок из головы, одной руки и лопатки. Бррр...

Насобирали и выложили в кучку шестьдесят шесть тел и фрагмент шамана. Попозже отправившиеся в лес по следам орды добровольцы нашли на опушке ещё троих, которые пытались сбежать, но умерли от ран. Двое были со стрелами в спине, один — без руки. И как только пробежал добрых полкилометра?

Итого — семьдесят. Я в компании двурвов провёл нехитрые подсчеты, осмотрел собранные амулеты и сказал подошедшему тиуну:

— Похоже, картинка такая. Потрёпанный вами сквид в лесу встретил подкрепление — целый ритт, причём, судя по снаряжению, что-то вроде гоблинской гвардии. Да и шаман у них был — настоящий, полноправный, с яшмовым кольцом на шее, а не какой-нибудь спиллер недоученный. А тут легли — шестнадцать ваших вчерашних недобитков и пятьдесят четыре головы подкрепления. Итого — двоих не хватает. Если просто не нашли — ладно, запах выведет. А вот если сбежали и приведут ещё...

Староста сбледнул с лица, кинул клич — и вскоре через луг шла частая цепь сельчан. Нашли. Один, как оказалось, был слишком близко к шаману, просто даже для гоблинского колдуна три ноги — многовато. Поискав, собрали большую часть опшмётков — да, для одного многовато, двоих накрыл местный маг своей гранатой. Ещё один провалился в старый колодец, прикрытый когда-то парой дряхлых досок. Доски сгнили и не выдержали веса гоблина в полном боевом.

— Хорошо, что зелёный рухнул. А если бы из детей кто провалился? Ну, вроде бы — никто не ушёл, и это хорошо: не приведут мстителей.

Тиун почесал в затылке:

— Вроде как всё сходится. Ну, Страж, вовремя вы пришли трое. Без вас — не знаю, сколько бы мы своих на жальник понесли сегодня.

— А когда это Стражи приходили не вовремя? — Гролин. Я их уже по голосам различаю. — Суть у них такая...

— Ага, а колодец сегодня же закроем, хорошо закроем, крепко...

Потом пошла длительная и для некоторых — по-своему увлекательная процедура учёта, сортировки и делёжки трофеев. Я вначале поучаствовал, потом узнал, что маг ночью выложился весь, до доньшка и теперь муху не прильёт, ни магией, ни руками. А как же раненые? Я, коротко ругнувшись, отправился наводить порядок. Нет, я не лекарь, мои способности — это как замена аптечки скорой помощи. Но порезы, ушибы и прочее моё исцеление лёгких ран затянет. Да и перелом срастётся быстрее и правильнее.

Среди пациентов оказался и кузнец — гоблинская стрела прошла по касательной, резанув до кости кожу на лбу, над левой бровью. Крови натекло немало — сантиметров пять-шесть длиной разрез был, да и глубокий. Пришлось залечивать в два приёма, и то шрам останется. Ну, да и ладно — не невеста, в конце концов.

У гоблинов в броне оказались при себе даже кое-какие деньги, нам честно выделили

нашу долю. У меня в кошеле забрякало немного наличных — дюжина медяков разного размера, номинала и стран выпуска, и три серебряшки — две мелких и тоненьких, напомнивших мне название новгородской серебряной монеты — «чешуя» и одна чуть побольше, размером как двадцать копеек советской чеканки. Вот только покупательная способность всей этой нумизматической коллекции оставалась для меня всё ещё загадкой.

За час до полудня в село вошёл торговый караван. Его начальник задумчиво посмотрел на длинный погребальный костёр, куда стаскивали побитых гоблинов, на груду трофейного металлолома, на считающего учётные жетоны тиуна, который где-то уже разжился повязкой на голове, хоть в бою не участвовал. Почесал в затылке, сказал: «Дааа... Дялы...» — и не стал противиться нашему желанию пойти дальше с ним. Позже, пошутукавшись с местными властями, даже предложил нам оплату за охрану каравана до города Роулинг.

— Знаете, уважаемый Миккитрий, мне хоть и по дороге, но кто его знает — куда позовёт Путь. Возможно, мне уже через день придётся свернуть с дороги по зову Долга. И я не хочу, чтобы один долг противоречил другому. Потому — при случае помогу, как будто я в охране, но обещать Вам, что будем идти вместе до города, не буду. А с двурвами — договаривайтесь, они мне не подчинены.

Погрустневший в начале моей речи караванщик повеселел и отправился на переговоры.

К моменту отъезда каравана собралась приличная компания провожающих. Тиун, кроме трёх котомок с припасами, выдал и три кисета с зачётными камешками, мол, оружие и прочие трофеи мы делить не стали, да и вообще.... Тут он стушевался, махнул рукой и отошёл в сторону. Следующим был кузнец. Он протянул мне увесистый тючок, сказал:

— Тут, это.... Полсотни простых и три десятка гранёных — больше не успел. И котелок, железный, кованый — я слышал, у вас не хватало в запасе.

На мой вопрос об оплате только посмотрел укоризненно, потрогал машинально шрам над бровью. Что мне оставалось?

— Спасибо тебе, добрый человек. Пусть тебе будет успех в делах твоих. Бывай здоров!

Хлопнули ладонь в ладонь, пожали крепко, но без показухи, незачем и нечем нам тут мериться. Обнялись левыми руками, хлопнули ладонью по спине. Ну, всё, пора. Сел, свесив ноги, на край воза. Увидел ещё, как от стола старосты метнулся к возам его по-праздничному одетый сын, детинушка лет двадцати пяти. Видимо, с отчётом, по инстанции. Ну, всё, тронулся караван.

Прощай, село Подлесье, здравствуй, дорога...

Часть вторая. Воин. Глава 1

Размеренное движение повозки, мерное покачивание, монотонное поскрипывание колёс и упряжи — всё это, вкупе с почти бессонной и суматошной ночью, навевало дремоту. Но сон был роскошью, которую я не мог себе позволить. Нет, в принципе — никто не запрещал лечь и уснуть. И в следующем бою наворотить тех же ошибок. А ошибок было хоть и не очень много, но достаточно серьёзных.

Всё же спать хотелось сильно, и мысли скакали, как лягушки во время официального визита на болото пары аистов. Вот, сейчас они перескочили на самый, пожалуй, эмоционально насыщенный момент боя — на мою дуэль с вражеским колдуном. Пришла мысль — а мог бы я справиться с ним сам? Подумав немного, я решил, что смог бы. Следующую молнию я сообразил бы быстрее, чем гоблин мог восстановить защиту и опомниться. То есть, будь наш бой и правда дуэлью — вполне. Но вот удалось бы мне после этого отбиться от группы поддержки — отдельный вопрос. Часть мог перестрелять, и немалую часть, но сомневаюсь, что всех. Набеги их на меня два-три экземпляра — отмахался бы глефой, тем более что первого бы приложил мой кокон, а вот штук пять уже могли доставить неприятности.

Мысль опять перепрыгнула на ошибки.

Первое — не оценил силы противника и их дислокацию. Что, неужели так трудно было сосчитать ауры через повязку-различитель? Глупость страшная, но — на солдатском уровне.

Второе. Поскольку взялся руководить засадой, следовало лучше думать над тактикой. Вот попёрся я отсекал толпу от леса. Что, с полудюжиной деморализованных беглецов не справились бы ополченцы? Договориться с тиуном, разместить десяток крепких мужиков в хате через две-три от нашей и продумать сигнал, по которому они должны выйти в поле и устроить там засаду на кроликов. Что, не судьба было раньше подумать?

Или даже не так. В конце концов, мужики бойцы немногим лучше гоблинов, а если взять этих зеленавок, в доспехах — то ещё вопрос, кто кого. То есть — могли быть потери. А я даже в игрушках компьютерных в прежней жизни часто «тормозил» с развитием или экспансией, поскольку старался планировать операции так, чтобы потери были если не нулевые, то минимальные. А тут — живые люди. Да и с гоблинским колдуном они бы точно не справились, а этот гибрид орка с гномом в первые ряды отнюдь не стремился. То есть — саму тоже пришлось бы совершать обходной маневр. Нет, можно было пострелять с чердака, пользуясь превосходством в дальнобойности — но это не гарантировало как от побега нескольких гринписов, так и от потерь среди пехоты.

Значит, что? Значит, надо было или заранее — заранее, а не на ходу и в темноте — готовить огневую позицию, продумав маскировку и инженерные заграждения на подступах; или идти в рейд с пехотным прикрытием. Или без «или», а совместить.

Так, стоп машина! Этак я сейчас до редутов и люнетов дойду. Исходя из точного знания, кого и сколько припёрлось в деревню. А с вечера, когда готовил бой, я знал это? Нет. Мог знать? Нет. Расчёт был на то, что вернётся потрепанный сквид — шестнадцать гоблинов. Может быть, но не факт — найдут десяток соплеменников в помощь. Или объединятся с другим сквидом, возможно тоже потрепанным. Такого подкрепления не ждал никто.

Стало быть, реально я мог и должен был присмотреть возможные позиции для себя и для вражеских лучников и магов, пути выдвижения и отхода. Договориться о сигналах с

двурвами, чтобы можно было позвать на помощь или просто дать знать, что и как происходит. Правильно оценить количество противников и внести коррективы в план. Не сделал, Джулио Балбесини. А значит, ночной стресс заработан мною в полной мере.

Придя к такому вот компромиссно-воспитательному выводу, я, видимо, немного задремал. Проснулся от деликатного покашливания. Ага, сын подлесского старосты не утерпел. Подсел на перекинутую между бортами доску рядом с возницей. Ну, не тянет реальная картина на выражение «на козлы к кучеру», хоть стреляйте! Подсел, стало быть, и завел степенную беседу. А сам всё на меня косит глазом. Что характерно — возница, дядька на вид лет пятидесяти, но крепкий, нехитрую хитрость тиунского отпрыска явно понял, но виду не подаёт. Ну, это-то как раз не удивительно. Возможных причин можно придумать целую охапку: вознице просто скучно, поболтать хоть с кем-то уже неплохо; любопытно ему, хочет подробности ночного происшествия узнать; не желает обижать сына старосты одной из деревень, через которую ещё не раз проезжать придётся; надеется меня разговорить и узнать что-то важное или интересное — это навскидку. А я тоже послушаю, мне тоже интересно. Может, что полезного скажут — например, про цены заговорят, я хоть узнаю, сколько тут деньги стоят...

Три часа! Три часа я притворялся спящим, вместо того, чтобы на самом деле поспать, а толку? Услышал как минимум три версии ночного происшествия от сына тиуна, первая была ближе всего к правде. Рассуждения о погоде в Подлесье, в соседних деревнях, в графстве в целом и в королевстве в общем, в этом году, в прошлом, в позапрошлом. Говорили и об интересующих меня вещах: о ценах. Ну, узнал я, что поросята в этом году подешевели, «пол дюжины можно было взять за ту же цену, что раньше пол десятка», а зерно — немного подорожало. И всё остальное — в том же духе: в сравнении с прошлым годом, куры против молока, ячмень против яиц, мёд против яблок.... Вот сколько стоит брага, сколько пиво и сколько напитки покрепче — это узнал достоверно. Применив комбинаторику можно было вытащить из этой шарады крупницы значащей информации, но проще было бы дотерпеть до города и посмотреть цены на базаре. Ещё почерпнул несколько местных идиом и забавных оборотов, например: «ты что, с Грани свалился». Почти полный аналог нашего «с дуба рухнул», но с акцентом на то, что человек совсем не ориентируется в обстановке. Надо было и правда поспать. Ну, ничего, если караван не остался в Подлесье, выехал после обеда — стало быть, караванщик надеется добраться до другого жилья. Там и отосплюсь.

* * *

Не знаю, чем руководствовался караванщик — может, просто день пути сэкономил. Но меня обломал капитально. «До другого жилья доберёмся», «переночую по-человечески» — ага, раскатал губу трамплином. В сумерках караван свернул с дороги на близлежащий холм. Кстати, колея от дороги к вершине была неплохо накатана. На плоской макушке холма составили повозки в круг, соорудив эдакий вагенбург. Под руководством Миккитрия некоторые тюки (я так понял — с наиболее ценным или деликатным товаром) с повозок сняли и уложили внутри сооружения. Несколько человек отправились куда-то со складными кожаными вёдрами, явно — за водой. Я, немного подумав, увязался за ними с котелком. Во-первых, осмотреться и присмотреть за водоносами. Во-вторых, набрать чистой воды на чай — а то кто его знает, что караванщики в этих вёдрах ещё носили. Ну и, в-третьих — после дороги, водички хлебнуть, ну и наоборот тоже...

Нет, всё же этот холм — явно постоянное место привалов: вон, и родничок обустроен,

небольшая ямка выложена кусками камня, сток проделан вниз по склону. От родника начинался ручеек, который вскоре, под подошвой холма, скрывался в траве заболоченного лужка. С этих плавней перед нами заволокло взлетела стайка уток (или каких-то похожих птиц). Караванчики покосились на мой лук, но промолчали. И правильно — не сезон, да и у нас припасы имеются, форс-мажора никакого нет. Кто-то шебуршал в кустах, росших на краю луговины. Я сходил проверить — одно дело, если это кролик или другая мелкая живность. И совсем другое — если мелкая или не очень нечисть. Оказалось, что-то зайцеподобное, рванувшее от меня зигзагами наискосок по склону. Пусть скачет — не люблю я зайчатину, да и не сезон опять-таки.

Не буду утомлять подробностями разбивки лагеря, приготовления ужина, раздела смен у охранников, к которым охотно примкнули обе мои находочки (я про двурвов, если кто не понял). Примкнуть-то примкнули, а чай пить ко мне подтянулись. Не с пустыми руками, понятное дело, но всё же... Понравилось, значит, особенно, как я понимаю — сладости к чаю. Ну и ладно, сахару не дам — пусть будет на случай чего в заначке, а лакричник вместе копали.

Пока ужинали — народ молчал, перебрасываясь разве что короткими репликами по делу. А как начали чаёвничать — пошли разговоры, рассказы, костровые байки. Сидел, мотал на ус. Кстати, выцепил из разговора ещё одну поговорку, касающуюся моей здешней профессии — «клялся Страж посмертием», как синоним пустословия. Кстати, применивший это выражение покосился на меня с явно виноватой мордой лица, я же сделал вид, что не слышал. Интересненько, блин, что имели в виду авторы поговорки?

А вот следующий разговор заинтересовал уже плотно, так сказать — профессионально. В начале затронули тему разбойников, что завелись, мол, в лесу, мимо которого будем пробираться завтра во второй половине дня и послезавтра до обеда. Ага, ночёвка в таверне запланирована, хорошо. Причём разбойнички оказались странноватые — нападали только на небольшие группы путников, редко кто мог проскочить. Явно должны были держать на опушках наблюдателей — но рейды стражников никого не выявили. Грешили на гоблинов, но не в их это стиле — бесследное исчезновение путников. Да и на патрули никто не нападал — а гоблы могли и не удержаться, при большом численном превосходстве.

Потом стало ещё интереснее — заговорили про некоего «горного великана», что поселился в холмах недалеко от этого леса. Что он, мол, совсем не опасный, даже полезный — за небольшую плату помогает затащить телеги на холм и спускать их обратно. Рассказывает всяко-разное интересное. Я слушал — и тихо шалел. Этот их «горный великан» — просто один в один тролль! Горный или каменный — но явный тролль! А «незлой», «полезный» тролль, это даже удивительней, чем жареный лёд. Бескорыстный ростовщик, блин! Возникли у меня кое-какие смутные подозрения, надо будет завтра обогнать караван и проверить кое-что.

Кстати говоря, меня в расписание стражи не включали. Вроде как к пассажирам приравняли, ну, да и ладно. Поставил свою персональную огненную защиту (точнее, обновил) — Драун тут же попотчевал всех желающих байками на тему того, что будет с тем, кто полезет ко мне ночью. По его словам, заряд такой, что волка-трёхлетку в клочья рвёт. Тааак, надо пресекать такое устное народное творчество — а то вон, народ недобро косится. И то правильно — я бы тоже плохо отнесся к противотанковойmine на растяжке у себя в квартире...

— Больше его слушайте! Это защита от недобрых помыслов и дел. От нечисти и нежити

в основном. Если кто полезет будить просто так, из вредности — может обжечь, как руку в кипяток сунуть ненадолго. А если по делу — будите спокойно. И не обижайтесь, это не от недоверия, а просто полезная при одиночных походах привычка. Кстати, насчёт волка — сочиняет, как менестрель. Рэбтора — да, прибывает на месте, но всё равно, одним куском остаётся.

Успокоив таким образом спутников, бросил ещё стандартный сторожок, штатную рейнджерскую «будилку». Недостатком этой заклиналки был радиус действия, ограниченный дальностью прямой видимости. То есть заклинание обнаруживало врага на том же расстоянии, на котором его мог бы увидеть я, если бы не спал и смотрел в нужную сторону. Лучше, чем ничего, но ненамного.

Я уже заметил, что в стрессовой или боевой обстановке, а особенно — после таковой, во сне, у меня проявляется в памяти ещё кусочек информации о Мире, о Стражах, какие-то куски личных воспоминаний стали всплывать, не имеющие ко мне прежнему никакого отношения. Вот и сейчас — ложился спать с ожиданием откровений. Где-то ближе к полуночи начало сниться что-то непонятное: какой-то странный туман, сквозь него доносились какие-то неразборчивые голоса, какое-то сияние. Вроде как мне надо было идти туда... Вот же скотство, только начинался какой-то интересный сон! Я, отчасти осознавая себя, в каком-то полусонном состоянии (это во сне-то!), кратко, но от души послал весь этот бред с туманом, повернулся на другой бок и заснул снова. При этом почудился какой-то странный смешок и вроде бы голос, сказавший что-то наподобие «ну-ну, посмотрим».

* * *

Утро началось рано. И оно понятно — каравану за день надо пройти как можно больше, стало быть — светового дня терять надо как можно меньше. Ещё до восхода, лишь сменилась ночная тьма предутренней серостью, зашевелились костровые, распаковывая привезенные с собой на возу дрова. Потянулись в кисейную занавесь утреннего тумана водоносы — ой, непуганые тут люди живут! И не скажешь, что лес с гоблинами под боком. Хотя, как там тиун говорил? В последние год-два только эта напасть стала проявляться в заметной мере? Интересно, конечно, но не актуально. Как и то, как сочетаются в одном лесу явные следы эльфийского присутствия и шайки гоблинов. А вот водоносов прикрыть на случай чего надо, заодно и караванщику внушение сделать после завтрака.

Позавтракали, собрались и часиков в семь утра уже были на дороге. Кстати говоря, поели очень плотно, даже более чем. Это тоже понятно: останавливаться днём на полноценный обед — непозволительная трата времени, придётся перебиваться перекусами «на ходу» или на коротких привалах. Вот интересно, до такой вещи, как «полевая кухня» в этом Мире додумались или нет? Если нет — то, может, связаться с теми же двурвами, при посредстве моих «ручных» представителей этого племени, организовать производство и продажу, для караванщиков, для армии... Так сказать, создать финансовую базу на случай, если я тут надолго застрял.

Но это всё так, праздные мысли недавно проснувшегося мозга. А у меня дело есть серьёзное, хоть и не хочется бегать, после такого завтрака-то. Но — надо, «назвался груздем — готовься к галоперидолу». Надо пробежаться вперёд, благо гружёные возы особой быстроходностью не отличаются, глянуть на этого «добротролля» без лишних зрителей под боком. Только переговорить с караванщиком, предупредить, что я — в дозор, а не уйду совсем. И сделать внушение для чересчур беззаботных водоносов — и не только для них. В

кустики поодиночке бегать — это у себя на даче можно, пока будочку не построил. А в походе, в местах обитания гоблинов — маньяки-самоубийцы, блин. Серийные. Кстати, Миккитрий внушение принял и осознал сразу, без пояснений и толкований.

— Да, правильно, моя вина, не настроил должным образом. И ведь знаю же сам всё это, по разным дорогам ходить довелось — а тут, вишь, расслабился. Оно и понятно — ещё года три назад тут места совсем мирные были, да и прошлым летом тоже тихо ещё было, так, два-три десятка гоблинов за месяц заметят, по всей-то дороге.

Оставив командира каравана раздавать воспитательные клизмы и пендели, двинулся вперёд. Вскоре за спиной раздалось пыхтение и позвякивание. Оглянулся — ну точно, они, неразлучная парочка.

— Ребят, а вы куда? Вы ж на службе вроде как?

— Так нас караванщик и отправил — присмотреть, подмогнуть, если что.

— Смотрите сами — я идти буду быстро, у меня дело есть впереди, с которым надо до подхода каравана разобраться.

* * *

Шералий был ещё не очень старым, но очень умным троллем. Ну, по крайней мере, он сам считал себя очень умным и мудрым, даже кое-где гениальным. Например, это он додумался, что не обязательно бегать за добычей, можно сделать так, чтоб она сама приходила к тебе. Нет, конечно, другие тролли тоже знали, что такое «засада». Но они как — сядут возле водопоя или дороги, ждут — а потом выпрыгивают и гоняются за разбегающейся дичью. После уходят назад, в стойбище. А если не уходят — то ловят всех подряд. Тогда очень скоро приезжают много-много мелких двуногих, со стрелками и магами, и всем в засаде сразу становится очень плохо. Потом их вообще не становится.

Только Шералий додумался, как заманивать проходящую мимо добычу в ловушку, как сделать так, чтоб на него не стали охотиться. Он очень долго думал, даже отошал немного. Зато придумал, как понять — кого ловить, а кого пропустить. Даже говорить научился по-человечески.

Вот только не любят умных. Совсем не любят. Особенно старейшины не любят, когда кто-то умнее их. Прогнали Шералия из родных гор. Как тот старейшина говорил?

— На тебе, вон, уже мох от безделья вырос! Сидишь в своей засаде, на охоту с племенем не ходишь. Никуда не ходишь. Старших не уважаешь. Мхом весь зарос — махровый какой-то тролль стал, куда такое годится? Иди отсюда, куда хочешь. И мох свой с собой уноси!

Шералий аж взвыл, вспомнив про свою обиду. Ну ничего, он умный, он не пропал. Вот отдохнёт он здесь, отъестся, как следует — и через годик вернётся назад, с вождём брюхами меряться! Кстати говоря — вон идут двое, мелкие, в железе все. Ага, знает он таких — жилистые и дымом воняют, но зато нажористые. Только из железяк их выколупывать долго и муторно. Тролль присмотрелся — нет, вроде как трое их там. Или двое? Далеко ещё, ну и не важно...

* * *

Пока оторвались от каравана на половину километра — разогрелись, мышцы размялись, веселее стало. А чтобы было ещё веселее (и чтобы не слушать в «осьмнадцатый» раз о том, какой богатырь Драун), я затеял вспоминать Филатовского «Федота-стрельца». Да ещё и вслух. Вначале говорливый двурв периодически перебивал, пытаюсь добиться какой-то

географической или исторической привязки сказки к известному ему миру, потом, после очередного внушения Гролина и моей угрозы дальше не рассказывать — успокоился. Смирился с тем, что всё это выдуманно.

Закончив очередной диалог персонажей сказки и переждав смех и обсуждение фразы «эвон, девка подросла, а тоща, как полвесла», я сказал:

— Так, ребяташки, остальная сказка — потом. Вон, впереди холмы, вроде бы в них тот самый «горный великан» и живёт. Есть у меня подозрение, что это не великан какой-то, а просто тролль. Только хитрый. И не такой хороший, каким пытается казаться. Вот я и хочу его проверить. Так что вы идите помаленьку вперёд, я в плащик закутаюсь и постараюсь казаться незаметным.

Вот за очередным поворотом дороги открылся тот самый подъём. Какой-то неестественно крутой склон, как будто вода подмыла. Или подрыл кто. Слева от дороги в холмы уходил сухой овраг с протоптанной по его дну тропкой. А на выходе из этого самого оврага сидел на земле — он, тролль. Здоровенный каменный троллина. При свете дня, посреди людских владений. Нет, я уже знал из новой памяти, что тролли на свету в камень не превращаются, это суеверие. Основанное на том, что яркий свет на какое-то время дезориентирует непривычных к нему троллей и вгоняет их в некое подобие ступора. Правда — ненадолго. Но какая наглость!

— Так, парни. Вы с ним поговорите, а я послушаю. И подумаю. Но — осторожно, очень и очень осторожно. Тролль — тварь живучая и опасная, но вы это и сами знаете. А в добрых троллей я не верю, — ещё раз напомнил я своим спутникам об осторожности.

Я отстал шагов на десять, кастуя на ходу себе ускорение реакции и, зачем-то, защиту разума — должно помочь от внушаемого страха и иллюзий. На всякий случай, сам не понял зачем.

Вот уже минут пять двурвы болтают «за жизнь» с троллем, а меня всё не отпускает какое-то тревожное чувство. Что-то не так, совсем не так. Вот оно! Двурвы убрали руки от своих мечей, более того — сдвинули на перевязи так, что сразу и не вытащишь. И смотрят на тролля, чуть не как на сородича. И ещё что-то. А если повязку на глаз? Опаньки! Что там, на груди у оратора нашего светится грязно-лиловым? Амулет, что ли? Точно — амулет! Надо так понимать — именно благодаря нему эта тварь и может прикидываться хорошим. Что?! Предлагает не лезть на кручу, а обойти косогор «вон по той тропочке»? И эти двое уже топают в овраг?!

Оказывается, последние пару минут, с момента обнаружения амулета, я вгонял себя в преддверие «боевого транса», как я сам для себя определил это состояние ещё «в прошлой жизни». Состояние, когда звуки пропадают, суставы охватывает какой-то холодок, как от ментола, боль не ощущается. Все движения, и свои и чужие, кажутся медленными, воздух — густым и тягучим. А потом оказывается, что ты двигался чудовищно быстро. И накрывает откат... В новом мире вход в это состояние оказался быстрее и управляемей, что ли. А выход — намного легче.

Я сидел на краю дороги метрах в тридцати от двурвов и ещё чуть дальше от тролля. Лук уже давно в руках, специальные стрелы с наконечниками из стражьего сплава наготове. Хоть их и жалко — но не тот момент, чтоб экономить. Вот только из-под плаща не выстрелишь. Вскокиваю на ноги, левая рука с луком — вперёд, правая с оперением стрелы — к уху. Выстрел!

Тролль как раз начал оборачиваться на движение, и длинная стрела почти на треть

нырнула под массивную левую надбровную дугу, прямо в злобный глаз. Любому орку бы хватило за глаза (простите за каламбур), этот же взревел и вскочил на ноги (!), выхватывая из-за спины каменную дубину в полтора моих роста. Вторая стрела нырнула в раззявленную пасть тролля, по моим прикидкам — должна была воткнуться куда-то в район мягкого нёба, если бы речь шла о человеке. Зверюга тут же заткнулась, захлопнув пасть и с лёгкостью перекусив карсиаловое древко. Как оказалось, противник, начиная с первого моего выстрела, нёсся в мою сторону. Стоп! Какое там «заревел», «захлопнул», «понёсся»? Я же в ускоренном режиме, вон, двурвы ещё только начинают оглядываться и тянутся к мечам! Что, этот гад — тоже так может?

Несвоевременно я задумался над такими вещами, пришлось, бросив глефу, кувырком назад-влево уходить от свистнувшей мимо дубины, зажатой в вытянутой руке чудовища. Тролля слегка повело в сторону после промаха, по инерции проскочил мимо меня. Лук и стрела в руках — выстрел! И третий специальный наконечник нырнул в ухо тролля — оно, конечно, маленькое, но ведь в упор же!

Отбросив лук в сторону, выхватил меч. Опаньки, день сюрпризов и новостей — клинок кажется сплетённым из потоков льдисто-голубого и темно-оливкового пламени. Прыжок, пережат, разворот.... Да когда же эта тварь сдохнет?! Нырок под поднятую вверх лапу с дубиной, протянув по дороге клинком поперёк туши пониже рёбер, опять кувырком погасить инерцию — да что я за колобок такой сегодня?! Зверюга развернулась ко мне — уже не так быстро, или мне кажется? Взревел, запрокидывая голову, пошатнулся, потянул вверх лапу с дубиной, медленно потянул! Я тем временем отступал назад, сохраняя боевую стойку. Вот тролль поднял оружие, покачнулся снова, шагнул назад раз, другой, запрокинулся ещё дальше и — пошёл, пошёл вниз! Рухнул навзничь, плавно и замедленно, уже выпав из ускоренного движения в обычную реальность. Я тоже скользнул из транса в обыденный режим восприятия мира, заметив краем глаза, что двурвы за всё это время успели только вытащить клинки из ножен и развернуться в нашу сторону.

— А что это было, а? И зачем ты зверюшку пришиб?!

— Зачем? Чтоб он вас не сожрал, придурки! Куда вы попёрлись, а?

— В обход, чтоб по круче не карабкаться...

— Уууу... В какой обход? В какую сторону овраг уводит? А амулет, с помощью которого этот тролль вам мозги компостировал — это тоже мне показалось? А, хрен с вами — пойдём, посмотрим, что там, в овражке творится!..

Посмотрели. И вырытую в склоне холма пещерку. И кучу обглоданных костей вокруг кострища в долинке. И кучу промятых шлемов. И груды награбленного в ещё одной пещерке. Двурвы ходили притихшие и скромные.

— Ну, вот и ваши неуловимые разбойнички лесные нашлись. Понятно, почему их никто выследить в лесу не мог, и почему они только на мелкие группы нападали. Так, стоп! Караван! Бегом туда, предупредить и рассказать! А то увидят тушку, перенервничают.... Да, и кое-что из трофеев прихватите, для убедительности.

* * *

Немало времени заняло ознакомление караванщиков с обиталищем тролля. Пока одни затаскивали возы на холм, другие носили к дороге для погрузки трофеи тролля. Постольку речь шла о награбленном имуществе, то просто рассортировать и поделить было нельзя. Не спорю, если бы этот «клад» нашли несколько хорошо знакомых между собой человек,

особенно — торговцев, то могли бы и «замылить». Но тут — слишком много народу, слишком неподконтрольны языки у многих из них. Так что — придётся действовать по закону: вези всё мало-мальски ценное в город, сдавать властям для опознания. Далее, имущество, имеющее законных владельцев или их наследников, будет отправлено по принадлежности, за вычетом десятины, которая пойдёт нашедшим. Выморочное же имущество будет передано нам с двурвами полностью, за исключением налогов.

Было опасение, что не увезём всё, но места на возах хватило, хоть некоторым и пришлось ехать дальше в перегруз. Ну, и брали не всё — постель тролля из одежды убитых трогать не стали, уж очень воняла. Оставили несколько тюков подгнивших тканей, совсем никуда, кроме металлолома, не годные куски доспехов, хоть за этим, я думаю, Миккитрий ещё вернётся.

Из-за задержки с троллем таверны достигли уже в сумерках. Ну, да и ладно — лагерь разбивать, за водой ходить, укрепления строить и ужин варить не надо — на то и таверна. Точнее — Таверна, именно так, с большой буквы слышалось это слово из уст моих спутников. Кстати, никогда толком не понимал разницы между таверной и корчмой. Кабак — оно понятно, сравнительно недавнее изобретение, выпивка с минимумом закуски, харчевня — наоборот, трактир — то, что стоит на тракте, а вот два других заведения... Надо будет заодно как-то невзначай выяснить, а то брякну не в лад — кто-нибудь может обидеться. Правда, я заметил, что на Стража стараются не обижаться. И тем более — не обижать. Да уж, в принадлежности к уважаемой организации есть свои плюсы. Вот только если выяснится липовость этой принадлежности — то будет тем хуже, чем до этого было лучше...

«Таверна Весёлый Шуршунчик» — прочитал я с немалым удивлением на вывеске. Вот уж не думал, что персонаж нашей школьной загадки: «маленький, пушистый, над лесом летит и шуршит — кто это?» известен в ином мире. А вот на вопрос «Такой же маленький, такой же пушистый, тоже над лесом летит и точно так же шуршит, но не шуршунчик?» — отвечать следовало «брат шуршунчика».

На крылечке уже стоял, вытирая руки неизменным и неизбежным в любых мирах полотенцем, упитанный дядька в кожаной жилетке поверх шёлковой рубахи и кожаном же фартуке. Жилетка изобиловала нашитыми на ней накладными кармашками, а фартук ещё более изобиловал укрытым под ним пузом. Эдакий «типичный представитель класса Бармен», стереотипный до безобразия.

А рядом с крыльцом стоял танк. Нет, меня не кормили на обед подозрительными грибами. Нет, тролль не зацепил меня по голове палицей. И нет, меня не кусала никакая муха. Танк был средневековый. Точнее — его средневеково-фэнтезийный аналог, а именно — рыцарский конь. Боевой конь тяжеловооружённого и тяжело бронированного всадника. Обычно этот зверь и сам укрыт от вражеского оружия, но сейчас он стоял без боевого снаряжения, за исключением притороченного к седлу здорового бревна с железным навершием. Хм, очевидно, сие должно изображать копьё? Так вот ты какой, северный олень, то есть, рыцарский ланс, конечно же...

Вот дверь Таверны, сбитая «в ёлочку» из довольно-таки мощных деревянных плах, открылась, и на крылечко вышел плотно упакованный в броню дядька. На мой взгляд — чуть крупнее среднего, но это по меркам моего родного мира, тут это должно было считаться довольно впечатляющим. За ним двое служащих Таверны волокли плотно набитые тюки. Он что, уезжать собрался, но ночь-то глядя? Так я и спросил.

— А Вы не поздновато в дорогу собираетесь, уважаемый?

— Ух ты — настоящий Страж Грани! В чём-то коллега, можно сказать! Ой, я не представился: Паладин Света, барон ван Дрын.

— Страж Грани. Не барон, потому можно звать просто Котом. А можно спросить, не нарываясь на вызов — что за странное имя? Я не хочу быть непочтительным, но такое название баронства...

Дядька заразительно расхохотался:

— Нет, это в честь вон того дрына, — он указал на копьё. — А владений у меня, как у

Паладина, давшего обет скромности — увы. Наш король человек мудрый, потому даровал за заслуги просто титул. Прозвище было до того. А вообще-то я Ольерт.

Барон протянул руку:

— Будем знакомы.

— Будем. Тогда меня можно звать Виктором.

— Виттор? Очень приятно. Ладно, Страж, ещё увидимся — это я точно знаю. А что до времени — у меня частенько ночью самая работа. Клиентура как раз оживляется.

Барон отправился к коню, а я увидел странное явление — он как будто шёл в круге света, не очень яркого, но... Воспользовавшись артефактом различителем, я увидел, что он просто-таки накачан Светлым Астралом, «аж из ушей выплёскивается». Забавный персонаж...

— Барон, надо же — жив ещё! — в голосе Миккитрия слышалось явное и нескрываемое уважение. — Настоящий благородный человек, даром, что барон в первом поколении.

— А кем он был до получения титула?

— Говорят, из семьи горшечника. Откуда-то с юга, говорят, из портового города Дюк.

Поужинав (кстати, хозяин Таверны не нас встречал, а Ольерта провожал) и покивав головой в такт рассказам о нападении гоблинов и о коварном тролле, я отправился спать. Точнее — впитывать новый кусок информации о новом для меня Мире.

Спалось в эту ночь как обычно в этом Мире после чего-то по-настоящему впечатляющего. То есть — выключился-включился. Только под утро снилась всякая муть, причём в буквальном смысле слова. Какой-то нереально густой туман, как в мультиках рисуют. И я бреду в этом тумане, и какое-то странное сосущее чувство внутри. Из-за этого «молока» вокруг как само собой вырвалось:

— Я ёжик. Я упал в реку...

Раздавшееся в ответ уханье филина (или совы — не специалист я, на слух различать) прокатилось по спине стайкой мурашек. Ещёхватило куражу или дури ляпнуть:

— Псих!

Тут внутренний голос буквально взвыл: «Грань! Грань рядом!» после чего сотворил с нашим общим телом и сознанием нечто эдакое — и я проснулся. Стоя около двери своей комнатухи, причём — в полном снаряжении. Или это автопилот у меня такой, что я собрался, не приходя в сознание, или сон с туманом был далеко не просто сном.

Ну, раз уж оделся — пойду вниз, в общий зал. И насчёт завтрака поразведать, и по поводу борьбы со щетиной. Бритва-то у меня была, но вот мой станочек Wilkinson Sword превратился в тривиальную «опаску». Может, она и была прямым аналогом инструмента золингеновской стали, но вот навыка общения с таким орудием самоубийцы-маньяка у меня не было. Один раз я побрился на полном автопилоте, на рефлексх не то тела, не то второго «я». Однако воспоминания о том, как я, не отдавая себе отчёта в вытворяемом, вожу по горлу острейшей железкой — до сих пор вызывали нервную дрожь. Да и останься станок в исходном состоянии — без воды (желательно — горячей) и мыла было бы трудновато обойтись. Бороду отпустить, что ли?

Спускаясь в зал, я осознал, что теперь я в курсе местных денежных отношений. Забавно — тут, в Мире, также существовала когда-то двенадцатеричная система счёта, как и производная от неё шестидесятеричная. И если у нас она осталась в качестве системы отсчёта времени и в градусной мере углов, то здесь — в денежных расчётах. Один золотой

делился на шестьдесят серебряных монет, серебряшка — на сто двадцать медяков. По крайней мере — в Империи. Монету, как и положено для феодального мира, чеканили все, кто мог себе позволить. Подлинность золотой или серебряной монеты определялась подлинностью металла и весом. С медью было сложнее, тут многое зависело от авторитета чеканившего монету государства. Взять, например, медный чайник, к которому приценивался накануне. Если пересчитать его цену в медные монеты, то, в зависимости от номинала медяков, металла в них могло оказать раза в три меньше, чем ушло на посудину.

Как следствие, если самовольная чеканка серебра и золота могла, при надлежащем качестве изделий, сойти с рук — не считая штрафа в виде тройного размера неуплаченного налога — то за штамповку меди эти самые руки обрубали. Как вариант — каторжные работы в шахтах.

Кстати говоря, солер — и правда, золотая монета. Названная в честь себя неким старинным Императором. По сравнению с ним тот Людовик, что «Король-Солнце», был образцом скромности. Этот, Солер третий, дошел до того, что не себя сравнивал с Солнцем, а наоборот — светило называли «Солероликим» и «почти столь же сиятельным, как Император». Клиника, в общем говоря. А за попытки разрубить монету имени Императора карали, как за покушение на него самого. Что закономерно, хоть для некоторых и неожиданно, привело к росту спроса на серебро и цен на него... Сейчас же и золото, и серебро любой чеканки режутся «на ура». Вот только расчёты такой «резанкой» — занятие продолжительное и увлекательное...

Кстати говоря, мелкие серебряшки, что мне достались ранее, были не имперской чеканки. И будучи весом в одну восьмую имперской «луны», стоили, тем не менее в десять раз дешевле — политика и курсообразование уже начинали работать. Вчера ещё у меня был вопрос — почему бы не переплавить их в слиток и не продать по себестоимости? Сегодня я уже знал, что неклеимый слиток будет стоить намного дешевле, чем монеты того же веса, да и клейменный в банке, подтвердившем чистоту и вес металла, тоже будет чуть дешевле — на стоимость чеканки монет, по официальной версии.

Пока я сидел за столиком, ожидая заказ и перебирая в голове новые сведения о Мире, этот самый Мир тоже не дремал. Ко мне подсел Драун и, озираясь по сторонам, произнёс:

— А вот скажи-ка мне, Стражи — они ведь тоже дву... эээ... люди, правда?

— И люди тоже... — я как-то не был расположен разгадывать шарады говорливого спутника, своих загадок хватало.

— Значит, и Стражам тоже монеты нужны, а? — он хитро подмигнул. При этом старался, чтоб никто со стороны это подмигивание не заметил.

— Были бы не нужны — от делёжки трофеев бы отказался. Я же не отказывался?

— Нет... — Драун был явно выбит из колеи задуманного течения разговора.

— Значит, нужны. Были. Теперь — есть...

— Ну, это разве «есть»? А могут быть вполне серьёзные денежки...

— Закон нарушать не буду. То есть — никого убивать без иной причины, кроме денег. И контрабандой заниматься не буду.

— Да не, тут дело другое. Надо кое-куда сбегать, тут недалеко, и кое-что принести.

— И с какого же перепугу на такой ерунде разбогатеть можно?

Двурв сделал паузу:

— Вон, в углу сидят двое — они и есть заказчики. Один человек, второй — с примесью эльфячей крови. Пойдём, они расскажут.

Идти никуда не хотелось. Была мысль заявить, что если я им нужен, а они мне нет — то пусть они и идут ко мне. Была — и пропала. Может, это по местным меркам страшное хамство и оскорбление, чреватое, например, дуэлью. Только не удержался — глянул на них через различитель и прочитал заклинание поиска врага. Ну что ж, на данный момент враждебных намерений ко мне не имеют и представляют собой то, чем выглядят.

— Доброго утра. Вроде бы у вас было какое-то дело, которое могло бы стать общим?

— Присаживайтесь, Страж. Так удобнее будет о делах говорить.

И они заговорили. Точнее, говорил один из них, и уже минут через пять у меня начало скулы сводить. Или они меня за идиота держат, «или одно из двух», как говаривал один из братьев Колобков. Сами судите: в дне пути есть в лесу долинка, точнее — котловина, куда когда-то метеорит упал. Камушек выковыряли и увезли, а на дне ямы открылся Храм Сил. И вот теперь, видите ли, надо сходить туда и принести не то забытый, не то потерянный на алтаре амулет. Родовое наследие и местнотимая святыня, видите ли. А в котловине — стойбище гоблинов, не меньше ригта воинов и шайка небоевого народу. Плюс — шаман. И вот за этот эпический поход платят пятьдесят солеров, дают коня со сбруей и некий артефакт в придачу.

Нет, если бы я отыгрывал средней руки РПГ-шку без особых претензий на оригинальность, то тогда да — и то, исходя из размера оплаты — подождал бы, пока прокачаюсь. А если считать все вокруг реальной жизнью — ну уж нет!

— Нет, уважаемые, не интересуется. Тороплюсь, видите ли. Да и совесть мучает, маленьких обижать. Сожалею о напрасно потраченных вами времени и усилиях.

— Но, может, мы сможем предложить...

— Уверен, что не сможете, ещё раз — примите мои сожаления.

Под взглядами удивлённо округлившихся глаз двурвов я вернулся к своему столику, успев ухватить краем уха:

— Всё, жаль, время вышло...

Что-то царапнуло мне глаз, какая-то деталь во всем этом, выделившаяся даже на общем фоне клинической дури. Но что — не пойму, и это тревожит. А вот принесшая заказ работница общепита настроение подняла — сообщила, что один из родичей хозяина подрабатывает услугами по стрижке и бритью. Я с удовольствием принялся за завтрак — мясная мачанка, да к ней — мягкие, горячие блины, да сметанка, мрррр...

Спутники устроились по бокам, двумя концептуалистическими скульптурами. Аллегория удивления с одной стороны (Гролин), и воплощение сожалений об упущенном счастье — с другой (Драун соответственно).

— Так, хватит так на меня смотреть — кусок в горло не лезет! Что вам тут-то непонятно?

— Почему?!

— Сам удивляюсь — почему они меня так?

— ОНИ?! — хоровой изумлённый вопль показал мне, что удивление у шальной парочки вызвало всё же моё поведение. Я, если честно, это подозревал, но решил сделать вид — снова в воспитательных целях.

— Конечно. Слишком много обещали.

— Так дурни, не понимают!

— Ага, конечно. И коня наоборот седлают, едут — за хвост держатся. Ну, сами подумайте: найти десяток стражников, пообещать им по серебряной монете за каждый день

из трёх, к ним — подыскать ученика мага, подмастерья, только не погодника, а с уклоном в боевую магию, любого старшекурсника любой Академии — их, я слышал, в Империи семь? Ну и считайте: тридцать сребреников — пехоте, золотое «Солнышко» — магу. Ну, пускай, полтора — по полсолера за день. Итого — две монеты плюс харч на три дня и бочонок пива, отметить сделку. И им бы принесли этот амулет меньше, чем за три золотых. Правильно считаю?

— Правильно...

— И вот, не обратившись к конным стражам, что ехали искать бандитов, не тревожа Паладина — идут к нашей троице. И дают совершенно несоразмерные с работой обещания. Мне такое очень не нравится. Бесплатный сыр бывает — но достается только второй мышке. Тут или обман с сутью задания, или с количеством проблем. Или — могут быть большие проблемы потом. Например, снимем мы амулет с алтаря — а алтарь переродится и оттуда какая-нибудь гадость полезет?

Дворвы были озадачены. Но я их решил добить:

— И трофеи наши с караваном уедут — кто проследит, чтобы все как следует продать?

Тут я бил наверняка — чтобы дворвы упустили уже имеющуюся на руках выгоду? Ага, как же. Это только временно «золотой туман» мог застить взор, не очень надолго. И угадал:

— Так, Гролин! Глянь, сколько у нас ещё времени? Спроси, когда выступаем, а то ещё отстанем, чего доброго...

Вот! Вот оно — то, что зацепило меня в конце разговора со странными нанимателями! Перед тем, как сказать про время — один из них поддёрнул рукав и глянул на руку, вроде как на часы посмотрел. Привычным и ему, и мне жестом. Вот только нет в этом Мире наручных часов! Карманные, гномьей работы, размером в два кулака и ценой — ой-ой-ой, есть, а наручных — нету! Эх, что бы сразу сообразить, поговорить с ними по-новому! А сейчас — попробуй, догони...

Некогда, однако, рассиживаться, надо быстренько доедать, бриться и выходить во двор — караван ждать не будет, даже такую замечательную личность, как я. Ну, долго ждать — точно не будет.

Всё-таки я задержал караван, пусть и ненадолго. Тем не менее, особых угрызений совести не испытывал, по одной простой причине. А именно — из-за радости караванщиков, что они не успеют доехать до постоянного двора, на котором предпочитал ночевать Миккитрий из-за его дешевизны, а остановятся в несколько более дорогом, но и намного более приличном месте.

А вот из-за того, что был пропущен утренний комплекс упражнений, я по-настоящему расстроился. Это меня удивило и даже испугало — удивило оттого, что я в своей прежней жизни не был фанатом спорта и из-за пропущенной зарядки расстраиваться особо не стал бы. А испугался именно из-за такой «не своей» реакции. Видимо, моё второе «я» стало проявляться гораздо активнее. Напрягало, мягко говоря.

Ну да ладно, не прошло и десяти минут, как я придумал способ и зарядку провести, и к караванщику подлизаться. А именно — пойти вперёд, изобразить головной дозор. Так и сделал — лёгкая пробежка, позволившая оторваться от повозок примерно метров на восемьсот и дальше — прогулка с выполнением кое-каких разминочных упражнений и тренировками в магии — а именно, в прощупывании окрестностей на предмет всяких пакостей. Однако явных пакостей за весь день так и не встретилось. Имеется в виду —

конкретно для нас, а вот народу окрестному становилось несладко.

Трижды мне на пути попадались беженцы и погорельцы, выжитые с дальних хуторов и из мелких деревенок чрезвычайно размножившимися и гиперактивными гоблинами. Я, памятуя об опыте спецслужб другого мира и других времён, проверял каждую такую группу на подлинность и чистоту намерений, однако они и были теми, кем казались. При этом они все, а в особенности — дети смотрели на меня как на что-то не слишком настоящее, что ли. Почти как на сказочного персонажа. Странно...

Ещё из встреченных за день запомнился небольшой, но очень серьёзный караван или скорее даже конвой. Взвод драгун сопровождал две крытых повозки, что-то среднее между классической, в представлении большинства моих современников, каретой и маленьким дилижансом. Мне они напомнили почтовые вагоны — единственным небольшим окошком в задней части борта. Глянув через различитель и поразившись обильному буйству оплетающих повозки заклятий, я изменил своё мнение. Скорее, не почтовые, а инкассаторские коробочки. Или, скажем, фельдсвязь. При этих повозках, помимо трёх десятков кавалеристов, находились, по меньшей мере, два мага — не считая тех, что прощупывали меня из повозок: я отчётливо ощущал тот же странный зуд в плече, что и в сельской корчме. Кстати, сразу после проверки охранники резко потеряли всякую настороженность в моём отношении.

Поскольку эта встреча произошла во время дневного привала, мне даже удалось разговориться с одним из их магов. И я (о, счастье!) купил у него некое средство против роста волос. Его требовалось смешивать непосредственно перед применением из трёх компонентов, со строгим соблюдением пропорций и некоторым магическим воздействием. Именно это делало данный состав доступным далеко не всем желающим, из-за чего я раньше и не слышал о подобном чуде бытовой алхимии.

В разговоре, стараясь получить как можно больше полезных сведений о том, что ждёт впереди, старался не ляпнуть чего-нибудь лишнего о себе. Но, похоже, проблемы пришли не отсюда, откуда ждал. Маг спросил:

— А Вы, извините, давно с Грани?

Стараясь избежать недоумения по поводу возможного незнания мною элементарных вещей, я ответил почти честно:

— Недели две назад.

И встретил очумелый взгляд совершенно круглых глаз собеседника. Тут что-то явно не так! Воспользовавшись тем, что Миккитрий объявил конец привала, я поспешно распрощался и, сославшись на обязанности по охране, банально и нагло сбежал от расспросов.

Два других дня прошли точно так же, за вычетом встречи с «инкассаторами». И к вечеру третьего мы, наконец, вошли в ворота вожделенного для двурвов города Роулинга.

В вожденный для некоторых Роулинг вошли уже в сумерках, поэтому местные достопримечательности рассмотреть толком не удалось, да не очень-то и хотелось, если честно. Почему-то зверски, неправдоподобно хотелось спать. Поэтому я, не мудрствуя лукаво, двинул по городу вслед за караваном, рассчитывая, что они-то знают, где ночевать. На меня немного косились, но не гнали. Добредя таким образом до постоянного двора, я заказал у хозяина отдельную комнату. Сыпанул на стойку горстку меди, в которой блеснуло пару серебряных «чешуек» и, буркнув хозяину:

— Эт типа залога. Утром сочтёмся... — побрёл по лестнице.

Рухнув на кровать со скромным соломенным матрасом, даже не заснул, а просто выключился. И тут же включился опять в уже отчасти знакомом тумане. На сей раз, ни на какие шуточки меня не тянуло. На сон, кстати, тоже — особенно после того, как внутренний голос, он же — «второе я» произнёс с отчётливо ощутимой тревогой: «Грань рядом!».

Постоял пару секунд, пытаюсь понять, что же мне теперь делать, и тут меня потянуло налево. Не в смысле — в загул, а просто захотелось повернуть налево и пойти туда. Пожав плечами — так и сделал, поскольку всё равно ничего дальше пары шагов не было видно, а стоять на месте казалось глупым. Сколько шёл — точно не знаю, но недолго, пока не увидел впереди проступающее сквозь туман сияние. Я ускорил шаг, и через пару десятков шагов вышел к... чему-то. Вначале ЭТО показалось мне костром, но почти сразу бросились в глаза отличия: столб ровного, тихо гудящего пламени. Не знаю, почему, но возникло такое чувство, что вот этот видимый сквозь туман участок земли — часть обшивки какого-то летательного аппарата, вот это пламя — выхлоп реактивного двигателя, который несёт корабль сквозь туман. Тут же пронзила не то мысль, не то ощущение: я же на днище корабля! Накатило головокружение и чувство падения куда-то вверх, но тут же отпустило: вмешались вестибулярный аппарат и здравый смысл.

Раздался короткий хохоток. И только тут я заметил сидящую по ту сторону костра фигуру. Или она только сейчас появилась? Не «она», а «он»! Присмотревшись, я узнал фигуру, и моя рука сама схватилась за лук, но — увы, я нащупал лишь ту пародию, с которой когда-то, в прежней жизни, явился на игру. Только тут заметил, что в руках у меня — мой старый самодельный посох, одежда тоже вернулась к «первобытному» состоянию. Процесс осматривания и ощупывания сопровождался ехидным похихикиванием с той стороны костра. Вот же сволочь, а?! Кстати, спать я ложился без всего этого снаряжения. Так, значит, это просто сон? Вряд ли — не раз читал, что во сне отсутствует чувство удивления, отключен соответствующий участок мозга. Всё, что угодно — страх, злость, радость — но не удивление. А я последние несколько минут только тем и занимаюсь, что нахожусь в изумлении.

Но стоп, что это? Новые привычки ввели в заблуждение — привычная (да, уже привычная) тяжесть ножен проскочила мимо сознания, но теперь... Я осторожно, чтобы не спугнуть удачу, взялся за рукоять и вытащил клинок. Ага! Тот же, что и в поединке с троллем клинок, как будто сплетённый из двух сияющих струй, только сияние ярче. Я шагнул в сторону, пытаюсь обойти вокруг костра и, наконец, поговорить лицом к лицу с тем, кто явно приложил руку к моему нынешнему положению. Смех оборвался, и несколько озадаченный голос произнёс:

— Ну, надо же! Клинок стихий признал уже нового владельца? Значит, не ошибся я с подбором.... А вот пытаться подойти ко мне — не надо. Это такое место, что просто не пустит. Это раз. И вообще: замахиваться, пусть и не совсем простым мечом, на какого-никакого, а бога — слишком уж жестокий способ самоубийства. А ты мне пока нужен живым!

На последних двух фразах из голоса исчез всякий намёк на веселье, а вот ледяной властной силы стало — хоть отбавляй. Пробрало, честно сказать. Но, при моём отношении ко всякого рода потусторонним силам, характере и отыгрываемой роли — виду не показал. Даже попытался всё же обойти вокруг пламени. Ощущение — как будто по транспортеру идёшь, или на беговом тренажёре. Было тому причиной действительно свойство места, или противодействие типа, известного мне под ником Арагорн и представившегося богом — неизвестно, но пришлось признать очевидное и присесть, где стоял. Клинок убрал в ножны, была мысль многозначительно положить на колени, но отмёл как глупость сразу по нескольким причинам. И обойти вокруг огня не получается, и собеседник явно слишком не прост, а пустые угрозы — это большая глупость и признак неадекватности. Да и страшновато было класть вот это, гудящее и сияющее, на собственные ноги. Признать-то он, по словам моего визави, меня признал, но вот насколько, и каковы его свойства? Вот то-то и оно, что неведомо...

Я вновь посмотрел на своего собеседника, повнимательнее. Вроде бы всё тот же самый тип, а вот гляди ж ты, кем оказался. С другой стороны, мало ли как он назвался — проверить-то я не могу. Да и боги бывают разные — вон, у Земляного в «Академике» третьекурсники одного заведения могли иных божков за пивом гонять. Так что...

Собеседник тоже рассматривал меня с какой-то смесью ехидства и ещё чего-то, похожего на удивление. Так, пока эти смотрины прекращать и начинать конструктивный диалог.

— Так это ты — виновник этой хамской выходки с плоскими шуточками?

— Не понял.... Это кого это ты хамом обозвал?! И чем тебе мои шутки не угодили?!

А дядя-то всерьёз разозлился, кажется. Или талантливо притворяется. В любом случае — стоит немного снизить накал страстей, а то ещё молнией шандарахнет, если и правда бог. Или гадостей наделает...

— Не хамом, а хамством — взять человека, с привязанностями и обязательствами, выдернуть из своего мира, без спросу и предупреждения и засунуть не пойми куда. А шуточки наподобие полного отсутствия понимания, куда попал и надкусанного жемчуга — не смешные, опасные и довольно-таки плоские. И раз обиделся за шутки — то и выходка явно твоя!

— Шутки — мои, и мне они нравятся, и это главное. А перенос — не совсем. Точнее — сам перенос вообще не мой. Явление природы. Я только немного вмешался и подкорректировал...

— Подкорректировать можно тоже всяко. Например, подменить кандидата.

— А ты бы предпочёл перенестись в своей одежке, прямо с улицы и с тем, что в карманах было?! Благодарить бы должен за экипировку! Долго и старательно!

— Хммм... — я несколько смутился. Если так посмотреть — то прав дядька на все сто.

— А что за избирательный склероз?! — все же решил я выяснить обстоятельства до конца.

— А вот тут дело более сложное. Но объяснить что к чему надо, для того тебя сюда и

затаскиваю, который раз.

— Кстати, куда это — «сюда»?

— Не перебивай старших! Потом поймёшь, куда, будет возможность. А пока — хватит того, что это такое специальное место между мирами. Если угодно — центр цветка. Можете тут встречаться со мной и друг с другом. Не перебивай! — заметил он моё желание вмешаться. — Да, друг с другом. Неужели решил, что ты такой уникальный, единственная надежда не последнего божества в этом веере миров?

Так вот. При переносе я не только подкорректировал твои вещи и тело, а также даровал затребованные тобой возможности, но сделал больше. Я посадил тебе спутника — остатки души истинного Стража Грани, который слишком много времени провёл на своём посту, чтобы иметь шанс вернуться в Мир. Но — его душа всё же остаётся самостоятельной — раз, и рвётся обратно, исполняя давнюю и нерушимую клятву — это два. Так что навыки и умения Стража у тебя не навсегда, даже — ненадолго, если не будешь вести себя правильно.

— То есть?! — перспектива остаться в этом мире БЕЗ всего того, что знает и умеет «второе я» искренне пугала. Хотя было понятно, что часть моих новых возможностей — дарована Арагорном (если принять его слова за правду), и с чужой душой не уйдёт, но...

— То есть — тебе надо учиться. Собственно, пока вы слиты воедино — достаточно буквально парочки повторений того или иного действия. Тогда навык или знание становится общим, и останется при тебе после ухода Стража. Кстати, чем плотнее слияние — тем больше воспоминаний переходит от Спутника к тебе. Короче говоря, твоя задача — в ближайшие несколько недель активно использовать все навыки и умения Стража Грани, боевые, магические, бытовые — все!

— То есть, выражаясь терминами ролевки, с которой всё и началось — прокачка?!

— Началось всё гораздо раньше и иначе. И не столько прокачка, сколько перекачка опыта. Вот скажи, сколько времени пришлось бы учиться, чтобы справиться с троллем? Хотя бы то самое ускоренное существование, боевой транс — знаешь, сколько времени уходит на его освоение? Даже теми, кто изначально способен на подобное и под руководством опытных наставников?

— Ну, это у меня и в прежней жизни пару раз получалось...

— Тем лучше! Чем больше у вас со Спутником общего — тем плотнее связь. Тем дольше он останется с тобой и тем быстрее и больше передаст тебе из накопленного им опыта. А я буду следить за процессом.

— А тебе-то какой интерес от всего этого?

— «Пути Господни»... Эй, вот не надо так кривиться! Смертному и правда, никогда не понять полностью мотивы и методы действий бога. А тебе пока и не положено. Вот, когда освоишься как следует, а именно — сможешь взять от своего Спутника достаточно для того, чтобы соответствовать моим целям — тогда и расскажу. Короче говоря — походи по миру, поучись, а я понаблюдаю. Иногда задачку какую-нибудь подкину. Кстати говоря, ты за что моих посланников отшил так безапелляционно?

— Последние отшитые мною, из объявивших себя посланниками бога, относились ещё к моему миру. Какие-то сектанты-самоубийцы, которые ломались ко мне в квартиру со своей макулатурой в семь утра воскресенья. Их я не только отшил, но и послал — довольно заковыристо и не близко. Так это были твои?

— Нет, эти — нет. А вот в этом мире, пару дней назад, утром в забегаловке одной? Они к тебе с деловым предложением выгодным, а ты...

— Это те два клоуна с наручными часами и вопиюще явной подставой?

— С какими ещё часами?! — Арагорн приподнял бровь. Потом тихонько, себе под нос пробормотал: — Головы откручу...

Через долю секунды он вздохнул и продолжил:

— Да не было никаких часов, не такие они дураки. С чего ты вообще решил?

— Уходя из зала, очень характерным жестом рукав поддернул и на запястье глянул. При этом ещё говорил, что им некогда.

— Это у него там татуировка сигнальная. Своего рода вариант рунной магии, вот она ему и напомнила кое о чём. А вот насчёт очевидности, как ты выразился, «подставы» я с ними побеседую ещё. В общем — бывай пока, у меня других дел много. И долго тут не засиживайся, да и по окрестностям не шастай, не готов ты ещё к этому.

Арагорн встал, развернулся и шагнул в туман, мгновенно исчезнув. Я, наконец, смог расслабиться и от души выругаться по поводу всего произошедшего и услышанного. Особенно доставляло то, что тема возвращения меня обратно на Землю даже не поднималась.

Отведя душу, я оглянулся по сторонам, примериваясь, как лучше встать — и тут увидел кое-что неожиданное. Справа на расстоянии вытянутой руки стояла бутылка пива. И не какого-нибудь, а моего любимого, хоть и очень редко попадавшего в мои лапы — «Крёмбахер»! Даже и в бытность в Германии позволяли себе очень редко, для студентов и старшеклассников пивом «по умолчанию» был «Падербёрнер» по восемьдесят-девять пфеннигов (или «финишек», как мы говорили) за пол-литра. Или, если совсем поджимало, то «Ганзейское» по сорок «финишек» за банку ноль тридцать три. А «Крёмбахер» по две с половиной марки за бутылочку в треть литра — только по особому поводу. Дома в «весёлые девятности» студенту и думать о нём не приходилось. А потом — очень редко попадалось на глаза при наличии свободных денег в кармане.

Отгнав нахлынувшие воспоминания времён ранней молодости, я протянул руку. Не мираж — твердая, холодная, запотевшая бутылочка. Поднёс её к груди, поколебавшись секунду, сорвал пробку и... И бутылка медленно растаяла у меня в руках клочком тумана под не то услышанный, не то почудившийся ехидный смешок. Под него и проснулся — на кровати, полураздетый, как и упал. Только меч, оставленный стоять около стула, теперь лежал рядом. Я ещё раз помянул про себя шуточки, которые всякие там нуменорские морды над людьми устраивают, пару раз провел по рукояти меча и ножнам, прошептал ему: «Спокойной ночи!» — и уснул, на сей раз по-настоящему и до утра.

* * *

Утром встал на рассвете (и куда подевались мои «совиные» привычки?!), выбежал в огороженный дворик и минут сорок развлекал местных обитателей. Вначале проделал дыхательный комплекс, памятный по давним и почти «невзаправдашним» занятиям кун-фу, при этом «внутреннее Я» несколько раз вносило свои коррективы. Я не спорил. Почему-то мои ночные приключения совсем не вызывали у меня сомнений в своей достоверности, даже не знаю, чем объяснить такое обстоятельство. Разве что — божественным вмешательством?

Отдышавшись, взял свой копьепосох (он же — глефа) и дальше продолжил уже с инструментом. Сперва, для разминки, несколько замедленных вращений и перехватов, затем — всё наращивая и наращивая темп и сложность упражнений. Минут через двадцать уже изображал под плотным руководством Спутника бой с несколькими противниками, работая на грани срыва в «ускоренный режим». Местные пацаны, как удавалось заметить краем

глаза, останавливались поглазеть. К ним выходили с «добрым, тихим словом» работники постарше, но ближе к концу занятия и они стали пополнять ряды зрителей.

Остановившись, я с сомнением покосился на меч. Не хотелось бы вытаскивать на публике это сверкающее чудо, честно говоря — даже несколько боязно. Но, с другой стороны, большую часть времени он всё же выглядел просто булатным клинком, да и навыки владения им нарабатывать надо было ДО того, как прижмёт в бою. Тем более что изнутри подпирало ощущение незаконченности разминки. К моему искреннему облегчению, меч выглядел просто очень хорошим мечом, и следующую четверть часа я развлекал публику уже с этим инструментом. Надо сказать, что в прежней жизни я клинковым оружием не владел вообще. Была привычка крутить в руках любой подходящий по длине и весу предмет, изображая достаточно злобную пародию на «восьмёрку» или «мельницу», но и не более того. Сейчас клинок пел и вел за собой, как опытный партнёр в танце. Вот только не раз описанного в книгах неуютного ощущения чужой воли, неестественности «не своих» движений не было. Каждый мах и финт казался естественным, понятным, давно знакомым, но почему-то забытым. Влияние Спутника, или клинка, или их обоих? Или это вообще сейчас именно душа настоящего Стража упражнялась со своим мечом, а я просто «свечку держал»? Не знаю.

Однако вот связки и суставы тела, хоть и более приспособленные к такой деятельности, чем моё исходное, вскоре запросили пощады. Пришлось прекратить зарядку. Да, разогрелся и пропотел хорошо, хотелось бы ополоснуться, благо вот рядом колодец, но делать это на глазах многочисленных зрителей и даже зрительниц (из кухни и обеденного помещения набежали, что ли?) было как-то неприятно. Разогнать публику оказалось не трудно: достаточно было вроде как в задумчивости проговорить:

— Сейчас бы с кем-нибудь на пару позаниматься...

При этом обвести зрителей внимательно-оценивающим взглядом и — чудо! — двор сразу опустел. Усмехнувшись, окатил себя водичкой из жутко тяжёлого в сравнении с привычными оцинковками деревянного ведра. Водичка оказалась ну очень холодной, настолько, что чуть не заорал от неожиданности. Стало понятно, почему поилка сделана таким замысловатым образом: вода наливалась с помоста в высоко расположенную бадью, уже оттуда по желобу, прогретшись на солнышке, стекала в корыто. Странно, вроде колодец не слишком глубокий, что ж вода такая холодная?!

Быстренько проскочил к себе в комнату по «чёрной» лестнице (и слегка напугав по дороге служанку с ведром) и, растёршись полотенцем и одевшись, спустился в главное помещение заведения уже в полном «парадном» снаряжении, разве что без мешка с особо увесистым имуществом. Около мужика за стойкой стояла одна из зрительниц и что-то быстро шептала ему на ухо. Увидев меня, она резво порскнула через полуоткрытую дверь куда-то в недра служебных помещений. Ага, конспирация на нуле — зато понятно, о ком говорила. Видимо, делилась впечатлениями. Вот только одна проблема — вчера был в состоянии частичного осознания окружающей меня реальности (наверное, Арагорна благодарить надо) и не помню — этот мужик вчера за стойкой стоял или другой? Но он избавил меня от сомнений, заговорив первым:

— С добрым утречком! Мне брат мой всё передал, что надоть.

Ага, стало быть — брат, понятно. А вот что «надоть» было передавать — не совсем, и это несколько напрягает.

— Ежели поснедать у нас не побрезгуете?.. — мужик сделал вопросительную паузу.

— А что есть?

— Ну, как обычно...

Он собрался было что-то перечислять, но я увидел за одним из столиков компанию из троих парней, а перед ними — здоровенную чугунную сковороду со шкворчащей ещё глазуньей на мясистых шкварках. И стопку блинов на деревянном блюде.

— Вот! Мне того же, ещё сметаны плошку, если есть, и на запивку...

Тут я призадумался. Пивом утро начинать не хотелось, мне ещё сегодня по городу ходить, с людьми общаться. И голова нужна светлая, и запах будет лишним. Что местные кулинарные гении намешают во «взвар» (некое подобие чая, но на всем, что под руку подвернулось) предугадать было невозможно, а рисковать не хотелось.

— Квас есть?

— Есть, конешне...

— Тогда квасу пивную кружку. Сколько с меня за всё?

На лице трактирщика отобразилась некая борьба с собой, но потом он, сделав явное усилие, спросил:

— А у нас ещё на ночь останетесь?

— Сам ещё не знаю. Если что — вечером начнём расчёт заново.

— Ну, тогда.... Тогда эт я ещё должен, со вчерашнего.

С выражением лица Прометей, кормящего орла своей печенью, мужик выудил из-под прилавка небольшой тряпичный кулёк, развернул — там оказалась горсточка монет, вроде бы — те, что я вчера сыпанул.

— Тут, стал быть, ежели запасов брать не будете? — дядька дождался моего отрицательного жеста, вздохнул и придвинул ко мне обе серебряные монетки и часть меди. Подумал пару секунд, вытащил одну медяшку из моей кучки, на её место передвинул другую и, ещё раз вздохнув, сказал: — то вот так вот будем в расчёте.

Я пошёл к столику, размышляя, что надо отвыкать от дурной привычки называть всех без разбору представителей мужского полу мужиками. У нас это слово утратило первоначальный смысл и стало чуть ли не комплиментом, а вот тут.... Тут, похоже, общество насквозь классовое и феодальное, потому обозвав кого-то мужиком, то бишь — крестьянином, представителем одного из низших классов, можно нарваться. Как минимум — на ответную «любезность», как максимум — на крупные проблемы.

Пока еда готовилась, я размышлял над ночной шуточкой Арагорна с пивом. Как-то неуютно она совпадала с моими мыслями при встрече. О неких студентах из некоей книги — ну, и так далее. Это он что, мысли читает мои, как свои, что ли?! Ладно, сорт — если знал заранее, что меня ждёт перенос, мог и на Земле выяснить (хотя — зачем?!), но сам факт, что именно пиво? Может, конечно, вид у меня был от новостей — как с похмелья, но всё равно — тревожно. И что он хотел этим сказать? Показать, что даже мысленно надо проявлять уважение, ибо читает он их легко и просто? Что не дорос я богов за пивом гонять? Так это я и так знаю. Просто пошутил? В общем, толпа вопросов, не имеющих ответов, и логическому анализу не поддающихся, а уж если про логические связи второго и более порядка вспомнить — уууу.... Или в этом и смысл — заставить меня думать только на эту тему, по методу Штирлица: «Запоминается только последний вопрос» и отвлечь от чего-то более важного?

Бег мыслей по кругу прервало появление официантки, да ещё и с пацанёнком-помощником. М-дя, тщательнее надо с формулировками, намного тщательнее. Потому как

приволокли они мне именно «то же самое», как я и просил. В смысле — в том же количестве. Они что, озверели?! Тут одних яиц не меньше десятка! Но возмущаться не стал — во-первых, сам так выразился, во-вторых, и не доем, так не пропадёт. Тот же пацанёнок подносчик особо сытым отнюдь не выглядит. Подумав об этом, я, над головой мальчика, подмигнул официантке и указал глазами по очереди на сковородищу и на мелкого. Она согласно кивнула и слегка даже улыбнулась. Это её пацан, может? Или просто — знак внимания, и благодарность за то, что возмущаться не стал? А, без разницы. За стол к себе мелкого приглашать не стал — не от брезгливости, как могли бы подумать некоторые, а исключительно по причине приличий. Помните — общество классовое? И мальчишка бы ошалел, кусок в горло не лез бы, и окружающие тоже. А потом бы ещё и слухи дикие поползли. Оно мне надо, хоть вроде и не собирался я тут задерживаться?

Так, сметанку ложкой сюда, в горячий ещё жир, блин в руку — понеслась! Мням...

Когда после завтрака сходил в номер за рюкзаком и спустился вниз, меня остановил тот же трактирщик и сообщил:

— Тут ещё такое дело... Миккитрий прислал мальчика к вам, сказать...

Его спич был прерван тем самым, видимо, мальцом, который прошмыгнул мимо трактирщика и затараторил:

— Дядько Миккитрий велел передать, что с Вашей долей того, что с тролля взято, и что в город привезли, и на что боле точно некому прав иметь, так вот — он с этим токмо завтра к вечеру разберётся, вот!

Ловко увернувшись от подзатыльника, мальчишка отбежал на пару шагов так, чтобы я оказался между ним и покушавшимся на него трактирщиком и уставился на меня весьма выразительным взглядом. Ага, видимо, ждёт плату за новость, а прижимистый распорядитель постоялого двора пытался его, по каким-то причинам, этого дохода лишить. Ну, вникать в тонкости их отношений не буду, а медяка малому не жалко, хотя бы — за смелость и увёртливость. Я протянул вытащенную наугад монетку (вот смеху было бы, окажись это серебро!) и сказал:

— Передай уважаемому караванщику, что я сюда к нему и приду за расчётом, если его это устроит.

Ну, всё, больше меня тут ничего не держит — рюкзак поправить и вперёд, внедряться в городскую жизнь. Надо найти представителя Ордена, зайти в банк к двурвам, поискать храм, где можно бы Арагорна за снаряжение поблагодарить (намёк был более чем прозрачный). Кое-что продать, кое-что прикупить, место для ночлега подыскать, а то в этом заведении я — как Дед Мороз на нудистском пляже, неуместен. Тут своя компания, точнее — люди своего круга, в который я никак не вписываюсь. Короче говоря, дел — достаточно.

* * *

Выйдя из заведения через матёрую, сколоченную «в елочку» из бруса дверь, я непроизвольно поморщился. Да уж, улочка на центральный проспект цитадели цивилизации и центра культуры никак не похожа. Нет, широкая, это да — воз с упряжкой, встав поперёк, оставляет достаточно места для проезда. Оно и понятно, ведь это, похоже, одна из основных транспортных магистралей, и ведёт от недалёких, всего в квартале отсюда, ворот (а вчера казалось — час тащимся от них) к заведению, ошибочно принятому мной за постоялый двор. Это, скорее, было чем-то вроде транспортного терминала: места, куда приходили караваны, втягивались в несколько ворот комплекса, занимающего целый квартал, а оттуда грузы уже развозились по всему городу более мелкими партиями. Я заметил несколько двуколок,

влекомых животинками, похожими на олов, только заметно крупнее. Почему-то всплыло в памяти слово «онагры», но я был совершенно не уверен, насколько оно к месту. А вот повозку, движущуюся к воротам, тащило что-то наподобие варана. Неторопливо, монотонно, щедро и равномерно одаривая окрестности неповторимым ароматом гниющей мусорной кучи. При этом зверюга столь же монотонно жевала что-то, ни видом, ни запахом не отличавшееся от груза.

Так вот, все эти двигатели торговли, то есть — тягловые, вьючные и верховые животные — безо всякого стеснения вываливали на дорогу отходы жизнедеятельности. До мешков, подвешиваемых под хвосты в средневековых городах, местная гигиеническая мысль явно не дошла. Пока я пристально оглядывал окрестности в поисках брода, привязанная около входа кобыла задрала хвост и запустила в сторону крыльца могучую пенную струю. Не без труда увернувшись от подарочка и большей части брызг (хоть на сапоги немного попало-таки), и помянув непечатно родословную этой скотины, я направился в сторону, противоположную воротам. Буквально метров через пятьдесят улица стала втрое уже, а ещё через такое же или чуть большее расстояние под ногами появилось что-то наподобие мостовой. Или она просто проступила сквозь уменьшившийся слой отложений? Не знаю, да и знать особо не хочу, но идти по торцам древесных плах было не в пример приятнее — там, где они были видны. Ещё пару небольших кварталов — и нечастые проплешины мостовой в слое грязи сменились грязными пятнами на сплошном покрытии.

Район был небогатый, но и трущобами назвать было бы несправедливо. Почему-то подумалось, что тут селятся в основном те, кто кормятся с караванов. Не их владельцы или главные караванщики, а именно наёмные рабочие, а также люди, занятые их обеспечением, снабжением, ремонтом и тому подобное. Несколько раз попадались «столовки» примерно того же класса, что и в моём ночлеге, как с комнатами для ночевки, так и без них.

Метров через триста пятьдесят или четыреста (и пять или шесть поворотов под странными и дикими углами) от начала бревенчатой мостовой она сменилась неровной, кое-где выщербленной, но брусчаткой. Дома вдоль улицы стали двухэтажными, вторые этажи нависали над дорогой — классика жанра! Кое-где попадались даже трёхэтажные «небоскрёбы», у них второй этаж не выступал за габариты первого, а вот третий — да. Примерно в метре-полтора от стен по обеим сторонам тянулись канавы, но, в противоречии с историческими описаниями моей родной планеты, они совсем не были заполнены нечистотами и не воняли гадостно. Это были заросшие травой ровики, которые, похоже, исполняли роль ливнёвки.

Я задумался — неужто местные изобрели канализацию? А с другой стороны — она была уже в Древнем Риме, разве что до унитазов с водяным затвором латиняне не додумались. А тут и двурвы живут, причём немало, судя по рассказам моих спутников. Да и статус городка — как-никак, столица местного графства! Разумеется, ручейки из ключевой воды по ровикам не бежали, золотые рыбки не плавали и фонтанчики не били, а вот мусора в них хватало. Роль вездесущих фантиков, пустых бутылок и банок исполняли ошмётки тряпок или кожи, листья, какие-то палочки, обломки деревянных колёс, куски клёпок от бочек или вёдер и прочее в том же духе. Пару раз попадались дохлые крысы, один раз — кошка. Ну, или похожие на них зверьки, особо не присматривался, по понятным причинам.

И вдруг все эти запахи и различные суетные мысли (я пытался примерить известные мне райцентры на этот городок для подсчёта численности и оценки размера и никак не мог соотнести площадь промзон там с пригородами здесь) были перебиты новым ароматом,

который заставил меня запнуться. Этот запах пропал, но не успел я решить, что это глюк, как он появился снова. Запах свежего кофе! Не-ве-рю! Вот так, не веря себе, я и пошёл по запаху до приоткрытой двери, над которой красовалась вывеска в виде своеобразного герба: тарелка с перекрещенными на ней ножом и ложкой. Внутри аромат стал сногсшибательным. А вот посетителей было не густо — всего трое сидели за столиками над большими, по пол-литра примерно, керамическими пиалами, да за стойкой стоял здоровенный дядька с наголо бритой головой и золотисто-оливковой кожей. Увидев мою ошалевшую и радостную морду, этот персонаж расплылся в улыбке:

— Наконец-то тут появился кто-то, кому на самом деле нравится моё варево! А не очередной любитель следовать за столичной модой!

— Если это то, о чём я думаю, то вы и не представляете, как я рад найти ваше заведение!

— Если вы думаете о напитке, сваренном из жареных зёрен алых ягод кустарника аффе, называемого ещё «козьей страстью», то ваша радость небеспочвенна.

— Тогда сварите мне порцию побольше да покрепче и, если можно, сделайте его сладким.

— Мёд, загущённый кленовый сок, тростниковый сироп?

— Тростниковый.

— Одна «луна» за чашу особой крепости. Палочка лакрицы и лепёшка в подарок, — дядька усмехнулся, называя цену.

Я невольно охнул мысленно, и, сохраняя «покерную» физиономию, кивнул:

— Не вопрос. А беседа за чашечкой чудесного напитка обо всём и ни о чём во что обойдётся?

Кофейщик засмеялся:

— А это бесплатно, только вопросы задавать будем оба.

— Идёт. Правда, если вопросы коснутся того, о чём я говорить не имею права, то ответа на них не будет.

Прочие посетители (судя по ценам — люди далеко не бедные) прислушивались к нашей болтовне очень внимательно, стараясь при этом «соблюсти лицо» — то есть не обернуться и не рассматривать меня в упор. Шагая к столику, указанному хозяином (в глубине комнаты, около торца стойки) я ловил на себе заинтересованные взгляды. За столиком я, развязав кошелек, наконец-то решил проверить, во что мне обошлась ночёвка. Оказалось — от шестнадцати до двадцати медяков, просто я не слишком твёрдо помнил количество мелочи перед въездом в город и то, какую именно монетку я сунул посыльному от Миккитрия. Хм. ... Как я уже вспоминал и говорил двурвам, одна серебрушка в сутки была бы очень щедрым предложением для любого стражника. При этом я имел в виду бойца-ветерана из графской стражи, точнее — его личного «полка». Такой служака получал в среднем одну «луну» в три дня, то есть — порядка сорока медяков в день. Обычный городской стражник — двадцать пять-тридцать. Сомневаюсь, чтобы наёмные работники местных караванов имели доход намного больше. В таком случае стоимость ночёвки с завтраком, сопоставимая с дневным заработком людей того круга, на которых рассчитана, казалась явно завышенной. Даже если принять в расчёт стоимость тройного завтрака. Разве что я занял апартаменты VIP-класса? Ну, да и леший с ним, даже если оба братца каждый взяли с меня за ночёвку. Хотя стоп! Стражник, кроме денег, имеет крышу над головой (пусть и в казарме), какую-никакую кормёжку и обмундирование, хотя последнее и не везде. Так что для компенсации этих

«бонусов», хотя и не полной (всё же статус графского гвардейца существенно выше, чем у возницы) монет сорок — пятьдесят контингент места моей ночёвки получать должен.

Мои подсчёты чужих денег прервал хозяин заведения, который подошёл ко мне с двумя пиалами, парой лепёшек, связкой сладких палочек и небольшим кувшинчиком. Как он нёс всё это — не понятно. Вторая плошка оказалась, разумеется, сваренной им для себя, а в кувшинчике — сахарный сироп. Разумно, при такой цене напиток riskовать пересластить или недосластить его лучше предоставить клиенту. Кофе в пиале, кстати говоря, было примерно грамм (точнее — миллилитров, но пока выговоришь...) сто пятьдесят или чуть больше. За беседой удалось выяснить практически всё, что меня интересовало в городишке: куда сдавать гоблинские амулеты (в местную мэрию, хоть называлась и иначе). Где расположен банк двурвов; где продавать жемчуг на ювелирку и на амулеты, а также цену на него. Где и у кого лучше купить или заказать снаряжение и боеприпасы (в первую очередь — хорошие наконечники для стрел). А также — у кого лучше их заклясть для улучшения свойств, хоть это меня интересовало меньше всего. Прояснил и ситуацию с местными храмами — правда, среди имён богов ничего похожего на Арагорна не прозвучало, так что придётся обойти все семнадцать, rrrr! Но в целом час, проведённый мной в кофейне, сэкономил мне часа два-три блужданий по городку, да и информация о ценах могла полностью окупить стоимость удовольствия, а то и не раз.

Под конец мне удалось удивить смуглого собеседника простым вопросом: можно ли будет прикупить у него жареных зёрен с собой в дорогу? Хотя бы с полкило? Если бы дядька не допил свою порцию (а варил он что-то наподобие кофе по-турецки, причём не особенно то и крепкий) то непременно бы поперхнулся. Убедившись, что я не шучу, он загородил цену в три солера. Тут пришла очередь поперхнуться мне. Я в свою очередь предложил один, но настоящий и сегодня. Поторговавшись с полчаса, причём в ходе переговоров дядька по своей инициативе сбегал и принёс ещё по стопарику кофе за свой же счёт, сошлись на полутора золотых. Не потому, что я умел торговаться лучше, чем профессиональный торговец, просто я подсчитал, сколько чашек кофе можно сварить из полукило зёрен и оперировал этим количеством, а также ценой за чашку, установленной самим моим соперником. Ему же оставалось только давить на жалость и сознательность, что, как понимаете, было намного менее эффективно. Полтора солера, девяносто «лун», десять тысяч восьмьсот медяков — жуть, конечно, но для чего мне копить местные деньги? На любые необходимые траты мне с лихвой хватило бы дохода с трофеев, а был ещё жемчуг, был банковский вексель... Короче, напоминание о родине (а именно этим был для меня кофе, как бы его ни называли местные) я мог и хотел себе позволить.

За переговорами я спросил своего визави, а как, мол, прочие клиенты? На что тот махнул рукой:

— Они тут статус зарабатывают. Приходят, заказывают полпорции самого слабенького, потом ещё разбавляют сиропом нещадно и то морщатся — горько им, видите ли. Платят за плошку двадцать медяков и сидят по половине дня — показывают знание последней столичной моды.

Договорившись рассчитаться вечером, после посещения банка, и тогда же забрать зёрна, я вновь вышел после завтрака на улицу. Только и завтрак, и улица, и настроение были совершенно другими.

* * *

Взбодрившись кофейком и вооружившись сколько-то достоверной информацией, я

двигался по Роулингу уже осмысленно. Первым делом, как и планировал, наведалься в местный оплот власти, сдал гоблинские висюльки, поскольку суммарно они весили как хороший булыжник. Там, практически не удивившись, узнал, что староста деревушки, где и добыли камушки, нас несколько нагрел. Оно, с его точки зрения, и правильно: намухлевал на пользу своим односельчанам за счёт чужаков. Причём шанс, что кто-то вернётся для разбирательства практически нулевой: не та сумма на кону, чтоб мне ноги бить. Простой камушек стоил дюжину медяков, камушки цветные, командиров сквидов и их «заклинателей» — уже по двадцать пять. Красненький потянул на серебряную монетку, а камушек того зловредного типа, что в меня огненными мячиками швырял — даже на три монетки!

Конечно, по справедливости этот кулон принадлежал деревенскому колдуну, который и прибил гоблинского шамана брошенным на пределе сил огненным мячиком, но тот наотрез отказался от трофея. Заявил, что он, видите ли, сам бы всё равно не справился, если бы я не отвлек и шамана, и его охрану. А кроме того, начал давить на тот факт, что я после боя выполнял его работу, в частности — осматривал и лечил раненых. Но и я грабить деда не захотел. В ходе разговора как-то сама собой была извлечена из рюкзака бутылочка, заменившая собой пиво. Маг посмотрел на неё так, как нумизмат мог бы смотреть на шестой экземпляр Константиновского рубля, со смесью восторга и недоверия. Оказалось, среди магов это зелье очень ценилось, особенно в последние пять лет, и с каждым годом — всё дороже. Опасаясь нарушить конспирацию, я не стал уточнять причины подорожания, а просто предложил угостить и поделиться — всё равно уже открыл, так что ждать, пока выдохнется? В общем, выкушав два напёрсточка бальзама, дедок взбодрился неимоверно, от добавки отказался, заявив, что для мага его силы и это — слишком, теперь два-три дня будет на пике силы. От предложения поделиться напитком стал отнекиваться, но в глазах стояло такое страдание от собственных слов, что я, отлив примерно треть в снятую с одного из гоблинов и тщательно промытую баклажку, спрятал оставшееся в родной таре в избе. Впрочем, спрятал — громко сказано: поставил на лавку да накрыл перевёрнутой кружкой из-под кваса.

Если отвлечься от романтических воспоминаний и вернуться к скучной бухгалтерии, то за амулеты я выручил в общем итоге без двадцати медяков восемь «лун» — не состояние, конечно, но вполне себе сумма, снаряжение починить да пополнить и припасов недели на две закупить, и ещё осталось бы. Конечно, с учётом прочих активов — немного, но курочка, как известно, по зёрнышку клюёт, а сыта бывает.

Спросите, как соотносится эта самая «курочка» с кутежом в виде уплаты полутора золотых за кофе? Да очень просто соотносится: для того и копим, чтоб потом с толком (или хоть с удовольствием) потратить. Есть, как написано, время собирать камни — и есть время их же, стало быть, разбрасывать... Тем более что в мэрию всё равно идти надо было, или в приёмную к графу. Хоть все Стражи имели полную свободу передвижения по всем людским землям, не обращая внимания на границы, считалось хорошим тоном (а кое-где даже было оформлено законодательно в виде обязанности) дать знать местным властям о своём посещении их территории. В том числе на тот случай, если у тех есть какая-то просьба к Ордену или Стражу. А если удаётся из обязательного посещения местного рассадника власти поиметь и какую-то финансовую прибыль, то она приносит особое удовлетворение.

После исполнения гражданского долга (хоть ни мой Спутник при жизни ни, тем более, я гражданами именно этого графства не были) я, следуя маршруту, обошёл пяток храмов. В

каждом я осторожно, но тщательно, путём бесед с прихожанами и почтительно советуясь со жрецами, выяснял все имена богов, почитаемых в том или ином святилище и сферу их компетенции. Нигде никого похожего на Арагорна не нашлось, однако в каждом же пришлось оставить сколько-то монеток — дабы служители не косились неодобрительно на досужего любопытствующего субъекта. Потому как авторитет Ордена — штука хорошая, но вот ляпнет жрец в сердцах нечто эдакое, а не в меру ретивый прихожанин, воспылав фанатизмом, попытается кирпич на голову уронить. А ведь жалко же дурака-то! Ибо пристрелю с перепугу, и потом что делать?

Затем маршрут плавно вывел меня к банку, который держали бергзеры. За неимением какого-либо подобия конкуренции — меняльные лавки, включая казённые, куда можно было сдавать "резанку" в обмен на цельные монеты, и конторы ростовщиков в счёт не идут — назывался он просто «Банк». Уже на входе я убедился, что возбудитель «синдрома вахтёра» проявляет вирулентность в разных мирах и в отношении представителей разных рас. Дедок в загородке на входе, несмотря на то, что я обратился к нему на языке двурвов (правда, «общем», а не на южном наречии, коего не знал) и вопрос об обмене векселя подразумевал, что клиент я достаточно серьёзный проявил себя во всей вахтёрской красе. Буркнул что-то неразборчивое (и, похоже, на каком-то диком диалекте) и махнул пергаментной лапкой куда-то в недра здания. При этом на физиономии было чётко написано что-то наподобие незабвенного «понаехали тут!», несмотря на то, что «понаехавшим» здесь был, строго говоря, именно он. Ну и леший с тобой, старый пенёк, сам найду.

А особым гостеприимством и заботой о клиенте хозяева заведения явно не страдают, как и политкорректностью: все указатели и объявления написаны только на языке двурвов. Хорошо, что его знание я получил вместо немецкого языка, который в своё время учил достаточно серьёзно. Общий зал оказался почему-то, в отличие от посещённых мною земных банков, в глубине здания. Не то, чтобы вообще в середине, но пару поворотов коридор сделать успел. А вот внутри всё было традиционно: барьер-стойка поперёк комнаты, перегородка с окошками в ней... Единственно что, в отсутствие стекла таких размеров (по разумной цене), а пластика и фанеры — в принципе, конструктивное решение этой самой перегородки было непривычным: с балки под потолком свешивалось что-то наподобие кольчужного полотна одинарного плетения. Разве что кольца были намного крупнее, чем применимо в броне: я прикинул, что ладонь среднего человека, сложенная лодочкой в него пройдёт, а вот сжатая в кулак — уже нет. И, естественно, клёпаными кольца не были — так, сведёнка из проволоки толщиной миллиметра два. Нижний край вделан в стойку, оставляя обручи-окошки. Опять же — голова (или мешочек с монетами) в окошко пройдёт, а плечи — ни за что. А что — недорого, надёжно и с национальным колоритом.

Увидев над крайним слева окошком табличку «Векселя и прочие обязательства» направился туда. Вот, ещё один образец гостеприимства — окошки расположены на такой высоте, что двурву было бы удобно, а вот среднего (по местным меркам) роста человеку пришлось бы заметно нагибаться. Мне так и вовсе — окошко чуть выше уровня пупка. Ну да ничего, я и через кольчужное колечко поговорю и всё, что нужно увижу. Кстати, удивляла и забавляла манера многих моих земляков — обязательно при общении с аквариумным обитателем заглядывать именно в окошко — даже при условии прозрачного стекла и наличия микрофона для связи. А что кассиру будет неудобно, шейка затечь может — так мне до его удобства ровно столько же дела, сколько строителям данного заведения — до моего.

Вексель обналичили без малейших вопросов, кстати, выяснилось, что у меня и счёт

есть, этим же векселем (точнее, этот документ кассир как-то иначе обозвал, да не суть важно) подтверждаемым. И на сумму чека. Удостоверившись, что положить деньги на счёт, зная «девиз и секрет», то есть кодовое название (вместо номера) и пароль, может любой желающий, а вот снять — только я. Сразу пришла мысль — сообщить реквизиты Миккитрию, и пусть он мою долю с трофеев, которые реализует не сразу, сам сюда несёт. Забрал четыре золотых, чего вместе с имевшейся наличностью должно было с лихвой хватить для текущих расходов, я уже через четверть часа вышел на свежий воздух.

И опять потянулись храмы.... В одном из них поклонялись богине-целительнице, чем-то очень похожей на Ишгар, как я себе представлял её по книгам из истории Древнего мира. И символ был похож на её «крест с петелькой» — только у этого петелек было три. Сочтя, что благосклонность этой дамы в моём деле будет совсем не лишней, я оставил тут обе серебряные чешуйки, болтавшиеся в моем кошельке с момента выхода к людям. Одну пристроил в кружку для пожертвований, вторую — отдал стоявшей жрице, «на благовония». В ответ она пробормотала какую-то короткую фразу на незнакомом языке, напомнившем мне латынь. Мне показалось, что где-то сзади и сверху надо мной на короткий миг включили прожектор. Или даже не так — прожектор даёт свет яркий, слепящий, а этот был мягким. Или даже не был, а просто ощущался — ведь на полу передо мной никаких спецэффектов не было. И в этом свете осыпались невесомой бурой пылью несколько ссадин на тыльной стороне ладони, заработанных мной во время кувырков перед троллем. В своё время я посчитал это мелочью, недостойной исцеляющего заклинания, даже слабенького. И вот.... Да уж, при таком отклике на жертвования трудно остаться атеистом. Можно, конечно, попробовать списать на продвинутую магию, и то, что я никаких заклинаний не почувствовал ни о чём не говорит — я ведь в плане магии далеко не мастер. Но вот как-то кажется, что не всё так просто.

Вновь выйдя на улицу, я задумался над кое-чем, замеченным мною в храмах. Примерно в половине из них жрецы, кто постарше рангом, выглядели обеспокоенными и какими-то растерянными, что ли. Хоть мелкие служки драли горло и надували щёки с привычной уверенностью, у этих в повадках проскальзывало что-то эдакое. В некоторых других же начальство лучилось плохо скрываемым торжеством и даже ехидством. Интересно, это обычные местные заморочки, или что-то иное?

Так, в задумчивости, я подошёл к следующему храму и вынужденно остановился: прямо на пороге, стоя спиной ко мне, какой-то небедно одетый местный демонстративно неторопливо рылся в складках одежды. Меня как будто кто-то за язык дёрнул, и я, не задумываясь и как-то даже будто отстранившись от происходящего, ляпнул:

— Слышь, мужик, дай пройти, что ли?

Тут же чувство непонятной отстранённости схлынуло. Блин, сегодня только утром думал как раз об этом! Да что же это такое! Пока дядька во внезапно наступившей тишине оборачивался ко мне, с медленно вытягивающимся лицом, я или увидел, или мне показалось, как одна из статуй в глубине храма слегка повернулась ко мне и подмигнула.

— Это ты кому сказал, ты, сволочь ряженая?!

До самого последнего момента я собирался попробовать как-то замять, сгладить ситуацию, извиниться, покаяться и так далее. Сдуру ткнувшуюся мысль сказать, что ошибся я, отмёл сразу: заявить, что обозванный мной со спины по виду от мужика не отличается — это продолжить то же оскорбление, и даже в чём-то усугубить. Но слова про «ряженого» почему-то даже не зацепили, а разъярили что-то внутри. И меня понесло в контратаку:

— Это кто ещё тут ряженный, надо разобраться!

— Что?! — у противника, казалось, дыхание перехватило от такой наглости. Того и гляди — тут и помрёт. Вот возьмёт — и задохнётся, а? Можно ли будет считать это убийством?

— Что ты несёшь?! Я — благородный человек, а вот что за бродяга напялил плащ и прикидывается Стражем, надо ещё проверить, мало ли... — зашипел обозванный.

Я невежливо перебил его:

— Благородный человек и ведёт себя благородно! Я человек в городе новый, в ээээ... лицо тут никого не знаю, — произнося слово «лицо» я старательно рассматривал филейную часть господинчика. Это не осталось незамеченным ни им (морда побагровела) ни зрителями — раздалось пару смешков. — Потому сужу по поведению. Благородный, то есть воспитанный человек не станет раскорячиваться на входе в храм, мешая прихожанам. Разве что мужик станет ловить блоху тогда и там, где она его укусила. Я вижу, что кто-то ведёт себя как мужик — и называю его мужиком!

Я старался говорить ровным, размеренным голосом, что явно ещё больше бесило противника. Но именно такое, не совсем ожидаемое им поведение, совместно с пароксизмами гнева, душащими его, и дало мне возможность произнести столь длинную речь. А голос держать было трудно — внутри всё клокотало от гнева, и не только, даже не столько на это хрипящее нечто, как на нечто совсем другое. Если мне не померещилось шевеление статуи, то «мужика» мне на язык подсадил кое-кто, знакомый ещё по Земле. А вот вспышка ярости при слове «ряженный» — явно на совести Спутника. Не слишком ли много хозяев у моего тела, а, я вас спрашиваю?! Вот это и бесило именно меня. Плюс ярость Стража, ставшего моим Спутником... А я замечал за собой ещё дома — когда я очень злюсь, меня начинает колотить мелкая дрожь, и тут же возникает опасение, что сейчас мои зубы начнут выбивать дробь, не давая нормально говорить, все это увидят и решат, что я боюсь. В такие моменты я особо тщательно начинал следить за мимикой и артикуляцией, старался говорить помедленнее, чтоб не сбиться на скороговорку. Говорят, со стороны это производило сильное, и даже пугающее впечатление: застывшая маска лица и неживой, ледяной голос с каким-то внутренним клокотанием. Если в новом теле всё точно так же, да помножить на мои выдающиеся по местным меркам габариты — то я понимаю зрителей, начинающих пятиться чуть подальше. Мой же соперник никак не реагирует — или ему бешенство глаза залило, или его просто не проймёшь так вот запросто?

А «его благородие», похоже, совсем с нарезки сорвало. Иначе вряд ли бы он пошёл на такое. Да и я, если честно, лопухнулся: не подумал, что такие птицы в одиночку не ходят — раз, и не ожидал от него резкого перехода к активным действиям — два.

— Держать его! — завопил тип в дверях, едва не срываясь на визг.

Сзади меня довольно крепко, хоть и не слишком умело, схватили за плечи, локти и за

пояс как минимум трое. Конечно, при желании их можно было бы стряхнуть, освободить хоть правую руку с глефой, а дальше — шансов бы у них не было. Но бить вслепую боевым оружием людей, которые просто выполняли приказ и реальной опасности пока не представляли, да ещё в толпе народу и на пороге храма?! И Кодекс не велит, да и просто не по-людски как-то. Мой оппонент тем временем подскочил вплотную, отбросил руку, державшую меня за левое плечо, сорвал с него плащ и, прошипев:

— Сейчас мы посмотрим, бродяга, какой из тебя Страж! Из какой ты, бродяга, шайки — провёл над ним ладонью. От одного из перстней, сейчас повернутого камнем вниз, прошло ощущение множественного слабого электрического разряда, как при электрофорезе. Я непроизвольно дернул плечом.

— Ааа, задёргался, боишься, своо... — «благородный господин», споткнувшись на слове, засипел, как проколота камера. Бордовость физиономии стала понемногу меняться на бледность.

А я почувствовал, а потом и увидел, как прямо сквозь одежду проступает и материализуется что-то вроде семиугольного щитка, причем углы его приходились аккурат напротив охватывающих плечо семи (в родном мире — шести) родинок. К сожалению, ракурс не позволял толком рассмотреть, что там, на щитке, но в толпе, похоже, нашлись глазастые знатоки, и я ловил ушами обрывки шепотков, летевших с разных сторон:

— Семь граней! Не просто Страж, а Истинный!..

— Знак долга крови двурвов...

— А это что за корявки зелёные?

— Дура, это по-эльфийски...

— «Друг леса», ну надо же...

Всё страньше и страньше, как говорила Алиса. Что Истинным называют Стража который отбыл своё дежурство на Грани Миров и благополучно вернулся обратно, я уже знал. И уже понимал, кому и чему я обязан таким знаком различия. Но вот всё прочее требовало осмысления — не сейчас, попозже.

Супостат явно «плыл» — он, почему-то, был уверен, что я окажусь самозванцем (происки Арагорна?), и вот теперь несколько растерялся. Однако форс и гонор давили изнутри по-прежнему, и он попытался выкрутиться:

— Я готов признать некоторую невежливость своего поведения, и согласен извинить Вас, Страж, за Ваши слова...

— Что?! За что это меня извинять?! За то, что я назвал хамское поведение хамским? Это я требую удовлетворения! Ты нанёс оскорбление Ордену, а не просто мне! И я требую компенсацию за это оскорбление!

Вот тут его проняло по-настоящему. Кстати говоря, держащие меня руки исчезли сразу, как только щиток проступил над одеждой, что послужило подтверждением моему почти интуитивному решению не освобождаться силой. Дядька, продолжая стремительно бледнеть, как будто съёжился, я же озвучивал слова Спутника, почти не подвергая их правке:

— Боевым посохом ты явно не владеешь, в том числе из брезгливости — как же, палка, оружие черни. Из лука скорее сам застрелишься, чем в сарай попадёшь — по той же причине. Потому остаётся только клинок, — я протянул ладонь к рукояти меча.

Противник почему-то окончательно потерял лицо и взвизгнул:

— Нет! Я готов признать свою вину, принести требуемые извинения и выплатить положенную виру! — он слегка трясущейся рукой протянул по направлению ко мне

довольно объёмистый кошелёк.

— Выплати её представителю Ордена в городе.

— Нно... Но его нет!

А вот это меня неприятно удивило. Как нет? Скоропостижно скончался от старости, а замена ещё не прибыла?

— Значит, выплатишь, когда он появится.

— Конечно, если появится, то сразу...

— Не «если», а «когда»! — произнёс я твёрдо и непреклонно, даже сам удивился. И у окружающих лица как-то странно изменились, не могу прямо слов подобрать для описания. Как будто слышали что-то хорошее, но настолько неожиданное, что даже удивляет. Да что же тут творится-то вокруг Ордена, хотел бы я знать?! И ведь не спросишь — не у кого...

* * *

Когда я вошёл в храм, на пороге которого всё вышеописанное и произошло, меня внутри ещё потряхивало. Я сразу двинулся к нетипично активной статуе, кстати говоря — единственной в достаточно скромно выглядящем храме. Перед ней стоял алтарь в виде странного вида небольшого столика на гнутых ножках и с бортиками по всем четырём сторонам. Храм, как я уже говорил, особой роскошью не блистал, хоть кое-где, то здесь, то там виднелись отдельные достаточно дорогие предметы обстановки, как будто иногда кто-то из прихожан вдруг испытывал приступ щедрости и жертвовал то подсвечник, то светильник, по какую-то расшиту неясным в полумраке узором драпировку. Пока я рассматривал обстановку, ко мне подошёл жрец — небольшого росточка плотненький дедок с суетливо теребящими пояс длинными, подвижными пальцами. На румянном лице сияла лучезарная улыбка профессионального шулера. Интересно, с чего такая ассоциация выскочила? Из-за моего отношения к жреческому сословию в целом (несколько поколебленного в храме богини-целительницы) или... или из-за висящих на поясе жреца игральных костей?

— Приветствую тебя в нашем храме, странник! Думаю, Арантор будет доволен тем, что произошло здесь только что. Всё же он любит подшутить над людьми, а господин Сирчук повёл себя некрасиво, пожертвовав со своего выигрыша втрое меньше обещанного. Арантор очень не любит подобного отношения...

— Простите, Арантор — это? — Я кивнул в сторону статуи.

— Да, разумеется, это наш Бог. Неужели вы не знаете его? Ведь он олицетворяет Игру во всех её проявлениях, не только метание костей или игры с картинками. Его призывают всякий раз, когда исход дела зависит от удачи или от случая. Кроме того, Он, как большой ценитель хороших шуток и любитель пошутить, является покровителем шутов, комедиантов, а также — бардов. Я понимаю, служение Ордену вряд ли оставляет много времени для азарта, но неужели?!..

— Простите, возможно, я просто знаю его под другим именем?

— О, да, он любит подшутить, а потому и любит часто менять имена и даже обличья. А под каким именем ты знаешь его?

Я вспомнил все хохмачки при переносе, разговор с незнакомцем у костра и всё прочее — и уверился, что я действительно нашёл нужный храм.

— Думаю, не ошибусь, считая, что он мне представился Арагорном.

— Он... представился... Вы виделись и беседовали с Ним?!

Меня немного стала напрягать манера жреца перескакивать с «ты» на «Вы» и обратно. Или он просто не мог понять, как держать себя со мною, или ещё что, но с толку сбивало.

Дело в том, что если мне вдруг начинают влёт тыкать — я пару раз демонстративно, выделяя ключевое слово голосом, обращаюсь на «Вы», а затем или делаю замечание (на тему брудершафта или пасомых совместно свиней — по обстоятельствам) или тоже перехожу на «ты». А тут — непонятно, как себя держать.

— Да, было пару эпизодов...

Жрец подчёркнуто внимательно смотрел мне в глаза, периодически кивая с самым подбадривающим видом. Явно подталкивал меня к более подробному рассказу, но — перебьётся.

— Я хотел бы поблагодарить Арагорна за кое-что, сделанное им для меня.

— Хм, Арагорн.... Да, я встречал это имя в списке Его имён, хоть он и нечасто пользуется им в нашем Мире.

У меня возникло смутное подозрение:

— Скажите, а имя Локки не числится среди его имён?

— Знаете, не припомню. Я, конечно, учил список Его имён наизусть, и до сего дня не имел оснований усомниться в своей памяти — но, если Вы настаиваете, мог бы посмотреть священные тексты.

Дядька выразительным жестом погладил себя по кошелю. Я вынул из кармана заранее приготовленную жемчужину с отпечатками зубов — ещё у костерка, после ухода собеседника, у меня мелькнула мысль вернуть шуточку. Точнее — в момент, когда бутылка любимого пива растаяла у меня в руках с издевательским шипением. Правда, сейчас идея положить её на алтарь показалась не совсем подходящей: а ну как для Арагорна это по-прежнему дешёвая конфетка? Может и обидеться. Поэтому я протянул камушек на ладони священнику:

— Вот, возьмите на нужды храма. У меня есть веские основания считать, что Арагорн лично приложил руку к появлению в Мире этого предмета в таком виде.

Жрец взял жемчужину, оглядел её, увидел отпечатки зубов, сделал круглые глаза, поковырял зачем-то пальцем. После чего с сомнением произнёс:

— Если ты твёрдо уверен в своих словах...

Дядька явно хотел получить что-то подороже, но ничего, перебьётся. Меня больше занимал вопрос, чем отблагодарить Арагорна. Что положить на алтарь бога игры, азарта и шуток?! Сборник анекдотов, диск с сайтрипом башорга или лурка? Полный сборник правил покера и запись последнего чемпионата мира? Золотой стаканчик для костей? Зачем вообще божеству что-то материальное? Чем же, чем же его поблагодарить? Стоп! А что, если просто — именно поблагодарить? Не даром же он ввернул в разговоре словечко «долго». Ладно, сделаем так. Я выудил из кошеля серебряную монетку и, протягивая её жрецу, сказал:

— Не побрезгуйте принять за беспокойство, и ещё раз простите за него, но Вы не могли бы помочь мне найти возможность побеседовать с Ним наедине? Мне на самом деле надо поблагодарить Его...

Жрец оказался догадливым: вытащил откуда-то коврик и метлу, первый бросил на пол около статуи, а со второй двинулся в сторону двери. Мне предстояло то, что можно было бы назвать первой в жизни молитвой. Не мудрствуя лукаво, я присел на пятки на коврике и, тихонько проговаривая вслух свои мысли, как мог искренне поблагодарил за всё хорошее, тщательно стараясь не вспоминать подставы и гадости, в которые влип при его участии. А также обходя вопрос, так ли неизбежен был именно мой перенос. Когда почувствовал, что начал повторяться, сказал:

— И ещё раз — благодарю за всё хорошее!

Хорошо ещё, сразу догадался, что конструкция «спасибо» в данном контексте будет неуместна.

Вышел я из храма, хмыкнул, глядя на насупленного жреца, имитирующего уборку, и протянул ему костяную иголку, которую тот воткнул в коврик. И на которой когда-то было подслушивающее заклинание.

— Спасибо, за предоставленную возможность и уединение, — сказал я, выделив голосом последнее слово.

Этот же тип жреческого ранга даже не попытался делать вид, что смутился. Мрачно забрал у меня иглу (здоровая такая, типа штопальной, в палец длиной) и, пробурчав что-то о любителях портить чужие вещи, ушёл внутрь своей конторы. Ну, бог ему судья, и я даже знаю — какой именно.

* * *

Так, дальнейший обход местных «рассадников религиозного мракобесия» утратил смысл. Тащиться сейчас в кварталы ремесленников за снаряжением — толку мало, а желания ещё меньше. Ничего эдакого замысловатого заказывать я не собираюсь, да и таскать всё на себе — и лень, и невместно. Зато вот пообедать бы... И набегался уже сегодня, и нервы потрепал. И ночлег искать надо, что-то приличное, но не слишком дорогое, под свой статус в глазах местных, в расчете на две ночёвки. Я остановился в сомнениях: или сначала найти, где пообедать, а потом идти искать место для ночлега, или совместить два в одном и пообедать там, где буду ночевать? Кофевар дал несколько адресов и названий «приличных» заведений, но кто его знает, с него станется дать просто самые дорогие или «модные». Вот пока не думал о еде — и есть не хотелось, да ещё и на нервах. А стоило только задуматься — и всё, сразу захотелось даже не есть, а именно что жрать, да ещё и «откат» пошёл: всё же перенервничал я в сцене на пороге храма моего «благодетеля».

Но и хватать местный аналог беляшей в ближайшей забегаловке тоже не хотелось, мало ли, что там заложено, в начинке-то? Я сориентировался на местности — вроде как одно из заведений, рекомендованных мне в кофейне, находится не очень и далеко. Гляну цены, и, если не пообедаю — то хоть перекушу перед дальнейшими поисками. Решено, так и сделаю.

Шагая по улицам, ещё раз удивился чистоте (относительной, конечно) на них, отсутствию канализационных потоков и помоев. Но, если в Древнем Риме была канализация... А вот в рекомендованной ресторации и проверю, насколько далеко продвинулась местная конструкторско-санитарная мысль. Если увижу что-то с «водяным затвором» — начну искать следы своего предшественника на ниве попаданчества. Но тут же пришла мысль, что при наличии в Мире развитой магии поставить в трубе барьер для запаха — не проблема, по крайней мере, для состоятельных горожан.

Ресторан явственно отличался и от приюта караванщиков, где я завтракал в первый раз, и от заведений «среднего класса» на Земле, как от минских, так и от немецких, например. Массивная дверь с отверстиями для болтов, которыми крепились на ночь накладные металлические полосы. За ней — ни тебе стойки администратора, ни фойе с гардеробом и дверями к «удобствам». Но и не обеденный зал, с другой стороны, а небольшой коридорчик, по обеим стенам его — широкие и неглубокие ниши, в каждой стоит равнодушный с виду бугай-охранник с короткой, обитой тканью (если не войлоком) дубинкой. На поясе у каждого — короткий же, но широкий клинок, что-то среднее между поварским ножом для рубки мяса и пресловутым кукри. Или — очень короткий ятаган, но с ланцетовидным

кончиком клинка. Трудновато представить, да? Но, в данных условиях, набор неплох: коридор узкий, длинный клинок из ножен не вытащишь. Мягкой дубинкой можно вразумить перебравшего до «изумления» клиента, не оставляя явных следов, а массивным коротким ножом остановить возможные попытки гипотетических налётчиков вломиться силой. Местный аналог дежурного набора охранников моего мира (шокер плюс «травматика»), с поправкой на уровень прогресса и менталитет, ничего особенного.

Внутри обнаружился обеденный зал: входная дверь — в углу, вправо от неё по трём сторонам зала отгороженные стенками высотой примерно по плечо отсеки, в каждом, как вижу напротив, два сиденья, похожих на полки в купейном вагоне, а между ними длинный столик. Можно устроиться вдвоём, но очень свободно, или вчетвером, с достаточным уровнем комфорта. При желании и шестеро поместятся, но это уже будет не совсем то, что соответствовало бы уровню заведения. В каждом «купе» между входом и диванчиками что-то вроде шкафчиков для одежды — или для шпаг и мечей? В левой от входа торцевой стенке ажно три двери — явно в кухню. Между дверями два барьера, за одним стоят трое официантов, за другим — три официантки. Похоже, тройка — любимое число хозяина, не иначе. В центре зала — группа разнокалиберных столиков. Не в том смысле, что «солянка сборная», а в самом что ни на есть буквальном. От маленьких, на четверых максимум, до двух предметов мебели, рассчитанных на компанию человек в восемь-десять. По центру — стол в форме разомкнутого кольца, как я понял разрез — проход внутрь кольца для obsługi, накрывающей на стол и меняющей блюда. А может и ещё для чего — в любом случае, кольцевой стол конструктивно в разы проще сплошного круга, да и достать что-либо с середины такой столешницы было бы нереально. За этим бубликом могла бы устроиться группа едоков эдак пятнадцать-двадцать.

Никакой стойки с барменом, никакой выставки бутылок и бочонков. Надо полагать, тут дозрели до составления винной карты? Ох, чую, цены тут будут.... С другой стороны, народу обедает не так уж и мало. Я обратил внимание, что дядьке в доспехах (лейтенант графской гвардии, подсказал мне Спутник), который сел за один из столиков на четверых в середине, из кухни почти сразу парень из obsługi доставил поднос, с которого пришедшая вместе с разносчиком девушка начала сноровисто снимать на стол тарелки и судки. Официанты за стойками даже не шевельнулись вроде бы. Можно понять так, что севшие за столики в центре получают дежурный «комплексный обед». Но с тем же успехом этот лейтенант может оказаться постоянным клиентом, знакомым обслуге с точностью до ломтика огурца в гарнире. Или — он сделал заказ заранее.

В любом случае, то, что может себе позволить графский лейтенант и для Стража Грани должно быть вполне доступно. Вот только сидеть на середине — нет уж! Предпочитаю сидеть так, чтоб за спиной никто не шастал. А сяду я, пожалуй, вон в то «купе» около торцевой стены, в то самое, где окошко на поперечную улицу. Лицом к двери.

Стоило мне только войти в загородку, как в моём направлении тут же направилась одна из официанток. Меню у неё с собой не было, в смысле — в видимом исполнении. Она просто перечислила возможный выбор блюд и напитков. Обычно я проще воспринимаю написанное, чем услышанное, но тут я был только за вариант «выслушать» — смотреть в меню, когда перед глазами есть кое-что (точнее — кое-кто) гораздо привлекательнее, нет уж. Я об официантке, если кто не понял. Девчонка лет двадцати пяти — двадцати восьми на вид (а на самом деле — неведомо, и в родном-то мире ошибиться не трудно, а уж в чужом, так что и говорить), умеренно упитанная, плотненькая такая, крепко сбитая и фигуристая, с

весьма симпатичным личиком. Или это у меня уже «дембельский синдром» начинается? Вроде как рановато ещё, с учётом «дриады» на игре. Сделал заказ: густой суп, странным образом напоминающий сразу и айнтопф и солянку (подсмотрел, проходя через зал) на первое. Фирменное рагу, оно же — дежурное блюдо, холодную закуску (девушка-меню так и произнесла, в единственном числе, причём прозвучало сие как название блюда) и запивку на её вкус, но без излишеств — у меня, мол, ещё дела сегодня. Проводил взглядом до кухни более чем просто симпатичный филейчик, вздохнул тихонько, отведя глаза от исчезнувшей достопримечательности, и стал ожидать заказ. Что интересно — о стоимости обеда служительница сего храма желудка даже не заикнулась.

Ждать долго не пришлось — заказывал специально то, что должно было или могло с большой вероятностью оказаться на кухне в готовом виде. Что характерно — неприятные кухонные запахи в зал через распахнутые двери не долетали, как и шум да крики, а вот ароматы готовых блюд проникали свободно. Первой, как и положено, прибыла холодная закуска. Она оказалась, по сути, целым набором закусок — небольшая горка малюсеньких, «на один кусь», колбасок, такая же горка засоленных и свежих овощей, несколько ломтей вяленой ветчины, кусок рыбного балыка и — мочёный чеснок, зубчики и стебли с цветочными почками, а также две разрезанных на четыре части луковицы! А как же запах, мне ж ещё с людьми разговаривать?! Похоже, тут к этой проблеме относятся гораздо проще, если вообще за проблему считают. А вот среди овощей, что интересно, пара небольших помидорок, ломтики чего-то, похожего на патиссон и — гадость-то какая — баклажан. Вместо хлеба — светло-серая лепёшка, компромисс между лавашем и поленицей. Стоило только приступить к этому блюду, как принесли первое и запечатанный блином горшочек с рагу. На запивку были доставлены глиняный кувшин не то морса, не то кроушена (приятный и освежающий напиток) и оловянная кружка граммов на триста с небольшим лёгкого красного вина, чем-то похожего на молдавское «Пино-фран».

Эх, как мне сейчас хорошо будет! Щаззз, с тремя «ззз». Спокойно поесть мне так и не дали — что за денёк-то, а?!

Дверь в обеденный зал открылась, и на пороге, не слишком уверенно озираясь по сторонам, возникла неразлучная парочка двурвов. Здравствуйте, давно не виделись. Высмотрев меня, эти деятели приободрились и уверенно двинулись в мою сторону. Я привстал, с целью привлечь внимание официантов, помахал в воздухе рукой, затем обвёл ею свой стол и показал два пальца. «Моя» официантка кивнула головой и скрылась на кухне, а я стал ждать гостей и гадать, как она поняла мои жесты — как просьбу удвоить содержимое стола или принести ещё два раза по столько? Зная аппетиты берглингов, можно было показывать и три пальца, при любой трактовке.

Гролин и Драун тем временем добрались до моего «купе» и робко (робко, понимаете ли, это эти-то двое...) мялись у входа. Наконец Драун, прокашлявшись, начал:

— О, славный Истинный Страж Грани миров, ведомый нам под именем...

— Стоп, ребята! Вы головой сегодня сильно не ударялись? Нет? Тогда что это за вступления высоким штилем? Не первый день знакомы, присаживайтесь и давайте-ка с начала, с самого начала и нормально. Кстати, вам сейчас тоже обед принесут. Я голодный, а есть, когда мне в рот голодными глазами смотрят — не умею.

Я вспомнил прижимистость природы не только этих двоих, а всего их племени, и добавил:

— Поскольку заказал без спросу и на свой выбор — то это за мой счёт.

Двурвы немного осмелели, но пристроились на лавочку напротив меня всё ещё робко и неуверенно. Такое ощущение, что их или подменили, или долго били по головам пыльными мешками, в которых вдобавок лежало по парочке увесистых булыжников в качестве источника пыли.

— Так что вы там сказать хотели? Говорите уж, только нормальными словами — я длинные речи вообще не люблю, а когда голодный — тем более. И особенно, когда есть опасность того, что еда остынет. Нет, есть пока вы «посидите-подождёте», я тоже не буду — просто боюсь подавиться под вашими ласковыми взглядами. И сами вы лопнуть можете, так обоих от новостей распирает.

Берглинги ещё немного поиграли в гляделки, пару раз ткнули друг друга локтями в бока и, наконец, заговорили. Начал Драун:

— Ну, эээ... — тут он своё выступление окончил и перевёл взгляд на второго представителя подгорного племени.

— Тут такое дело.... В общем, нас отправили сопровождать Вас, помогать, охранять и оказывать всякое содействие, в память и во исполнение Долга Крови.

Опаньки. Какие-то заслуги Спутника аukaются? Я вспомнил, как что-то такое говорили люди у храма, увидев мой семиугольный «погон». И почему-то заныло левое запястье.... Двурвы заметили моё замешательство, но истолковали его по-своему:

— Не, Страж, Старейшины не думают этим Долг искупить. Просто — как уважение и помощь...

Ага, и способ красиво избавиться от парочки свалившихся на голову с недельным опозданием раздолбаев, контракт которых уже тью-тью, а куда-то пристроить надо, да вот некуда. Тем временем служители принесли заказ для двурвов. Странное почтение, с которым они косились на меня несколько «поменяло фазу», что ли, и оба бородача потянулись к еде. При этом сразу же подтвердили, что о правилах сервировки стола и должном порядке блюд представления не имеют, или имеют своё, сильно отличающееся от канонического. Драун сразу подтянул к себе миску с солянкой, вытащил из-за пояса свою «сиротскую» ложечку, начисто проигнорировав принесённую официантами, и принялся за еду, время от времени хватая второй рукой что-то из закусок. Но ел не слишком и быстро, не насыщаясь, но получая удовольствие. Во время нашего похода он переходил на такой темп к концу второй порции (каждая — в полторы моих, если не две) моей стряпни.

Гролин же, внимательно осмотрев всё предложенное, подтащил к себе блюдо с закуской, взял в руку лаваш. Неужели? Ага, как же. Двурв, ещё секунду подумав, сгрёб в миску с солянкой всё, что можно было считать заменой салатику. Потом он надорвал лепёшку по краю, засунул внутрь колбаски, ветчину и балык. Соорудив, таким образом, что-то вроде большого эклектичного хот-дога без кетчупа. Тщательно перемешал то, что было в миске, и стал хлебать, закусывая своим чудовищным «сэндвичем». Или это такая мега-пита получилась? Правда, в отличие от сородича, Гролин воспользовался ресторанной ложкой. При этом он имел вид человека, с честью прошедшего нелёгкое испытание, разгадав некий заковыристый ребус. Пожалуй, единственное, что мешало берглингу ощутить полное удовлетворение и делало его счастье несовершенным — это отсутствие третьей руки, чтобы брать со стола куски луковицы, которые просто не влезли в начинку хлебца.

Да уж, светские манеры — не самая сильная сторона моих спутников. Ну, да и ладно, мне их замуж не выдавать. И даже не женить. Кстати, из напитков им принесли по большой деревянной кружке чего-то, напоминающего видом и запахом тёмное пиво. Правильно

сделала официантка, умница просто — решилась самовольно изменить заказ, точнее — вольно интерпретировала его исходя из того, кому он предназначен. Нет, чем дольше тут сижу — тем больше она мне нравится.

Вскоре двурвы закончили издевательство над первым, допив под это дело свои мало не литровые кружечки, и расковыряли блины на горшочках с рагу. Запах — просто чудо, а наша официантка — чудо в квадрате. Нет, ещё два литра эля принесла не она, а какой-то парень, но не сам же? Когда я, глядя ей в глаза, слегка кивнул в знак согласия и благодарности, женщина восприняла это спокойно и как бы намекнула на попытку сделать книксен — просто слегка шевельнулась, показав, что увидела и поняла. Неужели они тут все такие ушлые? Это строгий отбор или серьёзное обучение, интересно бы знать. Или — без «или»?

Ко второму прилагались дружно проигнорированные двурвами трезубые вилки: средний зуб чуть короче крайних и расположен параллельно им, но несколько ниже, в другой плоскости. Кстати, привычные столовые приборы в такой редакции требовали некоторой сноровки и внимания, иначе с непривычки можно было и губу нижнюю пропороть. Это обстоятельство требовало осторожности, но одновременно предоставляло возможность для беседы. Вот и воспользуюсь я этой возможностью, грех упускать.

— А скажите, уважаемые, что это творится в Мире с эльфами?

Двурвы сделали большие глаза:

— А что с ними творится?!

— Ничего с ними не творится, не видно и не слышно.

Хм... Попробую чуть иначе.

— В том-то и дело, что совсем не видно и не слышно! Мы же шли через их лес. Ну, по крайней мере — через лес, где было сильным их влияние, где они не просто бывали, но и жили! Минимум три сада прошли, Рощу Отдохновения... Материнских деревьев пять штук насчитал! И — ни одного эльфа.

— И что с того? Не было и не было, оно и лучше. Наглые они, ушастые, и держат себя так, что сразу хочется хоть на спину плюнуть, что ли. Тем более хорошо, коли по их лесу шатали, а то застали бы, и...

— Чем лучше?! Тем, что гоблинов развелось, как комаров на болоте? Вы же слышали — года три назад редко когда какой десяток забредал в эти края, событие целое было. А теперь?

Двурвы призадумались, начали даже скрести свободной от ложки рукой в затылке.

— Ну, это да, нечисть всякую дылды ушастые крепко в узде держали.

— Вот именно — но не только. Так куда они делись-то? Неужели просто вот взяли — и ушли, никому ничего не сказав?!

— Да вроде как и не уходили...

— То есть как это? Если их нет в округе? Может, они только из этого графства ушли?

— Да нет. Просто вот они были — а вот их и нету. А когда — даже и не заметили. И возле гор наших тоже пропали, и в городах.

— И что, никто ничего не спрашивал, не узнавал?

— Да вроде нет. А зачем?

Я буквально «выпал в осадок». Из дальнейшего разговора, под который двурвы добились свой заказ (я просто забыл про недоеденное рагу), я с ужасом и удивлением убедился: так оно и есть. Эльфы просто исчезли из мира, неведомо как и даже неведомо когда. И это никого не заинтересовало и не удивило — исчезли и исчезли. Как туман к полудню — это

многочисленный и могучий народ, сильный союзник, влиятельный и нужный сосед! Как всё равно чары какие, но кто же сможет напустить морок на целый мир?! Или двурвы просто не в курсе насчёт других народов, и людские, например, власти — активно занимаются поисками «пропажи»?! Неизвестно. Но новость, в любом случае, из разряда сногсшибательных. Да уж, пообедал...

А вот ещё один гость ко мне. Если кто-то стоит на пороге, переминаясь с ноги на ногу, и кого-то высматривает в зале со странным выражением лица, не то вот-вот зарыдает, не то захохочет — то это ко мне. Особенно если учесть, что это настоятель храма Арагорна. Делать нечего — всё равно ведь найдёт, не под стол же прятаться, в самом-то деле — я привстал с места и приветливо помахал ему рукой. Дед тут же целеустремлённо направился к моему столику. Я же, не садясь на место, сделал такой же жест в адрес своей официантки, потом указал ей на жреца, щёлкнул характерным жестом себя по горлу. Затем указал на двурвов и сжал кулаки, как бы на ручках двух пивных кружек.

Умница-красавица опять оказалась на высоте, даже более чем: помимо двух литровых бадеек эля и кувшинчика с наливкой, она принесла блюдо с закуской: ломтики всё той же ветчины, полосы вяленой рыбы, которые на вид и вкус были похожи на щучье филе, и какие-то мелкие рачки или креветки. Больше всего они показались мне похожи на рачков-бокоплавов, которых в детстве для развлечения ловил неподалёку от Одессы: такое же белёсое полупрозрачное тельце, только размером побольше и прожаренное до золотистого цвета. Мне выпивки не принесла, что добавило ей ещё один плюсик в моих глазах, поскольку говорил, что сегодня ещё планирую некие дела, и хочу иметь ясную голову — а она запомнила. Тем более в кружке ещё оставалось около половины вина, принесенного в начале обеда.

Дед, похоже, решил повторить интермедию, ранее показанную берглингами. Заикаясь, он произнёс:

— Я... хотел бы... поблагодарить Вас за дар. За щедрый дар храму. Вы ведь в курсе, ЧТО именно Вы подарили м... моему храму?

Забавно, моя ответная шутка в адрес Арагорна, похоже, опять возвращается ко мне. Да уж, хорош орёл — с богом в перепасовку играть. Сейчас главное, сохранив морду кирпичом, невзначай выяснить, что жрец имеет в виду. Я поощрительно кивнул головой: продолжай, мол.

— Я... Вы уж простите — я несколько усомнился в весомости и происхождении Дара. Потому отправился к знакомому ювелиру, который занимается изготовлением не только украшений, но и амулетов, в том числе и боевых — для графа и его гвардии. Ну, с помощью магов, конечно...

Упоминание представителей Гильдии было сопровождено эдакой гримасой, как у графини, вынужденной указать садовнику на недопустимость запаха навоза в обеденной зале. Я мысленно усмехнулся — вряд ли маги-артефакторы Роулинга согласились бы с такой оценкой своей роли в общей работе.

— Так вот, я пошёл к нему — про... оценить, я хотел сказать, жемчужину. Он, по моей просьбе, сделал полную проверку, и... — тут старичок сбился с дыхания, гулко глотнул из как раз принесенной ему посуды, прокашлялся и продолжил восторженным тоном, гордо оглядывая окружающих:

— И оказалось, что внутри этой вот, белой речной жемчужины — находится идеально

круглая чёрная! Причём покрытая каким-то неразличимым сквозь верхний слой узором, а внутри неё — явственный след божественной ауры, след творения!

Жрец, казалось, близок к экстазу. Странно, вроде бы местные боги являют своё присутствие в храмах чаще раза в несколько столетий, и не только своим служителям и особо ревностным прихожанам — если, например, вспомнить мои ощущения в храме Целительницы. Или именно его Арагорн визитами не баловал? Или тут ещё что-то связанное со странным настроением ряда жрецов? Странно. А мой гость тем временем заливался соловьём. Надо сказать, что к этому моменту соседние «купе», а также и пара ближних ко входу в мою загородку столиков, были заняты, и сидевшие за ними посетители с интересом прислушивались к беседе.

— Вы же знаете, чёрный жемчуг очень, очень редок в наших краях, а секретом добычи или изготовления такого вот двухслойного жемчуга владеют лишь в одном баронстве, сюзерен которого в родне с эльфами. Такие камушки позволяют создавать артефакты, содержащие несколько совсем разных заклятий, или свойств, или оперирующие совсем разными, даже противоположными, силами, или.... Ну, да вы все знаете, или хоть представляете, ЧТО можно сделать с Крипским жемчугом. А тут ещё остатки божественных сил.... В общем, ювелир предложил мне за него, — тут жрец понизил голос и наклонился к столу, — пять солеров. Это было возмутительно, в итоге мы сошлись на пяти солерах и сорока трёх лунах. Я, конечно, сразу же гневно отверг предложение продать святыню...

Тут служитель культа явно спохватился, почуяв в своих словах некое противоречие, призадумался. Драун тихонько похихикивал в бороду, Гролин сидел с нарочито непроницаемой физиономией. Дед медленно багровел. Я решил разрядить ситуацию:

— Уважаемый, я пожертвовал эту Крипскую жемчужину не Арагорну, а храму. И именно Вам, как настоятелю, решать, как распорядиться пожертвованием: встроить ли в инкрустацию алтаря, или, скажем, продать, а на выручку починить крышу. Всё в Вашей воле и Вашем праве.

Жрец перевёл дух.

— В общем, я искал Вас, чтобы выразить свою искреннюю благодарность...

Ага, а заодно убедиться, что я в курсе стоимости подарка и не буду отбирать обратно. Убедиться срочно, до того, как получил наличность. А я призадумался — стоит ли дальше шутить с богом-шутником? Практически нет сомнений — у меня в кошельке десятков типичных «ящичков Шрёдингера», с той лишь разницей, что результат проверки я могу предсказать, в зависимости от её, проверки, методики. Почти несомненно: если я продам всё как простой речной жемчуг, то весь он окажется «фаршированным». А если пойду проверять — то именно и только простым речным жемчугом. В любом случае — жди жабу.

С другой стороны — я и не рассчитывал на что-то большее, чем увидел в своё первое утро в этом мире. Значит — при любом раскладе я ничего не теряю, так что можно смело давить маленького головастика, пока он ещё не жаба. И ещё — вряд ли Арагорн обидится на мою транзакцию. С одной стороны — выходка вполне в его духе, с другой — дала ему возможность подшутить надо мной, да и над жрецом.

Успокоив себя такого рода рассуждениями, я перехватил инициативу в разговоре и направил его на тему эльфов. В течение следующего часа подтвердились мои самые странные и неприятные подозрения: эльфы исчезли, никто не заметил или не помнил, как и когда. И ни одна живая душа не удивилась и не заинтересовалась! Притом, что у одного из наших новых собеседников, как оказалось, были некие деловые контакты с эльфами. Так вот,

он переживал из-за расстроившихся сделок, потерянных денег — но тоже не стал доискиваться причин, даже не почувствовал такой необходимости! Такое глобальное воздействие на психику населения уже не просто беспокоило — оно пугало мощью противника. Стоп, почему я подумал «противника»? А чему удивляться — если это не сами эльфы прикрыли свой уход таким вот мороком, что вряд ли, то сила, устранившая один из светлых народов — явно и недвусмысленно враждебна остальным.

Но был и обнадёживающий момент — примерно после пятнадцати минут разговора с интенсивными попытками достучаться до разума собеседников, подтянувшихся в наш угол зала, у них появлялось любопытство и удивление, в том числе и своим собственным поведением, а ещё — злость на того (или тех, или то) кто это с ними сотворил. Оставалось надеяться, что, выбравшись из-под моего влияния, люди не вернуться к прежнему состоянию, а наоборот — смогут разбудить ещё кого-то из окружающих. Интересно — это Арагорн придал мне такое свойство, быть живым противоядием для чужих чар, или это проявился тот факт, что на момент воздействия неведомой силы на Мир меня в нём не было, и я просто не подвергался промывке мозгов? Кто знает...

Проговорили мы часа три — время, как обычно в таких случаях, летело незаметно. Так же незаметно «улетели» три кувшинчика вина литра по два каждый, из которых, правда, я заказал лишь один. На толпу в дюжину взрослых мужчин вроде бы немного, но некоторых развезло. Да уж, народ явно непривычен к крепким напиткам, если так реагируют на продукт, в котором от силы градусов девять-десять. Распрошавшись со жрецом и собеседниками, я, сопровождаемый эскортом мотоциклистов в неумелом исполнении парочки двурвов, подошёл к «своей» официантке:

— Спасибо вам за гостеприимство. Хотелось бы его продолжить и углубить, а именно — остановиться у вас денька на три, пока не закончу свои дела в городе. Не подскажете, к кому обратиться?

— Разумеется, я провожу Вас к управляющему, он проведёт все расчёты.

Оказывается, дальняя от входа дверь в торцевой стене вела не на кухню. Кстати говоря, просто обязан был это заметить, так что — единица за внимание. Расслабился, блин — а ведь в чуть иной обстановке это могло бы дорого обойтись. За дверью оказался коридорчик, в котором также дежурила пара охранников. По правую руку размещались две двери к «удобствам», в дальнем торце — лестница на второй этаж и, слева от неё, выход на улицу. Около выхода стояла нараспашку дверь в помещение, в котором трудно было не узнать караулку, а между ней и обеденным залом — кабинет управляющего.

Я быстро договорился о комнате, внёс залог, который вместе со стоимостью обеда, едва не переросшего в банкет, потянул на пять «лун». В ответ на предложение управляющего подняться в номер, ответил:

— Знаете, не вижу необходимости: мне всё равно ещё надо выйти в город, причём — с вещами, так что.... Но, надеюсь, через часок, когда я вернусь, ваша очаровательная работница сможет помочь мне найти комнату?

— Разумеется, господин...

— Можете звать меня Виттор. Да, и ещё. Хотелось бы вымыться, как следует, у вас это возможно, или мне поискать в городе?..

— Что вы, что вы! — не слишком вежливо вклинился в малюсенькую паузу в моей реплике управляющий. — Мы предоставляем всё, что нужно нашим постояльцам! К вашему возвращению всё будет готово, только дайте мне знать — и я тут же распоряжусь!

Собственно, в городе у меня было только одно дело на сегодня — зайти за кофе. Часа тут было явно многовато, но не сидеть же в номере, как сычу в дупле?! А после бани на улицу идти, мягко говоря — не хотелось. Я решил, после посещения кофейни не возвращаться назад уже знакомой дорогой — а обойти по улицам вокруг центральной цитадели, замкнув колечко, так сказать.

Увидев меня в дверях, колоритный владелец кофейни обрадовался: наверное, не был уверен, что я приду, всё же цена была — ух!

— Проходите, проходите! — радушно приветствовал он. — Наслышан о том, как Вы разобрались с племянником нашего графа. Смело, надо сказать, почти на грани фола. Здорово Вы обыграли предсказание, да...

Я почувствовал себя неуютно. Похоже, уже успел поссориться с властями. Знать бы ещё, в каких отношениях дядя с племянником? Помнится, в некоторых культурах Земли такое родство считалось важнее и ближе, чем отец и сын, не хотелось бы. Ну, ничего — вот прямо передо мной ходячий справочник «Кто есть кто по сути своей», разужнаю.

— Какое такое предсказание?

— А Вы не знаете?! Он ездил к оракулу, и тот вроде как предсказал долгую жизнь в достатке и уважении, с одной оговоркой: ему может грозить гибель от «кинжала, который не кинжал». При этом смерть обещана болезненная и недостойная. А все знают, что мечи Стражей, особенно — Истинных, не всегда остаются кинжалами из стали...

Ну что ж, одной загадкой меньше — трусом мой несостоявшийся дуэлянт не выглядел, а на попятный пошёл резко и с явным страхом.

Позже выяснилось, что отношения графа с племянником неровные и особой сердечностью не отличаются, но иногда правитель города испытывал приступы родственных чувств... Ладно, задерживаться не буду. Завтра закуплю всё необходимое, решу, что делать дальше и послезавтра утром, оставив для конспирации оплаченную на сутки вперёд комнату, двинусь из города.

Почти перед самым уходом из кофейни я сообразил попросить владельца смолоть мне часть зёрен и подыскать какую-нибудь плотно закрывающуюся посудину. Да уж, помол весьма грубый, если не сказать больше. Идея — завтра надо будет присмотреть в ремесленных рядах ручную мельничку для специй. Новая, без посторонних запахов, она послужит мне кофемолкой.

Перед входом в своё обиталище я вручил двурвам, всё ещё ошарашенным стоимостью моей последней покупки, по серебряной монете и сказал:

— У меня для вас ответственное поручение. Не знаю, сможете ли вы справиться, но, прошу — постарайтесь завтра до второй утренней стражи мне на глаза не попадаться и не беспокоить.

У двурвов, уже приготовившихся к чему-то эпохальному, на лицах отразилась такая смесь облегчения и обиды, что я усомнился и добавил:

— Просто отоспаться хочу, в человеческих условиях. А охрана тут на уровне, к тому же я свою защиту разверну.

В обеденном зале я «свою» официантку не увидел, и несколько даже расстроился. Однако она обнаружилась в кабинете управляющего, видимо, с каким-то отчётом.

— Здравствуйте снова. Можно, я похищу у вас на время эту сотрудицу?

— Да, разумеется. Вам приготовить купальню прямо сейчас?

— Если можно. И, пожалуйста, пришлите в номер кувшинчик эля и кое-какую закуску, только без лука и чеснока.

На лестнице я пропустил сопровождающую вперёд ступеньки на четыре. Да уж, вид перед глазами просто великолепный. Вот интересно — выглядит она, по меркам моего мира и времени, лет на двадцать восемь или чуть моложе. А сколько на самом деле? В нашем Средневековье в таком возрасте частенько уже дочек замуж выдавали и внуков нянчили. И выглядели старухами. А тут? Может, ей только-только восемнадцать стукнуло? Или тут с продолжительностью жизни и здоровьем, благодаря магии и реально работающим жрецам, всё гораздо благополучнее? Вот не знаю, не получил ещё такой информации от Спутника. Как и о нормах социального поведения, так сказать. Вот если я сейчас попробую эти аппетитные выпуклости погладить — что будет? А не представляю себе, совершенно. А жаль...

В номере официантка, переквалифицировавшаяся в горничную, показала, где что и как. Затем, не поворачиваясь ко мне лицом, спросила:

— Господину помочь в купальне?

— Если Вас не затруднит, то — обязательно!

Ответил автоматически, а потом даже хихикнул: несмотря на игривые мысли на лестнице, и не только мысли, но и планы, при ответе думал именно о помощи — разобраться, что тут для чего и как делается. И только потом, вдогонку, пришла мысль, что помощь в купальне можно трактовать в весьма широком диапазоне смыслов. Вот интересно, какой из двух вариантов имела в виду она?

Оказалось, что оба. Вначале, старательно отворачиваясь, помогла сориентироваться на местности, я даже начал чувствовать себя неловко. Как же — пользуясь положением, принуждаю даму находиться в явно некомфортной ситуации, да ещё и собирался на какое-то «продолжение» рассчитывать — не гад ли? Но тут она, наконец, обернулась. Вид слегка зарумянившейся лукавой мордашки и прикушенной, чтобы сдержать смешок, нижней губки развеял все сомнения в её настроении и планах.

Равным образом не претендуя на лавры И. С. Кона и не планируя делать свои записки литературой категории «строго старше восемнадцати», от подробностей воздержусь. Разве что только вот такой момент.

Перебравшись из купальни в комнату, я предложил отметить наше знакомство и протянул Лане баклажку.

— Что это? — спросила она, заинтересованно пригнувшись.

— Бальзам. Бальзам Стражей.

Даже в тусклом закатном свете было видно, как расширились её глаза:

— Но... но ведь это очень редкая и дорогая вещь!

— Во-первых, смотря для кого. Во-вторых, напиток всё равно открыт, так что не дай ему пропасть просто так!

Похоже, пара глотков бальзама каждому, придали не только сил и бодрости, но и изобретательности. Короче говоря, когда Лана выскользнула за дверь (жаль, кстати — предпочитаю, чтобы под боком было тепло и мягко до утра, да и утро можно разнообразить иногда...) а я упал головой на подушку, до рассвета оставалось не так уж и много времени. Уснул я мгновенно — для того только, чтобы так же быстро очутиться около уже знакомого

костра в тумане.

— Ну, наконец-то! — послышался более чем знакомый ехидный голос.

Честно сказать, с трудом подавил в себе желание ответить: «Уйди, глюк страшный!» и ВЫСКОЧИТЬ в Мир — Спутник молчаливо подсказывал, что мы это можем, да я и сам помнил, как мы проделывали такое.

— Не на конец, а на встречу, с кончиной пока подожду — всё же немного похулиганил я мрачным тоном.

— А что такой грустный? Неужели спатеньки хочешь? — вредная морда напротив вся так и лучилась ехидством.

— Угу, — не стал я спорить с очевидным фактом. — Есть у нас, у смертных, такая дурная привычка — спать.

Сказал — и сам сквозь дремоту испугался: а ну как «пошутит» сидящий напротив бог, да и лишит сна? Хорошо, если потребности во сне, а если только возможности? Да и необходимости во сне лишиться можно по-разному: нежить вроде как во сне не нуждается.

— У вас, смертных, много дурных привычек. Некоторые из них очень приятные, вот только спать мешают! — продолжал «сушить зубы» мой собеседник.

— Раз уж всё равно подглядываешь — разрешаю конспектировать, век живи, как говорится, век учишься...

— Но-но-но! Я тоже помню, как пословица заканчивается. Это кого это ты дурнем обзываешь?!

— Никого. Я поговорку имел в виду, — я попытался изобразить взгляд котика из Шрека, даже пару раз ресничками похлопал.

Арагорн захохотал.

— Ой, насмешил! Невинное выражение бедной сиротки на твоей наглой и довольной морде обожравшегося краденой сметаны котяры... это... это...

— Вдохновенно и талантливо?

Новый приступ смеха, который резко обрывается через пару секунд.

— Нет, просто не к месту. А теперь — к делу. Ты что же это, решил, что если прогнал посланцев бога, то можешь игнорировать его распоряжения?!

— Эээ?..

— Склероз? Не рановато ли, тем более что я на тебя заклятье познания наложил, память у тебя должна быть просто нечеловеческая, в буквальном смысле слова. Короче говоря — за амулетом придётся сходить.

На последней фразе голос Арагорна резко посерьёзшел. Я даже немного удивился: оказывается, амулет и правда существует?! Так и спросил:

— Так он и правда есть?

— Есть, и именно там, где сказано — на алтаре лежит. Происхождение у него, конечно, другое, но... А раз уж ты с моими посланцами дел иметь не захотел, то сам и доставишь артефакт в Резань.

— Кудаааа?! — Я аж вскочил с места. — В Рязань?! На Землю?!

— Сядь! Сколько раз говорил — не перебивай меня!!! Нет, в Ре-зань, — по слогам произнёс Арагорн, выделив звук «е». — Городишко на юге, тесно связан с именем одного монарха, который так понравился тебе личной скромностью. И ещё. Деньги за работу тебе предлагали, ты отказался, но бесплатно работать я тебя не заставлю. Однако... Раз уж я сам

принёс тебе деньги, причём — повторно, то беру себе десять процентов, как агент. Кроме того, раз сумма показалась тебе слишком большой, я её уменьшу, втрое.

Арагорн достал откуда-то, не то из кармана, не то из тумана, кожаный кошелёк.

— Тут пятнадцать солеров. Двенадцать золотом и три — серебром. Чтоб внушительней выглядело, да на мелкие расходы. Сиди, не дёргайся (я, собственно, и не собирался). Всё равно до меня дойти не сможешь. Вот, я на земле оставлю и уйду, подберёшь.

Собеседник бросил кошель сбоку от костра, примерно на полпути между нами.

— И завтра же в путь!

Я тут же ухватился за его слова:

— Отлично! Тогда сегодня с утра обойду мастеровых, сделаю все закупки, вечером побеседую с Миккитрием, отосплюсь, а завтра — в путь!

— Вообще-то начало нового дня считают с рассветом...

— Не знаю, не знаю... Могут считать рассвет хоть днём, хоть утром, хоть причиной появления овсянки в мире, а сутки начинаются в полночь. Нуль-нуль часов ноль-ноль минут, и всё!

Арагорн слегка поморщился, потом махнул рукой:

— Ладно, если так уж понравилась эта Лана, поразвлекайся ещё денёк. Но не больше!

Я, настроившись на более-менее долгий спор и приготовившись к компромиссу в виде выхода из города после обеда, обрадовался было. Но тут же и насторожился: слишком легко этот хитрован пошёл на уступки. Видимо, затеял какую-то гадость, надо быть начеку.

— Вот, из-за своей недоверчивости лишился тридцати пяти золотых. Считаю денежное довольствие десятника гвардии в полтора золотых в год, это же...

— Не старайся, не придёт жаба. Насчёт сыра и мышеловки я своего мнения не поменяю.

— Что, не веришь в удачу и возможность бесплатного подарка судьбы? Хоть бы и в виде сыра?

— Концепция веры в данном контексте неприемлема, ибо она оправдана в отношении онтологических вопросов бытия, не подлежащих в принципе либо не поддающихся на данном этапе развития индивидуума и общества эмпирической проверке. Для объектов же, сущностей и процессов, поддающихся как качественному, так и количественному анализу, допустимость применения постулата веры к ним становится весьма сомнительным шагом, граничащим с оксюмороном. Мне нет необходимости прибегать к излишним сущностям, к каковым в данном контексте, и относится «вера», как феномен абстрактного восприятия действительности. Я просто точно, твёрдо и документально ЗНАЮ, что бесплатный сыр бывает, но только для второй мышки. Конечно, в данном конкретном случае может, вполне оправданно, возникнуть гносеологический вопрос в определении, как цены, так и сыра, ибо, если первая мышка расплатилась за него своей жизнью, и мышеловку заряжал не фермер, произведший данный сыр, то возникает концепция двойной оплаты...

— Стой-стой-стой! Эк тебя растащило-то, а? Иди-ка ты и правда спать, кошелёк только не забудь! — Арагорн, произнося это, встал с места, каким-то слитным движением развернулся, шагнул в сторону и исчез в тумане.

Я, в свою очередь, поднялся на ноги, без какого-либо сопротивления со стороны окружающей реальности подошёл к кошельку, наклонился, протянул руку... Меня как-то повело вперёд и в сторону, я сделал полушаг правой вперёд, чтоб не упасть, дёрнулся и проснулся. Тут же уснул снова, но в туман уже не попал. «Интересно, что будет с кошелёчком?» — успела ещё промелькнуть мысль, и сознание отключилось.

Проснулся я, вопреки своим ожиданиям, рано. Засыпая, думал — до обеда дрыхнуть буду, но нет: новые привычки и рефлексy, а точнее сказать — привычки Спутника. Если верить ощущениям моего второго я, получается где-то начало седьмого утра. Тут, кстати, тоже двадцатичетырёхчасовой счёт времени, но со своими особенностями: дюжина часов день, дюжина — ночь. Таким образом, продолжительность часа — понятие растяжимое. Но, поскольку это явно не слишком удобно для многих видов деятельности, наряду с «солнечным» временем используется заимствованная из армейской среды система «вахт». Каждая «вахта» — это четыре «равноденственных» и равных друг другу часа. Именно в них я, по земной привычке, и считаю время. Так что, если не будет оговорено особо, имеются в виду именно такие, стабильные часы. Единственно что — не спрашивайте о том, как они соотносятся с земными. Никаких приборов учёта времени у меня с собой при переносе не оказалось, инструментально замерить длительность местного часа было нечем.

Ну ладно, хватит лекций. Лёгкая сорокаминутная разминка в номере, ополоснуться, одеться — и я готов к выходу. Всё своё имущество с собой не поволок — чай, не верблюду, взял только нужное в городе. Пожалел, что не во что переодеться, запасная одежда осталась в палатке. Прикупить, что ли, в городе что-то полегче? С другой стороны — завтра с утра — в путь, по лесам. Ради одного дня в городе затевать возню с гардеробом?! Ну уж нет, плащ вот в номере оставлю и глефу, и хватит. Компромисс, однако. Ну, и паранойю свою потешить надо, не оставлять же имущество без присмотра?

Спустившись вниз, постучал в дверь кабинета управляющего, вошёл, не дожидаясь ответа.

— Доброго утра. Хочу предупредить: в номере порядок наводить без меня не стоит. Я там оставил кое-что из имущества, и, во избежание, поставил охранный полог. Боевой полог. Если кто-то полюбопытствует — одним любопытным станет меньше, а может, и парочкой номеров...

Да, конечно, врать нехорошо — заклинание и комнату бы не разнесло, но так мне показалось надёжнее. Не особо вслушиваясь в уверения администратора, что у них персонал не такой (ага, как же!), я добавил:

— Собственно, моё дело предупредить Вас, а будете Вы сообщать подчинённым, или понадеетесь на их скромность — это уже внутренние дела заведения, мне в них лезть не с руки.

Позавтракав, я вышел в город. Меня ждали несколько дел, включая одно забытое вчера и одно новое. Во-первых, я умудрился забыть про свои первые трофеи в этом мире — запчасти от лесной нечисти, а за них полагались кое-какие денежки, и за факт истребления, и за сами ошмётки, как алхимическое сырьё. Но это мелочь, стоит только зайти в местное отделение Гильдии Магов. А вот второе дело — сложнее.

Я просто не мог понять, как относиться к произошедшему ночью и как себя вести дальше. Память Спутника молчала по этому поводу, да и вообще о бытовых деталях, как неродная. Можно, конечно, отнестись ко всему максимально просто, но.... Одно дело, если всё это — личная инициатива Ланы, и совсем другое — если не совсем. И тут много вариантов. Да и просто — понравилась она мне, в том числе и просто по-человечески, не хотелось бы обидеть. Так, а вот это может быть решением...

Ох, как тяжело ходить по ювелирным рядам! А уж в чужом мире, с совсем другими нравами, вкусами и названиями, как готовых украшений, так и материалов для них... Я решил подарить Лане что-то такое, что она могла бы как оставить себе, так и продать с

выгодой и без проблем. И вот теперь — мучаюсь. Кредитоспособность моя сомнений у торговцев, похоже, не вызывала — скорость слухов, как давно известно во всех Мирах, значительно превышает скорость звука. Я же вчера дал немало поводов для слухов, и городишко не такой уж большой.

Двурвы, сопровождавшие меня, как привязанные, от самых дверей гостиницы, здорово помогали мне в отношении того, чтобы определить, что из чего сделано, вкус же у них был — просто «ой». Стоит только сказать, что у «братков» девяностых годов прошлого века они вполне сошли бы за придворных ювелиров. Кич и аляповатое выпячивание богатства, короче говоря. Хорошо хоть на Земле усвоил несколько простых правил, касающихся выбора украшений. Кольца отпадают сразу — и размер надо знать точно, и вкус, да и дамы склонны придавать таким подаркам зачастую неадекватное значение; серьги — тоже очень индивидуальное украшение, сильно зависит от реакции конкретных ушек на тот или иной металл и вес; брошь — надо хорошо знать гардероб одариваемой и её предпочтения; браслет — уже лучше, возможность оценить размер руки у меня была, но лучше всего — кулон или медальон на цепочке. Тут и с размером не промахнёшься, и сочетается много с чем. Конечно, если это не такое чудо, какое выволок откуда-то из недр первой же лавки очень довольный находкой Драун: золотой блин, размером чуть побольше моей ладони (далеко не хрупкой девичьей, надо заметить). В середине этого чуда был воткнут жёлтый булыжник, слишком, на мой взгляд, крупный для топаза. Вокруг неведомый слесарь (ювелиром назвать язык не поворачивается) натыкал всего, что было под рукой: от парочки небольших алмазиков до опалов и полудрагоценных на Земле аметистов. Вся радуга налицо, причём — вперемешку. Висела сия гиря на цепи толщиной в палец. Там была именно простая цепь, одинарное сцепление овальных звеньев. Глядя на эту жуть, я произнёс:

— Отличный выбор!

Драун просиял:

— Так я ж знаю!

— Конечно, вам, берглингам, положено хорошо разбираться в оружии!

Гролин, уже знакомый с моими подходами к воспитанию двурвов, скромно стоял в сторонке и начинал немного похихикивать. Зато Драун, по своему обыкновению, летел, как скорый поезд по рельсам.

— В каком оружии?!

— Во всяком, я думаю. В частности — вот в таком. Это ж если взять за цепь, раскрутить да шарахнуть по голове — не всякий шлем выдержит. Опять же, можно и как метательное использовать. Я уж не говорю о том, что это и мощное психологическое оружие — прямо-таки средство массового устрашения противника. Вынести этот жупел перед строем войска — враги разбегутся! Эльфы так точно бы разбежались, с криками ужаса.

Гролин под конец монолога ржал в голос. На Драуна же смотреть было и жалко, и забавно... Что характерно, хозяин лавки, тоже двурв, имел почти такой же озадаченный вид, как и мой сопровождающий. Это что, национальная специфика вкуса, или просто у моих «братьев по разуму» нашёлся потерянный в детстве третий братишка?

В последующие полтора часа неунывающий от неудач Драун пытался вручить мне ещё целую коллекцию экспонатов, в которых я «опознал» хоботное кольцо боевого мамонта, строгий ошейник на мелкого демона, пару боло для охоты на велоцирапторов и одну пару наручников от древнего пыточного агрегата орков. Попытки заявить ЭТО как браслеты и кулоны были мной отвергнуты как неправдоподобные и непрофессиональные. Причём

каждому экспонату моя проснувшаяся язвительность давала достаточно подробное описание, в плане происхождения, свойств и особенностей применения. Гролин уже изнемогал, за нашей компанией увязался хвост из благодарных зрителей, а некоторые торговцы норовили припрятать особо выдающиеся экземпляры или же вовсе малодушно прикрыть лавочку, когда я, наконец, увидел то, что мне понравилось.

На изрядно запыленной бархатной планшете висела скромная, но преисполненная изящества красота. Цепочка, причудливо сплетённая из тоненьких проволочек так, что казалась одновременно и шнурком, и сплошным металлическим прутком, но очень мягкая. Неведомый мастер умудрился, используя проволочки нескольких оттенков, добиться такого эффекта, что при изгибах цепочки на её поверхности проступали тонкие теневые узоры. Материал я сразу определить не смог. Похоже на темноватое серебро, но вот вес... Я бы решил, что это какой-то сплав платины, но в явно средневековом антураже ей никак не место: температура плавления платины — это нечто запредельное для подобной эпохи. Разве что списать на магию? Ну, да не в этом суть. На цепочке свободно скользил кулончик — цветок из того же металла, причём все пять лепестков были плотно-плотно сплетены из тех же тонких проволочек. Искусство работы было таким, что передавалась фактура лепестков с отображением прожилок на них. Сердцевина была собрана из очень светлого золота, а в центре красовался небольшой светлый сапфир, огранённый на кабошон. Когда я аккуратно провёл пальцами по цветку, на лепестках, подобно каплям росы, засверкали мелкие искорки — не то алмазная пыль, не то полированные до зеркального блеска сплюснутые торцы проволочек.

— Ну, и что тут такого? — влез Драун. — Эльфячья плетёнка, ни прочности, ни богатства. Разве что камушек неплохой, хоть и махонький, да металл — дымчатое серебро, ушастые так и не сказали, что ещё они в него добавляли. Кроме, понятное дело, золота, серебра, толики меди и толченого шпата при переплавке...

— Эх ты... Это же украшение, а не цепь для клетки. И мне думается, что шнурок намного прочнее, чем выглядит.

Надо же, эльфийская работа. И правда — красиво, ажурно и очень, очень изящно. Настолько, что словами не описать всей прелести. И — непонятное «дымчатое серебро». Ой, чует моё сердце, что это какая-то местная вариация на тему белого золота, сплав с содержанием именно что платины, процентов так шесть-десять. Интересно, как эта красота оказалась в таком небрежении, даже пылью покрылась? Неужели настолько не во вкусе местных жителей, или это эффект общего безразличия к исчезновению эльфов так аукнулся?!

Так или иначе, обошлось украшение хоть и дорого, больше, чем я планировал потратить утром, но намного дешевле, чем можно было ожидать. Спрятав добычу поглубже во внутренний карман, я направился в гости к магам...

В Гильдии меня приняли достаточно спокойно, хоть и не без некоторого удивления. Думаю, нагрянь я сюда прямо от городских ворот, удивления было бы больше. Ох, не нравится мне такая реакция, и чем дальше, тем больше. С одной стороны, никакого негатива ни ко мне, ни к Ордену, с другой — такое ощущение, что живого Стража увидеть уже почти и не ждут. Нет ли здесь какой-то истории, наподобие той, что с исчезновением эльфов? С другой стороны, там реакция была радикально иная, правильнее сказать — никакая, а тут удивление открытое. Ладно, разберёмся со временем.

Перед входом в здание Гильдии было пристроено крылечко с колоннадой. И, как я ощутил, на каждой паре колонн висели магические пологи — сканирующие, распознающие, защитные.... В том числе рассчитанные на распознавание и определение характеристик магического дара. Короче говоря, когда я вошёл в холл, стоявший там за стойкой служитель уже знал о том, кто идёт если не всё, то очень многое. Собственно, кроме него там было ещё немало народу, включая парочку номинальных охранников из числа молодых магов, ауры которых просто-таки полыхали пламенем. А «номинальных» — просто потому, что через управляющий пологам амулет, стоявший за стойкой скромно одетый адепт Земли и, немножко, Астрала, мог сделать для безопасности Гильдии никак не меньше этой парочки. Для начала — просто не пустить меня внутрь. А «огневики» — скорее, отпугивать или внушать почтение тем посетителям, кто магических способностей лишён и подлинного расклада сил не видит. Уловил за спиной тихий голос одного из охранников:

— Ну надо же, все пять стихий откликаются! Активный ритуал родства с Огнём держит, Воздух так вообще.... Слушай, Олли, тебе б такие возможности, а? При твоём уровне дара и Архимаги вышел бы!

Олли, у которого помимо Огня в ауре проблескивали и прозрачно-голубые нити Воздуха, ответил без раздумий:

— Не такой ценой! Сам же знаешь, ЧЕМ они расплачиваются за отклик Сил.

— Это да...

Узнав, кому сдавать трофеи и где найти артефактора, готового поработать на заказ, я поблагодарил служителя и прошёл внутрь. Дворвы в Гильдии заметно притихли. В ходе продажи останков нечисти пожилому на вид магу-алхимику, я даже несколько удивился расценкам. По памяти Спутника выходило чуть меньше. Правда, почти сразу всё разъяснилось. Приёмщик вёл тихую, неспешную и, похоже, нескончаемую беседу со своими двумя молодыми помощниками, если, конечно, монолог можно считать разновидностью беседы. Вот из этого словесного журчания, хоть и адресованного не мне, я и почерпнул немало полезной информации.

Выяснил, что мои трофеи «в очень хорошем состоянии, не то, что приносят эти мальчишки — или бьют по зверушке со всей дури, так, что остаточный разряд через железу проходит и портит, или хранят, как попало» и что в последние годы таких «даров природы» стало меньше. Парадоксально, если учесть, что нечисть размножилась небывало. Но — размножилась она не слишком близко к крупным городам. Молодые маги, по сути — студенты, для которых подобная охота была более чем выгодной, не могли отъехать слишком далеко из-за учёбы. Опытным и самостоятельным было и некогда, и невыгодно. Раньше много сдавали Стражи (опять косою и какой-то виноватый взгляд в мою сторону), да и от эльфов сырьё поступало на взаимовыгодной основе, централизованным порядком. Сейчас же наблюдался отчётливый дефицит, отчего цены и поползли вверх. Отсчитав мне моё серебро — а получилось даже чуть больше, чем за гоблинские амулеты — старый ворчун выпроводил меня за порог с пожеланием «заходить ещё». Не удивлюсь, если он сразу же начнёт использовать полученные материалы по назначению — сырьё явно меньше, чем заказов на изделия из него. Драун, которому досталась иголка из опозоренного им и забитого молодецким пинком рэбтора, ничего сдавать не стал, из чего я сделал вывод, что трофеев уже пристроен по своим, берглинским, каналам.

Что ж, серебро заработано, пора идти его тратить с пользой и удовольствием. По дороге в Гильдию я не переставал думать о купленном мной подарке. Очень не хотелось бы, чтоб он

был быстро продан, да и от меня в таком подарке ничего, кроме оплаты, нет. Я решил переделать кулон в артефакт. Мысль о том, как Лана пробиралась домой в предрассветных сумерках, меня тревожила. Казалось бы — что мне до этой служанки? Проще всего определить её как даму нетяжёлого поведения и списать все возможные неприятности на издержки профессии, но — что-то не давало поступить так. В том числе и в поведении женщины вечером и ночью.

И у меня возникла мысль: попытаться встроить в кулон защитное заклинание наподобие моего огненного купола, но многократно и с различной мощностью срабатывания в зависимости от уровня угрозы. Не хотелось бы, чтоб амулет поджарил заживо кого-то, решившего ущипнуть симпатичную официантку за аппетитную попку. Или клиента, решившего выплеснуть своё недовольство ценой обеда на служанку. Вот с этим-то, то есть с созданием, настройкой и внедрением управляющего контура, у меня и возникли неразрешимые проблемы. Загнать защиту в кулон я мог и сам, но вот защищал бы он только меня, только будучи надетым на меня же, и исключительно одноразово.

Вот всем этим я и хотел озадачить мага-артефактора, сидевшего на третьем этаже. Артефактором оказалась довольно интересная дама, лет тридцати с виду, сколько же ей было на самом деле — неизвестно. Отпустив пару не совсем дежурных комплиментов по адресу украшения, она спросила:

— И какое отношение я могу иметь к этому изделию Рода Сверкающих Рос? Вряд ли Вы хотите подарить его мне во исполнение некоего древнего обета?

Я объяснил свою проблему.

— Ну, такого рода управляющий контур, в принципе, достаточно обычен, правда, для изделий не самого простого уровня. А каким по направлению и силе Даром обладает будущая владелица украшения?

— Увы, — я развёл руками, — насколько я успел понять за время знакомства — никаким.

— Хм... Тогда контур становится сложнее. Правда, у нас есть и такие наработки, как для самостоятельного срабатывания, так и для прямого управления не-магом. Однако понадобится ещё накопитель энергии и его зарядка. Кроме того, хотелось бы знать, какое именно заклинание Вы хотите встроить.

— Заклинание — вот такой вот защитный кокон, как на мне. Что до накопителя — камень в кулоне подойдёт для этой роли? Если само заклинание встроить в металл?

— Камень и так рассчитан на работу накопителем, — сказала маг, бросив пристальный взгляд на украшение. Кулон, фактически, является заготовкой для артефакта. А заклинание на Вас интересное, даже, я бы сказала — своеобразное.

В ходе дальнейшего разговора, пересыпанного специальными терминами, выяснилось, что мой кокон не столько заклинание, сколько результат ритуала, именуемого слиянием со стихией и считающегося непростым и достаточно опасным, если проводить его не со «своей» стихией.

— Ну, у вас, Стражей, свои отношения со Стихиями и Силами, — заметила маг.

Сошлись на том, что я формирую кокон и загоняю его в кулон, дама закрепляет его там и накладывает «интерфейс пользователя», выражаясь современным мне языком. С накачкой камня огненной маной проблем не предвиделось, любой из двух лоботрясов на входе управился бы минут за десять максимум. Условились о цене за услугу и о том, что я зайду за подвеской вечером. Конечно, за срочность пришлось доплатить, но всё равно имелись более

приоритетные работы, которые моя собеседница не могла переложить на плечи учеников и помощников.

Больше за день ничего примечательного не произошло, не считая сильного разочарования из-за того, что затея с покупкой мельницы для кофе не удалась. Были маленькие, похожие на колотушку, мельнички, куда можно было забросить от силы пару зёрен, причём предварительно измельчённых на кусочки, размером с перчинку. Это пришлось бы для каждой чашки заряжать аппарат раз до десяти и крутить всякий раз по три минуты. Второй вариант — стационарные настольные агрегаты для круп и солода, весом килограммов по шестьдесят, и выдающие массу, напоминающую размером частиц пшено. Да уж, такое на горбу не потащишь. Пришлось ограничиться небольшой ступкой и пестиком, которые по замыслу их создателя предназначались для травника или алхимика.

Ну, на худой конец можно и просто зёрен пожевать, по старой, с подростковых ещё времён, привычке. Теперь-то никто не будет портить удовольствие, влезая с непрошенными проповедями о вредных привычках, заботе о здоровье и длинными монологами в пространство о том, что вот «пока они молодые, так гробят своё здоровье, а потом начинают в двадцать лет по врачам бегать, это они специально, чтоб в армию не ходить». И ни одну такую добровольную проповедницу не смущало то, что она ничего не знала о том, кому и что говорит. Не будешь же каждой самозабвенно токующей особе объяснять, что для тебя давление девяносто на семьдесят — вполне рабочее, бывает и меньше, а если удаётся поднять до уровня сто на семьдесят, то это вообще праздник? Нет, одно время пытался, но быстро забросил это неблагодарное занятие — всё равно никого, кроме себя, они слушать не могли и не хотели. Научился просто не обращать внимания, хоть это и не всегда удавалось. Ну, пусть сейчас кто-то попробует влезть со своим видением моего здоровья, оттянусь в воспитательном процессе по полной программе...

Днём я, между прочими делами, забежал пообедать в свою гостиницу. За обедом моим столиком опять занялась Лана. Я остановил её, когда она готовилась отойти с заказом, и сказал:

— Вечером, если не трудно, зайдите ко мне. У меня будет для Вас небольшой сувенир, на память.

— Как скажете, — она невинно хлопнула пару раз ресницами и невозмутимо ушла на кухню. Вот ведь артистка, а?!

Около половины седьмого по внутренним часам я снова был в Гильдии, где, заплатив ещё семь лун в довесок к пяти монетам задатка (деньги за истребление нечисти и сдачу трофеев ушли все, с поразительной точностью), получил свой подарок. Теперь кулон выглядел неуловимо иначе. Появилось трудноописуемое ощущение законченности работы и ещё — цветок теперь казался живым. Ещё я заметил, что блёстки, изображающие росу, и золотая сердцевина приобрели какой-то красноватый оттенок. Заметив, как я разглядываю искорки на лепестках, женщина-маг заметила:

— Они должны отливать синевато-зелёным блеском Воды или голубым сиянием Воздуха, по замыслу создателя основы. На использование именно огненной Стихии амулет явно не был рассчитан, я даже думала дать скидку и сократить гарантию. Но амулет держит заряд и, хм, заклинание (на этом слове собеседница немного запнулась) устойчиво. Так что — всё в порядке. Заряда хватит на полдюжины и одно срабатывание полной мощности, или на две с лишним дюжины импульсов половинной мощности, и так далее, по нисходящей. В случае если использовать по назначению не придётся, через год стоит принести на

подзарядку, иначе заряд начнёт рассеиваться.

Дама, имя которой я так и не узнал, перевела дух и продолжила:

— Вам остаётся только активировать управляющее плетение. Для этого надо надеть амулет на будущую хозяйку или хозяина и воздействовать вот на эти три точки в следующем порядке...

Итак, у меня осталось в городе одно дело — встреча с Миккитрием. Двурвы по дороге к знакомому постоялому двору заметно оживились. Видно было, что визиты в гильдию магов им не очень нравились, неуютно им было там, что поделывать. А сейчас, воодушевившись перспективой попить пивка, пока я веду свои дела, ребята шагали гораздо веселее. Кстати говоря, весь день они вели себя на диво спокойно и адекватно. Даже Драун, казалось, исчерпал свой запас выходок во время выбора украшения. Только при выборе всякого рода скобяного товара они консультировались касательно состава и качества металла и работы. Что характерно, спорить с ними никто из торговцев даже не пытался. Я же только слушал, напряжённо и внимательно. Мои, пусть и несколько поверхностные, но, тем не менее, вполне достаточные для профессиональной деятельности знания из области металлургии, металловедения и металлообработки здесь продолжали оставаться малоприменимы. Просто из-за различий в подходе и терминологии. И вот я старательно пытался соотнести используемые моей свитой выражения с привычными, хоть и подзабытыми, аустенитами, мартенситами и названиями стадий техпроцессов. Получалось туговато: Спутник тоже знал кое-что, но его память оставалась именно его памятью, моей автоматически отнюдь не становясь. Вот и приходилось мотать на ус да думать.

По дороге на встречу с Миккитрием я тоже думал — привычка у меня такая, по мнению некоторых — вредная. Думал о том, как называть мага женского полу? И кроме как «маг» или «женщина-маг» ничего путного в голову не лезло. Нет, конечно, доводилось читать и сочинения дам разной степени экзальтированности, и более серьёзных авторов. Но все эти «магессы», «магицианы» и прочая, прочая, прочая ни на язык, ни на душу не ложились. Мне приходила в голову аналогия с другой профессией — врач. Как назвать женщину-врача? «Врачиха» звучит, на мой вкус, с каким-то иронично-уничижительным оттенком. А если примерить на врача прочие варианты названия мага? «Докторесса» — диковато, но ещё куда ни шло. «Педиатриня», «хирургесса», «терапевтианна» — тихий ужас и издевательство над языком и здравым смыслом, по-моему. Конечно, мне могут привести в пример поэтессу. Но это скорее исключение, подтверждающее правило, наряду с директрисой. Пианистка, арфистка — да, но музыкантесса, музыкантша? Увольте...

За такими филологическими размышлениями я и добрался до своего первого приюта в этом городе. Миккитрий сидел около стойки. При моём приближении, он вскочил со своего стула и, слегка поклонившись, поздоровался.

— Здравствуйте, уважаемый! — ответил я, наклоняя в ответ голову и пожимая крепкую, обветренную ладонь торговца. Тот, явно польщённый обращением, горделиво покосился на прочую публику. Дождавшись, пока я усядусь на экстренно принесённый и протёртый табурет, Миккитрий взгромоздился на свой.

— Не желаете выпить что-либо? — осведомился один из братьев, как я вспомнил, поочерёдно стоявших за стойкой.

— Не вижу никакой причины и возможности для того, чтобы отказаться. Только какого-нибудь лёгкого вина... или нет! Лучше светлого пива бокал. И моим спутникам, по их вкусу.

Неспешно, согласно установленному неписаному этикету, ведя беседу с Миккитрием, я выслушал текущую конъюнктуру цен на множество разных, совершенно не нужных мне, товаров, несколько дежурных жалоб на чиновников, на хозяев рынка и на стражников. Да уж, есть много общего у разных миров.... Наконец мой собеседник подошёл к сути вопроса.

— Вот тут Ваша доля за то, что я успел реализовать. Много остаётся в спорном имуществе, то есть неведомо, найдутся ли наследники. В том числе и доспех из дымчатой стали. Точнее, кхм, дымчатая сталь на переплавку, которая была доспехом. Там разве что поножи остались целыми. Но даже и в таком виде солера на два с половиной потянет. А пока, вот, что удалось...

Я взял протянутый кошель, развязал и, не пересчитывая, пересыпал его содержимое в свой.

— Знаете, уважаемый, я почему-то уверен, что Вы не станете меня обманывать, поэтому не надо так волноваться и оправдываться. Потом, так потом. Вот, — я протянул заранее подготовленный кусок пергамента. — Здесь данные моего счёта в банке у двурвов. С их помощью Вы сможете положить причитающуюся мне сумму на мой счёт в любом банке. Правда, не ошибитесь: если дадите лишнего, назад Вам не вернут, там нужны другие подтверждения прав. А я, в свою очередь, смогу получить эти деньги, где бы ни был.

Растроганный доверием, Миккитрий едва не прослезился:

— Вы.... Спасибо, что Вы мне...

— Ну что Вы, уважаемый. В конце-то концов, я Страж — или так, погулять вышел? — В зале раздались смешки и шепотки, очевидно, знающие наскоро пересказывали желающим узнать историю моей стычки на пороге храма Арагорна. — Должен же я понимать, кому можно довериться?

Хлопнув на прощание разругавшегося торговца по плечу, я подозвал двурвов, которые успели приговорить литра по три эля. Затем расплатился с трактирщиком и отправился восвояси.

После ужина я поднялся к себе в номер. Через несколько минут раздался стук в дверь, и внутрь проскользнула Лана. Я улыбнулся и вынул из кошелька кулон.

— Вот, я хотел бы подарить тебе это украшение. Эльфийская работа, изделие Рода Сияющих Рос. Но главное в нём не металл и не работа. Это — защитный амулет. Он содержит в себе огненное заклятие, которое активируется, если тебе будет угрожать опасность, и нанесёт ответный удар, соответствующий уровню угрозы.

Лана во время моего монолога заворожено рассматривала игру искр огня на лепестках, казавшихся живыми. Женщина, одно слово. И какая женщина...

— Сейчас я должен активировать амулет. Дай я надену его и немножко поколдую. Потом ты сможешь снимать и надевать его сама, как простое украшение.

Я набросил цепочку на шею и, глянув на артефакт особым зрением, коснулся жгутиком энергии трёх узловых точек. Всё, амулет настроен. Я поднял тяжёлые волосы Ланы, вытягивая их из-под цепочки, чтобы металл коснулся шеи. Потом оттянул не слишком туго зашнурованный лиф, опустив металлический цветок в вырез. После запустил туда же свои руки и вытащил наружу пару тёплых, упругих мячиков, а после.... А что после — это только наше дело, моё и Ланы. Скажу только, что на сей раз мы уgomонились раньше, чем накануне, Лана выскользнула за дверь не позже часу ночи.

Встав на рассвете, я быстро собрал свои пожитки, включая купленную вчера в Гильдии

карту местности примерно на две-три дюжины дней пути во все стороны от Роулинга. Отхлебнул от остатков бальзама, забросил в рот несколько зёрен кофе и вышел на улицу. К открытию ворот я уже встретил около южного выхода из города своих двурвов. Они принесли запасы продовольствия, купить которое я поручил им из соображений конспирации. Из тех же соображений я заплатил в гостинице за три ночи вперёд. Эти невинные хитрости могли бы помочь, вздумай племянник графа устроить мне какую-то пакость в качестве мести — пока спохватятся, что меня нет в городе, я уже буду далеко. Не то, чтобы я боялся этого индюка, пристрелить и прикопать нетрудно, но зачем мне это? А так ушёл и ушёл — поди угадай, куда именно?

Перепаковав мешки мы втроём первыми в этот день покинули Роулинг, направляясь к загадочному лесному урочищу и таинственному артефакту в нём.

Итак, первыми пройдя ворота Роулинга, мы втроём снова в пути. Солнышко только-только выглядывает из-за верхушек деревьев по левую руку от нас. Под ногами лежит южная дорога, которая, причудливо извиваясь, ведёт к нужной нам Резани и дальше, сворачивая правее — к горному кряжу, прародине бергзеров. Но нам с дорогой было не по пути. С одной стороны, потому, что я не видел резона следовать всем её извивам, которые повторяли то русла рек, то контуры древних границ, а то и вовсе тракт закладывал немыслимую и необъяснимую дугу. В результате, по дороге до Резани считалось от двенадцати до четырнадцати дней караванного пути, а по прямой, лесами, по моим расчетам можно было бы дойти дней за семь. Правда, прямой путь лежал между двумя поселениями эльфов, даже немного цепляя окружавшие их заповедные рощи, что делало походы по этому маршруту неоправданно захватывающими дух. Для меня это не составило бы проблемы и при наличии в лесах их прежних обитателей: Спутнику доводилось бывать в одном из этих посёлков, да и вообще имелось позволение ходить по эльфийским лесам. А поскольку мы с ним теперь «два в одном» и меня принимают за него, то вопрос снимался. Теперь же, после исчезновения хозяев леса, вообще ничто, кроме привычек, стереотипов и неумения ориентироваться в лесу, не могло помешать пройти хоть через центр посёлка. Хотя, тут я, наверное, всё же погорячился — магические и инженерно-технические заграждения вокруг них вряд ли исчезли вместе с хозяевами.

Однако, с другой стороны, для меня проблема «прямого пути» лежала в ином: идти в Резань не было ни малейшего смысла без амулета. Конечно, плата за услугу мной не получена, но попробуй, поспорь с богом. Да и не исключено, что я подберу кошелёк при следующем посещении Костра в Тумане. А если и нет — не велика беда, не бедствую. Итак, прямая дорога нам заказана, делаем крюк.

Я услышал, как Драун как раз жалуется своему соплеменнику:

— Вот зачем было через южные ворота выходить? Теперь вокруг города к воротам на восход, там два дня до «Шуршунчика», а будем тянуться за караванами, которые нас сейчас обгонят.

Похоже, двурвы вчера вечером продолжили налегать на эль, и, если Гролин был просто какой-то полусонный, то Драун выглядел совсем смурным и недовольным всем вокруг. Тем более что понимал: никто, кроме него самого, в его состоянии не виноват.

— А вот объясните мне, богов ради, зачем вы собрались такой крюк закладывать?! Сначала по так называемой восточной дороге — на северо-восток (если не считать всех загибов) два дня до таверны. Потом — полдня обратно. Затем — на юг, забирая немного к западу. Это сколько в итоге будем путешествовать туда-сюда?!

— Дней пять...

— Вот-вот. А зачем? Тут по прямой два дня всего.

— Тот, кто ходит напрямик — поднимает потом крик, — это уже Гролин.

Да, ребятам их блуждания по лесу вдоль дороги долго ещё будут вспоминаться.

— Это про тех, кто прямо ходить не умеет. Ну, в путь!

— Эй, так мы, значит, в таверну заходить не будем?!

— Ну, если найдёте в лесу какую-нибудь, то зайдём.

Раздался дружный вздох. Я, посмеиваясь про себя, зашагал по дороге — решил

воспользоваться ею до края леса чтоб не вызывать излишнего любопытства среди стражников и не спотыкаться о кротовьи кучи.

— Хорошо, что я с собой взял! Жаль, что маловато...

Интересно, что именно Драун «взял с собой»? Явно не пиво — меньше бочонка им с собой нести без толку. Что-то крепкое? Ладно, если хлопнуть по рюмашке перед сном, но мало ли. Я решил не терзаться вопросами, а просто спросить:

— И о чём это речь идёт?

— Да так... Кефирчик практически! — двурвы переглянулись и заговорщицки захихикали. Ох, не нравится мне это! Ну да ладно, люди вроде как взрослые. Кстати, слово «кефир» они от меня подцепили, было дело по дороге.

Первый день пути оказался тихим и будничным. Мы добрались до леса, прошли вдоль опушки минут десять и, улучив момент, когда нас никто не видит, свернули в него с дороги. Лес был пригородный — то есть с довольно густой сетью тропинок, следами выпаса скотины, частыми пеньками и изрядно потоптанными ягодниками. Тем удивительней было встретить ближе к вечеру очередного иглозубого лже-кролика. Удивление не помешало прибить эту мелкую нежить, причём мимоходом, зато тема для разговоров появилась. Другой живности, не считая всякой птичьей мелочи и парочки каких-то не то змей, не то ящериц, не видали, да и не особо присматривались — запасы в мешках позволяли какое-то время не отвлекаться на охоту и собирательство.

Вскоре после встречи с рэбтором следы человеческого присутствия мало-помалу сошли на нет. Прошагав до сумерек, мы вышли на достаточно уютную полянку, где и решили заночевать. Разложили костерок, разогрели самые скоропортящиеся запасы. Я пожертвовал последние остатки своего бальзама — всё же двурвам длинные пешие переходы по лесу не слишком, мягко говоря, привычны. Разделили вахты, я выставил все положенные сигнальные и защитные контуры.

Перед сном я ещё успел развернуть карту и немного посидеть над ней. Удивительно, сколько информации о Мире всплыло из памяти Спутника, как при этом разглядывании, так и в предыдущем случае, когда ещё только намечал маршрут. Вот откуда бы мне знать, что эта петля дороги следует древней границе между некогда независимыми графствами? Заодно вспомнилось и то, на что намекал Арагорн — происхождение названия «Резань». Корни его таятся в правлении Солера Первого, того самого, что ввёл в обращение одноименную золотую монету, и который на самом деле был Вторым. Как я уже упоминал, разрезание золотого солера приравнивалось к покушению на императора. Соответственно, хождение повреждённых или разрезанных монет было недопустимо. А всякого рода недовольные правлением Солера Первого, успевшие сбежать на сопредельные территории, взяли в моду рассчитывать именно резаными золотыми имперской чеканки.

Для переплавки крамольного золотого лома было решено выделить какой-то небольшой монетный дворик в тихой провинции, подальше от столицы и беспокойных соседей. Был выбран городок на пути к родине бергзеров — удачное соседство для дела, связанного с деньгами. Местный барон был не то уличён в крамоле, не то ему эту крамолу быстро организовали, монетный дворик конфисковали, пригнали таких же подневольных мастеров — и работа пошла. Вскоре сюда же стали свозить на переплавку и перечеканку всякую резаную и истёртую монету, изымаемую из обращения, а также деньги иностранной чеканки, не вызывавшие особого доверия. Изначально городок носил достаточно

труднопроизносимое и весьма длинное название на одном из диалектов двурвов. Но вскоре людям, связанным с новым государственным промыслом, надоело ломать язык, и они, сперва в разговорах между собой, а затем — и официально, переименовали городок. Так как занимались тут в основном «резанкой» — то и получилась, в конечном итоге, Резань, с ударением на «е», которое потом по непонятной мне причине перекечовало на «а».

Подивившись причудливым вывертам чужой памяти, я подумал — жаль, что не могу выбирать, что именно получить из неё. Никакой меры-сююшности, к моему определённомu сожалению, не получилось. Для того чтобы что-то узнать от Спутника, нужно сначала как-то узнать, что ты этого не знаешь, простите за пародию на каламбур. А как определить границы своего невежества или некомпетентности, кроме как попытавшись эти самые границы перейти? Вот и выходит: для того, чтобы получить какие-то новые боевые или магические навыки — надо ввязаться в ситуацию, когда имеющихся умений и знаний не хватит. А это, как ни крути, весьма опасно — хотя бы потому, что по незнанию можно ввязаться в такое, из чего и не выкрутишься. Или информация придёт и усвоится с фатальным опозданием.... Вздохнув, я лёг спать.

Моё дежурство было последним. Я обошёл периметр, проверил установленные с вечера заклинания и уселся около кучки углей, в которую превратился костёр. Огонь был мне не особенно нужен: скоро должен был наступить рассвет, да и ночью он освещает в основном только того, кто у него сидит, плюс ночное зрение портит. Не говоря уж о том, какой это демаскирующий фактор, а в лесах сейчас беспокойно — поэтому костёр был разведён с вечера по всем правилам — в ямке, с тщательным отбором топлива. Сейчас из импровизированного очага шёл поток тёплого воздуха, помогавший бороться с предутренней сыростью. Активировав своё чувство Леса, чтобы оно предупредило меня о возможных гостях, я запахнулся в плащ и стал смотреть в высокое чужое небо на чужую Луну.

А Луна была очевидно и недвусмысленно чужая. Я когда-то читал ещё дома, что парочка Земля-Луна весьма нетипична с точки зрения астрономии. Слишком большой и массивный спутник слишком близко к планете — достаточно редкое явление. Некоторые учёные рассматривают эту пару небесных тел как своего рода двойную планету (по аналогии с двойной звездой), вращающуюся вокруг общего центра тяжести. Правда, он всё равно находится внутри Земли, но... Здешний спутник был легче и держался дальше от планеты, видимый размер диска был без малого раз в пять меньше, чем в моём родном мире. Правда, альbedo у местной луны было просто сумасшедшее, так что в полнолуние эта маленькая Луна светила немногим слабее, чем большая на Земле. И ещё одно отличие, уже культурно-фольклорное. Яркий серебристый свет ночного светила исключал напрочь домыслы о Луне, сделанной из сыра — здесь считали, что она состоит из особенно яркого лунного серебра, потому и серебряную монетку называли именно луной. Из этого поверья логично вытекало другое — что силы Тьмы не любят и боятся лунного света. Дескать, он для них хоть и не губителен (за исключением самых мелких и слабых духов), но очень неприятен и потому в полнолуние нечисть прячется и затихает. Забавно.

Маленький и далёкий спутник не вызывал столь ощутимых приливных явлений, ни в океане, ни в мантии, хоть и «массировал» её, правда, намного слабее, чем дома. Кроме того, периоды вращения Луны вокруг своей оси и вокруг планеты не совпадали. Ещё какие-то местные особенности привели к тому, что «лунный цикл», пресловутые четыре фазы, был переменной длины — возможно, дело в очень вытянутой орбите, тогда чем дальше Луна от планеты, тем длиннее цикл. Сам я таких наблюдений не проводил, да и некогда было, а

память Спутника ничего по этому поводу не сообщала. Редко кто мог бы сказать, в какой фазе будет ночное светило, скажем, через неделю. Соответственно — на порядок меньше было связанного с Луной фольклора. В частности, и близко не было привычных по Земле связей «отец-Солнце» и «мать-Луна». Правда, была куча других суеверий и верований — свято место пусто не бывает, как известно.

Пока я предавался размышлениям, ночь сменилась серым рассветом. До восхода солнца оставалось всего ничего, и я решил аккуратно разжечь костерок и приступить к приготовлению завтрака. Ночь прошла спокойно.

Наутро мы продолжили путь. Пока наша экспедиция напоминала какой-то поход выходного дня для всей семьи, не считая рэбтора. Однако, чем ближе было место назначения, тем осторожнее мы становились. Стали чаще попадаться следы зверей, да и сами они тоже, но, кроме того, пару раз натыкались на места гоблинских привалов.

Ближе к вечеру мы вышли на берег очередной лесной речушки. Хоть до темноты ещё оставалось немало времени, и можно было прошагать ещё часика два, но все дружно решили, что для этого дня вполне достаточно — всё равно сегодня до места не доберёмся, а если и дойдём, то к темноте, не самое лучшее время для вторжения на гоблинскую территорию. В любом случае придётся ещё одну ночь провести в лесу. Да и неизвестно, найдём ли мы дальше такое же уютное местечко.

Оставив двурвов разбивать лагерь, я отлучился в сторонку, чтоб заодно и дровишек поискать. В высокой траве нашёл несколько кустиков припозднившейся земляники. Знаете, как это бывает — когда в лиственном лесу, среди травы, вырастают почти такие же длинные, как эта самая трава, стебли, на которых неторопливо наливаются особенно крупные и сочные ягоды? Не успевают очень ранние, небольшие и суховатые, но ароматные, как на пригорках и солнцепёках. И не раскисают водянистыми, клёклыми пузырями, как в сырых и тёмных болотинах. А вот именно та самая золотая середина, когда на полянке на первый взгляд — просто зелёный ковёр травы, но стоит только раздвинуть руками растительность, и увидишь урожай, позволяющий за час-полтора без особой спешки набрать небольшое, литров на пять-семь, ведёрко ягод.

Здесь, правда, полянка была совсем небольшой, больше стакана земляники она бы не дала. Потому и двурвов звать не стал — они бы больше вытоптали, чем съели. Я уже объедал последние ягоды, от полянки, облюбованной нами для ночёвки, меня отделяли всего-то пара метров и один развесистый куст. Отчётливо слышался тихий разговор двурвов, как вдруг там, на месте ночлега, раздался резкий хлопок, напомнивший звук подрыва взрывпакета, и сразу же наступила полная, гнетущая тишина...

Моя реакция на взрыв предоставила мне повод крепко задуматься впоследствии. Потому как на лицо было расхождение рефлекторной реакции, моей и Спутника. Я сразу же метнулся залечь на землю, головой к взрыву, к корням куста, а реакция спутника была — сорвать лук и прыгнуть за дерево. Оказавшись на траве с луком в руках, я понял две вещи: во-первых, даже самый лучший лук отличается от самой простенькой винтовки тем, что лёжа из него не постреляешь. А во-вторых, случись такой раздрай в серьёзном бою — и мне кранты, без вариантов. Да уж, не самое обнадёживающее открытие, особенно с учётом предстоящих событий.

Всё описанное заняло от силы секунду-другую. Я аккуратно выглянул из-за куста около его корней, стараясь не нарушить своей головой контур укрытия. Спиной ко мне

неподвижно сидел Драун. Метрах в четырёх с половиной («четыре метра семьдесят два сантиметра»), подсказал мой навык, полученный при переносе в новый мир) лицом к нам обоим так же неподвижно стоял Гролин. Над полянкой висела мёртвая тишина и какой-то странный запах. Несло кислятиной, запах был резкий, неприятный, но в то же время чем-то смутно знакомый, эдакое дразнящее ощущение, что когда-то, очень давно, доводилось нюхать такое, но в другой обстановке. И вся трава вокруг сидящего двурва была покрыта непонятной белёсой субстанцией. Масса, которую в начале принял за снег, потом — за пену, еле слышно шипела и странным образом шевелилась. Грудь, живот и борода Гролина были покрыты мелкими крапинками того же вещества, но он очевидным образом был на границе зоны поражения.

— Ч-что эт-то?! — эхом моих мыслей прозвучал непривычно робкий и дрожащий голос того из парочки, что остался на ногах.

— Ик! — не слишком информативно отозвался Драун, передёрнулся всем телом и снова замер.

Ну что ж, главное понятно — оба живы, и взрыв был не нападением врагов, а следствием очередной выходки неистощимого и неутомимого в поисках приключений на собственный филей берглинга. Я встал на ноги, отряхнулся от налипших листьев, спрятал лук в чехол и вышел на полянку. Тем временем на редкость познавательная беседа двурвов заканчивала четвёртый круг, и Драун расщедрился на новые подробности:

— Вот, ик! Нам было, ик! Значит, вместо — ик! Вечерком, значит...

Внезапно у меня в голове как будто щёлкнуло, и всё встало на свои места. Загадочная фраза насчёт кефирчика; странно знакомый запах; слышанные на земле байки про оторванные дверцы холодильников и запуганных котов; про выбитые окна и ремонт на кухнях; эпизод из книги В. Яна об экзотическом способе казни у татаро-монголов... Я не засмеялся, нет — я заржал, как артиллерийский конь! С этим смехом выходило напряжение последних минут, мысли по поводу расхождения реакций моих и моего тела, переживания о предстоящем деле. Двурвы оба повернулись ко мне с одинаковой смесью обиды и недоумения на лицах. Вид Драуна в контрастной окраске: белый, как клоун, спереди и тёмно-зелёный сзади, вызвал дополнительные спазмы хохота. Добавляло пикантности в ощущения то, что я старался хохотать потише, как-никак — на враждебной территории находимся. Слегка угомонившись, я сумел выдавить:

— Попили, значит, кумысу?

— Ты знал?! — хоровой вопль, в котором не оставалось и тени той почтительности, с которой эта парочка пришла ко мне в ресторан всего несколько дней назад.

Смех как рукой сняло.

— Тише вы! Гоблинов подманить хотите?!

Набранный в груди для очередного праведного возмущения воздух с шипением вышел из двурвов.

— Про то, как себя ведёт перекиший кумыс — знал. А про то, что вы его с собой таскаете двое суток в жару в плотно укупоренной таре — даже не догадывался. Зачем он вам вообще понадобился-то?! Эль в Роулинге закончился?!

— Да вот, у нас на постоялом дворе караван откуда-то из-за Внутреннего Моря пришёл. Угощали. Мы решили попробовать — интересно же! Понравилось, решили с собой взять. Мы бы поделились, обязательно! Но вчера бальзам пили, не захотелось смешивать...

— А почему свежего не взяли?

— Так, это... Нам сказали, что чем дольше бродит, тем крепче. Лучше взять меньше, но крепкого, чем тащить на себе много, но слабого...

— Ясно с вами. Так, Драун, снимай с себя всё и — в реку, пусть на верёвке поплавает, может и прополощется. Запасная одежда есть же?

Оба двурва со странным выражением посмотрели на вместительный мешок Драуна.

— Есть... — как-то очень нерешительно протянул виновник переполоха.

— Там, в мешке, ещё три баклаги с этим вот, — прояснил ситуацию Гролин и добавил: — Я туда не полезу!

Драун просто смотрел на меня, как Му-Му на Герасима с той стороны борта лодки.

— А, может, оно само? Подсохнет и отвалится, а?

— Само!? Так, если ты собрался претендовать на роль хозяина леса и помечать всю территорию, по которой пройдем — твоё право. Но — без меня! Брысь в реку, и бороду постирать не забудь! Потому как завтра она так благоухать будет, что сбрить захочешь! А я займусь твоим боекомплектком.

Пока двурвы с лёгким матерком, ведь вода ещё не прогрелась, особенно в лесной-то речке, лезли в воду, один по необходимости, а второй в помощь и за компанию (или чтоб не оказаться в группе по разминированию), я призадумался. Нет, общий принцип решения задачи я себе представлял неплохо: заморозить рюкзак со всем содержимым, или хотя бы сильно охладить, и аккуратно извлечь ёмкости. И заклинания более-менее подходящие вспомнились. Ледяным болтом бить не стал бы, энергоёмкое для меня заклинание, да и цель другая, нежели уничтожение мешка. Было заклятие, настолько резко и сильно понижающее температуру в определенном объёме, что относилось также к боевым, но — слишком уж оно мощное. И сложное, я едва ли не впервые уловил в ощущениях Спутника неуверенность, что справимся. Шансы были довольно неплохие, три из пяти, но вдобавок охлаждение достигалось путём очень заумной комбинации сил Воздуха (который совсем свой) и Воды, с которой на «Вы», хоть она мне и отзывается в принципе.

Но я-то знаю, что холод как таковой не существует, с точки зрения физики. Так может просто откачать тепло из зоны рюкзака, воспользовавшись гораздо более отзывчивым Огнём? Концепция замораживания при помощи пламени вызвала, надо сказать, нешуточный интерес у Спутника.

Через десяток минут трава вокруг рюкзака подёрнулась инеем, а я стал счастливым обладателем новой версии Ледяного Облака, причём в таком варианте шанс на успешное применение заклинания в бою я оценивал как девять из десяти или больше, а энергоёмкость уменьшалась чуть ли не вчетверо! Плюс появлялось некоторое количество паразитного тепла, которое надо было куда-то девать. Например, вогнать в заранее заготовленный и хорошо изученный каркас, чуть добавить силы — и готов огненный мячик, именуемый в Ордене Кулак пламени. Огнешаром же именовалось заклятие, диаметрально противоположное тому, которое я только что модифицировал. Это было чем-то наподобие магического аналога термобарической боеголовки или РПО, того же знаменитого и пресловутого «Шмеля», например. Моего запаса энергии хватило бы на два таких удара с достаточно большой вероятностью успеха. С шансами пятьдесят на пятьдесят можно было попробовать бросить третий — но после этого половину суток отлёживаться. Зато орденский боевой маг вполне мог изобразить из себя залповую установку, игриво именуемую на моей исторической Родине «Буратино».

Неожиданный, но приятный эффект: в процессе изысканий мой арсенал (точнее,

уровень информированности об этом арсенале) заметно вырос, похоже, я ухватил из памяти Спутника изрядный кусок знаний о боевой магии.

Я осторожно извлёк из рюкзака Драуна три керамических сосуда, ёмкостью чуть побольше привычной бутылки шампанского каждый, и аккуратно, как гранату без чеки, перенёс их под дальний кустик, с намерением перед уходом разбить эту мину с приличной дистанции, дабы невинная зверушка не подорвалась. Тут и двурвы от реки подошли.

Место ночлега, казавшееся столь привлекательным всего час назад, пришлось менять: амбре на полянке стояло то ещё, да и трава была грязной. Прошли вниз по течению реки километра два и заночевали, не разводя огня — во избежание.

Во сне я опять попал к костру в тумане. Странно, мой Спутник явно испытывает к этому месту какие-то особые чувства, которых, впрочем, и сам не понимает. Ну и ладно, потом разберёмся. Возле костра никого не было. Я обошёл по кругу. Кошелек не было, зато на границе тумана обнаружился некий странно гладкий с одной стороны щит. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что щит представлял собой своеобразную записку! Скрижаль, ёлки, несгораемая! Неужели следы жизнедеятельности моих «коллег», на которых намекал Арагорн?

С трудом поборов идиотское желание нацарапать в ответ на «Здесь была Алёна» цитату из классики «Киса и Остя тоже были здесь», я, стараясь имитировать чертёжный шрифт, поскольку мой свободный почерк сам по себе обладает криптографической стойкостью, вывел ножом своё послание.

«Виктор, Рейнджер = воин (лук) + маг. Мир Единой Империи Света. Иду лесом из Роулинга в Резань. Эльфы пропали!!! Гоблины оборзели.»

Поглядев на дело рук своих, я добавил подпись «Кот» и, оглянувшись вокруг ещё разок, мысленно сказал Спутнику:

— Давай назад, спать хочу.

Через секунду, открыв один глаз, я убедился, что лежу под своим плащом на полянке, Гролин бдит, ночь темна и спокойна — и заснул снова. Благо дежурить и в этот раз выпало последним...

Утром, после лёгкого завтрака и чуть менее лёгкой разминки, наша РДГ начала осторожно выдвигаться на исходные. От бороды Драуна всё ещё отчётливо пованивало кислотой. Его одежду, почти всю ночь полоскавшуюся в реке, я ближе к концу своего дежурства вытащил на берег и осторожно подсушил. Если вспомнить мои опыты по производству глиняной посуды в этом Мире, основания для осторожности имелись, и немалые. В итоге Драун шёл в запаске, но свежестыранная одежда хоть не капала на ходу и имела приемлемый вес.

Часа через полтора после рассвета немного в стороне от маршрута послышались довольно громкие голоса. Надо сказать, что вокальные данные неизвестных крикунов оставляли желать много лучшего: голосочек одновременно визгливый и гнусавый, да ещё и переходящий временами в крик, чарующим назвать было сложно. Консервные банки таким голосом вскрывать. Вскоре мы и увидели источник воплей. Между деревьев околачивалась довольно странная компания гоблинов. Станным было не само наличие в лесу этого племени, а именно численный состав данной конкретной шайки. Мне удалось насчитать одиннадцать рядовых зеленавок, а при них наличествовали целых два десятника, но ни

одного шамана. Вот эти самые десятники стояли и орали друг на друга, явно выясняя отношения. Они по очереди вставали на цыпочки, выпирали вперёд грудь, стараясь нависнуть над оппонентом, и начинали верещать. По мере того, как воздух выходил из лёгких, оратор сдувался, опускался на пятки и замолкал — тогда приходила очередь второго. Подчинённые, не обращая на крикунов ровно никакого внимания, бродили вокруг по странному траекториям, глядя то в траву, то на деревья, как будто искали что-то.

Двурвы посмотрели на меня с нескрываемым удивлением на лицах. Что ж, надо так понимать, что подобное поведение не является типичным для гоблинского патруля. Я, напрягая свой дар, внимательно прошупал окрестности метров на сто — сто двадцать. Никаких неучтённых гоблинов не обнаружилось. Один из участников представления по замысловатой траектории направился в нашу сторону. Вдруг Гролин, который уже какое-то время принюхивался к дующему в нашу сторону ветерку, тихонько воскликнул:

— Да они же пьяные! От них тянет, как вчера от Драуна!

Хм, похоже на то. Точно, я же баклаги вчера не разбил! Видимо, они набрали на осквернённую полянку до того, как кумыс успел нагреться, то есть где-то через полчаса после нашего ухода. Невольно подумаешь, не вынести ли Драуну благодарность перед строем за ту диверсию. Хотя стоп, тогда они бы протрезвели, скорее уж клад был найден с самого утра, по холодку. Тут Драун воскликнул:

— У них гром-камень!

Один из гоблинских десятников поднял над головой небольшой, меньше своего кулака, камень с продетой сквозь него верёвочкой. Видимо, как последний и неоспоримый аргумент. В голове пронеслись какие-то смутные данные о такого рода вещах. Гоблинские шаманы каким-то образом накачивали старые воинские амулеты маной, подвергнув их предварительно отжигу. Камушки становились хрупкими и после этого гоблины в бою метали их в противника. Если камень раскалывался, то накопленная энергия вырывалась в виде взрыва. Эдакий аналог ручной гранаты на базе огненной магии. Всё это промелькнуло в голове за долю секунды. И следом другая мысль: если этот придурок шваркнет свою гранату оземь и та сработает — сюда набегит целая орда, и нам придётся или устраивать бой против неизвестного по составу и численности противника, или драпать.

— Валим их, быстро и максимально тихо! Чтоб ни один не сбежал! — ещё не успев договорить, я соскользнул в боевой режим, а лук как всё равно как сам прыгнул в руку.

Простые стрелы с лёгкими наконечниками из дешёвого железа — по этим мишеням за глаза хватит — с тихим лопотанием перьев неторопливо поплыли одна за другой в сторону гоблинов. Точнее, это мне казалось, что они плывут в воздухе. Кстати, особого смысла зря тратить силы на ускоренное восприятие нет, можно и выйти из него. Первая стрела вошла сбоку в живот обезьяны с гранатой, и зелёный ожидаемо схватился обеими лапами за брюхо, прижав взрывоопасный камушек к телу. Второму десятнику мой подарочек проломил висок. Третьим и четвёртым умерли двое, показавшиеся мне наиболее трезвыми. Тем временем двурвы, походя срубив ближнего противника, добежали до остальных, и я переключился на отстрел самых дальних от нас, но близких к кустам, чтоб никто не ушёл. Не прошло и трёх минут, как на полянке прибавилось тринадцать тел. Наступила блаженная после выступления местной пародии на Витаса тишина.

Мы быстро стащили невезучих алкашей в ближние кусты, наспех забросали ветками. По дороге срывали с тощих шей амулеты для отчётности, я забрал гром-камень, двурвы ещё успевали охлопывать карманы убитых в поисках изредка встречающихся там монет. В моей

голове тикал невидимый будильник. Рано или поздно, но тела найдут, и тут же поднимется тревога. Значит, нам нужно сделать свою главную работу до этого, а там пусть находят, не важно.

— Всё, заканчивай мародёрку! Попрыгали!

И мы попрыгали...

И скоро прискакали к краю долины, в которую мы, собственно, и стремились. Вот только в этой долине (хотя какая там «долина» — ложбинка триста на сто метров) творилось форменное безобразие. В середине стояло то, что было названо «беседкой». На самом деле — Храм Сил. Довольно редкое сочетание Стихий — Земля и Воздух. Это как же называется, Светлый храм Небесного Камня, вроде бы должно. Ан нет, здесь, на давнем стыке владений эльфов и людей когда-то возникло одно из первых культовых мест, общих для этих рас, в том числе и под влиянием существовавших к моту времени легенд. И потому назывался вот именно этот Источник по-особенному: Первый Храм единения Светлых Сил. По одной из сравнительно свежих легенд, сердце этого Храма даровало верный путь и быстрое достижение цели. Неведомо, что это должно было означать, но когда-то паломники были здесь не редкостью. Странно, но при моём посещении ближайшей к Храму таверны я не заметил там никого, кто направлялся бы сюда. Опять странная забывчивость и равнодушие ко всему, имеющему отношение к эльфам?

Однако это всё лирика. Сейчас вся ложбинка, за исключением круга диаметром метров тридцать непосредственно вокруг беседки, была исчерчена какими-то частично затоптанными фигурами, на краю — постарше, ближе к центру — свежее. Казалось, что в некоторые заливали какое-то жидкое топливо и поджигали, следы костров виднелись кое-где и на пересечениях линий. На других перекрёстках валялись какие-то неопрятные кучи. Складывалось ощущение что кто-то, хозяйничавший здесь в последнее время, вёл своего рода правильную осаду Храма, понемногу сжимая диаметр своих магических рисунков. Из долинки отчётливо тянуло мерзкой вонью чего-то палёного, как бы не пресловутых рогов и копыт, падалью и своеобразным астральным «душком» Тьмы.

Но главное было ближе к центру. Там, метрах в десяти от беседки, бродили, чертили на земле и прыгали в подобии танца пяток фигур вовсе не гоблинского облика. Орки! Причём не какая-то пещерная мелочь, а так называемые «чешуйчатые» — результат не слишком успешного эксперимента по скрещиванию орков с троллями. Задумывалось получить расу, близкую по физическим кондициям к троллям, но с существенно меньшей светобоязнью и умом орков. Получилось не совсем так: вывелись орки, более крупные и сильные, чем уруки, но и более в массе своей тупые. Один из успехов, у них была толстая и крепкая кожа, от рождения укреплённая связками на основе магии Земли, как у каменных троллей. Эту кожу пересекали более светлые линии, похожие на стыки между пластинами брони или чешуйками, откуда и название. На самом деле это были зримые проявления жгутов Силы, питавшей кожу орков и придававшей ей прочность. Самые прочные участки шкуры, на самом-то деле. Однако если рассечь парочку таких жгутов особым оружием, то кожа орков быстро теряла свои свойства. Правда, на рынках городов не раз попадались мошенники, торгующие «подлинной чешуёй» чешуйчатых орков. Но чему тут удивляться, если в Лондоне регулярно продают туристам из США Вестминстерский мост?! А тут какая-то несуществующая чешуя...

Второй особенностью этой породы было то, что нередко рождались орки с даром к

шаманизму и врождённым же сродством к тёмному Астралу. Из них получались особенно сильные и зловредные орочи шаманы или колдуны. И именно они, судя по характерным одежкам, и крутились вокруг храма. Немного присмотревшись, я понял, что там находился один Очень Важный Начальник и четыре колдуна рангом пониже. Больше на полянке не было никого. Что ж, и то хорошо.

Я слез с дерева, растущего в полутора сотнях шагов от ложбинки, на которое забрался для разведки. Выскакивать на открытое место — вот так за здорово живёшь, было для меня столь же противоестественным, как спать на стенке. Рассказал двурвам диспозицию. Несколько удивило отсутствие охраны при шаманах, но затем мы решили, что они сами разогнали всех подальше, чтоб не мешали. Видимо, гоблинов отправили на патрулирование, а орки-охранники, которых не могло не быть просто по определению, сидят где-то в сторонке, готовые рвануть на поднятую гоблинами или шаманами тревогу.

Посоветовавшись накоротке, мы выработали единственно, на наш взгляд, возможный план.

— Скрытно выдвигаемся воон туда, где лес ближе всего к беседке. Там я начинаю обстрел орков, расстояние там шагов сто тридцать, можно работать спокойно. Постараюсь подстрелить парочку до того, как поставят защиту. После этого буду обстреливать их как можно гуще, и стрелами, и магией, вынуждая держать защиту. Ваша задача — как можно быстрее сблизиться для рукопашной. После этого стараемся перегрузить защиту оставшихся шаманов, и порубать их до того, как подоспеет помощь. Как только дело дойдёт до рукопашной, я прекращаю стрельбу и бегу к беседке. Нахожу и хватаю амулет, он должен лежать прямо на алтаре, после чего бежим оттуда так, как никогда не бегали. Если встречаем охрану, вы изображаете передо мной стену щитов. Я отстреливаю, сколько успею, потом работаю из-за ваших спин глефой. Вырубам встречных и, не добывая и НЕ СОБИРАЮ ТРОФЕИ — это тебе, Драун — бежим дальше. Всё ясно? Замечания, предложения есть?

— Так что тут ещё предложишь-то.

— А гром-камень? — начал Гролин.

— Точно! На, возьми. Бросишь в шаманов, как только подбежишь достаточно близко — пусть удивятся! Только сам под взрыв не попади...

На том и порешили. Проверили оружие, я опять закрепил меч на спине, так, чтоб как можно меньше мешался в движении, всё равно использовать его не планировал. Скрепя сердце подготовил дюжину из имевшихся восемнадцати стрел с наконечниками из Стражьего сплава, пару дюжин бронебойных и дополнил первый, расходный, колчан боекомплектom с обычными, ланцетовидными стальными остриями. Ну, двинулись потихоньку...

Однако нашим планам не суждено было сбыться. Оказалось, что орки отнюдь не все сидели где-то в лагере, часть не то стояла в оцеплении вокруг поляны, не то бродила по окрестностям в виде патрулей. Вот на такую охранную группу мы и нарвались. Выскочили на старую просеку, а на расстоянии метров сорок от нас оказалась компания из шестерых уруков. Орки стояли метрах в пяти от края долины, спиной к ней и явно побаивались того, что охраняли, потому постоянно оглядывались и не сразу среагировали на наше появление. Мы же шли в полной готовности, с оружием в руках и полностью затянутых по-боевому доспехам. У меня разве что стрела не лежала на тетиве.

— Стенку! — крикнул я двурвам и вскинул оружие, одновременно начиная ускорять

восприятие.

Уруки завопили и побежали к нам, при этом двое вырвались чуть вперёд. Эта пара была вооружена более-менее однообразно, оба с широкими мечами и небольшими круглыми щитами. Остальные четверо вооружены кто во что горазд, от большого тесака с утяжелённым концом до клевца. Дистанция позволяла стрелять прямой наводкой, безо всякого упреждения и превышения. И тут меня ждала парочка неприятных сюрпризов.

— Чвир! — первая стрела скользнула в сторону, как будто передний орк бежал в прозрачном стакане.

— Чок! — урук отбил второй бронебойный снаряд, летевший в напарника своим мечом.

«Ого!» — промелькнуло в голове. Но я-то уже в боевом режиме, набегающие враги как будто завязли в желе. Я успеваю перенести прицел и перенаправить третью стрелу, снова бронебойную. Она сошла с тетивы и поплыла в область паха слишком шустрого орка. Обычная — по ногам, чтоб заставить противника принять её на магическую защиту. Следом за этой стрелой пускаю наскоро сплетённую молнию, и тут же — особую, со Стражым сплавом, стрелу в голову. Отбить три стрелы и заклинание, прилетевшие на протяжении трёх его шагов, урук не успел. От идущей в пах стрелы орк закрылся, поставив плашмя свой клинок. Инерция повела оружие в сторону, воин не стал насиловать свои связки, разворачивая меч обратно вниз, и просто подпрыгнул, пропуская стрелу под собой. Двигался этот орк заметно медленнее меня, но на столько же быстрее, чем его и мои спутники. Он-то увернулся, а вот его защита приняла на себя и стрелу, и молнию, которая заставила её засиять (цилиндрическое поле, один из самых простых и дешёвых амулетов). Да ещё при приземлении электрический разряд свел его конечности короткой судорогой. Может, этой доли мгновения и не хватило уруку, чтобы увернуться. Наконечник из металла Ордена пролетел через помутневшую вокруг него защиту и пробил левый глаз орка. Враг вздрогнул и рухнул с разбегу ниц, ломая своим весом карсиаловое древко.

Второй шустрик оказался заметно слабее первого и явно запаздывал. Так, обе его попытки отбить стрелы оказались неудачными, но они были. Стрелы просто срикошетили от его защитного поля. Что ж, молнию под ноги и «гадобойную» стрелу на поражение. Наконечник вошёл в ямку в нижней части горла, орк умер на втором шаге.

Третий орк споткнулся о труп погибшего первым, и стрела, летевшая в прорезь барбюта, ударила в металл, сорвав головной убор. Четвёртому стрела вошла в переносицу, как надо. Умер быстрее, чем мог бы это осознать. А потом, пришло время рукопашной. Ну, три на три — это можно и потанцевать!

На втором этапе боя моя роль стала вспомогательной — правильному бою в строю Стражей почти не учили. Нагло пользуясь разницей в росте между мной и моими защитниками, я работал глефой в верхнем эшелоне, пытаюсь нанести то колющие, то рубящие удары в прорези шлемов, в шею, по плечам или просто сбивая удары, предназначенные двурвам.

Нам опять повезло в том, что орки налетели по очереди: один споткнулся и получил довольно увесистую плюху стрелой в лоб, другой замешкался, огибая падающего на дорогу убитого. Первый же подбежавший урук, прикрывшись щитом, бросился своим весом на двурвов и попытался достать меня в длинном выпаде поверх голов моих пехотинцев. Зря он это. Я уклонился, отбив его полоторный меч в сторону, берглинги нанесли два колющих удара снизу вверх, вдоль кромки чужого щита. Один в открывшуюся при выпаде затянутую кожаной накладкой правую подмышку, другой в горло врага.

Второй противник был вооружён чем-то вроде чекана на длинной рукояти и начал бить по двурвам, пользуясь преимуществом в длине оружия. Моя глефа ещё длиннее, но я во второй линии! А если так? Я перехватил древко одной рукой вблизи нижнего конца и сделал широкий рубящий выпад в сторону морды орка. Тот, увидев перед глазами взблеск лезвия, невольно дёрнулся назад, «смазывая» удар и вонзая своё оружие в землю. Драун тут же ударил своим щитом по древку вражеского оружия, заставляя или выпустить его из руки или нагнуться. Орк согнулся, и тут же утробно взвыл, получив удар кончиком меча в смотровую щель. Всё с тем же воем орк выпустил оружие и рухнул задом на дорогу.

Третий, накануне ошеломлённый мной, был вооружён большим тесаком с утяжелённым концом. Потеряв шлем и пятерых товарищей, орк явно не был нацелен на бой, но понимал, что и убежать от моей стрелы не сможет. Я сдвинулся на пару шагов влево, Драун точно так же начал смещаться вправо.... В общем, против троих противников, атакующих с трёх сторон, орк не продержался и минуты.

Так, патруль мёртв. Шесть, нет, подумайте только — шесть выстрелов на одного орка! Да ещё и заклинание. Безобразие. Но гораздо важнее, слышали ли нас на поляне, если да — то, что именно услышали и какие меры приняли? Это даже нужнее знать, чем то, когда и откуда придёт следующий патруль. Ну да ничего, сейчас узнаем.

— Работаем, работаем! Всё по плану, бегом на опушку!

Я чуть задержался, чтоб пополнить запас стрел в расходном колчане. Искать и собирать отбитые орками или их амулетами боеприпасы, а тем более — вырезать уцелевшие из тел убитых было категорически некогда. Закончив с перезарядкой, я бросился вдогон за двурвами. Сейчас, когда впервые за всё время в новом Мире мне пришлось бежать и с глефой и с луком в руках, оружие доставляло достаточно заметные затруднения. И это притом, что бежать приходилось по просеке! Буквально через десяток шагов пришло осознание того факта, что при таком раскладе я всё равно небоеспособен: чтоб воспользоваться одним оружием надо бросить другое, а потом искать его. Но переигрывать было некогда и я, мысленно присвоив себе парочку не слишком лестных наименований, просто зажал оба длинномерных предмета под мышками. На бегу ещё заметил, что у двух уруков были с собой короткие луки, но они даже не сделали попытки использовать их. Или думали, что и так справятся, или опознали во мне Стража и пришли к выводу, что их шансы в перестрелке слишком близки к нулю — неведомо.

В парочке шагов от края леса мы притормозили с целью уточнить обстановку. Двое «чешуйчатых» в облачении варлов — боевых магов Тьмы — не слишком торопливо трусили к нашему краю леса, узнать причины шума. Двое других продолжали подготовку к непонятному ритуалу, иногда косясь в сторону нашей опушки. Самый главный занимался какими-то своими делами, то поглядывая на линии рисунка, то закатывая глаза и постукивая в бубен.

А вот это «ой». От данного музыкального инструмента просто ощутимо тянуло какой-то недоброй силой. Казалось, с каждым ударом орка по натянутой потемневшей коже сердце пропускает один свой. Жуткий предмет в руках не менее кошмарного персонажа. Как-то сразу пришло решение уничтожить и то, и другое, если, разумеется, удастся.

Я решил не увеличивать шансы противника и слегка притормозил двурвов, положив им руки на плечи и не дав выскочить из кустов. Сам же, пригнувшись, уже привычно воткнул глефу в землю и, задавив жадность, приготовил стрелы с особыми наконечниками. Помимо

этого, припомнилось несколько особых не то заклинаний, не то магических практик из арсенала Стражей, которые касались особых методов стрельбы. Хм, а я-то думал, как это так мои коллеги справлялись в истории, рассказанной Гролином. Прежде всего, эти хитрости позволяли повысить точность стрельбы, придавая стрелам элементы самонаведения, правда, в достаточно узком диапазоне, но отклонение в пяток градусов обеспечивали. Отдельно стояло заклинание, резко снижавшее влияние внешних помех на полёт стрелы. Особенно порадовало, что энергию это магическое читьество тянуло только в момент корректировки траектории (ну, ещё в момент активации заклятия, само собой). То есть чем точнее стреляешь сам — тем меньше тратится сил другого плана на исправление твоих ошибок. Третьим «откровением» была методика накачивания энергией наконечников стрел, правда, далеко не любых. Годились только изделия, изготовленные из стражьего сплава, либо стальные, превращённые руническим узором в своего рода артефакт.

Сейчас я решил не мелочиться и задействовать все варианты, заодно и закрепить новые знания, применив их в боевой обстановке. Скользнул в ускоренное восприятие, задействовал оба наговора и схватил в кулак две стрелы, накачивая их Силой. Тут мне пришла в голову ещё одна здравая мысль — о том, что хорошо бы знать о наличии у врага защиты заранее. Я сдвинул на один глаз кожаную повязку-различитель. Так, что там у нас? У приближающейся парочки светятся, как гирлянды на ёлке, масса амулетов и прочего, но защитные пологи не активированы. Это они зря так доверяют своему патрулю. Точнее, конечно, для них зря, для нас — хорошо. Ну всё, пора, а то ускорение-ускорением, а эта сладкая парочка слишком близко, того и гляди — унюхают...

Я пристроил обе «накачаных» стрелы около глефы, решив сейчас не тратить, поднял на лоб различитель — для точной стрельбы надо смотреть на мир двумя глазами. Если, конечно, смотришь не через оптический прицел. Потянул из колчана ещё пару специальных стрел и вскочил на ноги, одновременно натягивая тетиву. До парочки «быстрого реагирования» оставалось меньше пятнадцати метров, до основной группы противников — около шестидесяти. Ну, понеслось!

Ох, везёт мне в последнее время! Нет, честно. Вот что стоило этим двоим быть чуть расторопнее и успеть до конца нашего боя с патрулём? Или хотя бы активировать защитные амулеты до того, как увидят противника? Могу придумать только одно оправдание их раздолбайству — слишком сложная и ответственная у них была работа, которую мы прервали. Настолько, что вторая задача в орочьих мозгах уже толком не помещалась. Так или иначе, минус два. Ещё вскакивая на ноги, я толкнул в спины двурвов — «вперёд!» — и теперь, когда первые две стрелы доплыли до передовых орков и вдвинулись вглубь колдовских одеяний чуть выше ворота, перебивая трахеи, они успели вскочить и сделать по шагу. Так они будут плыть до противника очень долго.

Я перенёс обстрел на руководителя шайки, рассудив так: если подстрелю главного, а помощники поставят защиту, то пробиться через неё будет проще, чем через магические рубежи явно более сильного колдуна. Первая из двух налитанных магией стрел была на полпути до цели, когда главный орк опять бухнул в свой бубен. Возникло ощущение, что тёмная волна покатила от туго натянутой кожи, как рябь, за которой поднимались облака мути. Эта муть докатилась до летящих стрел. Наконечники начали светиться, медленно (в моём восприятии) разгораясь белым пламенем, а снаряды — снаряды стали отклоняться от цели. Я почувствовал, как заклинание точности начинает тянуть из меня всё больше и больше сил, но никак не может выполнить свою задачу. Я сбросил заклинание, почувствовав

при этом явственное облегчение. Стрелы тут же начали расходиться в стороны. Но если вторая стала забирать вверх, разгораясь всё ярче, то первая наоборот клюнула вниз и стала клониться вправо, закручиваясь по спирали.

В этот момент «чешуйчатый» шаман опять ударил в свой инструмент, глядя прямо мне в глаза. При моём темпе восприятия окружающего время, нужное звуку чтобы преодолеть шестьдесят метров, должно было быть явственно различимым, но тут возникло такое впечатление, что весь воздух на поляне загудел одновременно. Этот гул, ударив со всех сторон, смял мою концентрацию, выбивая меня из сосредоточения. Мир вокруг рывком ускорился. Мне каким-то чудом удалось удержать себя на краешке боевого транса, если выражение про краешек применимо в таком случае. Двурвы двигались всё ещё замедленно, но уже просто казалось, что они бегут не слишком-то торопясь, а не плывут сонными рыбами в густом желе. Ничего ж себе заявочки, а?!

Но тут пришла пора уже моему противнику дёргаться. Наконечники отбитых им стрел взорвались. Одна полыхнула на высоте примерно девятого этажа эдакой сигнальной ракетой, оставив серебристое, медленно оседающее и рассеивающееся облако поперечником метра три. А вторая рванула, едва коснувшись земли. Выброшенное ею серебристое облачко краем своим накрыло одного из младших шаманов, и вдруг он заорал! Завопил истошно, схватившись лапами за морду и катаясь по земле. Я только успел заметить, как тыльные стороны его кистей покрываются струпьями. Хм, видимо, стражий сплав, распылённый в аэрозоль, также не добавляет здоровья оркам и прочим порождениям Тьмы. Кто бы мог подумать? Это я так иронизирую, если кто не понял. Видимо, шаман не ожидал ни таких взрывов, ни такого эффекта от них. Он сперва дёрнулся на крик помощника, потом покосился вверх и взмахнул руками, выкрикнув что-то на своём языке. Явно защитный купол ставит!

Пока враг проделывал все эти манипуляции, я выпустил в его сторону ещё одну спешно накачанную Силой стрелу. Осталось одиннадцать «гадобойных», из них семь в колчане. Ещё раньше я понял, что дистанцию надо сокращать, и потому сорвался с места сразу за стрелой, подхватив лук и глефу одной рукой, а второй потащил новую стрелу. На сей раз с гранёным наконечником из обычной стали. На бегу я спешно сформировал модифицированное мною Ледяное Облако с таким расчётом, чтобы оно накрыло главаря своим центром. Эффект от моего воздействия снова шокировал врага. Колдун уже поставил защиту и явно думал, что хотя бы от первого удара он прикрыт. Так, моя стрела расплескалась по защите яркой вспышкой, похожей на сияющий цветок. Но, как я и надеялся, купол был односторонним: он не давал посторонним объектам или заклинаниям проникнуть внутрь; в то же время щит обязан был пропускать атаки своего хозяина. Так и оказалось. А поскольку моё заклятье именно вытаскивало тепло из-под купола, то шамана успело существенно приморозить до того момента, как он сообразил, что дело нечисто и принял более активные меры по самозащите. Сперва он попытался просто нагреть воздух внутри купола, увеличив тем самым поток энергии ко мне, а затем, наверное, заметил, что именно происходит и разрушил мою конструкцию. Это сопровождалось новым ударом в бубен, от которого аж заныли корни зубов.

Половина дистанции пройдена. Огненная сила, вытянутая мной из пространства вокруг противника, была какой-то грязной, что ли? С примесями неприятной черноты, напомнившей (видимо, по ассоциации с огнём) дым от горящих покрышек. Поэтому я, даже не пытаясь как-то усвоить или переработать эту энергию, собрал её в клубок и метнул в

сторону второго помощника колдуна. Тот выбросил вперёд туманно-серое облачко, быстро сгустившееся в подобие щита. Не то я выкачал из старого хрыча слишком много силы, не то сказалось то, что я втихаря вплёл в этот огненный клубок астральный кулак — но помощника, внешне невредимого, снесло вместе со щитом. Это хорошо, а вот то, что он приземлился всего в метре от более мощного защитного купола шефа — хуже. Так они могут и объединить усилия, а оно нам надо? Оно нам не надо. Я остановился, воткнул в землю глефу и быстро выпустил уже вытащенную к тому моменту стрелу в ещё не очнувшегося младшего шамана. Вдогонку бросил молнию и, понимая, что это всё только отвлечение внимания и загрузка щита, выпустил ещё одну стрелу со стражбим сплавом, не забыв на сей раз присовокупить заклинание на пробой щита. Колдун уже почти пришёл в себя и попытался отразить мою последнюю атаку, и даже отчасти преуспел в этом. Но именно отчасти: стрела, отчётливо шипя и оставляя гнойно-зелёный росчерк в воздухе, распоролла магическую защиту орка и, вместо горла или морды, куда я целился, воткнулась колдуну в ногу. В принципе, такое попадание давало орку крупной породы, находящемуся в хорошем физическом состоянии, семь-восемь секунд жизни. Колдун выглядел более subtilно, чем воин, но, видимо, имел какой-то свой расчёт. Он выдернул стрелу (точнее, только её древко) и полностью утратил интерес к окружающему, сосредоточившись на ране.

А вот я зря так надолго отвлёкся от главного шамана. Тот выудил откуда-то из складок одежды нечто, напоминающее помесь чёток, детской погремушки и дикарского ожерелья. Это были какие-то палочки или косточки, просверленные около одного конца и надетые на верёвку. Погремев этой связкой, шаман вдруг стряхнул с неё в мою сторону солидный огненный шар. Я даже не видел всего этого и восстановил события чуть позже, в том числе и по рассказам двурвов. Хотя и они мало что видели в щели своих шлемов, старательно сокращая дистанцию. Я обернулся, как будто дёрнутый за хвост чувством опасности и увидел летящий в меня заряд. Сделать хоть что-то я уже просто не успевал, да и момент ступора имел место быть. Только схватил глефу, наклонив её лезвие в сторону опасности, как будто собирался рассечь вражеский снаряд. Да ещё подумал: «Кранты котёнку. Отмяукался...»

Меня опять спасла та самая огненная защитная стена, которую я поставил впервые ещё в ночь переноса, и которую взял себе за привычку обновлять как минимум ежедневно. Вражеский огненный шар начал растекаться по моему кокону, тот засветился, а потом вся эта пламенная феерия стремительно скатилась вниз двумя крупными, с кулак, искрами, мгновенно исчезнувшими в земле. Опять наступила очередь врага делать большие глаза и удивлённую морду. Я не нашёл чем порадовать его, кроме банальной молнии, правда, что-то мне тюкнуло бросить её как когда-то при истреблении «лиха одноглазого», используя глефу в качестве разрядника. Я, выставив глефу перед собой наподобие винтовки со штыком, побежал к своему врагу, что-то вопя и выпуская разряд за разрядом с максимально возможной для меня скоростью. Первый разряд расплескался по магическому щиту орка, второй тоже, третий заставил засиять почти половину купола. К тому моменту, когда я сгенерировал четвёртый заряд, а шаман почти закончил какую-то глобальную пакость на наши головы, в игру вступили забытые в пыли боя двурвы. Гролин ухитрился метнуть громкамень так, что тот ударился в защиту шамана как раз туда, куда били мои молнии, непосредственно перед очередным попаданием. Четвёртый разряд срывается с лезвия и гаснет, впитавшись в выставленный пред старым орком бубен. Честно сказать, я не сразу сообразил, что это значит, а когда понял, то обрадовался. Перегрузили-таки мы вражий щит!

А толку? У меня самого энергии осталось всего ничего, если этот сейчас защиту восстановит, то это будет финиш.

Двурвы, игнорируя старого колдуна, побежали к тому, что пытался бороться с последствиями от попадания моей стрелы в ногу. Драун подбежал первым, рубанул мечом наотмашь. Клинок как будто ударил по автомобильной крышке и отскочил назад, разворачивая хозяина боком. Орк тут же метнул в двурва клубок неопрятного, дымно-бордового пламени с длинным хвостом. Клубок ударил в край щита берглинга, разворачивая того ещё сильнее, а хвост хлестнул по шлему. Драун рухнул на землю тёмной, слегка дымящейся грудой. Орк вскинул руки, явно намереваясь ударить по упавшему двурву ещё раз. Но тут уже Гролин подбежал на дистанцию атаки. Он не стал рубить защиту тёмного, а нанёс колющий удар, направив меч наискосок сверху вниз, а потом навалился обеими руками на крестовину, как бы продавливая лезвие внутрь защиты всем весом. Орк выставил ладони навстречу клинку. Неизвестно, чем бы все кончилось, но орк явно зря отвлекся от первой своей раны. Колдун начал стремительно побледнел, руки задрожали, и он упал навзничь, пуская пену из уголка рта. А тут и Гролин рухнул вниз вместе со своим оружием, пригвоздив орка к земле.

Я бросил ещё одну дохловатую молнию, также играючи поглощённую бубном. Энергии почти не оставалось, чтобы вступить в рукопашную до врага ещё надо пробежать минимум метра три, а за это время он меня поджарит. И тут меня осенило: Храм! Источник Силы Земли, родного мне Воздуха и светлого Астрала! Я потянулся к источнику, вливая его силу в сплетаемый мной каркас молнии. Одновременно к источнику потянулся и мой Спутник. Он вливал в моё заклинание чистый поток Астрала, переплетённый довольно простой, но неизвестной мне ранее каркасной сеточкой. Изогнувшись над моим плечом, поток Силы от Храма слился с протянувшимся от меня каркасом и ударил в сторону орка. Больше всего для меня полученный результат напоминал луч ярко-белого света, обвитый мелкими молниями, наподобие того, как медная оплётка покрывает коаксиальный кабель. Шаман подставил под удар бубен, второй рукой поднимая над головой свою трещотку. Молнии, оплетавшие центральный стержень заклинания, уже привычно разбежались по поверхности бубна, впитываясь в него, а вот столб света, в котором сразу же гораздо чётче проступила внутренняя структура, прошёл через инструмент навывлет, оставив лишь несколько более светлое пятно на поверхности, и вонзился в грудь орка напротив сердца. Глаза его распахнулись. Старый колдун был уже мёртв, но отказывался признать это. Его рот уже открылся для последнего заклинания или проклятия, когда в эту, украшенную затупившимися от возраста клыками, пасть вонзилось ещё одно копьё света, поменьше мощностью, но созданное уже именно мною, для закрепления навыка.

Я повернулся в ту сторону, где упал Драун, и похолодел от увиденного. Другой ученик шамана, обожжённый в начале боя, как-то незаметно затих, и я перестал обращать на него внимание. Когда, как и зачем он сумел обойти своего учителя, оказавшись на полпути к своему коллеге — неведомо. Но сейчас он, страшный, покрытый шевелящимися на ветру ошмётками горелой или гниющей заживо кожи, стоял, воздев над головой руки, между ладоней которых клубился неприятного вида багрово-зелёный, цвета гноя с кровью, клубок энергии. Полный ненависти взгляд, направленный на меня, не оставлял сомнений в том, кому предназначен этот мячик. Но, не успел я вторично подумать про котёнка, морда орка дёрнулась. Из приоткрытой пасти плеснула тёмная кровь, и он опустил глаза вниз, туда, где из груди торчал кончик берглингского меча. Руки колдуна рухнули вниз, недолепленное

заклинание упало неопрятной кляксой на землю в паре шагов перед своим автором, оставив неприятного вида выжженную проплешину на траве. Колдун рухнул, а за ним обнаружился нетвёрдо стоящий на ногах, опирающийся на свой щит Драун.

— Башка болит, как с перепоею, — прохрипел он. — И ухо, кажется, обжѐг, левое.

Облегчение от того, что Драун жив, смешивалось с ощущением уходящего времени. Но несмотря на это и вопреки своему распоряжению «не собирать трофеи», я твёрдо решил не оставлять возможным наследникам старого шамана его инструменты, а именно — бубен и «трещотку». Только оглянувшись в поисках лука, ожидая увидеть его на земле, там, откуда я побежал в штыковую. К моему удивлению, оружие обнаружилось на своём штатном месте. Убей — не помню, когда и как я его туда забросил. Я сдёрнул висевший на спине поверх всего прочего имущества рюкзак и, откидывая одной рукой клапан, второй схватил бубен. Ой, как меня проняло! Жуткая смесь ощущений: боль, ужас, чувство какой-то невыносимой, невообразимой потери и запредельное отчаяние. Правда, возникло впечатление того, что большая часть этого удовольствия достаётся мне каким-то косвенным путём. Как бы не через всё ещё висящее в фоне чувство Леса. Я приглушил эту экстрасенсорику, и сразу стало легче, но всё равно не хотелось лишней раз касаться инструмента. Второй рукой я попытался схватить трещотку — и словил от неё ощутимый разряд тока, который свёл судорогой всю руку. Правда, отпустило быстро. Да что ж это такое?!

Недолго думая, я схватил глефу, подцепил шипом на нижнем торце трещотку и бросил её внутрь бубна. Затем сорвал с трупа шамана что-то вроде кожаного передника, набросил его на инструмент, подвернул углы передника вниз и сунул полученный свѐрток в рюкзак. Вот так вот! А то придумали тоже кусаться. Теперь к беседке.

Гролин закричал за спиной:

— Орки!

И правда, от одной из опушек вдоль оси долины спешила группа из семи-восьми уруков, и опять парочка бежала, чуть вырвавшись вперѐд. Я метнулся было к беседке, но тут же резко затормозил. Передо мной, едва заметная, колыхалась прозрачная лиловая завеса. Я бросил взгляд вправо-влево. Завеса стояла над прочерченной в земле линией, на краях её (точнее, на углах фигуры, одной из граней которой была эта линия) стояли два камушка размером с куриное яйцо, похожие на аметисты. Злость и спешка не лучшие советчики, но не всегда есть возможность подумать. Я бросил двурвам:

— За спину ко мне!

Отбежал назад шагов на пять, развернулся, и выстрелил в левый камушек «противомрачной» стрелой, вкачав в неё большую часть остававшейся во мне энергии. Ярко засветившийся в полёте наконечник целиком нырнул в камушек, который выглядел в поперечнике меньшим, чем длина металлического жала. Более того, стрела ушла в то, что казалось самоцветом едва ли не на половину, когда кристалл (или то, что выглядело кристаллом) лопнул. Это напоминало ядерный гриб в миниатюре: мгновенно вспух лиловый шар диаметром метров пять, который, клубясь и медленно расширяясь, взмыл вверх, оставив за собой характерную «ножку». Жуть, но любоваться некогда. Завеса отдернулась. Теперь она шла от правого камушка куда-то за беседку Храма, пересекая сооружение. Полотнище постоянно дрожало, колебалось и вспухало пузырями, но ждать было некогда. Я подготовил ещё одну стрелу, только вот накачивать её Силой пришлось уже Спутнику от Источника, у меня просто не оставалось резерва. В момент выстрела опять закричал один из двурвов:

— Орки, опять! С другой стороны!

Я побежал вперёд. Внутри белокаменной беседки не наблюдалось следов присутствия орков или гоблинов. Практически строго по центру высился голубовато-зелёный монолит алтаря. На алтаре не было ничего, кроме двух еле различимых контуров ладоней. Не веря в такую несправедливость судьбы, я подскочил к алтарю и опёрся на него. Случайно или нет, но мои руки легли точно на нарисованные контуры. Ладони как будто прилипли к камню. Алтарь, казалось, едва ощутимо завибрировал, а от пола по моему телу вверх медленно пошла волна, напомнившая мне полосу света, проходящую по сканеру. Через пару секунд в такт колонне начал вибрировать мой Знак Стража. Почти сразу сканирование (если это было оно) прекратилось, из вершины монолита поднялось светло-голубое зарево, напоминающее подсвеченный аэрогель, а внутри него висел, слегка покачиваясь, невзрачный с виду амулет. Больше всего он напоминал пластиковую подвеску от дешёвой советской люстры «под хрусталь», обрезанную на половину длины и подвешенную на тоненькую серебристую цепочку.

Одновременно с тем, как над алтарём поднимался светящийся столбик, меня, как бокал квасом, наполняла искрящаяся и бурлящая Сила. Как только столбик перестал расти, ладони отлипли от алтаря, и я понял, что мой запас магической энергии полностью восстановлен. Спасибо за подарок, от кого бы он ни исходил! Я аккуратно вынул амулет из его призрачного вместилища, которое тут же осыпалось мелкой, тускло сверкающей пылью.

Надевать на шею невесть что не хотелось, прятать в карман или рюкзак — есть шанс потерять, что было бы смертельно обидно. Короче говоря, в кошелёк ему дорога. Пока я доставал кошелёк, развязывал, прятал туда амулет, завязывал, прятал — в беседку заскочили и оба двурва.

— Уходить надо! Орки с обоих концов бегут, шагов по двести им осталось.

Мои напарники дружно ломанулись в проём, противоположный тому, через который вошли. Угу, первая реакция: с одной стороны мы пришли, с двух других бегут враги, с четвёртой пока тихо — значит, нам туда. На этом и ловят, недаром говорится: самое тихое место в бою там, где сидит засада. Правда, дошла ли тактическая мысль орков до подобных изысков? Неведомо. Но и бежать наобум в кусты, за которыми неведомо что творится — тоже негоже. Термобарическим заклинанием туда шарахнуть, что ли? Угу, потерять процентов сорок энергии, не исключено, что зря. Да потом ещё и бежать по горящему лесу.

Мои рассуждения были прерваны открывшейся на этой стороне Храма картиной. На земле лежали, связанные по рукам и ногам, девять гоблинов, семь лесных гномов (и как только наловили?) и — я не поверил глазам — одна орчанка, причём не из бедных. Но если остальные были связаны на совесть, то пути этой жертвы были скорее ритуальными, и она от них почти освободилась. Что характерно, в её глазах не было и тени благодарности за спасение, скорее — наоборот. Безо всяких колебаний и угрызений совести я, пробегая мимо, чиркнул лезвием глефы поперёк горла. А нечего тут рычать на меня! И после этого, окликнув своих спутников, свернул к гномам.

— Выручить надо, только быстро!

Двурвы зыркнули явно недовольно, но промолчали. Мы быстро перехватили клинками верёвки на ногах всех семерых и на руках у троих, выглядевших покрепче. Всё, дальше сами справятся! В спешке не обошлось без порезов на спасаемых, но они явно не были в претензии. Задержка пошла на пользу — я придумал, что делать с предполагаемой засадой. Я потянулся к Силе Храма. Кстати говоря, поток Астрала стал намного мощнее и ровнее, как

будто его долго сдерживали и запирали. Хотя, почему «как будто»? Видимо, этим и занимались. Не успел подумать о том, как бы отплести одну струйку от жгута Силы, как прозвучал беззвучный голос Спутника: «Властью седьмой печати!» и столб света лёг горизонтально. Осталось только структурировать его в заклинание копья света и пройтись им по кустам впереди. В этот момент я казался себе похожим на пожарного с брандспойтом на плече. Или мне показалось, или и правда из кустов раздался какой-то крик? Или это вопили сквозь кляпы связанные гоблины? Или двурвы кричали, торопя меня? Не знаю, да и неважно. Отпустив Источник, я помчался за своими.

На краю леса оглянулся. Двум группам уруков до нас оставалось по сто-сто двадцать метров.

— Ну что ж, поиграем в догонялки! — подумал я вслух и нырнул в заросли.

Ноги ещё не заплетаются, спасибо освоенному в буквальном смысле на ходу навыку подпитки жизненных сил за счёт запаса маны (вот только не надо пробовать в обратную сторону!), а мысли уже начинают. Ещё бы — вторые сутки бежать, да ещё подпитывая себя и двурвов магией (правда, их — реже, выносливые, заразы), да с постоянным контролем окрестностей, ощупываемых через Лес, да с обострённым чувством опасности. Эх, как хорошо казалось всё ещё вчера вечером! А сейчас закрадываются очень неприятные мысли.

Эх, прошлый вечер! Тогда мы, казалось, совсем оторвались от погони. Чувство леса, напрягаемое мной до предела дальности (с минимальной чувствительностью, чтоб только уловить факт наличия живого существа с центнер весом), не показывало никакого следа орков. Мы остановились на небольшой полянке, образовавшейся вокруг большого лиственного дерева. Сперва я принял его за граб, но Спутник поправил меня: это оказалось местное дерево, на Земле не растущее. Но на граб или клён всё равно было похоже. Хорошо, что не дуб: визит стада диких свиней в поисках прошлогодних желудей среди ночи не входит в моё понимание покоя и отдыха.

Никакого ручейка под корнями, вопреки книжной традиции, не обнаружилось, да и в радиусе сотни метров от полянки — тоже. Искать не было ни настроения, ни особого смысла. Перекусили сухим пайком — прессованными брикетами из сушёного мяса, дроблёных орехов, каких-то корешков, плодов и зёрен. Кстати, именовалось это чудо кулинарии, казавшееся явным анахронизмом, «Орденский кирпич». И Спутник, молчаливо вздохнув, подтвердил, что знаком с этим блюдом очень близко, может даже ближе, чем хотелось бы. Запили водой из фляг и начали устраиваться на отдых. Огня не разводили, по вполне понятным причинам. Я ещё пожевал немного кофейных зёрен. Оказалось, что помимо знакомого по Земле эффекта они ещё и здорово ускоряют восстановление резерва маны. Это, конечно, хорошо, даже очень. Я тут же пересыпал горсть зёрен в один из накладных карманов, для использования на ходу.

После скромного ужина уложил двурвов спать, вызвавшись караулить первым, чтоб заодно убедиться, что погоня и правда отстала. Эх, не ценил я ещё вчера своего счастья! Сейчас бы пару часиков поспать, да где там!

Тогда я, немного поколебавшись, поставил всё же сигнализацию и, при помощи зажжённой свечки, провёл ритуал сродства с Огнём, возобновив защитный кокон. Интересно, в моём мире этот ритуал описывался как один из простейших и общедоступных, а здесь считается очень сложным и чрезвычайно опасным для мага. Странно, конечно, но я никакой опасности не уловил, и Спутник молчит по этому поводу.

Убедившись, что вокруг всё тихо, я, пока совсем не стемнело, полез в рюкзак за трофеями. Не без опаски развернул кожаный тючок и осторожно взял в руки бубен. На сей раз трянуло заметно слабее. Или из-за того, что я был готов, или смерть прежнего владельца ослабила чёрную ауру — не знаю. Я вытряхнул погремушку на передник, служивший до того упаковкой, и начал рассматривать своё приобретение.

Обод бубна был сделан из цельной кости. По крайней мере, я не нашёл никаких следов сборки — ни шва, ни даже тончайшего стыка. Скудное освещение не позволило рассмотреть, был ли то поперечный спил трубчатой кости, или кольцо вырезалось из чьего-то черепа. Хотя, в случае черепа должны же быть швы и рубцы? Не знаю, не знаю.... В обод были

вставлены три пары металлических пластин хитрой формы, из какого-то светлого металла. Не то старинные, даже древние, монеты, с надписями на давно исчезнувших языках, не то специально изготовленные для нанесения вязи магических символов бляшки.

Но сильнее всего впечатлила кожа. Казалось, именно от неё исходят те боль и отчаяние, что едва не контузили меня при первом прикосновении к инструменту. Кожа на первый взгляд казалась толстой, но, присмотревшись к торцу, я понял — она склеена из нескольких тоненьких слоёв. Вспомнив, что неприятные ощущения приходили ко мне опосредованно и резко уменьшились с ослаблением чувства леса, я потянулся к коже бубна этим своим умением. И чуть не был смят волной ужаса и отчаяния.

Отбросив инструмент в сторону, я довольно долго сидел в прострации, собираясь с мыслями и чувствами. Да уж! Принести ТАКОЕ вот именно СЮДА — это надо быть фанатом особо изощрённых способов самоубийства. Или знать, что лес остался бесхозным. Надо же додуматься до такого — натягивать на бубен кожу, содранную с живого эльфа! Да ещё и не с одного, судя по всему. Можете себе представить боль, ужас и обречённость бессмертного существа, умирающего под ритуальными пытками? А теперь усильте это десятикратно.

Я с некоторым даже трепетом аккуратно стряхнул трещотку с передника в бубен и бережно, как тухлое яйцо, завернул кошмарный музыкальный инструмент в трофейную одежду. Такое страшно носить с собой, но ещё страшнее — отдать ЭТО врагам. Меня посетила ещё одна здравая мысль: если эльфы исчезли из этого Мира, то бубен превращается в невозполнимый ресурс. Ну, так тем более — нечего оставлять оркам такую игрушку. Хотелось бы уничтожить шаманский инструмент, но было страшновато даже попробовать: ясно, что это довольно мощный артефакт, и как он поведёт себя при попытке, скажем, сжечь его, какие силы при этом высвободятся — неведомо.

Ничего, донесу до Резани и сдам магам. И если у орков нет такого второго — то и Ритуал Обращения они не смогут повторить. Снова продрало по спине холодной когтистой лапой, как тогда, когда я понял, что именно делали орки на поляне Храма Сил...

На входе в лес с поляны Храма мы немножко оторвались от непосредственной погони. Или орки ждали отставших, или, как и я, опасались засады и парочки стрел — не знаю. Дворвы как ворвались в лес, так и полетели по прямой на восток, лишь бы подальше от места боя. Но не успел я сделать и двух десятков шагов за ними, как меня просто обожгло изнутри: «Опасность впереди!»

— Правее! — крикнул я, и мои пехотинцы тут же повернули почти под прямым углом вправо, как будто собирались бежать вдоль самой опушки. Они что, угол поворота меньше девяноста градусов не признают в принципе?! Ладно, попробуем иначе.

— За мной! — я взял курс под углом градусов тридцать к опушке, дворвы послушно затопали следом.

На бегу я постоянно оглядывался назад. Не глазами, а новоприобретённым чувством, которое протестировал одним из первых. Когда орки, наконец, вышли на наш след, до них было чуть меньше двухсот метров. Слишком близко для того, чтобы устраивать какие-то хитрости и петли и для того, чтобы не опасаться внезапного рывка. Сейчас, например, хлебнут какой-нибудь отвар и ускорятся ненадолго — а надолго и не надо. Даже растяжку поставить — и то не получится, слишком много времени придётся потратить.

Стоп, что это я несу?! Какую растяжку, где я гранату возьму?

Чем хорош такой вот размеренный бег на неопределённую дистанцию: ноги работают, голова свободна, можно относительно спокойно подумать. Например, о том, почему я не попробовал накрыть запитанным от Источника копьём света набегающих преследователей? Подвело то, что слишком сосредоточился на одной задаче — избежать засады, или ещё что? Дурень, конечно, но... Но, как по слухам говорят в Одессе: «Хорошо быть таким умным раньше, как моя жена — потом».

Мысль вернулась к гранатам. Ну, что-то подобное здесь есть, тот же гоблинский гром-камень взять. Бульжник, накачанный магией. Хм... Накачанный... Что-то похожее я недавно делал, нет? Правда, не с камнем, но...

Я вспомнил, как орал помощник шамана, накрытый праздничного вида серебристым облачком. А что, почему бы и нет? Только вот какую проволочку протянуть и к чему её привязать? А от чего взрывались стрелы? Одну можно списать на удар о землю, а как быть с той, что взорвалась в воздухе?

Ещё метров сто размеренного бега — и решение найдено. Или это только так кажется? Но — заманчиво! Я на бегу потянул из колчана одну из немногих оставшихся стрел с наконечником из стражьего сплава. На ходу лезвием глефы срезал древко стрелы так, чтоб остался кусок дерева длиной сантиметров двадцать. Подхватил и сунул в колчан обрезок боеприпаса — просто чтоб не попался на глаза преследователям. Накачал металл маной, щедро, сколько тот мог вместить. При этом энергию вливал через пару энергоканалов, напоминающих что-то вроде проводов. И всё это на бегу, прошу заметить. Пропустив двурвов мимо себя, рукой дал им направление бега и стал искать подходящее место. Да вот, например.

Я, приостановившись, воткнул обрезанное наискось древко в мягкую лесную землю под густым кустиком молодого папоротника. Так, чтоб наконечник почти коснулся земли, прикрыл его зелёным листиком. Вроде бы на бегу заметить не должны — если с ними нет колдуна, который почует мой гостинец загодя. Но на полянке вроде никого похожего в обеих группах преследователей не видел. Я разогнулся и побежал дальше, представляя себе, как «проводки», идущие от наконечника, удлиняются, тянутся от меня к mine. Было такое ощущение, как будто я зацепил блёсну за куст и теперь бегу со спиннингом в руках, чувствуя вибрацию сходящей с катушки лески.

Я, сильно ослабив чувствительность своего «лесного сканера», просто чтоб фиксировать сам факт наличия орка, старался держать свою закладку постоянно в поле зрения. И, когда большая, множественная отметка орочьей погони на моей воображаемой карте совпала с точкой установки мины — бросил по проводкам что-то вроде искорки.

На момент подрыва от нас до погони было, по моим ощущениям, около ста восьмидесяти метров. Но я отчётливо услышал и хлопок взрыва, и тем более — легко перекрывший его многоголосый рёв и вой. Двурвы вздрогнули и обернулись ко мне.

— Уруки посылочку получили. С гостинцами. На всех не хватило — обижаются. — Стараясь не сбить дыхание, пояснил я.

Даже если орки бросят своих раненых и побегут дальше, то станут намного осторожнее, а, стало быть, и медленнее. Чувство опасности всё реже включало свою тревожную сирену. Один раз я своим чувством леса буквально увидел, как бегущая нам навстречу довольно крупная группа орков вдруг повернула правее, потом ещё — и ускакала куда-то почти под прямым углом к нашему курсу. Не успел я толком удивиться, как по тому же каналу

информации получил серию картинок: тоненькие сухонькие лапки с перерезанными верёвками на них, хитрая гномья мордочка и группа карикатурно-корявых орков, убегающих куда-то в закат.

От души отлегло. Видимо, спасённые нами гномы добрались до своих и теперь, совместив благодарность к нам с мезтью оркам, принялись за дело. Ох, чувствую я — нашим врагам скоро станет в этом лесу не менее весело, чем когда-то было немецким оккупантам в белорусских лесах. Оглянувшись, я увидел, как примятая нами трава начинает разгибаться, зато на полянке появляется другая тропка, как раз в сторону симпатичного такого болотца.

Бежать стало спокойнее, и в голове начали прокручиваться перипетии боя, какие-то детали, увиденные, но не оценённые. Например, представив себе внешний вид орочьих колдунов и их наряды, я вспомнил из знаний Спутника знаки различия врагов. И осознал, что мы уложили ни много ни мало, а главного шамана Рода, пару его учеников и двух варлов в достаточно высоком звании. Если учесть, что в племени «чешуйчатых» орков было всего два Рода, причём один из них специализируется на поставке воинов, а второй — шаманов и колдунов, то убитого вполне можно было бы считать и главным шаманом племени. А значит, искать нас будут очень долго и очень старательно.

После этого почти сразу сложилась картинка того, что именно орки делали на полянке. Ритуал Обращения — Стражам при обучении рассказывали о нём, не слишком много, просто чтобы суметь опознать подготовку к нему и осознавать всю степень опасности. Очень сложный, опасный и дорогой ритуал, который, будучи проведён должным образом, позволял поменять полярность магического Источника. Ритуал требовал целого ряда редких и редчайших компонентов. Но и не только — требовалось сложное, поэтапное жертвоприношение. Вот тут и крылась единственная неувязка — первыми в жертву требовалось принести трёх эльфов, а их-то и не наличествовало ни на полянке, ни, похоже, в Мире. Но — я не специалист в этой области, не представляю, как орки выкрутились. Затем должны были принести в жертву гномов, за ними — гоблинов. А вот дальше — дальше шла очередь Жертвы Крови и Жертвы Силы. Требовалось добровольное и искреннее согласие носителя чистой крови соплеменника того, кто проводит ритуал и носителя магического дара, имеющего выраженное сродство к стихии Астрала, в данном случае — тьмы. Вот чистокровную (читай — высокородную) орчанку, согласившуюся принести себя в жертву, я и зарезал там, за Храмом. Что до Жертвы Силы, то тут многое зависело от силы Дара — могло понадобиться и несколько жертв. Наверное, тут в дело должны были пойти помощники шамана.

Что до сложности ритуала и редкости компонентов — то об этом можно судить, например, по такому факту: по данным магов Ордена, достоверно было известно о трёх попытках проделать такое, причём одна из попыток сорвалась, спровоцировав мощный выброс Силы, который уничтожил всё и вся в радиусе парочки километров вокруг места ритуала.

Ох, и качественно же мы наплевали в суп оркам!

Так, в нелёгких размышлениях о происходящем в Мире и о нашей роли во всём этом, и прошёл, а точнее — пробежал тот день.

А потом была та чудесная ночёвка, когда нам удалось поспать почти по четыре часа.

Ночёвка, прерванная тревожным сигналом от гномов — и вот мы бежим уже пятнадцать часов, а погоня всё не отстаёт. Более того, у меня зародилось нехорошее чувство, что они идут не по следу, а точно знают, где мы. Например, парочка моих попыток сделать

петлю или проложить ложный след привели к тому, что орки просто срезали уголок и сократили расстояние. И гномьи пакости или перестали работать вообще, или просто стали намного менее эффективными — значит, среди преследователей появился достаточно сильный шаман. Ох, как это мне не нравится, но — можно проверить.

Еще около полудня, убедившись в высокой квалификации погони, я начал забирать правее с намерением пробежать через эльфийский посёлок. Оркам там будет, мягко говоря, очень неуютно, а ещё и многочисленные ловушки, технические и магические — надеюсь, они в рабочем состоянии, и я смогу включить хотя бы некоторые из них. Тактика сказала: несколько раз чувство леса показывало резко ослабевающую опасность. Кстати, я оптимизировал свой внутренний радар, снова вызвав задумчивое хмыканье Спутника. Я до предела загрузил чувствительность, так, что вместо картинки (как с водяной крысой при первой попытке использовать новое чувство) видел просто смутное пятно условного цвета, для орка или гоблина — красного. Это позволило, не перенапрягаясь увеличить радиус чувствительности. А потом, вспомнив картинку работы радаров в старых фильмах, сделал так же: сформировал своего рода поисковый луч, который вращался вокруг меня с периодом обращения около пяти секунд. Тут-то Спутник и хмыкнул: луч радиусом около полукилометра отбирал примерно столько же сил, сколько я восстанавливал естественным путём, то есть обходился почти бесплатно. Правда, при расходовании далеко не дешёвого кофе...

И вот теперь в поисковом луче постоянно мелькала на границе чувствительности множественная отметка погони. Иногда, при срабатывании очередного эльфийского сюрприза, погоня выпадала за границы чувствительности, но потом опять появлялась. Появлялась — и не делала попыток догнать. Появилось ощущение какой-то игры: я пытаюсь куда-то завести врагов, а они пытаются куда-то меня загнать. И что самое неприятное — наши маршруты совпадают.

Единственная надежда — как только мы приблизимся к посёлку, ловушки пойдут гораздо гуще, чем здесь, на дальних подступах. А уж в черте города, так и вовсе. Кстати говоря, тут есть очень интересное местечко. Если оставить вне рассмотрения донельзя поэтичное и иносказательное эльфийское наименование — то это можно было назвать вспомогательным пунктом мониторинга периметра. С аналогами пульта управления ловушками и большой радарной карты. Конечно, всё это было оформлено почти неузнаваемо: живописный пруд, с выложенным цветными камушками дном, большая беседка на берегу и чаша фонтана на краю этого сооружения. Спутник бывал там, знал, как войти и активировать систему.

— Так, внимание. Входим в границы эльфийского посёлка. Посёлок древний, построен ещё до Цитадели, когда орки в этих краях были не редкость. Поскольку эльфы очень не любят просто так ломать исправную вещь, а традиции и наследие предков очень ценят, то ловушек и сюрпризов для незваных гостей тут столько, что просто ой. Веками копились, это вам не шутки. Так что держитесь за мной след в след. Ничего не трогать, то есть — абсолютно ничего! Ни мухоморы не пинать, ни фрукты с веток не рвать! Даже комаров давить только с разрешения!

Дворвы понимающе закивали головами.

После более чем часа осторожного, с прихотливыми изгибами, бега мы, наконец-то, вышли на берег пруда.

— Вода в пруду — чистая, пригодная для питья. А вот из фонтанчика пить ни-ни.

Можете отдохнуть вон там, под ивами. Это штатное место отдыха сменного состава операторов.

Я подумал, что на прохождение всей полосы препятствий, на которую у нас ушёл час с лишним, оркам времени потребуется гораздо больше. И потери будут немалые. Я вошёл в беседку и активировал Око Лесов. Развернулось что-то вроде голографической карты местности с отметками ловушек (большой частью, увы, отключённых), друзей (три наши отметки) и врагов. При взгляде на последних стало плохо. Три отряда по полусотне голов в каждом, а то и больше. Один шёл прямо за нами, а два из всех сил рвались параллельными курсами. Стало понятно, почему наши преследователи не слишком торопились: они ждали, пока мы будем окружены. В то же время, уповая на гораздо большую выносливость уруков по сравнению с людьми, они старались не дать нам отдохнуть.

И стало очевидно, что орки ломятся вслепую: левый отряд продирался через многочисленные живые изгороди, каналы и ловушки, следуя почти параллельно проходившей метрах в ста пятидесяти правее их маршрута хорошей дороге. Но при этом погоня идёт прямо на нас, как на сигнал маяка.

Маяка! Может ли шаман орков чувствовать тот кошмарный бубен, который лежит у меня в рюкзаке? И если может, то что с этим делать? Вариант «выбросить» не предлагать.

Эх, жаль, что моего уровня допуска недостаточно, чтоб включить все оборонительные системы посёлка в режим «осада»! В таком случае полторы-две сотни орков не представляли бы вообще никакой угрозы. Но — хоть я и «друг леса», но отнюдь не эльф. Смотреть мне можно, управлять — увы. По крайней мере, через пульт, при непосредственном контакте большинство ловушек мне подчинялись. Но есть и хорошая новость: уловив наличие оператора в беседке и распознав наличие врагов, включилась оборонительная система этого поста и, частично — система обороны сектора. Увидев, как погоня очутилась в лабиринте из плотоядных кустов и прикинув скорость их приближения, а также количество активировавшихся ловушек на пути, я, не отключая систему, позвал двурвов.

— Так, у меня две новости: хорошая и плохая. Начну с плохой: за нами идут три отряда орков общей численностью чуть меньше двух сотен. Они могут узнавать, где мы и пытаются окружить. А хорошая — пока они прорубаются через эльфийские гостинцы, у нас есть часа два на отдых. А потом посмотрим, сколько останется орков и что делать дальше.

Снова пожевав «орденских кирпичей» (осталось ещё на один раз) и, запив водичкой из пруда, двурвы отправились спать под ивы, а я остался в беседке, чтоб система не отключилась в отсутствие дежурного оператора. Сел в уютное, сплетенное из живых побегов, кресло и постарался устроиться поудобнее. Уснул, едва успев настроить сигнал тревоги на достижение орками определённого рубежа — если они ухитрятся сделать это быстрее, чем я думаю.

Уснул только для того, чтобы оказаться около странного костра, похожего на выхлоп реактивного двигателя, закопанного в скалистую равнину. Уставший мозг не хотел работать — только этим могу объяснить то, что чуть было не ушёл отсюда при помощи Спутника. Но потом спохватился. Орки в первый день потеряли нас — я думаю, просто ловили между Храмом и ближайшими городами, к западу и северо-западу от места боя, а мы уходили на юг, немного склоняясь к востоку. Во второй день они шли за нами, как привязанные. Если это и правда связано с тем, что к погоне присоединился колдун, способный ощущать бубен — то хорошо бы избавиться от этого «жучка». А разве есть место лучше этого? Например,

оставить бубен около щита. Кстати, надо бы посмотреть, не прибавилось ли записей?

На щите оказалось нацарапано послание от некоего друида. Третий ролевик, для которого отыгрыш оказался дольше планируемого — и третий мир. Довольно размашисто написано, надо сказать, так скоро место закончится, щит далеко не ростовой. С другой стороны, по сравнению с Алёной, которая даже не поленилась стихи про кольца власти царапать... Вот, спрашивается, зачем? Хочешь что-то сказать — скажи (или напиши) прямо, а если просто «для красоты», то это клиника.

Я призадумался. Арагорн проговорился (или дал знать?) что вмешался в процесс переноса, чтобы собрать какую-то команду. А потому вряд ли он стал бы брать совсем уж «блондинку из анекдота», способную потратить изрядную площадь щита для украшения. Значит — намёк. На что, надо думать отдельно, выпавшись. Но понятно другое — если пишет намёками, то боится чужих глаз, а значит просто так бросать здесь бубен не стоит. Отдать бы кому, чтоб в другой мир унесли этот мой «чемодан без ручки».

Я вернулся к костру. Посидел немного, раздумывая над идеей бросить бубен в костёр. Тут моё внимание привлёк странный розоватый отблеск в тумане. Вот между его прядями, метрах в сорока, стала различаться человекообразная фигура. Она двигалась довольно медленно, как будто не видела, куда идёт. Пройдя ещё метров десять, неизвестный, казалось, заметил костёр и двинулся на свет. Неужели этот туман выглядит по-разному для попавших в него?

Чем ближе подходил к костру новый гость, тем отчётливей я его видел. В руке у него было что-то вроде противотуманного фонарика с красным светофильтром. Ещё несколько шагов — и я вижу незнакомца более отчётливо. Человек в плаще, покрытом не то листьями, не то перьями, с посохом, на плече не то сова, не то чучело совы. Кстати, источником света оказался перстень на пальце, который с выходом хозяина к костру стал светить гораздо слабее. Тот самый друид, или? В любом случае, моя задача — как-то уговорить его унести этот клятый бубен.

Что интересно — незнакомец шёл справа, всё время был лицом ко мне — а к костру вышел точно напротив меня. Ох уж эти мне фокусы, ох уж эти мне фокусники!

— Привет, Хогвартский внук Гэндальфа! — первым поздоровался я.

— С чего бы это? — мужчина выглядел несколько удивлённым. Сова на плече хлопнула глазами — живая, стало быть.

— Ну, как же. Сова на плече, волшебная палочка (я кивнул на посох), Нарья на пальце...

Незнакомец покосился на колечко с задумчивым видом, потом тряхнул головой и пробормотал: «Да не, ну нафиг». Я внутренне возликовал. Если он так вот влёт понял, о чём речь — то он наш, землянин, из начала двадцать первого века. А судя по словам — ещё и соотечественник, в широком смысле этого слова.

— Нет, к британскому фэнтези отношения не имею.

А это, похоже, ответ на мою проверку и сигнал, что он её понял.

— Ясно. Тогда, может, друид?

— И не друид тоже, — сказал дядька, присаживаясь у костра.

— Ага, значит, на скрижали имени Алёны Вы ещё автограф не оставляли? Воон там щит лежит, полированный, в роли журнала почётных гостей, а на нём — визитки своего рода.

Парень в плаще с перьями недовольно покосился на меня. Было непонятно — недоволен он потоком моих слов или тем, что приходится вставать. Потом молча поднялся и

подошёл к щиту. Я, помня свою попытку добраться до Арагорна, отодвинулся в другую сторону, дабы не создавать человеку сложностей. Тип в плаще склонился над щитом, читая надписи. Потом быстро сложил два с двумя и уточнил:

— А ты, стало быть, Виктор?

— Ух, ты! Как догадался? Шаман, наверное? — в ответ на мою незамысловатую шуточку незнакомец не то фыркнул, не то хмыкнул.

— Именно что. Шаман. Тотем — Сова. А ты не из Техаса? — вернул он мяч.

— Нет, рейнджер — это класс, который на ролёвке отыгрывал. А сейчас я — Страж Грани, из одного весьма непростого, судя по всему, Ордена.

Я всеми силами старался не высказать своей радости, но она всё же прорывалась наружу в виде излишней болтливости. Шаман! Шанс пристроить бубен резко вырос. Тем временем от щита раздался скрежет — дядька писал ответ. Только чем? Я не видел никакого движения, которое позволило бы ему вытащить что-то пишущее. Но не ногтем же он скребёт?! Наверное, ножны на предплечье.

— Слушай, если так — то у меня для тебя подарочек! Нет, честно! Я тут недавно твоего коллегу встретил. У нас возник спор небольшой. Он считал, что я гожусь на обед, а я считал, что из него неплохой компост получится. Короче, несколькими орками стало меньше. А у меня оказались бубен и какая-то погремушка. Правда, фэйрболл тот шаман с этой погремушки стряхнул знатный, чуть не поджарил меня.

Шаман тем временем закончил писать и повернулся ко мне с каким-то непонятным выражением на лице. Не то усталое удивление, не то ещё что-то такое. Не давая возразить, я продолжал «давить»:

— Короче, я вот тут вот свёрточек положу на землю, и пойду. Там бубен, внутри него трещотка. Только осторожно — она, сволочь, жжётся! Всё это в передничек того же орка завёрнуто. Я пойду, а ты глянь подарочек. Захочешь — возмёшь, нет — хоть, вон, в костёр кинь. А мне пора, хорошо бы ещё хоть часик поспать...

Я положил свёрток на землю, поближе к Шаману, и сказал Спутнику: «Уходим!».

Проснувшись в кресле, я глянул на голографическую карту, чтобы оценить степень продвижения орков, проверил рюкзак — бубен исчез! С облегчением рухнул обратно в кресло — уснуть, торопясь ухватить хоть часик отдыха. И тут же вскочил опять. Вот каким местом думаю, а? И о чём? Надо же, не выспался он! Если орки на самом деле шли на сигнал «жучка», а сейчас сигнал пропал — то нужно как можно быстрее бежать с места последней пеленгации! Тем более что группы орков на карте выстроились таким образом, что становилась возможной забавная комбинация.

Я быстро поднял двурвов.

— Скорее всего, я понял, как орки узнавали где мы, и перекрыл им возможность подсматривать. Здесь — последнее место, где они нас видели. Поэтому — смотрите сюда. Видите — тот отряд, что шёл слева, отстал, и довольно сильно. Что и понятно, они почти к центру посёлка идут. Так вот, нам надо не просто уходить, но и свернуть в сторону. Какие будут идеи?

— Если левые отстали, то с той стороны свободно. И эльфийский посёлок их задержит. Значит — налево!

— Правильно, — Драун, как автор предложения, довольно подбоченился. — Сворачиваем направо.

Двурв поперхнулся. На меня опять, уже привычно, уставились две пары вопрошающих глаз. Ладно, каждый солдат должен знать свой манёвр.

— Во-первых, именно там нас и будут ловить, и нет гарантии, что где-то в лесу не бродит ещё пара сотен тварей. Во-вторых, смотрите — они выстроились почти в прямую линию. И если мы сейчас быстро, но аккуратно пройдем вот таким вот крюком — то все три отряда выстроятся в цепочку и реально опасным для нас будет только один. К тому же мы можем пройти впритирку ко второму посёлку эльфов, он примерно вот тут, — я ткнул рукой куда-то за пределы карты. — Это на случай, если орки смогут найти наш след — как премия для самых настойчивых и догадливых.

Увидев в глазах искру понимания, я проверил уровень энергии. М-да, чуть больше половины. Всё же мой радар «почти бесплатный», а не бесплатный. Плюс магическая подпитка выносливости. Я обречённо забросил в рот ещё несколько кофейных зёрен и, вздохнув, влил в двурвов толику энергии со словами:

— Что стоим? Побежали!

Чургын Олой, младший шаман Рода, пребывал в расстроенных чувствах. Не только из-за затянувшейся погони, но и от всего ей предшествовавшего. Когда он узнал о гибели старого шамана, то испытал даже некоторое злорадство, вполне естественное и похвальное чувство. Ещё бы — старый пенёк никак не хотел ни помирать, ни уходить на покой. В итоге он, Чургын, в свои пятьдесят четыре года всё ещё младший шаман. Ничего, сейчас место освободилось, причём отдал дух Тьме не только Верховный, но и оба его любимчика.

Если бы не обстоятельства, при которых открылись эти вакансии... Мало того, что сорван готовившийся долгие-долгие годы Ритуал, что погибли два из пяти Червей мироздания, готовых уже проклянуться из своих лиловых коконов, а трое других, обожжённые взбесившимся светлым Источником, неизвестно выживут ли. Чургын Олой сделал, что мог, вынес драгоценные коконы и поместив их в утробы ещё живых орков из числа провинившихся стражников. При этом сдохли три десятка гоблинов, ещё пять уруков вышли из строя, уничтожая тех тварей, в которых превратились под влиянием противодействующих воздействий коконов и Источника двое носильщиков. Точнее, мутировали в той или иной степени они все, но только двое смогли выбраться из яростно полыхающего зарева возмущённых Сил. Но туда им всем и дорога.

Сам шаман в момент наглой диверсии ненавистных хумансов пребывал в трансе. Именно он, сидя в походном шатре, находился в астральной связи с пробуждающимися Червями. Стрелы сволочного Стража, пронзившие едва воплощённые тела этих существ, ударили по орку так, будто воткнулись ему в череп. Но ещё сильнее ударил откат от сорванного Ритуала и возмущённый взрыв Источника. Ещё бы — это, считай, как если бы уруки поймали девку чужого племени, разложили на земле и уже практически приступили к делу, а тут появился кто-то, связал воинов, освободил девку и дал ей оружие. Бррр...

Этот Орден! Чургын от души выругался. Он-то рассчитывал, что эта гадость сгинула с лица Мира навечно, но вот гляди-ка ты! Страж, в обычной манере этого пакостного племени, вылез в самый ненужный момент в самом неподходящем месте. Не хотелось верить в такое, но он, едва придя в себя и организовав спасение того, что ещё можно было спасти, сам проверил место гибели патруля. Оба воина нового вида, выведенные с использованием захваченных и кое-как приспособленных наработок Ордена, которые возглавляли патруль, застрелены. Причём стрелами из проклятого Тьмой и Хаосом металла. Воины, способные

пройти тридцать шагов под обстрелом трёх подготовленных лучников! Один убит выстрелом в глаз, второй — в горло. Пристрелены, как глупые гоблины, несмотря на всю подготовку и амулеты!

А ведь на тот момент всего-то было шесть таких воинов первого поколения и шесть второго! Дошли кандидаты, как мухи осенью. Правда, в третьем поколении заканчивают преобразование сразу четырнадцать из двух дюжин, но только через год они смогут хоть что-то представлять собой. А тут.... Двое застрелены, ещё шестеро, возглавившие погоню, нарвались на заряд, подброшенный хумансом, сожри его Свет! Двое из первого поколения и четверо из второго. При этом двое погибли на месте, двое были искалечены и орали так, что их добились свои. Ещё двое выживут, но сильными бойцами им уже не быть. Восемь из двенадцати, мимоходом, просто по дороге! А ведь каждый обошёлся впятеро дороже обычного урука в полном снаряжении, не говоря уж о том, что выживали при подготовке один из четырёх.

Но всё это — пыль и тлен в сравнении с главной неприятностью. Пропал Глас Тьмы! Могучий артефакт, созданный трудом всего племени и при помощи нового воплощения Отца-Хаоса! И самое главное — воссоздать его не удастся, даже если Сын Хаоса даст ещё одну пальцевую кость Дракона Тьмы для обода! А всё из-за того, что во всём мире не осталось ни одного проклятого эльфа! Шаман аж забыл на какое-то время про неотступную головную боль при мысли, что он — ОН — сожалеет об отсутствии в Мире ушастых выродков!

Так или иначе — Глас пропал, и его надо было вернуть!

Подлый хуманс умело заметал за собой следы, даже ухитрялся прокладывать ложные. Пока шаман приходил в себя, воины организовали преследование в сторону ближайших поселений этого племени. Но никого не поймали, и даже следы пропали. Олой был в отчаянии и ярости и уже примерял на себя все ритуальные пытки, известные в племени — ведь он был старшим из выживших шаманов, и ему было отвечать за всё! Вот если бы вернуть Глас Тьмы!

И вот под вечер того дня он услышал тихий голос реликвии. И голос шёл совсем не оттуда, где храбрые уруки искали пропажу! Неужели похититель настолько глуп, что ударил в бубен? Шаман, коротким свирепым рыком заставив умолкнуть всех вокруг, напряжённо прислушивался. И да — он вновь услышал тихий зов Гласа Тьмы. Бубен зовёт его! Значит, он избран Тьмой на роль нового Верховного Шамана!

Чургын собрал всех воинов и шаманов (точнее — учеников и подмастерьев), что обретались поблизости, и организовал погоню тремя отрядами. Они едва не настигли похитителей на ночлеге — казалось, примятая телами трава ещё была тёплой. И вот — погоня. Шаман, возглавив средний отряд, гнал врага, не давая ему отдохнуть, но и не приближаясь, чтоб дать возможность двум другим отрядам обогнать воров и встать у них на пути. Чургын Олой так торопился, что, даже выходя в Астрал для связи с помощниками в других группах, не останавливал погоню — его в такие моменты несли на специальных носилках четверо сильных воинов.

И вот в последние пару часов опять начались неприятности. Всё вокруг буквально провоняло мерзостной волшбой сволочей-эльфов. Всё чаще бойцы становились жертвами подлых ловушек. Как апофеоз, на ровной полянке из ниоткуда возник зелёный лабиринт. Кусты оказались не только колючими и ядовитыми, но ещё и хищными. Вот, наконец, последняя стена прорублена. И тут вдруг зов Гласа Тьмы, который становился всё громче и

громче, умолк! Казалось, реликвия за мгновение улетела в неведомые и непостижимые дали, а затем и вовсе исчезла!

Чургын как можно быстрее, не считаясь с потерями и затратами магии, повёл свой отряд к тому месту, откуда в последний раз слышал зов. И вот они на месте. Провонявшая эльфами поляна, несколько зёрен, идущих на приготовление Зелья Магов в беседке, от которой разило Светлой Силой, крошки еды на берегу пруда — и никакого следа Реликвии!

Шаман задрал морду в небо и завыл в несказанной тоске и предчувствии неизбежного конца...

После стремительного рывка по эльфийскому посёлку мы немного сбавили темп и двигались так называемым «волчьим намётом» — пятьдесят шагов бегом и столько же шагом. Долго бежать не получалось, уже смеркалось, в лесу так особенно, но «кроссинг зе Ти» мы сделать успели, и даже отмахали километров пять от ставшего ближним к нам флангового отряда. Ещё какое-то время брели в почти полной темноте, двурвы что-то различали в тепловом диапазоне, я руководствовался не столько зрением, сколько чувством Леса. Наконец, чуть не сверзившись с небольшого, метра два, обрыва на гребне одного из холмов, решили заночевать.

Я вызвался дежурить первым, на случай появления орков. Но они так нас и не потревожили, и я в свою очередь лёг спать. Проснулись мы на рассвете и, наскоро перекусив остатками сухого пайка, быстрым шагом двинулись в путь.

Размеренный шаг способствовал размышлениям, а голова после ночного отдыха уже не была категорически против этого. Какая-то несуразность боя около источника не давала мне покоя. Наконец, я понял — моя магия! Точнее, количество потраченной в бою энергии. Я наскоро прикинул расход маны. Неожиданно много. Ещё в начале своего пребывания в этом Мире я определил свои возможности, как достаточные для создания двенадцати-пятнадцати молний. Если пересчитать все мои заклинания в этот эквивалент, в последнем бою я потратил запас маны, соответствующий двадцати или двадцати двум, трудно было определить, сколько вытащило из меня противоборство моего заклинания точности и шаманского чёрного тумана. Хммм, не так страшно, как мне показалось вначале, не в два-три раза перерасход, а «всего лишь» в полтора. Но всё равно — откуда дровишки? Я ведь не раз в ходе боя ощущал, что мой резерв почти пуст — но каждый раз находились силы ещё на одно или два заклинания.

Нет, я явно поторопился считать себя отдохнувшим и адекватным. Ведь где проходил бой? То-то же! Если бы не тёмный ритуал и та лиловая завеса, которая заметно экранировала Храм от Мира, то я, находясь в непосредственной близости от Светлого Источника, да ещё и содержащего изначально «родную» Стихию, не должен был бы ощутить истощения запаса и наполовину. Это на пике скорости расходования сил. Ведь недаром поселения стараются разместить как можно ближе к Источникам, а лучше всего — вокруг них. Это же значительное качественное усиление обороняющихся магов! А я уж не знал, что и подумать, чуть было не приплёл левел-ап, что было совсем глупо — всё-таки не очередную игрушку на компе гоняю, а свою тушку по лесу.

К обеду мы уже успокоились настолько, что развели небольшой бездымный костёр и сварили похлёбку из прихваченной с собой крупы и удачно попавшегося нам на глаза десятка боровичков-колосовиков. А пообедав, даже и подремали по паре часиков. Кажется,

оторвались.

А к вечеру мы наткнулись на кое-то особенное. Я, увидев такое, буквально остолбенел. Двурвы, пройдя вперёд, вернулись ко мне, пытаясь понять, что случилось. А меня буквально раздирали чувства Спутника, да и собственные тоже.

Причиной же послужил вполне банального, на первый взгляд, вида пень и валяющееся около него бревно. Всё дело было в том, пень и бревно какого именно дерева, и как оно было срублено. Я не знал, как объяснить всё своим охранникам, не нарушив данного ранее слова. В конце концов, решил так: те, кому я давал обещание исчезли бесследно и, скорее всего, безвозвратно, а потому...

Вы, наверное, не раз и не два (даже не двадцать два раза) читали и слышали о низкой, если так можно выразиться, плодовитости эльфов. Сколько раз встречалось: восьмисотлетний эльф с единственной дочерью. А вы не задумывались, что при таком раскладе они должны были давно выродиться и вымереть? Даже в мирное время, для компенсации убыли от естественных причин, у каждой пары должно быть «два целых и три десятых ребёнка», то есть двадцать три малыша на двадцать взрослых. Конечно, репродуктивный период у эльфов измеряется сотнями лет, и тем не менее. Если ещё добавить потери ушастых в многочисленных войнах, то тот самый среднестатистический восьмисотлетний должен бы вырастить минимум пятерых. И за себя, и за погибших молодыми товарищей. Плюс — почти никто и никогда не видел эльфов-детюшек. Полукровок — пожалуйста, а чистокровных — нет, даже в их городах.

А на самом деле всё гораздо проще, и одновременно сложнее. Да, эльфы этого Мира не были чужды плотской любви и способны были к деторождению «традиционным» образом. Но такие детюшки, и правда, рождались не каждую сотню лет, и каждое такое рождение считалось особым Знаком. Основной же способ размножения считался секретом расы. Дело в том, что эльфы (по крайней мере — местные) проходили развитие с полным метаморфозом. Только не надо говорить «как насекомые» — такое сравнение у дивных считалось очень грубым и тяжёлым оскорблением, смываемым только и исключительно кровью. Я подозреваю, что на самом деле — даже с двумя перерождениями, но это не более чем догадка.

В действительности детёнышей эльфов видели многие, не зная об этом. Для них, для «личинки эльфов», придумано отдельное название — дриады. Каких только легенд и баек не придумывали о них и уже об их способе размножения! А на самом деле — просто предыдущая стадия развития эльфов. Полуразумные игривые создания, к которым сами эльфы относятся покровительственно, но не как к детям.

Дриады, взрослея, меняют своё поведение. Они выбирают где-то в лесу дерево, начинают всё больше времени проводить вокруг него и в нём самом. В конце концов, дриада закукливается в дереве, которое с этого момента становится особо охраняемой вещью, можно сказать — святыней. И в один прекрасный момент материнское дерево ломается, а из него выходит молодой эльф — со всей памятью рода и осознанием себя и своего места в нём.

Непоседливые и непослушные дриады далеко не всегда выбирают в качестве жилища одно из деревьев священной рощи, а частенько селятся где попало в лесу. А теперь представьте, что кто-то, вторгшись в лес, свалит такое дерево? Как бы вы отнеслись к тому, кто убил беременную, на последних месяцах, женщину ради, скажем, платья или волос для верёвки? Вот то-то...

Отсюда и отношение эльфов ко всякого рода браконьерам, которое всем остальным кажется неоправданно жестоким. Конечно, есть признаки, позволяющие отличить «обитаемое» дерево от обычного. Но для этого необходимо иметь хоть какой-то магический дар и, самое главное, представление об истинной сути вещей. Ситуация усугубляется тем, что до момента рождения молодого эльфа определить, к какой семье он относится невозможно. По традиции, все «куколки» считаются потомками Повелителя данного Леса, но.... Но каждый эльф опасается, что будет срублено дерево, в котором вызревает именно его потомок.

Кстати, откуда берутся дриады (эльфы называют их «нерождённые» или «будущие») я не знаю. Это какой-то ещё более глубокий пласт тайны, к которому Спутник допущен не был. Имел кое-какие догадки, но и не более того.

Вот примерно это, только в более коротком варианте, я изложил двурвам. А потом добавил:

— Это было материнским деревом. И срублено оно было не просто, а так, чтобы запереть и убить нерождённого эльфа. Кто-то старается, чтоб ушедшие эльфы не вернулись...

Я не рискнул сжигать осквернённое дерево, как того требовали эльфийские традиции. Всё же дыму было бы много, а от эльфа и его души не осталось и следа. Вот только кто это сделал? На земле нашлась парочка следов, какие оставляют грубые башмаки орков, но это казалось просто имитацией, причём неубедительной. Чтоб орки просто срубили материнское дерево, провели ритуал и ушли? Не порубив бревно на щепки, не поломав кусты, не загадив всю округу?! Хотя я и не Станиславский ни разу, но — не верю!

Пока я пребывал в задумчивости, Драун вырубил переросший побег карсиала (это дерево двурвы под моим руководством уже выучили), соорудил из него острогу и с неожиданной сноровкой добыл в ближайшем ручье три форели. Причём один экземпляр тянул граммов на восемьсот, два других — заметно меньше, по полкило. Одну рыбку я пустил на уху, оставшиеся, распялив на деревянных рогульках, пристроили к костру жариться на второе. Нет, я понимаю — суши и прочие сашими, но в дикой сырой рыбе, помимо белков, витаминов и минералов наличествуют и другие компоненты. В частности — паразиты и их личинки в ассортименте, да и во внушающем уважение количестве. Нет уж, японским лесом такие эксперименты с пресноводной рыбой! Морская — да, те паразиты в человеческом организме почти не приживаются.

Утром, пока готовился завтрак, я вслух задумался — откуда тут столько орков? До широкой долины, точнее — промежутка между горной грядой и восточным берегом Срединного моря протяженностью километров двести, называемого Орочьим Трактом, было не меньше двух тысяч километров. Драун, принюхиваясь к котелку, буркнул:

— Так через Глотку прошли, что тут гадать... — двурв резко умолк.

— Что-о-о-о?! Родимый, ты не ошалел?! Там же Цитадель Туманов! Это — ОРДЕН!

— Так ведь.... Это... — двурвы выглядели разом смущёнными и удивлёнными. — Нет больше Цитадели. Точнее, может, и есть, но только — орки её взяли... Лет пять уж.

— Что сделали?! Сколько лет?! — я не узнал своего голоса.

— Лет пять.... Аккурат где-то на солнцестояние, точно никто не знает. А ты что, не знал?!

— Нет... Я, похоже, на Грани был.

— Ну, так после возвращения!

— А вернулся я за два дня до того, как вас встретил.

— Ничего себе.... Пять лет на Грани — и живой, и даже не псих. Вроде бы...

Я не обратил внимания на эту попытку пошутить. Обе мои половинки пребывали в шоке и полной прострации. Как же так?! Цитадель, неприступная в течение многих сотен лет. Орден, одно название которого наводило ужас на все силы Тьмы и Хаоса и вызывало искреннее уважение светлых рас. КАК?!

Я не помню следующие три дня. То есть — совсем. Как узнал позже, брёл, как сомнамбула, не реагируя на внешние раздражители. В душе кипел и бурлил котёл. Думаю, сущность Спутника была очень близка к распаду, а то, что составляло мою суть, сопротивлялось этому. Если бы я не справился с воцарившимся внутри хаосом, думаю, я бы пополнил собой коллекцию свихнувшихся при сходе с Грани Стражей. Как вариант — остатки сущности бывшего Стража, ставшего моим Спутником, могли вырваться на Грань, к своим. То, что при этом он бы утащил с собой большую часть меня, которая превратилась бы в одного из призраков Тумана, моего «альтер эго» совершенно не тревожило. Запомнилась только постоянно крутившаяся в памяти структура Ордена и его боевой состав на момент начала дежурства Спутника. Сто восемьдесят шесть Стражей. Девяносто два мага — боевых, целителей и универсалов, не считая артефакторов. Пятьсот сорок Рыцарей Ордена. Почти шесть с половиной тысяч тяжёлой орденской пехоты, ценимой во всём Мире, как несокрушимой в обороне и неостановимой в кажущейся неспешной атаке. Воистину неприступная Цитадель Туманов, под стенами которой, пока даже до самых тупых троллей не дошла вся бесперспективность попыток штурма, оставалось иной раз до ста двадцати тысяч вражеских трупов. Как?! Как могло случиться такое?!

Очнулся я от резанувшего все слои моей души чувства опасности. Близкой и столь острой, будто сама Смерть смотрела на меня из ветвей.

Мгновенно придя в себя, я тут же скользнул в боевой транс, стараясь ничем внешне не выдать своего изменившегося состояния. Взгляд мой метнулся к источнику опасности. Только то, что я твёрдо знал об опасности и о том, откуда она исходит, позволило мне рассмотреть в ветвях дерева, растущего в сотне метров от меня, узкое чёрное лицо с кроваво-красными линзами глаз. Уже не заботясь о маскировке, я рванул лук. Всё слилось в одно стремительное движение: вырвать лук из саадака, перехватить его в положение для стрельбы, одновременно второй рукой вытащить одну из немногих оставшихся стрел из стражьего сплава, оттянуть оперение к уху, выстрелить и тут же уйти в перекат. Мимо виска свистнуло что-то тёмное.

Двурвы, похоже, прозевали и то, что я очнулся и всё остальное, включая опасность для наших жизней. И теперь стояли, удивлённо и опасливо глядя на мою застывшую в боевой стойке тушку. Как только я убедился, что чувство опасности, исходящее из леса, исчезло, появилась возможность уделить внимание моим соратникам. Странно, но от них явственно тянуло тревогой и, в какой-то степени, ... опасностью?! Что за?!

Тут я вспомнил, что иногда случалось с застрявшими на Грани слишком надолго Стражами, вспомнил наш последний разговор, согласно которому я оказывался рекордсменом по сроку пребывания «там» и понял опасения двурвов.

— Ребята, спокойно. Со мной всё в порядке, я очнулся. Была опасность, я стрелял, но, похоже, промахнулся. Враг ушёл.

«Ребята», похоже, немного расслабились. Но не слишком.

— А что за враг-то такой?

— Похоже, тёмный эльф... — вздохнул я.

Двурвы тут же вновь насторожились.

— Какой ещё эльф?! С какого это перепугу они «тёмные»?! Ну-ка, как, по-твоему, эльфы выглядят?!

— Да не свихнулся я! Вон, там вон стрела торчит, которой меня чуть не уложили. Тот самый дарко, или трау, как тёмных эльфов ещё называют, и стрелял. А я в него.

Гролин рассмотрел, наконец, торчащую из кочки стрелу и потянулся к ней.

— Стой!!! — заорал я. — Если у дроу стрела не отравлена, то это не настоящий дарко. Или он стрелял в то, что собирался съесть.

Берглинг покосился на меня, но достал лоскуток кожи и взял стрелу через неё. Драун подошёл к нему и оба стали с интересом рассматривать зазубренный наконечник чёрной стрелы и остатки немного опалесцирующего зеленоватого налёта на нём. Я же, задействовав на полную чувство леса, отправился на поиски стрелы. И вскоре нашёл её, точнее — оперённое древко. Похоже, я зацепил-таки своего противника. Но странно, но тем источникам, что попадали мне в руки дома, тёмные эльфы — результат проклятия, павшего на вполне обычных до этого события эльфов светлых. Может, сплав прореагировал именно на это самое проклятие? Или дарки переродились со временем в истинные порождения мрака? Или, что самое вероятное, земные «источники» имеют мало общего с реальностью? Гадать можно долго и безрезультатно. Самые дотошные поиски дали в результате дорожку из капелек крови, правда, достаточно тоненькую и короткую. Видимо, зацепить-то я противника зацепил, но несерьёзно. Всего лишь царапина.... Правда, стрелял я в голову, и,

если достаточное количество металла попало в кровь, то и царапина может оказаться летальной, причём в ближайшие часы или минуты.

Вздыхнув, я вернулся к двурвам.

— Наконечник растворился, значит, враг там на самом деле был, и я его зацепил.

— Да что за враг-то?! — похоже, Драуном движет уже не страх оказаться рядом с чудовищем — перерождённым Стражем — а обычное и привычное любопытство.

Я вздохнул.

— Как называется мой Орден?

— Орден Стражей. Стражей Грани...

— Эх... Какой Грани? Помните её название?

— Грани Сотворённых Миров, — это Гролин.

— Правильно. Миров, а не Мира. То есть их много. И обитатели в них разные. В том числе и эльфы. Они и выглядят по-разному, и ведут себя тоже. Вот местные эльфы — высокие, тонкокостные, голубовато-жемчужная кожа, немного светящаяся ночью. Большие лиловые или фиолетовые глаза без белков, синие или зелёные волосы, очень длинная и узкая кисть, пальцы с четырьмя суставами — правильно?

— Да...

— Есть эльфы совсем другие. Снежно-белая кожа, золотые волосы, зелёные миндалевидные глаза, немного раскосые. Длинные заострённые уши. Есть миры, где эльфы сравнительно невелики ростом — примерно такие же, как двурвы. А бывают и на голову выше меня. Единственное общее — всегда изящны, всегда выступают на стороне Света (тут я старательно проигнорировал некоторые земные тексты, нечего берглингов смущать свыше меры).

— Хм... Всегда светлые — а ты говорил о тёмных...

— Это очень отдельная история. Давайте уходить отсюда, я вам по дороге всё расскажу. Кстати, мы сейчас где?

— Ну, мы старались идти на юго-запад...

— И сколько времени я был грузом?

— Три дня...

— Угу... Значит, так и пойдём, на запад-юго-запад. Пока на тракт не выйдем.

Мы быстро подобрали пожитки и быстро тронулись в путь.

— Так вот, о тёмных эльфах. К счастью, в первую очередь — вашему, в этом мире они не водятся. Когда-то одно из племён эльфов в одном из миров сотворило что-то эдакое, рассорившись со своими сородичами. Деталей никто, кроме них самих, точно не знает, домыслов и вариантов много. Так или иначе, на них обрушилось не то проклятие своих, не то внимание тёмных богов. Есть даже версия, что они и тёмным богам тоже нахамили, и те их также проклинали. Короче, версий много, а толку чуть. В итоге они изменились и внешне, и внутренне. Во-первых, они с тех пор ведут ночной образ жизни, во многих мирах предпочитают жить в пещерах и подземельях. Во-вторых, внешность. Высокие, стройные, очень ловкие, быстрые и сильные. Равномерно чёрная кожа, красные глаза без зрачков, которые отлично видят в темноте, белые волосы, длинные и острые когти на руках. В-третьих, нравы и характер. Что вам сказать? Культы тёмных богов, да и вообще — по сравнению с ними местные орки и гоблины — просто милашки. Очень воинственные и коварные существа, воюют со всеми соседями разом. Вроде бы и каннибализма не чураются.

— И всё это счастье — в пещерах?

— Ага. Отличные рудознаты, металлурги и механики.

— Ну, до нас-то им в этом далеко!

— Многие исследователи согласны с тобой, Драун. С одной поправкой — они считают, что трау ушли далеко вперёд по сравнению с вами...

— И сколько таких существ ходит по Миру? — это уже Гролин.

— Не знаю. Но как минимум один точно есть.

— Надо срочно сообщить старейшинам.

— Согласен. Так что выходим на тракт и ищем самый быстрый транспорт.

Как же надоела бесконечная беготня по лесу в компании с этими недалёкими помощничками! Толку от них... Есть, конечно, но гораздо меньше, чем проблем и забот. Часто руки так и чешутся прибить парочку, чтобы вразумить остальных. И хорошо, что иногда они достаточно тупы, чтобы дать повод поразвлечься таким образом!

Квирт Луоррентан зло сплюнул на слой опавшей хвои под ногами. В неведомо какой раз глянув на артефакт-поглотитель, вручённый ему загадочным покровителем, дарко вновь констатировал, что тот заполнен едва ли на пятую часть. Это сколько же ещё мотаться по чужому миру, отыскивая и утилизируя следы светлых «сородичей»! Ну, жизнь тёмного эльфа длинна, а подлежащий отработке долг велик — как раз величиною в жизнь...

Эх, как обидно! Так глупо вляпаться, это же надо уметь! Самое обидное — ничего не сделал «светлякам», только вошёл в их долбаный лес, и попал в сторожевую паутину. Срезал уголок по поверхности, называется. Сэкономил полдня и потерял жизнь. Не жалкий огрызок в пятьдесят лет, отведённый людям Киннеара, даже не считанные сотни лет человеческих магов, а долгую, почти бесконечную при определённых условиях жизнь тёмного эльфа. Обидно и больно.

Больно не только в переносном смысле, но и в самом прямом. У светлых эльфов на случай поимки тёмных оказался в наличии целый свод ритуальных пыток с на редкость красивыми и поэтичными названиями. «Аметистовый лотос рассвета», вот как красиво называется то, что вот-вот убьёт его. В ходе двухсуточного подготовительного ритуала ушастые блондины и блондинки покрыли всё его тело тысячами мелких шрамов, втирая в них какую-то гадость. Вместе с тем они аккуратно перерезали все основные сухожилия и часть нервов. Дым курительниц, стоявших вокруг алтаря, не давал Квирту ни умереть, ни потерять сознание, одновременно обостряя чувствительность. После начальной обработки эльфийская жрица уронила на ногу дарко небольшое пёрышко — и только заранее перехваченное эльфийскими жрецами управление голосом (очень уж заковыристо Квирт выражал своё мнение о родословной и образе жизни окружающих) не позволило пленнику заорать от боли. Казалось, пещерный тролль шарахнул своей дубиной. А потом начался ад...

И вот сейчас он ждал последний в своей жизни рассвет. Снадобья, втёртые в разрезы на коже дарко, должны были не просто усилить чувствительность организма к свету. Солнце должно было медленно и мучительно убить тёмного эльфа, постепенно расплавив его плоть на алтаре, подобно воску на сковороде. При этом умереть он должен был только тогда, когда распадутся кости и распад затронет существенную часть внутренностей. И всё это время он будет оставаться в сознании и с полной чувствительностью. Уже сейчас, за четверть стражи до восхода, сумеречный свет вызывал зуд и жжение по всему телу.

Внезапно на лицо дарко упала тень. Кто-то стоял около алтаря. Веки, движения глаз и кое-какие мимические мышцы — вот и всё, что оставалось в распоряжении Квирта. Он мог открыть глаза, но не хотел этого делать. Кто, кроме жреца бывших сородичей мог прийти к пленнику, пусть это и было бы нарушением канона. А смотреть на одного из палачей он не хотел.

— Надо же, даже глаза открыть не соизволит, — раздался вдруг какой-то неестественно жизнерадостный голос, не имеющий ничего общего с голосами эльфов. Квирт Луоррентан открыл глаза и увидел плохо различимый на фоне начинающего светлеть неба силуэт... человека? Вряд ли, учитывая место и время, но не эльфа, не гнома и не орка — точно.

— Ты жить как, хочешь? — продолжал между тем незнакомец. — Можешь ответить мысленно, я услышу. Нет, я не издеваюсь. Я могу тебя отсюда вытащить и вылечить, а ты сделаешь для меня кое-какую работёнку. Закончишь — и мы в расчете. Заодно и со светлыми эльфами посчитаешься...

Дикая, сумасшедшая надежда затопила дарко, закрыв собой и защиту в генах его тела паранойю, и собственную осторожность, и все подозрения.

— Ага, согласен. Ну надо же, даже условий не выдвигает, какой покладистый трау...

Голос собеседника поплыл и растворился в назойливом комарином звоне, потом затих и он.... В следующий раз дарко пришёл в себя в довольно странном месте. Он лежал на камнях, окружённый стеной тумана на расстоянии дюжины шагов. С одной стороны туман отступал чуть дальше, открывая переливчатую стену чего-то, похожего на водопад без воды, который возникал из облака вверху и растворялся в дымке внизу. Почувствовав головокружение, Квирт отвернулся и увидел сидящего рядом на валуне давешнего незнакомца.

— Ну, вот, почти как новенький. Тушка здорова, и душка на месте.

— Как это? Где мы?! — дарко, не веря себе самому, поднялся и сел, скрестив ноги.

— Ну, я же какой-никакой, а бог! Нет, не из вашего пантеона. Может быть, пока не из вашего, а? — некто, выглядевший как человек, подмигнул тёмному эльфу и продолжил:

— Зови меня Артас. Теперь о работе...

И вот Квирт уже седьмую декаду метался по чужим лесам чужого мира во главе отряда орков. Артас постарался напустить туману относительно сути проводимой дарко работы, но тот не был дураком. Он довольно быстро понял, что именно интересовало спасителя и работодателя. То, что эльфы его родного мира называли «свет души» — нечто, что содержалось в самой глубине их сути, а также в душах некоторых других существ и в ряде артефактов. Иногда, путём изощрённых ритуалов, жрецам и магам дарко удавалось вытащить эту суть, материализовав её в виде «зерна света» — мизерной по размеру, матово переливающейся крупинки. Даже пылинки, если честно. Но эта пылинка обладала свойствами потрясающего по мощности (для своего размера) источника Силы. Ходили слухи, что собравший напёрсток такой пыли сможет менять ход светил на небе, вот только в распоряжении дарко были считанные единицы таких крупинок. Сейчас Квирт при помощи вручённого Артасом артефакта добывал те самые пылинки света души из всего, что мог найти, в первую очередь — из деревьев, в которых спали дриады. Собственно, в качестве приоритетной цели именно их и назначил загадочный покровитель. Возможно, проникнув внутрь одного из брошенных эльфийских посёлков, можно было заполнить накопитель гораздо быстрее, путём потрошения оставшихся артефактов, но...

Кстати, одним из развлечений Квирта были попытки угадать — зачем его заказчику зёрна света? Нет, понятно, источник мощи впечатляющий, но зачем он тому, кто называет себя богом? Хотя как раз в это дарко не верил. И попытки угадать то, кем является покровитель, были другим из немногих доступных развлечений. Не смертный, но вроде бы и не бог, не демон, не аватар — загадочное существо, как ни крути. И достаточно злобное, как успел убедиться сборщик душ. По крайней мере — склонное к злобным шуточкам и издевательским выходкам в адрес подчинённых. Скорее бы заполнить кристалл и получить свободу!

Квирт не верил своим глазам. Отправившись в одиночестве на разведку, он сначала услышал шум — кто-то ломился через лес. Дарко бесшумной тенью скользнул к источнику беспокойства. Взобравшись на дерево, он увидел парочку пещерных dwarфов в полном боевом облачении (что они делают в лесу?!) и с ними — человека в эльфийском плаще. Человек безучастно сидел на какой-то коряге, безвольно свесив руки между колен. Тёмный эльф заинтересовался — может, из чего-то из эльфийского снаряжения странного человека удастся извлечь хоть самую малую толику требуемой силы? Квирт вынул кристаллическую пластину-распознаватель, навёл её на человека — и чуть не свалился на землю. Артефакт показывал наличие у смертного кристалла такого размера, какой ни разу не встречался ни у одного из эльфийских архимагов!

Переведя дух, тёмный эльф всмотрелся повнимательнее в свою будущую добычу. Похоже, человек, являясь носителем "зерна света", не имеет или почти не имеет доступа к его силе. Ну что ж, неважно. Три выстрела — и он сможет пополнить поглотитель едва ли не на десятую часть ёмкости, а то и больше! Дарко плавно потянулся за луком. Рассмотрев, что человек тоже претендует на звание лучника, он выбрал именно его первой мишенью.

Внезапно смертный вздрогнул всем телом и, двигаясь едва ли не быстрее, чем тренированный воин-дарко, выхватил своё оружие, наложил стрелу и выстрелил в Квирта! Едва ли на малую долю мгновения позже, чем отпустил тетиву сам удивлённый тёмный эльф. Дарко резко отклонился в сторону, но прилетевшая стрела резанула самый кончик правого уха. Послышался странный звук, и всю правую половину головы охватил пылающий пузырь боли. Квирт спрыгнул с дерева и, зажимая рукой рану, на максимально доступной скорости устремился в чащу.

Далеко он, впрочем, не убежал — боль в ухе была просто невероятная. Промчавшись около сотни метров, тёмный эльф опустился на землю за каким-то толстым деревом и вытащил зеркальце.

— Ааа, ссожги тебя свет, хуманс!

Больше половины уха попросту не было, висели мерзкие ошмётки, а остаток хряща приобрёл странный и пугающий оттенок. Злобно выругавшись, дарко вытащил свой бритвенно острый нож и, шипя сквозь клыки, срезал поражённую часть тела. Настроение было отвратительное — теперь придётся дня три отращивать, это если не ускорять регенерацию магией. Квирт наложил на рану заклинание, которое должно было остановить кровь. Никакого эффекта.

Раненый занервничал. Он призвал сращение плоти — заклинание, способное затянуть рану от ампутации руки, не то что уха. Правда, регенерировать потом труднее. Заклинание явственным образом сработало, но никаких внешних проявлений не было. Квирт, уже не на шутку удивлённый и испуганный, задействовал все заклинания, какие могли пригодиться

хоть в теории, включая изгнание яда, несмотря на то, что именно отравы он в крови и не ощущал. Что-то из всего этого помогло: тупая боль, охватившая большую часть головы, ослабла, из раны выдавилась и упала на траву лужица какой-то серебристой, слабо светящейся субстанции. И кровотечение утихло, хоть и не прекратилось. Вообще, крови потеряно уже слишком много. Дарко, стиснув зубы, опять повторил весь лечебный комплекс. Кровотечение, наконец, остановилось, рана схватилась корочкой. Зато от резерва магии осталось всего ничего. На сколько-то серьёзный бой не хватит, а неведомый противник показал, что голыми когтями его не возьмёшь. Ладно, придётся вернуться к своему отряду и устраивать погоню по всем правилам. Такую добычу упускать не хочется, а тем более нельзя прощать такое оскорбление! Ладно, всё равно уже рассвело, день отдохнуть — и в погоню!

Я решил, что если фэнтезийные рассказы о характере тёмных эльфов хотя бы на десять процентов соответствуют истине, то нас в ближайшее время ждут большие неприятности. Надо убираться как можно быстрее.

Насчёт кратчайшей дороги к тракту это я погорячился. Рельеф местности здесь был примерно такой, как на Логойщине — отдельно стоящие и собирающиеся в гряды холмы высотой от ста до двухсот двадцати — двухсот пятидесяти метров. Большинство склонов были пологими, но встречались и обрывы высотой от двух-трёх до полусотни метров и более. Приходилось идти эдаким зигзагом: по гребню холма или гряды до удобного места для того, чтобы перескочить на соседний гребень. То есть большую часть времени мы бежали почти параллельно тракту, под углом от силы градусов десять к нему.

В тот день, когда я пришёл в себя, мы с двурвами, подгоняемые умеренной озабоченностью и поддерживаемые моим полностью восстановившимся энергозапасом, прошли километров тридцать пять. К тракту при этом приблизились на двенадцать-пятнадцать. Весь день мой радар периодически указывал на опасность или врагов, но это было не то. Несколько десятков представителей мелкой нечисти и нежити, две крупные и три мелкие группы гоблинов, одна такая тварь, какая сидела в кустах около точки моего переноса. Мы не отвлекались на них, стараясь пройти с минимальным отклонением от выбранного курса.

Я знал, что ночью у нашего противника окажется явное преимущество, и он попытается догнать нас. Правда, у тёмного эльфа будут две задачи: во-первых, обнаружить, а уже во-вторых — ловить. Но если учесть, что дроу, или трау, или как его ни назови, может развивать скорость километров тридцать-сорок в час, и это по пересечённой местности, то шансы у него есть. Поэтому на ночь костёр, на котором готовили довольно скромный ужин, засыпали песком и накрыли дёрном. Я расставил все известные мне сигнальные и охранные контуры, не только магические, но и чисто механические растяжки.

Тем не менее, ночь прошла сравнительно спокойно. Наутро мы несколько расслабились и сбавили темп. Однако уже через полтора часа после выхода мы, поднимаясь по голому длинному и пологому склону очередного холма, увидели на оставленной нами гряде группу из десятка орков. Если я ещё мог бы надеяться на свой плащ, то двурвов заметить было гораздо проще — их и заметили. Нам оставалось буквально сотню метров до гребня, но на этой сотне нас и обнаружили. Эх, ноги-ноги, унесите всё остальное. Уж который раз...

Не унесли. Нас зажали вскоре после полудня. Точнее сказать, мы позволили себя зажать

именно в этом месте. Просто это было самое удобное место для того, чтобы встать в осаду в окрестностях, а сбегать шансов не представлялось — на близких дистанциях орки значительно превосходят двурвов в скорости. Мы засели в седловине на вершухе очередного холма. Ямка образовалась, видимо, как результат обрушения карстовой пещеры. С одной своей стороны холм заканчивался крутым обрывом высотой с десятиэтажку, делая эту сторону практически безопасной. Единственный вход в наше логово располагался на противоположном склоне и представлял собой узкий карниз, последние метров пятьдесят которого прекрасно простреливались из-за глыб известняка, валявшихся на вершине. С севера склоны сходились на внушительной скале, если бы враги забрались на неё, то оказались бы метрах в пятнадцати над нами — на голой округлой макушке площадью с кухонный стол. С южного края котловины, где мы и засели, был полого уходящий вниз гребень, который отделялся от нашей воронки обрывчиком метра два.

Короче говоря, пять орков, сунувшихся было по тропинке и улетевших вниз со стрелой в каждой тушке, объяснили сородичам, что тут шансов нет. Когда преследователи пытались вскарабкаться на гребень, чтобы штурмовать нас с юга — мы внимательно понаблюдали за этим процессом, двурвы даже что-то вроде тотализатора устроили. Потом два подстреленных штурмовика по дороге вниз снесли ещё по три-четыре коллеги каждый. Этот намёк тоже был воспринят правильно, клыкастики растянулись цепью вдоль обоих склонов и стали ждать. Видимо — начальство, или подкрепление. Думаю, они начнут развлечение на закате. Исходя из этого, я выставил парочку приключенцев в караул с наказом: «Не маленькие, сами разберётесь» и завалился вздремнуть. Потому как ночь, по всем приметам, обещала быть активной и насыщенной.

Добравшись до отряда подчинённых ему орков, Квирт, всю дорогу «накручивавший» себя мыслями о позоре и мести, шипел и булькал, как котелок. Первый же орк, нагло и непочтительно уставившийся на голову дарко, поплатился за это разрубленным горлом. Вызванный в палатку тёмного эльфа через десяток минут командир орков вошёл, не поднимая глаз от пола.

— Что, морда, брезгуешь на меня смотреть?

— Нет, просто боюсь...

Этот ответ, как и рассчитывал зеленокожий, польстил чернокожему ушастому мучителю.

— Так, ставлю задачу. Карту читать ты иногда умеешь, так что иди сюда. Всем отрядом выдвигаетесь вот на это место. Берёте след — там человек и два двурва, натопчут прилично. И идёте по этому следу. Если вы, тупые твари, след потеряете — рассыпаетесь цепью и двигаетесь таким вот, смотри и не отвлекайся, образом. Пока не найдёте след или дичь. Догоните — не дайте уйти и шлите ко мне гонца. Если не пришлёте — ночью я вас сам найду. Всё, брысь отсюда!

В первый день погоня не увенчалась успехом, орки трижды теряли след на камнях и в ручьях, но каждый раз находили его и клялись, что двурвы уже близко. Квирт, потративший днём немало сил на лечение, сделал в эту ночь пару коротких вылазок, но ничего не нашёл. Утром он опять выгнал отряд по следу, оставшись на месте ночёвки для отдыха: яркое солнце доставляло ему физическое мучение.

Сразу после обеда к дарко прибежал орк-посыльный.

— Догнали! Загнали на гору и окружили.

— Ага, всё-таки успели в этом году, — ядовито откомментировал тёмный, старательно скрывая злорадство при мысли, что скоро сможет добраться до обидчика и, одновременно, до изрядного запаса возделенного ресурса.

— Только, там, это... — замялся орк.

Дарко увидел на его морде уже привычный страх и, впервые, уважение к своему начальнику.

— Будешь сопли жевать — прибью гвоздями к дереву.

— Там, командир, не человек вроде третий.

— А кто ж ещё?!

— Похоже, что Страж...

— Какой ещё страж? Что это такое?!

На клыкастой морде отобразилось огромное удивление.

— Ну, Страж Грани, их все знают...

— Я не знаю. Что за тварь такая, откуда берётся?

— Ну, это клан такой у людей, очень особенные бойцы, и всегда в самом важном месте влезают.

— Так всё же, значит, люди?! Прибью сейчас, чтоб голову не морочил!

— Эт не люди, эт смерть! Командир!

— Это Я — смерть! Что ещё?!

— А ты, это... После Его стрелы выжил? Это страж в тебя попал? Мы там нашли стрелу без наконечника и следы их металла, но не думали...

— Думать вы, и правда, не умеете! — от напоминания о неприятностях хорошее настроение резко начало портиться.

— И ты ещё живой?! — такое искреннее изумление и уважение, какое прозвучало в голосе орка (вроде бы ученик шамана, припомнил Квирт), проняло даже дарко.

— Как видишь, а что?

Орк низко поклонился.

— Ты очень сильный шаман, однако! Сильный-сильный! Урук, которому такая стрела в ухо попадает, умирает очень быстро. Если ухо отрежет сразу — всё равно умирает, ни один шаман помочь не успеет.

Квирт почувствовал, как ледяные паучки промаршировали по хребту и собрались кольцом вокруг пояса.

— Ты, командир, с ним может даже и справишься. Идём, а то он уже семь воинов убил и четверых ранил...

Пару-тройку часов орки не проявляли никакой активности. Один раз имитировали намерение атаковать по карнизу, пару раз пытались стрелять из луков — даже не смешно, у них и на ровном месте дальнобойность почти вдвое меньше моей. При стрельбе снизу вверх всё было и вовсе грустно. Я даже не хотел отстреливаться — думал, пусть тратят боеприпасы сейчас и без толку, чем позже и осмысленно. Правда, когда зелёные минут через десять стрельбу прекратили, парочку подстрелил, в воспитательных целях. А нечего мне руками всякие гадости показывать!

Под шумок орки утащили несколько тел, и через четверть часа от их временного стойбища потянулись три струйки дыма, слишком хлипкие для погребального костра, а вот для костра, на котором обед готовится — в самый раз. Да уж...

А кстати, что там у нас с обедом? Орденские кирпичи давно кончились, стало быть — крупа, котелок, вода, пару полосок сушёного мяса каждому. Ещё бы дрова были — можно бы и сварить. Ну, сами виноваты, решили, что лишний груз. Хе, у меня же ещё где-то на дне мешка несколько галет лежат, которые нас в первые мои дни в этом мире выручали. Вот и ладненько, вот и сытненько.

Одновременно с тем, как я первый раз откусил от галеты, орки резко оживились. Мои представления об их злокозненности не заходили так далеко, чтоб заподозрить в сознательном намерении испортить мой обед. Значит, начальство прибыло. Интересно, данный экземпляр тёмного эльфа днём насколько боеспособен? Следующий час показал, что не очень. Рядовой состав активизировался, даже попытались вскарабкаться на утёс с северной стороны. Если бы при этом не орали — могли бы и подкрасться, хоть и не наверняка. Я на всякий случай тоже залез на верхушку — благо, с моей стороны подъём был проще. Даже угадывалось какое-то подобие ступенек, а на верхушке, кстати сказать, известняк хранил следы давнишнего огня. В принципе — неплохое место для сигнального костра, если по просёлку, огибающему холм снизу, когда-то было более интенсивное движение. Так вот, залез я наверх, выглянул аккуратно за край. Трёх камней и одной молнии хватило, чтоб имитация атаки методом альпинизма прекратилась.

Чуть ближе к вечеру была попытка атаковать вдоль карниза, прикрывшись наспех сколоченными из сырых колотых досок щитами. Вы не пробовали выстроить пародию на «черепашу» на тропе, шириною не более двух метров, когда справа — стена, а слева — пропасть? Вот-вот... нет, метров пять орки ухитрялись даже почти надёжно прикрываться своими столярными антишедеврами, но потом... Кто-то споткнулся, кто-то шагнул шире, кто-то наоборот — щелей было, выбирай — не хочу. Ну и выбрал. Жаль, стрел из стражбего сплава было всего четыре штуки в качестве неприкосновенного запаса. Стоп, уже три! На дроу одну потратил. Пришлось прострелить ногу щитоносца обычной сталью. Кстати, охотничья стрела из карсиала без наконечника вполне пробивает глаз орку, с сорока метров — так с гарантией. И кожу на шее — тоже...

Прибыв в лагерь осаждающих холм подчинённых, Квирт Луоррентан застал почти идиллическую картину: палатки, костры, над которыми жарятся три какие-то туши, сидящие в тенёчке сотник с приближёнными. Вот вояки, жабу им в жёны!

Дарко быстро нашёл всем занятие. В первую очередь, организовал пару атак с целью оценить позицию врагов и их возможности. Да уж, попробовать завалить трупами можно, но потом что делать? Да и нет гарантии, всё зависит от скорострельности этого непонятного Стража. Кстати, эта сволочь продолжает издеваться. Двое воинов во время последней атаки были убиты простыми охотничьими стрелами без наконечников и с оперением из каких-то листьев! Как ещё это понимать, кроме как в качестве знака, что орки для него даже не враги, а так, мелкая дичь?! Между прочим, вполне себе в тёмноэльфийском духе шуточка, от этого она ещё обиднее и оскорбительней.

Решено — надо дождаться темноты, отвлечь внимание атакой орков со всех сторон и, прикрываясь ими, за счёт преимущества в скорости проскочить на вершину. И быстренько вырезать всех троих при помощи клинков и боевой магии дарко. Да, банально и предсказуемо, а куда деваться? Можно попробовать вскарабкаться по скале (тихо, в отличие от орков) и пострелять всех сверху — но сам Квирт обязательно бы посадил на верхушке часового или сторожевое заклинание. Тем более что магией кто-то явно владеет — одного

из орков молнией сшибли.

Кстати, неплохо бы расспросить местных подробнее про то, что за тварь такая — Страж. В частности — что он может из магии...

Остаток дня прошёл ожидаемо спокойно. Орки суетились вниз, не слишком напрягаясь при этом. И было их заметно меньше чем раньше. Остальные или отдыхали перед штурмом, или готовили какую-то гадость. С наступлением вечера, часиков в девять по внутренним часам, началось шевеление. Во-первых, на сравнительно пологом склоне появилась шайка орков, голов сорок, с огромными ростовыми щитами всё из тех же сырых свежих колотых досок. Они шли не торопясь, тщательно закрывшись со всех сторон, пару раз останавливаясь отдохнуть после особенно трудных участков. Интересно, а зачем за пределами дальности моей стрельбы черепаху строить-то? Что-то тут нечисто. Оставив Драуна следить за спектаклем, я отправил Гролина осмотреться с верхушки скалы. Кстати говоря, он взбежал туда заметно быстрее, чем я. А что хотеть — дитя гор...

Сам я направился к карнизу. И вовремя — орки атаковали плотным строем и почти тихо. Во всяком случае, без воплей и грохота, хотя и топота их грубой обуви по твёрдой тропе, лязга амуниции было достаточно, чтоб услышать атаку даже в полной темноте метров за сто, а то и больше. Мне пришлось проявить всю свою скорострельность, даже уйти в ускоренный режим. Именно благодаря этому я смог увидеть быструю тёмную тень, пытавшуюся проскочить за спинами орков. Я выстрелил с упреждением — мимо! Это с заклинаниями на скорость снаряда и точность! Второй выстрел — тоже промах! Роняю передового орка под ноги неведомому врагу, заставив замешкаться, третий выстрел — почти попал, но именно что почти! Трау, а это мог быть только он, извернулся и бросился вниз по тропе. Стрела или застряла в скатке у него на спине, или прошла впритирку к телу. Может, и зацепил слегка — но уверенности нет.

Орки, штурмовавшие в лоб, откатились, оставив на тропе около десятка трупов, изрядно её загромоздивших. Клоунов со щитами я угостил морозным облаком, а когда попавшие в эпицентр невезучие бойцы стали падать вместе с полопавшимися от мороза щитами, швырнул в пролом образовавшийся в качестве побочного продукта огненный шар. Рвануло, взвыло, заверещало, и я тут же вернулся к карнизу, оставив охрану тыла на двурва.

С этого момента начались кошки-мышки по самым высоким ставкам. Дарко пытался, высунувшись из-за поворота бросить в нас какой-нибудь пакостью, но быстро понял, что мне выстрелить по пристрелянной точке быстрее, чем ему сначала найти цель, потом прицелиться и, наконец, выстрелить. Но мне приходилось всё время быть в ускоренном режиме восприятия мира. Сколько там мой рекорд, пятнадцать минут? Есть соблазн на минутку выйти из боевого транса, передохнуть. Но тут та ситуация, когда ударение в слове «передохнуть» может очень быстро перескочить с «у» на «о» при малейшей оплошности.

Пару раз удалось угадать планы противника. Например, когда на карнизе наступила внезапная тишина, я как кот на дерево взлетел на скалу и ухитрился поймать «кошку», которую кое-кто метнул снизу. Правда, ответным ходом меня чуть не сдёрнули с этой самой скалы, пришлось бросить трофей. Потом, учуяв шепуршание на тропинке, я бросил туда, к повороту, заморозку. Облако достало кого-то за скалой, послышался звук падения, какой-то лязг. Заклинание имело и побочный эффект — дреу, похоже, пытался проскользнуть под заклинанием из серии «шапка-невидимка», но поскользнулся на образовавшейся вследствие моего эксперимента ледяной корочке. Для меня это выглядело так: взвыл сигнал опасности,

на тропинке возник из воздуха улетающий вниз силуэт, энергичный, но неразборчивый возглас...

После этого я рискнул снять ускорение, и так сорок минут держал. Взамен я усилил чувствительность радара и чувства опасности. Вдохнул, оценив состояние резерва маны, и полез в карман за кофейными зёрнами. Приморозил ещё кусок тропы, швырнул «лишнюю» энергию в противоположном направлении — и подсветить, и для острастки. Эх, научиться бы её использовать для пополнения запаса!

А ведь грустно, господа гусары! Ночь — время тёмного эльфа. Он останется бодр и полон сил, в то время как нам будет всё труднее сохранять бодрость и полную бдительность. Нет, уснуть на посту ни мне, ни двурвам не грозит, но уровень внимания неизбежно упадёт. К тому же моего резерва, даже если не будет особо массированных атак, хватит часиков до четырёх утра, максимум — до пяти. А потом что? Жаль, что кавалерию из-за холма ждать не приходится...

Что-то зашуршало на обрыве, с самой неудобной для штурма стороны. Я скользнул в ускоренный режим (мало мне рекорда в сорок минут с лишком!) и шваркнул на звук молнией. Судя по всему, промазал — а значит, дарко уже очухался, змей чернокожий. Опаньки, а это что такое? Глюки, или работа заклинания, воздействующего на восприятие? Или и правда из-за соседнего холмика выбрался какой-то шальной одиночный рыцарь? Нет, это вряд ли: уже стемнело, а это явление я различаю вполне отчётливо метров с четырёхсот. Ну, дроу, ну, зараза! Кастанул-таки на меня какую-то гадость!

Пока я размышлял, глюк, не говоря ни слова, что для миража не удивительно, начал разгонять своего коня по направлению к лагерю болтающихся у подножия орков, одновременно опуская копьё. Вокруг наконечника оружия начал разгораться белый ореол. Нет, не так. Я понял, что этот всадник весь еле заметно светится изнутри. Хм, что-то это мне напоминает?.. Точнее, кого-то, ранее встреченного в этом мире. Тем временем этот не то глюк, не то паладин, двигаясь с моей точки зрения несколько замедленно, как под водой (но не как муха в смоле, в отличие от орков), вышел на финишную прямую. Ореол вокруг наконечника лэнса расширился, отделился от оружия...

Представьте себе скоростной железнодорожный состав, наподобие тех, что носятся по железным дорогам старушки Европы, разгоняясь до трёхсот и более километров. Точнее, форму головного вагона. Вот что-то подобное соткалось из света, нет, из Света, перед паладином. И этот светящийся мощью не то первостихии, не то какого-то божества призрачный экспресс надвигался на толпу моих противников на скорости километров сорок в час. Зеленошкурые в массе своей только-только начали реагировать на новый объект. Кстати, именно поведение противников (а дозорные потянулись к кустам уже давно; точнее, это для меня «потянулись», а так — достаточно резво порскнули) убедило меня в реальности всадника. Орки частью пытались разбежаться, частью — построить «ежа». Некоторые начали стрелять в паладина. Кстати, насчёт стрелять — часть орков начала убегать в сторону, противоположную новой угрозе, а стало быть, ближе ко мне. И скоро они войдут в зону прицельного огня (вот только огня-то и не будет, ещё одно словечко, от которого надо избавляться, местные не поймут).

И вот этот призрачный локомотив прошёл через боевые порядки моих преследователей, как настоящий поезд мог бы пройти сквозь шалаш, построенный на путях. Тушки весом около центнера (а с доспехами и оружием — заведомо больше оно) разлетались в стороны,

как вороны. Впечатлило, я даже на какое-то время перестал отстреливать цели в зоне досягаемости. Так, а вот стрелять в спину моему союзнику, да ещё из арбалета — не позволю! Паладин проскочил мимо холма и начал разворачиваться. За какую-то минуту поголовье осаждающих уменьшилось минимум вдвое (только я пристрелил не меньше дюжины). На месте командира орков я бы начал делать ноги...

— Сожги меня сссвет! — послышалось откуда-то с южного склона, почти из-под самого бруствера.

Еще при первых звуках голоса я начал формировать копьё света, а к концу фразы, произнесённой кем-то, движущимся ничуть не медленнее меня, бросил заклинание. «Как пожелаете», — подумалось мне. Сияющий столб ударил во что-то, похожее на жидкое тёмное зеркало. Венчик молний впился в «раму» того, что я определил для себя как портал, а собственно свет вонзился в мерцающее полотнище, сминая его с влажным хрустом. Портал схлопнулся одновременно с тем, как погас свет от заклинания. Не знаю, успел дарко проскочить его или нет.

И позже, гораздо позже, ко мне пришёл вопрос: а почему я, собственно, понял эту фразу про свет? Или почему он говорил на понятном мне языке? И на каком из них?

А пока меня заботили более насущные дела. С уходом тёмного начальства рисунок боя резко сломался. Я с облегчением выскользнул из ускоренного режима, а орки с не меньшим облегчением начали разбегаться, видимо, в расчете на то, что паладин не станет носиться по тёмному полю, рискуя переломать ноги коню. Правильно рассчитывали. Прибыв ещё парочку зелёных, болтавшихся на склоне, я кликнул двурвов и начал осторожно спускаться вниз, к дороге.

Всадник, подняв копьё вверх, подъехал ко мне, поднимая забрало. Так это же барон!

— Барон ван Дрын?! Очень, очень рад Вас видеть!

— Я же говорил, что ещё встретимся! — прогудело из шлема. — А что эти твари от вас хотели?

— Они-то, может, и ничего, а вот их начальство.... Впрочем, это история длинная, по дороге расскажу. Ведь нам, надеюсь, по пути?

Думаю, если бы и не по пути было, то барон всё равно бы изменил маршрут, чтоб послушать обещающую быть интересной историю. Кстати, и ему этот бой дался далеко не так просто, как казалось издали. Сияние переполнявшей его при первой встрече Силы заметно потускнело, плащ на спине оказался разорван, доспех на плече оцарапан (видимо, арбалетным болтом), и сам паладин выглядел уставшим.

Пока мы брели по направлению к ближайшей деревушке и рассказывали о своих похождениях (Драун заливался соловьём, живописуя свои подвиги, Гролин периодически хмыканьем или парой едких слов сбивал пафос), я размышлял над своим спасением. А появление барона именно таким и было. Если ещё учесть момент прихода этой помощи, сразу после того, как я подумал о «кавалерии из-за холмов» — ох и «рояль» же получается! Не в смысле чего-то королевского, и не одноимённый знаменитый в наших краях спирт, а тот, что случайно находится в кустах, у плохих или ленивых авторов — так под каждым. С другой стороны, вспоминая уж навязший в зубах пример, эскадренный бой в Жёлтом море — там два роскошных, лакированных концертных «Стейнвея» даже не в кустах, а в зарослях незабудок. Имею в виду чудесное и случайное спасение одного адмирала в противовес глупой и противоестественной гибели другого, что резко, на сто восемьдесят градусов, развернуло исход боя, а заодно и всю историю той войны. Так что — хватает в истории

«роялей» и похлеще, стало быть — принимаем явление барона как должное. Потом, в разговоре, уточнить надо бы, как его сюда занесло, но не столь это и важно.

Тем более что вдали уже показалась спящая деревушка. Три часа ночи, почему бы им и не спать-то?

Ван Дрын, хоть и паладин, то есть — лицо в какой-то степени духовное (в моём представлении), не страдал излишней скромностью. И не излишней — тоже, но к голосу разума и совести прислушивался. Может, это слишком нагло так вот о своём голосе, но от идеи разбудить всех, поставить всё на уши и тут же организовать: баню, ужин, ночлег, подготовку транспорта в Резань и гонцов в Роулинг и далее, прочёсывание местности, сбор трупов и трофеев на месте боя и что-то там ещё я барона отговорил, хоть и не сразу. Ограничились тем, что разбудили корчмаря (заведение в виде комнатки площадью метров пятнадцать) и старосту. Кстати, это опять оказались братья, на сей раз — родные. Да уж, тесная связь бизнеса и власти, наверное, один из фундаментальных законов природы и общества.

Паладин тихим, но внушительным баском рокотал что-то впечатляющее старосте, который то бледнел, то краснел, то закатывал глаза (если не косился в этот момент на меня). Видимо — внушал список задач на завтра и внедрял в голову представителя власти представление о степени ответственности этих самых поручений. Корчмарь тем временем растолкал страшноватую и явственно похожую на него девицу с распущенными на ночь пегими волосами, которые та, недовольно зевая, скручивала на ходу в довольно небрежный хвост. Накинув прямо на льняную ночнушку жилетку из шкуры, пошитую мехом внутрь, она скрылась в дверях кухонной пристройки, откуда вскоре донёсся протяжный грохот и неразборчивое бормотание явно матерной интонации. Ну да ладно, надеюсь, обед, он же ужин (и уже, пожалуй, ранний завтрак) несмотря ни на что нам дадут.

Я во время всей этой суматохи сидел тихонько на лавочке в углу, прикинувшись ветошью, жевал, чтоб не заснуть, кофейное зёрнышко и размышлял о своём. Вопреки уже сложившейся традиции — не о последнем бое и своих действиях. Я подверг разбору свои мысли. В частности, как я на автомате думал и пару раз, вроде бы, даже сказал вслух о зоне действия своего оружия? «Дальность огня», «в зоне огня», «открыли огонь» и прочее. Это в отношении луков-то! Ладно бы у нас, на Земле — сошло бы за небольшую стилистическую погрешность, но здесь! В мире, где просто нет огнестрельного оружия как такового! Ладно, двурвам проехал по ушам версией о том, что это я имел в виду магию, а потом задурил голову рассуждениями о том, из чего «сделан» огонь, что такое молния, почему её называют «небесным огнём» и насколько это верно, что такое болотные огоньки, после чего плавно съехал на поиск кладов, каковой поворот и вовсе выбил из голов моих спутников всякие мысли о первоначальной теме разговора. Но мало ли, где и когда я могу это ляпнуть ещё! Мало мне было того «мужика» на пороге храма моего «шефа»?

Например, мои рассуждения о наконечниках из «обыкновенной стали». Да, разумеется, в сопоставлении со стражым сплавом такое выражение ещё может прокатить, хоть и со скрипом. А в отрыве от такого сравнения? То-то сельский кузнец, которому я лоб шгопал, так странно косился на меня, услышав заказ. Для подавляющего большинства моих современников сталь и железо — синонимы, но ведь это совсем не так! Ладно бы еще, какой дремучий гуманитарий себе такое позволил, но я-то знаю, чем они отличаются! Более того, я ещё и учил это всё, — мартенсит, аустенит и прочее, маркировки сталей, их химический состав и сортамент... Так вот, для «наших» разницы нет, а в средневековом обществе и железный инструмент далеко не каждый себе мог позволить. Стальные доспехи только

обеспеченные дворяне носили, остальные железными обходились, а кое-кто так и бронзой.

Следить, следить надо за языком и за мыслями тоже! Вот обратный пример — я всё уточняю, что, мол, стрела с таким-то наконечником, а зря. Местные говорят проще — стрела железная, костяная, и так далее. И никому в голову не придёт подумать, что там древко из железа сделано. Оно и понятно, у нас так же точно говорят «бронбойный патрон», и редкий зануда скажет, если того не требуют особые обстоятельства, что-то типа «патрон калибра 7,62 мм с гильзой длиной пятьдесят четыре миллиметра с пулей с бронбойным сердечником и самовоспламеняющимся фосфорным донцем» вместо «бронбойно-трассирующий патрон». А то и просто «трассер для СВД». Надо и мне быть проще в этом отношении, но за языком следить!

На этой дидактической ноте мои размышления были прерваны подошедшим к столику бароном без баронства.

— А почему ещё не ешь? — спросил он.

— Потому что нечего, — констатировал я очевидное.

— Так, сейчас я там их пошевелю!

— Стой! — я накрыл ладонью руку Ольгерда. — Не устраивай суеты. Если она с перепугу котелок уронит — вообще без горячего останемся. Без нервотрёпки у неё быстрее получится, а главное — вкуснее.

— Думаешь?

— Уверен. Расскажи лучше пока, о чём с местной властью договорился?

— А, — барон махнул рукой. — Бани нам не будет. Точнее, сейчас не будет, только утром. Боятся идти — говорят, банник озорует.

— Проблем-то.... Если и правда завелось что-то, сходить шугануть, пять минут работы.

— Предлагал, — паладин скривился, как уксусу глотнул. — Говорят, жреца просили очистить, не помогло. Бред какой-то, короче говоря. Пустое суеверие. А этот, староста, бормочет, мол, кузнец тоже не верил, теперь вон чахнет, знахарка две дюжины дней ничего сделать не может.

— Ну, если кто-то на самом деле хочет жить, то знахари с ним не справятся, — выдал я слегка переделанный бородатый анекдот. Судя по довольному, но какому-то дежурному хохоту барона, тут эта шутка тоже известна. Неудивительно — она, наверное, ровесница медицины. — А жрец-то хоть настоящий был?

— А какой ещё?! — Ван Дрын выглядел искренне удивлённым. — Самозванцу бог так приложит, что ещё сто лет такого дурака не найдёшь.

Хм, и то верно, при наличии реально и ощутимо существующих в мире богов, а не религий и клиров, шутить с этими силами иначе как дуростью не назовёшь. Но, учитывая некоторые версии странного поведения жрецов в Роулинге и оговорки Арагорна, можно предположить кое-что странное, возможно, даже пугающее. Ладно, всё равно достоверных данных пока негусто, да и проблема не самая актуальная.

— Ладно, утром сходим, попаримся. Мне это ОЧЕНЬ нужно, пришлось по лесам побегать так, что на пять лет вперёд хватит.

— Ты же говорил, что сутки и половину дня только от «тёмного эльфа» убегали? Неужели так быстро выдохлись?

— Так мы ещё до того побегали. Считай, почти от самого Роулинга по лесу петлями да зигзагами...

— Ну-ка, ну-ка, а подробнее можно?

Эх, ну почему тут телевизора нет?! Казалось бы — дядька сам постоянно приключений себе ищет и находит, ему всякий «экшен» должен поперёк горла стоять — а поди ж ты! С другой стороны, то, что происходит с другими, всегда интереснее того, что делается дома. Опять же, если убегал — то у меня что-то пошло не так, а слушать про чужие неприятности всегда приятно, по крайней мере — большинству людей. Ну, и профессиональный интерес со счёта сбрасывать нельзя — вдруг ему придётся столкнуться с тем же самым, надо учесть мои ошибки и успехи. То есть — с любой стороны интересно, не отвертишься. Я вздохнул и начал:

— Началось это с того, что в одной таверне ко мне подошли два не слишком толковых помощника одного бога...

Я рассказывал со всеми «живописными» подробностями, про надкусанную жемчужину и про кумысную гранату, лишь бы замаскировать зияющие в рассказе прорехи. Я, разумеется, ни словом не упоминал о своём истинном происхождении, о встречах и посиделках у костра. Также я, на всякий случай, не стал говорить о настоящем задании — мало ли, вдруг изъятие мной амулета будет сочтено святотатством? Сказал, что мне поручили «посмотреть, что там творится».

В ходе рассказа та самая девица принесла какое-то рагу, да так и зависла рядом, приоткрыв рот. Корчмарь пришёл поторопить её — и тоже пристроился послушать. Короче, к концу рассказа откуда-то набралось человек пятнадцать. Опоздавшим шёпотом пересказывали «краткое содержание предыдущих серий» и шикали, чтоб не мешали. Короче, кинозал деревни Забубенино. Кстати, как деревня-то называется? Собственно, какая мне разница, главное, чтоб двурвы лишнего не лягнули. Про бубен я, кстати, сказал почти правду — что забросил на Грань и дальше. Иногда, мол, у Истинных Стражей такой фокус получается, но редко и с трудом. И это, вообще-то говоря, секрет. Не то, чтобы совсем, но болтать не надо.

Хорошо, что летом светает рано — к концу моего рассказа солнышко уже встало, и староста отправил людей топить баньку. Это ж пока ещё она протопится?! Спать же хочется, до одури. Корчмарь оказался человеком с понятиями, предложил подремать пару часиков, пока банька доходит. Белья, правда, не предложил.

Барон ван Дрын баню ждать явно не планировал — седлал коня, собираясь куда-то ехать. Но перед отъездом подошёл ко мне с отчасти неожиданным для меня вопросом:

— Я тут организовал караван за трофеями, и сам с ними прогуляюсь, чтоб не обидели ненароком. Так вот, делить будем как? В смысле — сам нас дождёшься, или?..

— Или. Не доверять паладину — глупость, тем более что я тебе должен за эту ночь, и много должен. Давай так — те, что с дыркой от стрелы или со следами от моей магии, пиши на меня, остальные — твои. Это по отчётности, что до трофеев... Что выделишь с «моих» трупов, то и ладно. Только барахло их мне без надобности, пристрой вместе с тем, что сам продавать будешь. Выручку пусть к двурвам в банк сдадут, сейчас найду пергамент со всей нужной информацией. Так нормально будет?

— Вполне.

Копаясь в рюкзаке в поисках банковских реквизитов и потом, по дороге к своей комнате, я думал о причинах меркантильности «святого человека». И понял — ничего удивительного, болтается по стране сам по себе, хорошо, если у своих заночевать получится, а если нет? Коня боевого содержать, опять же, удовольствие не из дешёвых. А чем кормиться, как не трофеями? Так что тут у него всё отработано и налажено, и ничего

удивительного в этом нет.

Что касается комнат — никакого второго этажа здесь, разумеется, не было. Пройдя по коридору, разделявшему дом на хозяйскую и торговую части, обнаружил ещё две двери. Одна вела, видимо, в кладовку, за второй скрывался закуток, из которого можно было попасть в три небольшие спальни. Хорошо, что три — и на двурвов хватит. Кстати, о птичках, увесистых таких, бородастых. Как-то они на себя не похожи, и в рассказ мой практически не лезли, обсуждали что-то тихо в сторонке. Даже про долю в трофеях не заикнулись, а это уже тревожный симптом. Я повернулся к неразлучной парочке:

— Выбирайте себе комнаты. Раз уж вы в отряде, то расходы на мне. И, кстати, об отряде. Вашу долю в трофеях определим, когда барон оценку произведёт.

Ребятки пожали плечами, переглянулись, буркнули что-то согласное и отправились вдвоём в одну комнатку. Ну и ладно, дело хозяйское. Войдя в комнату, я ещё раз задумался на тему своей адекватности миру. Я отнёсся спокойно, как к должному, что до бани мне белья чистого не дали — и правда, грязному в постель заваливаться неприлично даже. Но вот сам факт такого отношения со стороны местных — ну, никак оно со Средневековьем не соотносится! С нашим, с земным. Тогда и знатные люди, мнящие себя культурными, по году и больше не мылись (если под дождь не попадали), — и ничего, это считалось нормальным. Всё же здесь другой мир и другие нравы. И строй местный — скорее, псевдосредневековье, надо помнить об этом и делать постоянную поправку. Как бы не нарваться на очередные неприятности по этому поводу.

Подремав в полглаза («курей пас», как говорила про такой сон моя бабуля), я дождался баньки. Никогда не был особым любителем развлечений с парилкой, но отмыться в ней можно хорошо. Оставив двурвов, оказавшихся большими ценителями парной, доводить температуру в бане до близкой к кузнечному горну, я вернулся в свою комнатку и с удовольствием проспал до позднего обеда. То есть — часов до трёх, по моим ощущениям.

Под конец процесса моего кормления к столику подошёл местный староста. Он какое-то время мял в руках шапку, явно желая что-то спросить или, скорее, попросить меня о чём-то не слишком приятном. От обеда оставался только местный «чай» — скорее всего, травяной отвар. Учитывая, что редко кто из варщиков даёт себе труд подумать над тем, что кидает в котелок и, уж подавно, как травы сочетаются друг с другом — невелика потеря, скорее всего. Я попросил принести лучше квасу (тоже возможны варианты, надо сказать) и повернулся к старосте:

— И?

— Ну, тут такое дело... Наш хозяин, то есть — хозяин деревни, редко тут бывает...

— И что дальше? Найти и сделать замечание? Или просто сюда притащить?

Дядьку передёрнуло от одной только мысли, чтобы попросить о таком.

— Нет-нет, тут просто дело одно рассудить надо. Не то, чтоб сильно важное или, там, срочное, но очень надо.

— А я тут при чём? И почему барона не попросили?

— Ой, очень он грозный и сердитый. А вы же тоже можете, именем Ордена...

Вот уж новость так новость. Нет, в самом начале общения со Спутником что-то такое всплывало, но чтоб так вот...

— А сам что же? Неужели нет власти — судить и рядить? Ты ж староста, а не хвост собачий!

Староста немного замялся.

— Не справился вот... — и развёл руками с самым виноватым видом.

«Ну, не змогла я, не змогла», — вспомнилось мне ненароком. Да и вид у старосты был такой, как мог быть у той самой клячи.

— Что с вами поделаешь. Давайте вашу задачу... — связываться с лишней проблемой совсем не хотелось, но и ронять авторитет Ордена — тоже.

В комнатушку тут же стал набиваться народ.

— А что за дело-то? — спросил я у представителя власти.

— Наследство, — тяжело вздохнул тот. Да уж, я на его месте тоже не стал бы решение выносить — в любом случае обязательно найдётся кто-то, кто посчитает себя ущемлённым и обиженным. Тут прикрыться чужим авторитетом и свалить ответственность на кого-то постороннего, кто уедет и вряд ли вернётся — самое роскошное дело.

— Стоп! — крикнул я в сторону входа: в комнатку вломилось уже тел пятнадцать, и напор не ослабевал. Похоже, вся деревня решила втиснуться в «зал заседаний». — Входят только наследники!

— Так что, мне одной заходить? — громогласно спросила... эээ... тётка гренадёрских пропорций.

— Это мы как раз и выясняем. Все, кто считает себя наследниками — внутрь, остальные — брысь за дверь. Если кто-то понадобится, позовём. Староста, станьте-ка у двери, чтоб лишние не лезли.

В помещении остались, кроме меня и старосты, та самая гренадёрша с блёклым и, мягко говоря, некрупным мужичком, в глазах которого иногда мелькали лукавые чёртики, и парень лет двадцати. Именно «парень», а не мужчина, хоть взросление в этом мире, да ещё и на селе, должно бы наступать в более юном возрасте. Но было в нём что-то такое, в длинной и тощей нескладной фигуре, в обтёрханной, хоть и чистой, одежке.... Не заматерел он ещё, короче говоря. Ну и парочка двурвов на правах охраны, куда ж без них.

Тётка раскрыла было рот, но староста молча показал ей кулак. Та хмыкнула пренебрежительно, но всё же вняла предупреждению.

— Завещание есть? — начал я опрос участников процесса.

— Да чего там только нету, может, и это тоже лежит где-то, — изрекла тётка.

— Я спрашиваю — последняя воля покойного была?

— Конечно, была! Сколько раз, бывалоча, говаривал, что всё, мол, что ни имею — тебе, Зираина, оставляю, вот как сейчас помню... — староста выразительно хмыкнул, тётка умолкла на полуслове.

— Свидетели этого есть? — дело начало проясняться. Или так только кажется?

— Какие ещё свидетели?!

— Кто-то ещё слышал это и может подтвердить?

— Что значит «подтвердить»?! Я — женщина честная, положительная, вон, хоть кого спроси, хоть мужа моего! Ишь, проверять меня надо, а?! Да я...

— Ясно, свидетелей нет.

— Нету... — как-то сразу сдулась скандалистка.

— Тогда так, — продолжил я, — сперва определим, чьё наследство делим.

— Моё, конечно! — тут же заявила тётка.

— Я спрашиваю — кто наследодатель?

—?! — молча ответили мне четыре пары глаз.

— Кому имущество принадлежало до этого?

— Мне и принадлежало, по справедливости!

Тётка начала меня доставать. Главное, никто и рот не успевает открыть, как она уже глушит.

— До того, как это стало наследством — кому принадлежало?!

— Так понятное дело, покойничку...

— И кто у вас умер?

— У нас?! — удивилась тётка. — А что, у нас кто-то умер?! — спросила она у мужичка рядом.

Уфффф... если осталось наследство — то явно ведь кто-то умер, или я чего-то не понимаю?! Я так и попытался ответить:

— Ну, разумеется...

Тут тётка перебила меня воплем:

— Кто?! Когда?! Марик, у нас кто-то умееееер! — она попыталась пасть на грудь своему мужу, который был чуть ли не вдвое меньше неё ростом. Забавное было бы зрелище, если бы настроение у меня было получше. Староста всё это время страдальчески возводил очи горе и молчал.

— Цыц! Всем молчать! Отвечать, только когда спрашиваю, и только тому, кого спрашиваю! Пока не разрешу — рот не открывать! — гаркнул я.

— Староста, сам-то знаешь, что и чьё делим?

— Хутор... — не кисло, однако. Хотя... тут многое зависит от того, какой хутор и где расположен.

— Кому принадлежал раньше — я старосту спрашиваю! — пресёк я попытку тётки опять ляпнуть что-то на своей волне.

— Селиму Полуногу, — изрёк дядька и замолчал, будто сообщил всё, что нужно. Вот как тут не зарычать?! Местные знают всё и про всех, часто больше, чем человек сам о себе подозревает. И по умолчанию считают, что все вокруг знают то же самое. Но мне-то ничегошеньки из местных реалий неведомо!

— И кем он был? Стоп! — тут же поправился я. — Не так. Кем он приходился наследникам? У кого степень родства ближе?

Староста старательно зашевелил губами, глядя в потолок и загибая пальцы, пару раз выглядывал в коридор за консультациями и, наконец, пришёл к выводу:

— Так, одинаковая... Она, стало быть, через Селимова деда родня, а он, наоборот, через бабку евойную. Она его деда свояку...

— Стоп! Без подробностей. Придётся делить поровну, раз так.

Тётка попыталась возмутиться. Я, как раньше староста (как же его зовут-то?), показал ей кулак, только на моём потрескивали небольшие разряды наполовину сформированной молнии. Подействовало.

— Где хутор находится?

И тут мне стало плохо.... Оказывается, до того имущества больше недели на наш счёт добираться — если верхами и налегке. А если с обозом, с имуществом, для вступления в наследство, то и вовсе грустно становится. С перепугу мозг заработал в поисках альтернативных путей решения проблемы, и кое-что начало наклёвываться. Прежде всего, определить реальную ценность имущества, потом — выяснить, кому и для чего оно надо.

— Как давно прежний хозяин умер?

— Ну, полгода у нас тут спор идёт. Пока нам весточку привезли с оказией. Да там пока

узнали, что родня есть, а стало быть — и наследники...

— То есть хутор скоро год как стоит бесхозный?! Причём первое время считался выморочным, грабь — не хочу?! И к зиме его никто не готовил?!

— Ну... выходит, так и есть.

— И за каким хоботом вам эти руины?! — взревел я и тут же осёкся. Земля. Землю-то никто и никуда не унёс. Не знаю, есть ли тут крепостное право или его аналог, какие условия и тому подобное. Но, в любом случае, хутор — это СВОЯ земля. Как ещё не поубивали друг друга соперники?

— Давай ты для начала, — кивнул я тётке. Всё равно ведь никому слова вставить не даст. — Что собираешься делать с землёй? Неужели переселяться будешь?

Но скандалистка внезапно превратилась в скромницу. Стояла, теребя край передника и потупив голову — ну, гимназистка-отличница, пионерка, блин, невинная. Даже вон зарумянилась.

— Ну... я... это... — тётка глубоко вздохнула, как будто нырять собралась, и разразилась речью:

— Да подарить я хотела, этому вот охламону! — тётка ткнула пальцем в спину другому претенденту на наследство. — Он же, придурок такой, жениться даже не может! Вырос, вон, оглобля, а тощий, как стрекозёл, жена б его хоть откормила, непутёвого! На двадцать лет подарить ему хотела, оболтусу, чтоб знал тёткину доброту и слушался, что умный человек советовать будет!

Эффект был мощный. Дар речи отбило у всех, кроме меня и неразлучной парочки, что пристроилась в уголке за моей спиной на правах охраны. Сейчас эти бородатые заразы, наклонившись друг к другу, старательно давили в себе приступ смеха. Да и мне пришлось дополнительно сосредоточиться для следующего вопроса:

— А почему было просто не уступить наследство племяннику?! Или хотя бы сказать о своих намерениях, тому же старосте?

— Ха! Чтоб я, да уступила какой-то сопле долговязой?! Вот ещё, может, мне с ним и здороваться первой?! Другое дело — подарить, чтоб помнил тёткину доброту, да щедрость, да заботу, чтоб знал, зараза, кто ему по жизни добра желает и кого слушаться надо! Что до того, чтоб сказать — так ведь до праздника поздравлять нельзя, беда получится. А у нашего старосты, у Тихома-то, язык — как помело, каждая собака через день брехать будет, про...

Тут прорвало старосту:

— Зирина! Ты... Да тебя... — дядьку клинило от потока эмоций. Он запрокинул голову вверх, поднял на уровень глаз немного трясущиеся кулаки и возопил: — Полгода! Целых полгода! Ну, Зирина, ну... Полгода!!!

Тут публика не выдержала. Разноголосый хохот прокатился по коридору и выплеснулся на улицы, влетел перепуганным воробьём в открытое по случаю летней жары окошко, пометался заполошно меж бревенчатых стен наперегонки с собственным эхом и смешался со смехом, прилетавшим из двери. Мне послышалось, что в этом смехе была изрядная доля истерики, или так оно и есть?

Гренадёрша стояла красная, как маков цвет, племянник обтекал после потока тёткиных комплиментов, староста раскачивался из стороны в сторону, прижав кулаки к вискам.

— Тихо! — потребовал я через пару минут.

Рывкнуть пришлось раза три, да ещё и пройтись по публике холодком (умеренно, чтоб только озноб почувствовали), сбросив вытянутое тепло в некое подобие камина у стены.

Поддействовало.

— А ты, бедолага, что собирался с наследством делать?

Парень пожал плечами.

— Поехать, осмотреться, порядок там навести. Жениться, — парень порозовел. — На Ланке, на рыжей...

Тут «оратор» стал чуть ли не бурячкового цвета и умолк.

— Ну, раз так.... Выношу решение: наследство разделить поровну, с условием того, что тётка уступает свою долю племяннику, который должен вступить во владение и не позже весны начать полевые работы, чтоб земля не пропадала. За тёткину долю наследства будешь выплачивать ей долю урожая или его стоимость каждую осень десять лет, начиная со второго урожая. Долю определит староста, в зависимости от того, какая там земля. Если кто не согласен — буду ждать на площади, оружие на ваш выбор.

Ну, насчёт оружия был явный перебор, но ещё одного такого заседания я бы не вынес. Не говоря уж о нежелании тратить время. Как я выяснил, до Резанского тракта было часов пять пути. Считая скорость крестьянской подводы километра четыре в час — около двадцати километров отмахать надо. Часа три с половиной быстрой ходьбы, если не слишком спешить, да пару привалов минут по пятнадцать — всё равно до темноты должны добраться. Идея о покупке лошади летом в деревне недостойна даже называться мыслью. Потому как является полным бредом — кто ж продаст единственную тягловую силу в разгар сезона?! Если и найдутся желающие, то конь или безнадежно больной, или краденый. И неизвестно, что хуже. Если же речь идёт о покупке сразу трёх животных.... Упряжного ящера ещё можно было бы сторговать, но зачем нам такое счастье? У него крейсерская скорость и до трёх километров в час не дотягивает, а груза у нас не так уж и много.

Староста провожать нас не пришёл, переживает. Ничего, он ещё скоро догадается, что ему, согласно приговору, придётся лично ехать на тот самый хутор и оценивать там качество земли и объём работ по её приведению в порядок. Лучше бы мне к этому моменту уже быть в пути. Перед уходом поговорили с его братцем — хозяином заведения.

— Вот ведь баба-дура, а? Сколько проблем на ровном месте.

— Не скажи, тётка она неглупая, и незлая, хозяйственная. Себе на уме, это да, — вступился за нарушительницу порядка собеседник.

М-да, если это крикливое создание по местным меркам чуть ли не светоч разума, то что же представляют собой остальные? Что ж, вполне понимаю местного лорда, или кто тут за хозяина, в его стремлении как можно реже бывать в своём владении. Я бы, может быть, и вовсе подарил деревеньку — врагу, с условием бывать тут не реже двух раз в год. Я посмотрел на гостеприимного хозяина и содрогнулся. Поскольку его поза в точности копировала позу старшего брата, когда тот втравил меня в разбирательство.

— Что ещё?!

— Знахарка наша, того, отлучилась. Не знаю, вернётся сегодня или нет. Надо бы кузнеца глянуть, чахнет, бедолага — с тех самых пор, как на банника нарвался.

Нет, больше всего мне хотелось послать дядьку дальним лесом и уйти, наконец, из этой деревни. Как смолой намазана, честное слово! Но поскольку кузница была по пути, согласился, правда, предупредив сразу, что целитель из меня чуть больше, чем никакой. Да и любопытно было, всё же в бане я никакой нечисти не почувствовал, хоть и искал, пару заклинаний применил.

Как выяснилось в приватной беседе с парнем, после того, как я повыгонял всех посторонних и любопытных, сох он по совершенно другой причине. Он даже имя этой причины назвал, той, что случайно (ну, это ещё вопрос, насколько случайно) увидел в бане. Вот уж не ждал такой впечатлительности от сельского парня.

— А зачем настойки все эти хлебал?!

— Стеснялся...

— Вот же... Ладно, не маленький, разберёшься. Только вот эту травку, — я взял в руки веточку зверобоя, — ни под каким видом больше не употребляй. А то через полгода тебе девушки уже совсем не нужны будут — разве что так, посмотреть...

Я несколько сгустил краски, разумеется, хоть эффект и имел место быть. Кузнец побледнел и так покосился на растеньице, будто это была как минимум гадюка.

— А к девушке подойди, поговори. Нет, о том, что подглядывал, говорить так вот сразу не стоит, но сказать, что нравится она тебе — почему бы и нет?

Выйдя из кузни, я услышал гомон ребятни, из которого стало понятно, что к деревне приближается караван с трофеями. Ну, уж нет! Такое ощущение, что я из этой деревни вообще никогда не выберусь! Пусть паладин сам разбирается — как-никак, целый барон. А мне пора. Двурвы, серьёзные и сосредоточенные, были со мной согласны. Странно, с их-то хомячьими натурами? Видимо, всерьёз озаботились новостями о возможных новых соседях.

На первом же привале через два часа после выхода из памятной деревни мои мысли о двурвах подтвердились. Разговор начал Гролин:

— Слушай, тогда, ночью. Это же тот, дарко, к нам лез?

— И он тоже.

— Это тогда, когда ты стрелы или заклинания бросал неведомо куда?

— Почему же «неведомо», очень даже ведомо — в нашего остроухого неприятеля.

— Я вот ещё спросить хочу. Двигался ты так, что аж размывался в воздухе. Нет, я помню — тогда, с троллем, или в лесу, когда с шаманом дрались, ты тоже так делал. Но ненадолго, и говорил, что это трудно. А на горе долго так бегал. Это...

— Угу, для того, чтоб быть примерно на равных с тёмным эльфом.

Двурвы переглянулись.

— И что, они все такие?

— Насколько я знаю, воины — да. А есть ещё боевые маги, есть жрицы — те ещё заразы.

Бородачи помрачнели.

— Да, Страж, новости ещё хуже, чем мы решили в самом начале, — сделал вывод Гролин. — Надо спешить...

К Резанскому тракту вышли где-то за час до темноты. На перекрёстке стояло очередное село, заметно больше той деревни, где мы так задержались. Деревушка, пройденная нами примерно на полпути, и вовсе не шла в сравнение. Интересно, куда вёл этот полузаброшенный просёлок, уж не к месту ли торговли с эльфами?

Село выглядело странно пустынным, поразительно мало народу было на улицах. Наше недоумение развеял ветхий дед, сидевший на лавочке у ворот. Оказывается, какой-то жрец выступал на площади. Что ж, посетим митинг, послушаем, о чём речь. Ещё на подходе я начал улавливать отдельные слова. Вроде как вещает о всеобщем равенстве, братстве и вечных ценностях — репертуар вполне предсказуемый. Я бы и не пошёл на этот концерт под

открытым небом, но, боюсь, и местные власти, и те, кто мог бы предоставить нам ужин и ночлег — все там.

Рост позволил мне рассмотреть оратора, едва подойдя к толпе. Эдакий бурно жестикулирующий плешивый колобок, полтора метра диаметром. Пока мы добрались до места, он успел сменить пластинку и сейчас проповедовал что-то про... орков! Хм, это может быть забавно, послушаем.

— Что мы знаем о наших южных соседях? Что мы слышим о них изо дня в день, из года в год? «Дикари», «людоеды», «кровожадные чудовища». А какое право мы имеем навешивать такие ярлыки? А вы думали, что такое отношение само по себе оскорбительно и провокационно? Не сами ли мы провоцируем зеленокожих степняков на грубое отношение к нам? Подумайте — если бы нас называли постоянно чудовищами, дикарями и людоедами — вам не было бы обидно? Не захотели бы вы наказать обидчиков?!

Что он несёт?! Что за предтеча социальных извращений моей родины?! Ему же голову откроют, и правильно сделают! Хотя... Здесь, за спиной Ордена, люди давно не знали орочьих набегов. Вот парой тысяч километров восточнее его бы точно уже линчевали, а здесь — здесь пока слушают, уши развесив.

— И, я вас спрошу, где доказательства кровожадности и дикости кочевников с юга, обзываемых орками? Пять лет, как в горах нет Ордена, искусственно разделявшего наши народы — и что? Где орды кровожадных дикарей, которые должны были, по уверениям некоторых, затопить наши земли? Наши южные соседи уже вполне доказали свой мирный нрав, если их, конечно, не провоцировать!

Так, а это уже статья. Это уже прямое оскорбление Ордена, не считая ряда имперских законов. Тут уже я просто обязан заткнуть фонтан. Я стал проталкиваться вперёд. Тем временем Геббельс местного разлива продолжал вещать:

— Кто-то из вас видел хоть одного орка на наших землях? Нет, и я в этом уверен! Степным кочевникам совершенно не нужны наши леса, что бы там ни говорила ксенофобская пропаганда! И вообще, чем и кем доказана крово...

— Я видел. Орков. Тут, рядом, — перебил я, протолкавшись, наконец, к помосту.

Демагоги вообще не любят диалога, их стезя — монолог, и любые попытки отвечать им, особенно — с применением конкретных фактов вызывают дикое озлобление. То есть реакция была вполне предсказуемой:

— Охрана! Немедленно уберите этого пьяного бродягу! — заверещало существо на подставке.

— Ах, так тут есть охрана? И где она?

Я увидел десяток бойцов в униформе. Мои познания в местной геральдике не позволяли определить их принадлежность, ясно только одно — представители регулярного войска.

— И почему эта самая охрана старательно игнорирует нарушения имперских законов?

— А сам ты кто такой? И зачем лезешь в проповедь? — насупившись, спросил командир вояк.

— Оно спросило — я ответил. Про орков, — ответил я на второй вопрос. — А что до того, кто я...

Я потянул из ножен меч, что вызвало у охранников некоторую суету. Или из-за хлопотавших во мне эмоций, или ещё от чего, но он уже пылал своими спецэффектами.

— Я — Истинный Страж, Витольдус Дик Фелиниан, известный также как Витторио, по прозвищу Кот. И если нарушение имперских законов я могу оставить для наказания другим,

то оскорбление Ордена...

Стражники погрузнели, но, странное дело — в их глазах читалось и некое облегчение.

— Самозванец! — взвизгнуло над ухом. — Я, как жрец...

— Чтоооо?! — задолбали уже такими заявлениями. — Жрун ты, а не жрец! Но, если вызвать тебя на поединок за оскорбление нельзя — остаётся обратиться к богам. Тут есть святилище Урлона? — обратился я к окружающим.

Ага, проняло и оратора. Ещё бы — Урлон, бог воинов (не войны, как тот же Марс, а именно бойцов), насильственной смерти и справедливого воздаяния. Вот такой вот набор специализаций. Причём последнее правильное было бы перевести как возмездие, а не просто воздаяние. Этот бог часто отзывался на просьбы рассудить, а если один из жалобщиков — воин, то почти всегда. Вот только результат часто бывал... Если оба спорщика казались судье неправыми, пусть и в разной степени — огребали оба, хоть и неравномерно, в зависимости от степени вины. Так что надо было обладать абсолютной уверенностью в своей позиции, чтоб идти за решением именно в этот храм. Но в этой ситуации, да ещё учитывая, что Урлон — один из трёх богов, непосредственно приложивших руку к созданию Ордена, я бы спокойно пошёл к нему на суд.

— Я сам, как жрец, могу говорить от имени...

— Ты, жрун, сможешь говорить только после того, как ответишь за оскорбление Ордена. А если откроешь свою пасть до этого — то я пойду на грех убийства священнослужителя — думаю, в этом случае отомолить будет нетрудно.

Меня уже буквально трясло, и, к некоторому моему сожалению, хомяк в рясе пошёл на попятный.

— Ты ещё пожалеешь об этом, — прошипел толстяк и скомандовал своей свите: — По коням! Я не собираюсь ночевать в этом клоповнике, тем более — в такой компании!

После чего шустро смылся. Я влез на освободившийся помост.

— Внимание! Если кто ещё не слышал, я — Истинный Страж. И я не далее, чем три дня назад, встретил недалеко отсюда сотни полторы орков, которые занимались тем, что истребляли последних случайно уцелевших дриад в эльфийских лесах и вокруг них. Вы ещё не вспомнили, кто такие эльфы и не задумались, что с ними случилось? А до этого встретил без малого три сотни орков, с шаманами и варлами. Которые пытались провести ритуал и обратить Храм Истинного Пути в Тёмный Храм.

Народ загудел — как показалось мне, не столько возмущенно или обеспокоено, сколько озадаченно. Словно пытались вспомнить, что означают все те названия, что я использовал.

— Те полторы сотни мы с паладином большей частью перебили, но немало их и разбежалось. Так что будьте настороже — в округе бродят несколько мелких, но голодных шаек. Кстати, сам паладин вместе с караваном трофеев сейчас ночует в деревне, что в пяти часах хода отсюда, и завтра должен быть у вас. А сам бой был ещё в трёх часах дальше по дороге. Так что недобитые орки уже могут быть здесь. Поэтому в лес мелкими группами и без вооружённой охраны соваться не стоит. Это даже без учёта активизировавшихся последнее время гоблинов.

Народ слушал внимательно. Не знаю, из-за сохранившегося авторитета Ордена, или просто чтобы не злить страшного меня. Оставалось ещё решить проблему ужина и ночлега. Я спрыгнул с помоста и спросил у ближнего ко мне дядьки:

— Тут есть где поужинать и переночевать нам троим?

— Дык... — вон там, стал-быть, корчма.

— Спасибо. А, кстати говоря, что это было? — я кивнул на опустевший помост.

— Жрец из Резани. Лерий Трясогузик.

— Да уж, гузно у него знатное, есть чем потрясти...

Ужин и ночлег прошли, наконец-то, штатно и скучно. Утром встали перед самым рассветом, заказали и истребили простой, но сытный завтрак и с восходом солнца вышли в путь. В этом селе, возможно, был шанс приобрести лошадку, но двурвам с их ростом требовалось подбирать верховую животину отдельно, так что не стали даже заниматься поисками. Если попадётся по дороге какой-либо караван или отдельная повозка — может, и подведем, а нет — и так дойдём. До Резани оставалось три дня ходу — всё же через лес мы неплохой уголок срезали, да ещё и со скоростями, близкими к рекордным, как-никак, стимул на плечах висел внушительный. Ну, если повезёт, то мы за два с половиной доберёмся. Сдам добычу Арагорну (или кого он там пришлёт) и пару дней отдохну, осмотрюсь, а там видно будет. Двурвы, как я понимаю, повидаются со своими соплеменниками и, скорее всего, двинут дальше, в горы.

О самой дороге рассказывать нечего. Единственное, что я надеялся догнать Трясогузика и найти повод если не свернуть тому шею, то хотя бы клюв начистить. Понятно, что он с охраной — верхами, а мы с двурвами — пешком. Но нам не нужно останавливаться для проповедей (точнее — для вражеской пропаганды), и, кроме того, нас не пугала ночёвка под открытым небом. Короче говоря, шанс, пусть и совсем небольшой, был. Но — увы, не догнали. Может быть оттого, что для «проповедей» останавливаться всё же приходилось. Точнее для того, чтоб рассказать селянам о бродящих в округе орках и о том, какую реальную опасность они представляют.

И вот, часам к четырём пополудни третьих суток после встречи со жрецом, мы вступили в пригород Резани. Прямо с дороги не было никакого желания идти в сам город, искать представителей власти, отмечаться в Гильдии магов и заниматься прочими нудными, хоть и обязательными делами. Поэтому остановились на первом же постоялом дворе, где могли предложить горячую ванну и отдельную комнату на ночь. Точнее, остановился я, двурвы же убежали к своим соотечественникам.

Но имелось одно дело, откладывать которое "на потом" не было ни малейшего желания. Я сбросил лишний груз в снятой комнате и отправился искать храм Арагорна — или Арантора, как его тут называли. Нашёл, проплував не больше двадцати минут. Вот что значит — знать местные названия и имена богов, всегда можно просто спросить дорогу, а не прочёсывать весь городишко по площадям. Храм несколько больше, чем в Роулинге, возможно, из-за того, что рядом располагался игорный дом, но внутренняя отделка была исполнена в том же эклектичном стиле. Пожертвования прихожан после крупных выигрышей (или в расчёте на них) выделялись яркими пятнами на прочей обстановке, причём «пятна» эти никто из дарителей и не думал выдерживать в каком-то одном стиле, все руководствовались исключительно своим вкусом. Да уж, судя по обилию кича, слово «вкус» следовало брать в кавычки.

— Мне нужно обратиться к Арантору. Наедине, — произнёс я, протягивая жрецу монетку номиналом в половину луны.

— Пожалуйста, — храмовый служака провёл меня к одной из четырёх глубоких ниш с установленными в торце статуями и сноровисто загородил вход ширмой.

Я, повозившись, выудил из заначки невзрачный с виду амулет, из-за которого пришлось столько побегать. Немного поколебавшись, положил его к ногам статуи. Сам пристроился на

молитвенном коврике, но не на коленях, а всё в том же полулотосе. Глубоко вздохнув, прикрыл глаза и мысленно позвал хозяина храма.

— Никак вздремнуть собрался? — услышал я вскоре знакомый ехидный голос.

— Нет, просто для удобства. Так сосредоточиться проще.

Я благоразумно подавил, даже в мысленном исполнении, вариант «просто глаза б мои тебя не видели». Да, всё тот же реактивный костёр и знакомый «гейммастер», который небрежно крутит в пальцах добытый мной амулет.

— Я вижу, ты не особенно торопился с отчётом? — спросил Арагорн.

Ничего себе! Я даже привстал от возмущения.

— Как это — «не торопился»?! Мало того, что по лесам ломились со скоростью укушенного лося, так и потом шли, как заведённые. И, опять же, пол часа, как пришли в Резань — и я уже тут!

— Вот именно — то по лесам кружили, то по дорогам гуляли...

— А что, надо было вертолёт вызывать?

— Да нет, просто амулетом воспользоваться. Транспортным.

— Это каким это? Неужели...

— Ну да, вот этим самым. Ты что, не знал?

— А кто мне сказал, за чем именно я иду?!

— Ну-ну, как маленький. Название храма знал же? Что мешало головой поработать, аборигенов порасспрашивать? Или за ручку надо водить?

И возразить нечего.

— Так что, эта подвеска от люстры — что-то вроде телепорта?

— Ну, не совсем. Артефакт способен указать верный путь, то есть наиболее быстрый и безопасный, это как минимум, если разряжен. То есть тебя провёл бы мимо всех засад и неприятностей. А вообще — он открывает так называемую «быструю тропу». Она же — «лесной коридор», «дорога фэйри» и тому подобное. Дошли бы до Резани к закату того же дня, самое позднее — к полуночи.

Мне чуть дурно не стало. Столько беготни, нервогрёпки, риска — и всё впустую?! С другой стороны, тогда бы мы не узнали о тёмном эльфе, шляющемся по миру. Не остановили бы шайку, осквернявшую эльфийские леса и уничтожавшую последних дриад, спящих в деревьях. Теперь, может быть, в мире через какое-то время снова появится хоть несколько эльфов. Не предупредили бы местных жителей об орках в лесах. И я приволок бы в Резань тот самый бубен, о котором и вспомнить страшно. А уж подумать о том, во что это могло обойтись городу...

Нет, в принципе, всё правильно получилось, хоть лично для меня и хлопотней, и рискованней. Арагорн кивнул головой, будто я высказал всё это вслух.

— Надо же, практически настоящий Страж получился. Ворчит, рычит — но Кодекс исполняет.

— Вроде же договаривались, что не будешь так внаглую в голове шарить? Неприятно же...

— Да у тебя всё на морде лица, как сам выражаться любишь, написано. Но в целом мыслишь правильно. Кстати, насчёт бубна и того, сборщика... кхм, — Арагорн вроде как закашлялся, но тут же продолжил: — Насчёт тёмного эльфа. В принципе, тебе за эти дела премия положена. Кое-что ты и без моего вмешательства получишь — точнее, уже получил, хоть сам пока не понимаешь. Но и от меня тоже награда будет. Во-первых, оставлю амулет

на некоторое время тебе, во временное пользование. Во-вторых, заданий пока не будет, можешь отдохнуть и осмотреться.

— Вопрос можно?

— Смотря какой.

— Тот тёмный эльф — откуда он взялся? В этом мире такие не водятся. Мне просто надо бы знать, он тут один такой, или...

— Знать это надо не тебе, а, скорее, двурвам, тебе же просто хочется. Но — ответу. Один он такой был, в каком-то роде — твой коллега. Да, кстати, насчёт отдыха. Намёки ты старательно не понимаешь, потому скажу подробнее. Через какое-то, не слишком большое, время у меня будет для тебя одно задание. Условно-добровольное.

— Это как с колхозом? Хочешь — вступай, не хочешь — мы тебя расстреляем?

— Не совсем, — недовольно поморщился то ли из-за моего вмешательства, то ли из-за неприятного сравнения бог Игры. — Зато награда...

Арагорн даже закатил глаза, как бы в зависти и предвкушении. Какой артист пропадает в отсутствие публики!

— Награда — одно желание, в пределах моих возможностей и в рамках базовых законов мироздания. В принципе, это одно и то же, я всё-таки далеко не самый слабый бог.

— Заманчиво. Надо будет подумать...

— Подумать почти всегда полезно. Например, над формулировкой, да и над сутью желания.

Арагорн сделал жест, будто отряхивал с рук воду. В глазах мигнуло, и я обнаружил себя снова в храме. Поднявшись на ноги, я потянулся, потом наклонился к статуе и, подобрав амулет пути, спрятал его в кошелёк.

Когда я шёл к выходу, меня остановил жрец — не тот, которому я вручал монетку, а другой, судя по одеяниям — рангом повыше. Этот служитель культа выглядел очень удивлённым. Он, запинаясь, произнёс:

— Владыка просил передать Вам напоминание об отдыхе и ещё вот это — «для того, чтоб отдохнул, как следует».

Жрец протянул мне плотно набитый чем-то шёлковый мешочек объёмом около полулитра. Глаза его при этом были размером едва ли не больше, чем сам мешочек. Видимо, незаурядное событие произошло, хорошо, что никто этого не видит, удачно совпало. Хотя вряд ли тут уместно говорить о совпадении, скорее — об организаторских способностях этого вот служителя культа. Вздохнув, я направился к постоялому двору — мыться, ужинать, изучать подарок Игрока и спать. Завтра отправлюсь знакомиться с Резанью.

Часть третья. Посланник. Глава 1

По дороге к постоялому двору я мысленно обругал себя за то, что не расспросил «поплывшего» от неожиданности жреца Арагорна о Трясогузике. Но, с другой стороны, и сам я был озадачен предложением одного игривого божества. Плюс моё отношение к жреческому сословию, вполне устойчиво сложившееся ещё на Земле. Я был склонен рассматривать жреческие организации как фирмы по выкачиванию средств из населения, либо входящие в один «холдинг», либо конкурирующие. Разумеется, компромат на конкурента заинтересованному лицу подсунуть — дело, можно сказать, святое. Вопрос только, сколько в этом будет правды, а сколько — того, что ждёшь услышать. И ещё один момент — в этом мире боги зримо и прямо отвечают своим почитателям, так что жрецы работают и по заявленному профилю тоже. А раз так, то можно было нарваться и на профессиональную солидарность. Короче — что сделано, то сделано.

А вот и моё пристанище. Оказалось, что горячую воду надо ждать. В принципе, неудивительно, если вспомнить об окружающей реальности. Может быть, в особо роскошных заведениях и будет такое достижение комфорта, как ванна, нагреваемая по первому требованию дежурным магом, как то любят живописать многие авторы книг на Земле, не знаю, не бывал. Ладно, чем занять внезапно появившиеся сорок минут я найду. Например, подумаю о словах Арагорна. Кстати, надо его подарочек посмотреть, что-то я сомневаюсь, что там без какой-то «милрой шуточки» обошлось.

В самом начале запах, поплывший по комнате, едва я развязал мешочек, почти заставил меня раскаться в своих мыслях. Но вот потом, когда я высыпал всё содержимое на столик... Да, весьма неразумно матёрно выражаться в адрес бога, но иногда очень хочется. Кофейные зёрна, которые я унюхал, только заполняли пространство между другими подарочками, да моделировали округлую форму мешочка. Ещё порадовала маленькая, граммов на пятьдесят, бутылочка уже знакомого мне орденского бальзама. А вот всё остальное...

Упаковка таблеток от похмелья, две коробочки по четыре таблетки «Виагры» и баночка интимной смазки! Всё — земного, естественно, производства, в яркой фирменной упаковке. Вот же ехидна утконося! Это он так отыгрывается за начало прошлого приключения, точнее, за процедуру его выдачи? Что характерно — противозачаточных средств в наборе нет. Я ему что, породу улучшать должен, в отдельно взятом городе?! Вот уж фигурки! Таблетки и продать можно, особо страждущим и при том обеспеченным личностям. По бешеным ценам.

На этой оптимистической ноте, размышляя, за какие таблетки просить дороже, я тщательно упаковал весь иномировой компромат и запрятал его поглубже. Нет, ну действительно, что толку обижаться на этого патологического шутника?! Остаток времени ожидания я посвятил размышлениям о том, связан ли подбор подарочков (точнее, их происхождение) с обещанным желанием. И если ответ «да» — то является это намёком или же провокацией?

Согласен, бесполезное занятие.

Зато в ванне, точнее — большой бадье, удалось откинуть большую часть посторонних мыслей. И, как частенько делал и раньше, оставшись один, начал напевать себе под нос. Я уже, кажется, упоминал, что голосок у меня еловый и дикий? Ну, это если громко петь, себе под нос мурлычется гораздо гуманнее к окружающим. Правда, всё равно часто мимо нот

попадаю. Как обычно в таких случаях, напевал я всякую отсебятину на первый подвернувшийся мотив, не особо утруждая себя поисками смысла. Вот и сейчас начал на мотив арии Фауста, той, что «Гибнут люди за металл...»:

— Мыши плавают в пруду,

Мыши плавают в бреду...

И тут же, на мотив «вот когда прогоним фрица»:

— Так как если мышь не бреее-дить,

Она в воду не полеее-зить!

И так по кругу, с небольшими вариациями — своеобразный вариант медитации. Внезапно из-за спины раздался негромкий, но отчётливый смешок.

— Кто тут?! — я вскочил, разворачиваясь и хватая прислонённую снаружи к борту ванны глефу (я уже упоминал, что здоровая паранойя, и так далее?). И тут же плюхнулся обратно. Хихиканье стало громче. Я сидел и глаза в глаза смотрел на довольно симпатичную молодую девчонку в чём-то наподобие местной униформы для слуг.

— Я хотела узнать, могу я чем-то помочь? — и опять хихикнула, зараза.

— Нет, не надо, я сам.

Ещё бы не сам. Не говоря уж о том, что случившийся конфуз с пением и вскакиванием сильно сбивал настроение, была причина и посерьёзнее (она же и конфуз усиливала). Да, я понимаю, что в разных местах и в разное время нравы могли сильно отличаться. Например, помню, что значительные волнения когда-то вызвал на юге Франции указ Наполеона Первого, устанавливавший брачный возраст для девушек с тринадцати лет, вместо прежних двенадцати. Понимаю, что внешность не всегда соответствует истинному возрасту. Даже допускаю, что у этой вот девочки могло быть больше мужиков, чем я могу представить — но для меня от силы пятнадцатилетняя с виду девчонка всё же не кандидатура для любого рода помощи в бане. Нет уж, не надо...

После ванны я спустился в общий зал для традиционного здесь ужина, состоящего из смеси рубленых кубиками овощей и белого мяса, которое я поначалу принимал за куриное — пока не узнал, что это мясо тех самых ящеров, одного из которых я встретил в первое утро в первом своём городе. И не удивительно — эти зверушки использовались массово: как тягловая сила, как источник мяса и для получения красивой, прочной кожи, изрядно потеснив хрюшек в качестве основной живности в хозяйстве. В комплекте с рагу шли большая серая лепёшка и кружка молодого кисловатого вина, причём в лучшем случае из смеси винограда и других ягод, а то и вовсе плодовое. Правда, в отличие от продающихся у нас «плодово-выгодных», это не было креплёным и содержало от силы процентов десять спирта.

Во время еды, вспомнив слова Арагорна о том, что я «кое-что получил, но сам этого пока не знаю», пытался угадать, что же он мог иметь в виду? Решил для начала провести детальную инвентаризацию своего имущества, чем и занялся, едва вернувшись к себе. Выгрузил на кровать всё содержимое всех карманов и рюкзака. Распаковал все свёрточки, пакетики и кисеты. Перебрал каждую мелочь, пересчитал наличность. Ну, с наличностью некоторая неопределённость осталась — с точностью до медяка я имевшуюся на руках сумму не помнил, да и с точностью до десяти — тоже. С другой стороны, вряд ли фигура уровня бога стала бы заострять внимание на призе в десяток монет. С третьей стороны, если это не какой-то другой бог, а именно что Арагорн...

Нет, вряд ли. Остаётся только версия, что это нечто — внутри меня. Новые знания, способности, возможности? Увеличение прежних возможностей? Не узнаешь, пока не столкнёшься, да и тогда различить новый инфопакет от Спутника и этот (опять просится на язык — «левел ап») бонус представляется весьма сложным.

Ночь прошла в режиме штатного кошмара. В том смысле, что местная мебель никак не была рассчитана на мои габариты. С какой тоской и ностальгией я вспоминал гостиницу в Роулинге и стоявшую там кровать! Не знаю, исходя из чего там построили такого монстра, может, просто чтоб пыль в глаза пустить, но мне было очень хорошо и удобно — первый и последний раз в этом мире. Я не беру в расчёт ночёвки под открытым небом, тут всё понятно. Но вот сон под крышей! Местная мебель (я не поленился изучить) представляла собой раму из бруса с настеленными сверху досками, но не это главное, а то, что по контуру, как правило, шёл дощатый буртик высотой в два пальца. Видимо, для того, чтоб матрас не сползал на пол — объяснение вполне дурацкое, но другого в голову не приходит, кроме как «тут так принято».

А теперь представьте, что длина кровати сантиметров на двадцать меньше роста. Ноги свисают за габарит, и этот сволочной буртик врежется в них снизу. Засыпая, собираешься в калачик, во сне распрямляешься, просыпаешься от боли в ногах — и всё заново. В данном случае койка была оснащена спинками. Это означало только то, что распрямиться не удастся и к утру всё тело затечёт, как колода. Нет, завтра же съезжаю и ищу местечко, где кровать будет не короче двух метров. Потому как иначе через недельку такого отдыха я сам в леса сбегу, на гоблинов охотиться. Хоть толку с этого будет не густо — с территории того графства, где была назначена награда за их амулеты, я давно уже ушёл.

Кстати, об административно-территориальном делении. Пора идти за регистрацией, а то патрули цепляться будут! Это что-то вроде шутки было, абсолютно несмешной. Хотя, местным, которым неизмеримо проще представить себе Стража, «строющего» за какую-то провинность патруль городской стражи, чем наоборот, нарочитая нелепость ситуации могла бы и понравиться. Вот только от них ускользнула бы вся соль насчёт регистрации, а также её проверки...

Город Резань, в силу своей истории и специализации, имел ряд особенностей. Во-первых, он не принадлежал напрямую Императору и управлялся имперским Наместником. Во-вторых, с тех самых времён город имел довольно большой гарнизон, значительно превосходящий обычные силы самообороны во внутренних регионах. А до падения Твердыни Туманов Резань считалась глубоким тылом. В силу этого в комплекте с Наместником имелся военный комендант города — с ним, кстати, тоже не помешает познакомиться. Ну, и третья особенность, которая меня напрямую не касается, по крайней мере — пока. Это — почти полное отсутствие ювелиров. Очень, знаете ли, трудно развивать такого рода бизнес, если у властей постоянно возникают вопросы, касающиеся возможной утечки драгметаллов с казённого производства. При том самом Солере Втором, который переименовал себя в Первого, а монету — в честь себя, любимого и обожаемого, представителей этого цеха в округе не было вообще, потому как лишиться всего нажитого (возможно — вместе с головой или свободой) было не в пример проще, чем получить хоть какую-то прибыль. Да и потом отрасль не развивалась — ювелиры почему-то быстро чахли под пристальным наблюдением военкома. В последние годы появились производители украшений и прочего из числа бергзеров, которые располагались в двурвских кварталах и пользовались сырьём из родных гор. Но, с учётом вкуса двурвов, который был

продемонстрирован Драуном в Роулинге...

Ладно, в любом случае — меня это не касается, украшений я не ношу и носить не собираюсь. А вот наблюдение, сделанное мной по дороге, вполне даже может коснуться. Встреченные мной патрули и просто представители воинского сословия носили форму двух чётко различимых видов. Не составляло особого труда догадаться, что одни из них — гвардия Наместника (в изначальном значении слова «гвардия», то есть — охрана), а другие — из местного гарнизона. Затем, путём несложных наблюдений выяснилось, что наместническое войско выполняет заодно и роль стражей порядка. И их форма до мелочей совпадала с той, в которую были облачены охранники жреца-колобка. Того самого, который напомнил своим видом вопрос, сильно интересовавший меня в детстве: произошло слово «жрец» от глагола «жрать» — или наоборот? Если этот тип имеет некоторый вес в местных эшелонах власти, то он может доставить определённые проблемы. Может, стоило прибить его сразу, сделав вид, что я не знал о его статусе? Кто знает... Тем более что мне ещё не приходилось поднимать руку на человека с целью его умерщвления. Орки — это несколько не то, гоблины — тем более. И бой от казни сильно отличается. Это я к тому, что могло и не получиться.

Ну, вот и центр города. Бывший баронский замок, перестроенный в резиденцию Наместника. Бывшая первая плавильня резаной монеты, с территории которой плавка металла давно перенесена в пригород, теперь это казначейство, включающее в себя производственный участок по чеканке монеты, государственную меняльную контору, местный аналог пробирной палаты, налоговое ведомство и собственно казну, в комплекте с обслуживающими её чиновниками. Комендатура, она же штаб гарнизона, а заодно — гауптвахта, вербовочный пункт и небольшая казарма для охраны всего этого комплекса. Донельзя благопристойная и пафосная с виду гостиница с названием «Луна и Солнце» и изображением на вывеске двух одноимённых монет. Есть опасение, что цены здесь будут тоже весьма пафосными. Узкий фасад Гильдии магов, стилизованный под башню и совершенно не соответствующий истинному размеру здания, которое вытянулось вдоль одной из вливающихся в площадь улиц на немалое расстояние.

И, наконец, замыкая круг, красуется воплощённым парадоксом ратуша. Почему парадоксом? Да потому, что ратуша — это по определению резиденция местного самоуправления, которого тут нет и никогда не было. С другой стороны — прекрасно понимаю Наместников. Запускать всю толпу просителей, жалобщиков и просто посетителей в резиденцию, которая, помимо прочего, является и жилищем для него самого и его семьи?! Спасибо, не хочется. Вот и выстроили рядом здание на роль своего рода внешней приёмной и зала суда по делам, не представляющим собой особой важности. Туда я и пойду, наглеть и рваться непосредственно в резиденцию не буду.

Первый же клерк, узнав о том, кто я и зачем пришёл, как-то слишком уж, на мой взгляд, оживился. Рассказав мне, куда идти и к кому обратиться, он почти сразу подозвал мальчишку-посыльного и куда-то его отправил. Как-то мне эта суета не очень нравится...

Провозился я в ратуше довольно долго, во всяком случае — дольше, чем планировал. В том кабинете, куда меня направили, никого не было. Я по земной привычке решил было немного подождать, но потом подумал — а какого, собственно? Если уж здесь — классовое общество, и у меня есть определённый — достаточно высокий, кстати — статус, то им нужно пользоваться. Иначе просто не поймут. Подумав так, я пошёл искать хоть кого-то живого, желательно — начальство. Я дёргал все двери подряд, пока в очередной комнате не

поймал, наконец, чиновника. Тот сделал большие глаза и заявил, что мне нужно совсем в другой коридор. Ох, не нравится мне это...

Сделав зверскую физиономию, я приказал:

— Пошли, покажешь.

— Но, господин, у меня тут...

— Дела, да?

— Да, именно, дела и очень важные!

Угу, сейчас вот так сразу и проникнусь.

— У них ноги есть?

— У кого?!

— У дел. По глазам вижу, что нет. Значит — не убегут. Давай вперёд!

Мой проводник по недрам канцелярского логова, петляя по каким-то закоулкам, провёл меня к нужному кабинету своей, чиновничьей, версией быстрой тропы. При этом вывел не в коридор перед кабинетом, а непосредственно в логово интересовавшего меня анкетного хищника. Вышли мы через махонькую двёрку (пришлось почти пополам сложиться), замаскированную каким-то половичком. Вергилий тут же юркнул обратно, а хозяин логова провернул весь свой ритуал в быстром темпе, видимо, приняв меня за своего. Выйдя из кабинета, я, по уже отработанной методике, подхватил под руку первого попавшегося аборигена канцелярских джунглей и ласково проговорил, глядя в глаза:

— Проводи-ка меня к выходу, а то я сейчас свой проделаю!..

Клерк судорожно сглотнул, часто закивал головой и быстро засеменял по коридору. Пара минут — и мы у выхода. Вот только выход перекрыт комитетом по встрече в составе дюжины солдат в гарнизонной форме и командующего ими дядьки, очень похожего на сержанта-сверхсрочника. Рядом крутился тот самый посыльный, которого куда-то отправили сразу после моего прихода. Это засада или просто недоразумение? Или птичка-невеличка успела нагадить? Ладно, разберёмся. Нет, правда, не бросаться же мне с оружием на этих вот служак.

— Господин Страж, господин комендант гарнизона приглашает вас к себе, для знакомства и беседы.

— Приглашает, значит? А конвой — на случай, если я приглашение принимать не захочу, что ли? Если вы надеетесь заставить меня идти куда-то, куда я не собираюсь...

Сержант (или кто он там?) несколько напрягся, но сохранил достаточно спокойный тон:

— Ни о чём таком речи не было. Приказано пригласить и проводить, как полагается, с эскортом.

— Ладно, пойдём. Если у вас приказ — то не стоит вынуждать вас нарушать его.

Так, живописной группой, мы пересекли площадь и подошли к комендатуре. На крылечке топтались ещё солдаты, уже в другой форме, и это меня изрядно напрягло. Вещи лежат на постоянном дворе (со строгим наказом «не трогать» и теми же предупреждениями, что хорошо показали себя в Роулинге), но всё оружие со мной, причём глефа в руках в роли дорожного посоха. Защита установлена. Ой, не хочется мне из-за сволочи и дурака связываться в бой в городе! Но если что — кто ж меня спрашивать-то будет?!

— Вот это хорошо, — произнёс командир моего эскорта. — Видите на крылечке стражников?

Слепым надо быть, чтоб не увидеть, вообще-то говоря. Это что, риторический вопрос был? Судя по отсутствию паузы для моего ответа — да.

— Стало быть, господин Наместник в комендатуру прибыл зачем-то. Оно и хорошо — если что, обо всём сразу и договоритесь, не придётся в два места бегать.

Интересно, о чём это он?

Преодолев две лестницы, три коридора, приёмную и дюжину парных постов, я, наконец, попал в кабинет военного коменданта. Эскорт отстал перед дверью «предбанника», что меня немного обнадёжило. Вопреки ожиданиям сержанта, Наместника в кабинете не было. Плотный седой дядька, сидевший во главе стола, привстал мне навстречу.

— День добрый, Сегро Данис Бабчин, военный комендант города Резани. В прошлом — полковник панцирной конницы.

— Виттор по прозвищу Кот, Истинный Страж. Чем могу быть полезен?

— Да уж можете... Слушай, давай на «ты», а? Если бы мне эти политесы поперёк горла не стояли — может, в столице служил бы.

— Ну, если бы я был поклонником такого рода развлечений, то и имя назвал бы вместе с исходным, при рождении полученным. И полное название Ордена ввернул. Только вот мне трудно будет старшего по возрасту, званию и положению человека так вот сразу на «ты».

Про себя при этом подумал, что вот с Арагорном, хоть он и бог, сразу тыкать начал, и отучиться никак не могу. А с этим дядькой какое-либо панибратство кажется чем-то противоестественным. Вспомнился старый анекдот, что есть два вида полковников: «Есть, товарищ полковник!» и «Эй, полковник!». Этот явно из первой категории.

— Ну и ладно, со временем привыкнешь. Тут такое дело. Я распорядился сообщать мне о прибытии в город всех лиц с военным опытом, особенно — с офицерским. Мы тут несколько лет назад внезапно стали из тылового города прифронтовым гарнизоном. А резервов свободных негусто, да и мы не на самой границе. Короче, у меня императорский рескрипт, который даёт мне право вербовки для укрепления обороны любого лица, имеющего опыт воинской службы. Конечно, лет, скажем, шесть назад, пока существовал Орден...

— Простите, — перебил я дядьку, — что значит «пока существовал»? Орден был, есть и будет, пока жив хоть один разумный, приносивший Обеты Ордена, пока есть в мире силы Света и пока существуют боги, благословившие создание Ордена. И, хоть таких тяжёлых времён ещё не было в его истории, Орден Стражей Грани Сотворённых Миров будет возрождён. Простите ещё раз, что перебил.

— То есть на вашу помощь можно не рассчитывать? — комендант посуровел и опять перешёл на «вы».

— Почему же... Сейчас я временно свободен. Вот только в каком качестве вы хотите меня использовать? Для разведки окрестностей, на нечисть охотиться, или ещё как?

— Ещё как, — буркнул начавший отходить Сегро. — У меня новобранцев совершенно диких шайка целая, а учить их... Если кадровые сотни раздёргать — кто службу нести будет? Ладно бы ещё десятников, этих найду, из старых служак кого в чин произвести. А вот с командирами, от полусотника и выше — совсем беда.

— И вы хотите использовать меня как полусотника? Хочу предупредить — у меня довольно специфичные привычки, как и отношение к субординации, менять их будет долго.

— Ну, это полбеда. Да и не дам я тебе полусотню. Скажи, как на духу, то, что про вас рассказывают, как про стрелков — насколько правда?

— В зависимости от того, что у вас рассказывают. Я, как получивший звание мастера-лучника по меркам Ордена, могу держать в воздухе до девяти стрел на расстоянии полторы сотни метров и укладывать их в круг размером не больше ладони. В том числе и по движущейся мишени. Прицельно бью на триста метров на тех же условиях по размеру мишени, в том числе в сумерках, при дожде и ветре.

— Да уж... — комендант крикнул. — Нашим такое и не приснится. Ладно. Обучишь моих оболтусов луком владеть, хоть по армейским стандартам?

— Сколько оболтусов, в каком качестве я их буду обучать и что такое «армейские стандарты»?

— Да сколько есть — столько и надо обучить. У меня и кадровые-то разве что в сарай со ста шагов попадут. Дождь стрел ещё могут устроить, хоть и жидковатый, а чтоб на выбор бить, лишних стрел не тратя — это уже нет. А новобранцы — те, что из лесовиков и к охоте с луком привычны ещё так-сяк, а остальные...

Комендант махнул рукой, показывая, что слов таких нет, чтоб описать уровень подготовки.

— В каком качестве... Интересно вопрос ставишь. Хочешь, сделаю своим заместителем по стрелковой подготовке?

— Не хочу, — не задумываясь ответил я. — Слишком уж высокое звание и должность, тем более — сразу.

Не зная местных раскладов, вот так вот резко влезать в иерархию, а потом расхлёбывать всякого рода внутренние интриги, обиды и прочее, получая в процессе и саботаж, и жалобы, и ещё невесть что?! С другой стороны, иметь официальную должность и власть может оказаться полезно для выживания. Но тут ещё есть такой фактор, как Арагорн, что ставит под большое сомнение срок, в течение которого я смогу исполнять свои обязанности.

— У вас тут какое-нибудь учебное подразделение есть?

— Разумеется.

— Вот туда и пойду, наставником по стрелковой, но с подчинением вам лично. Потому как если какой-нибудь бывший пикинер, мне в командиры доставшийся, начнёт меня учить, как правильно тетиву натягивать, да при этом ещё и должностью давить — то я ему морду набью. И это как минимум.

— У моего заместителя довольствие выше...

— И проблем больше. Тем более что есть ещё один момент. Я не знаю точно, сколько времени смогу пробыть в вашем городе. Несколько дюжин дней у меня есть, но потом мне может понадобится уйти. Даже не так — я наверняка вынужден буду уйти, тут о моём желании речь не идёт. Подробностей рассказать не имею права, но... — я замаялся, не зная, как описать ситуацию, чтоб комендант понял меня правильно и не заподозрил в намерении дезертировать при первом удобном. Как ни странно, он помог мне сам:

— Как же, наслышан о привычке вашего брата появляться в самый нужный момент, а потом внезапно исчезать без видимой причины. Значит, правы были те, кто считал, что это не приказ командования, передаваемый незаметным образом, а что-то другое? Молчу, молчу, всё понимаю — тайны Ордена, обеты... — осёкся комендант, глядя на мою изменившуюся в выражении физиономию.

— Другое. Но и приказ... — я развёл руками, как бы показывая, что не имею права сказать больше.

— Предупредить заранее сможешь?

— Скорее всего — да, но дня за три, не больше.

— Отлично, так и договоримся. Сейчас тебя проводят в канцелярию, станешь на довольствие. Форму построишь сам, у нас так принято. Вроде как всё?

— Форма у меня уже есть, она на мне. Присягу я второй раз приносить не намерен, и форму менять тоже. Солдаты мои ни с кем меня не перепутают — насколько я понимаю, второго Стража в городе нет?

— А как же... Непорядок выходит. Солдаты — ладно, а все остальные? Из других частей, из гвардии... Нет, беспорядок.

— Хорошо, согласен носить на своей форме ваши знаки различия. Плащ по службе носить не буду, если погода не заставит, так что видны они будут. И ещё. Мы говорили об «армейских нормах». У вас есть они в письменном виде? И вообще, всякого рода наставления, распоряжения и прочая кухня, потому как в имперских легионах и Ордене даже система званий отличается, не говоря уж о подготовке. Не хотелось бы ошибиться в титуловании кого-либо...

— Ладно, — комендант махнул рукой, — пусть будет так. Но если появится второй Страж — переодену в форму обоих! А нормативы выдам для ознакомления, но с возвратом.

Мы обменялись рукопожатием, скрепляя договорённость.

— Нет, всё же Стражи — это совсем другие люди. О размере довольствия даже не спросил, а любой другой бы ещё и поспорил. Да, ещё. Жить в казарме будешь?

— Что до довольствия — его размер определён свыше, и спорить бесполезно. И я на это дело иду не для заработка. В казарме жить не хотелось бы, но угол там иметь нужно, если служба заночевать заставит. Можете посоветовать, где остановиться, чтоб и не далеко ходить, и чтоб кровати были моего размера?

— Я как-то не учёл, что у вас в Ордене тоже ляжку тянули, как со штатским разговаривал. Что до того, где остановиться — на площади гостиницу видел?

— Бррр... — я передёрнулся. — Нет уж, пускай там герцоги приезжие селятся.

— Угу, тогда слушай сюда, есть один вариант...

Вторую неделю живу в небольшом заведении, рекомендованном мне комендантом. Это что-то вроде смеси столовки с баром, одной из множества в двадцатипяти тысячной Резани. Только в этом заведении были надстроены ещё целых два этажа (что значит — крупный город!) с жилыми комнатами. Половина второго и весь третий сдавались внаём, остальные площади занимали семья хозяина и несколько комнат для постоянных клиентов. Эти номера отличались несколько большим размером, наличием отгороженного уголка для санитарных нужд (можно было даже ополоснуться) и, главное, кроватью. Два на два метра, по местным меркам — чуть ли не четырёхспальная. Конечно, с учётом подушки и одеяла, я всё же упирался пятками в спинку, если пытался вытянуться в полный рост, но всё равно! Тем более, что можно было лечь наискосок. Ах да, ещё из этого блока «ВИП-номеров» был выход на улицу мимо обеденного зала.

Хозяином заведения был старый служака, бывший сотник в полку Бабчина, вышедший в отставку по ранению — словил орочью стрелу в левый локоть, помощи мага-целителя по каким-то причинам вовремя не получил, и, как результат, рука от локтя у него усохла. Демобилизовавшись, он уехал в своё небольшое поместье (когда-то благоразумно купленное заочно с особо удачных призовых), где и жил ни шатко, ни валко. До тех самых пор, пока через его земли не проехал бывший командир, получивший назначение на

должность коменданта Резани. Отставной сотник, которому давно осточертела сельская жизнь, не раздумывая, продал всё недвижимое имущество и присоединился к поезду своего полковника. На новом месте он по совету Бабчина купил полуразрушенное здание, подновил его при помощи бригады двурвов, сосватанной всё тем же комендантом, и переоборудовал в такое вот заведение.

Все эти подробности я узнал в первый же вечер после того, как получил VIP-номер по протекции военкома, во время знакомства с семьёй хозяина. Следует ли удивляться, что большая часть офицеров гарнизона, у которых не было своего жилья в городе, если не жили здесь — то, по крайней мере, столовались. Следствием этого стало то, что это было, пожалуй, самое спокойное заведение общепита в городе. Даже самые, как сказали бы на родине, «отмороженные» типы не рисковали нарваться на армейскую операцию по зачистке. Правда, «тихое место» — это только в переносном смысле, так-то криков и шума хватало, ну, да это — дело житейское, между своими-то, какие счёты...

Так, лёгкая разминка закончена, надо бежать к кузнецам в гости, специально ведь встал пораньше. Возникла у нас одна задумка с мастером Кираном. Собственно, далеко не одна, но сегодня будет важный разговор.

В день своего найма я до казарм не добрался. Значительная часть «светлого времени суток», выражаясь языком устава (раз уж попал на службу), ушла на всякого рода суету и формальности, подписание бумаг и ведомостей. Меня даже сводили в местный арсенал за «табельным оружием». Даже при всей моей хомячести брать тут было категорически нечего. Окинув тоскливым глазом полки и стойки, я вытащил свой клинок и спросил у кладовщика:

— У вас тут есть что-то равноценное?

Тот скользнул заинтересованным глазом по коленчатому узору клинка и полез пятернёй в загрибок:

— Если хорошо поискать...

— А если так? — я уже привычно превратил клинок в сплетение пламенеющих струй Силы. — Орденский клинок. Своего рода знак отличия.

— Такого — точно нет.

— Вот и я так думаю. Так что не будем дурить друг другу головы и зря тратить время. Разве что стрел с полсотни, завтра на стрельбище.

— Ну, этого добра у нас назапасено! Целый подвал забит. Только они того, не совсем хорошие...

— Что значит «подвал забит»?! Они у вас что, так прямо кучей в сыром подвале свалены?!

— Ну, подвал не то, чтоб совсем сырой...

— Веди, показывай ваше безобразие.

— Так это не здесь, не в городе. Там, в гарнизоне. Тут чуток всего...

И правда чуток — три сотни связок по сто стрел. Сотне лучников на час-другой серьёзного боя, и то — впритык. Что меня искренне удивило — большая часть из них имела древки, вырезанные из массива местного варианта сосны. Тут же эльфийские леса под боком, с карсиалом проблем особых быть не должно!

Из двух связок я, даже не особо привередничая, с трудом отобрал себе пятьдесят штук. Где наконечник гнутый или попросту из сырого железа, где оперение погрызено какой-то насекомой сволочью, а кое-где так и вовсе пятна плесени на древках! Чую, нашёл себе

первое занятие на завтра — загрузить бойцов проверкой запасов Арсенала, их сортировкой и закладкой на хранение в надлежащих условиях. В свободное от стрельбы время.

Остаток дня я посвятил изучению полученной «с возвратом» документации. В первую очередь изучил местную систему званий, кстати говоря — довольно путаную, чем-то напоминающую ту, что была в РККА в 1936–1940 годах. Похожую прежде всего одновременным существованием двух систем званий, «по должности» и «по рангу», их сложной взаимосвязью, наличием дублирующих званий (разные названия — суть одна). А также тем, что одинаковые по названию звания могли означать совершенно разные уровни полномочий и ответственности в зависимости от рода войск. Тут вспомнились и петровский рескрипт о гвардейских званиях (плюс два к общевойсковым, если кто не в курсе), и спецзвания в системе НКВД-МГБ. Исключив из рассмотрения все роды войск и ранги которых заведомо нет в Резани и окрестностях, я потратил почти полтора часа на составление своего рода сводной таблицы, позволяющей с первого взгляда определить соотношение званий двух любых людей в форме в пределах гарнизона. Ещё немного покумекав, прикрутил к таблице колонку званий с Земли. Правда, пришлось немного поизгаляться, вставив в советскую ещё систему званий несколько дополнительных, на сержантском уровне и ввести прослойку между сержантами и офицерами. Точнее — превратить одно звание «старшина» в целую группу. Мне тут очень пригодилась система званий ВМФ. Среди младших офицеров такого удалось избежать исключительно благодаря отсутствию в радиусе минимум двух недель пути носителей подобного рода промежуточных званий.

Работа довольно нудная и головоломная, точнее — доставучая, но необходимая. Как местные ориентируются в этих дебрях — для меня непонятно. Например, «сотник» — или персональное звание, или командир сотни в пехоте и лёгкой кавалерии, или командир наряда дворцовой стражи, или — батареи крепостной артиллерии (четыре расчёта метательных машин). И ещё полдюжины позиций, если не больше. Та же песня с полковником — это или командир полка (независимо от звания), или личное звание, или, или, или... Причём в некоторых случаях назвать «полковником» того, кто действительно носит такое звание — может быть сочтено оскорблением! Чтоб далеко не ходить, наш комендант — полковник запаса, выражаясь привычными терминами. Но его должность предполагает намного больший уровень в иерархии, причём точно определить соответствие должности званию — задача нетривиальная. Требуется учесть и размер гарнизона, и категорию округа, в зависимости от степени внешней угрозы, и расстояние до вышестоящего штаба, и величину территории, и численность населения (мобилизационный потенциал, однако), и класс крепости, и количество, специализацию и уровень магов, а также ещё целый ряд не всегда очевидных параметров. В итоге я плюнул на эту затею, определив для себя должность Сегро как генерал-лейтенантскую. Всё равно кроме него и Наместника других «енералов» не было и не предвиделось, а к ним можно было обращаться хоть по должности, хоть по имени, да и перепутать было бы сложно. В итоге таблицу для высших офицеров я даже не составлял.

Кстати говоря, своё новообретённое звание сотника я определил примерно как лейтенантское. То есть я, выходит, получил те же звёздочки, что и какой-либо «пиджак» из студентов. С учётом опыта и заслуг Спутника, чьё положение я вроде бы унаследовал, можно было бы претендовать и на большее, только вот оно мне надо? Да ни в жизнь! Потом подумалось — а может, такие вот накладки — результат автоматического перевода, и для

аборигенов эти полтора десятка вариаций сотника звучат по-разному? Как у эскимосов в Гренландии есть, по слухам, две сотни слов для наименования снега, в зависимости от его состояния? А леший их разберёт! Но в целом — голова кругом. Например, местный завскладом носит интендантское звание, формально соответствующее всё тому же сотнику, но из-за того, что он относится к тыловой службе, по отношению к строевым офицерам оно учитывается на ступень ниже. Но поскольку он — командир отдельного подразделения (службы, обслуживающей склады), то в ряде случаев считается на ступень выше, чем офицеры, не занимающие аналогичной должности. Короче говоря, танцы бальные, с притопом и шестью прихлопами. Если же ещё добавить кастовость, клановость да благородство происхождения (впрочем, на последнее между младшими офицерами в строевых полках внимания обращали не очень-то много) — то впору вместе с формой заказывать плотную рубаху со шнуровкой на спине и очень длинными рукавами.

Ох, ты ж, ёлкин пень с застругами! Для боевой обстановки своя система подчинения, причём отдельно — для предбоевой ситуации и отдельно — собственно для поля боя. Нет, лесом эти тонкости, самым что ни на есть дремучим! Мне ещё надо смотреть нормативы по подготовке, глянуть наставления по тактике, да и план занятий прибростить надо бы. Но последний пункт — так, сугубо контурно, поскольку, не зная текущего состояния подготовки моих подчинённых, сочинять что-то более подробное — занятие на диво бессмысленное.

Лёг в итоге за полночь. И это ещё комендант выдал только то, что непосредственно касалось стрелков, а точнее — лёгкой пехоты, в состав которой лучники включались сравнительно небольшими группами — примерно пятьдесят человек на подразделение в две с половиной-три сотни бойцов. При этом командовал всеми командир пехотинцев. То есть мои подопечные рассматривались как вспомогательные силы для вспомогательных войск. С одной стороны — как-то не совсем отвечает опыту земных войн последних пары сотен лет, а с другой...

Во-первых, на Земле долгое время было что-то похожее: стрелков или делили мелкими партиями между пехотинцами, или большую часть войска вооружали помимо прочего ещё и короткими луками (как, например, те же татаро-монголы или скифы). Перелом наступил разве что с созданием англичанами регулярного войска со знаменитыми (вернее — пресловутыми) длинными луками, точнее — после битвы при Азенкуре, а ещё точнее — после распространения английской версии хода боя. Потом было огнестрельное оружие, быстро превратившее дистанционный бой в основной вид боевых действий. Но на Земле хоть во время осад роль лучников возрастала! Здесь же — ни в коей мере.

Ну и, во-вторых, не стоит забывать про такой мощный фактор, как магия в целом и её боевая разновидность в частности. Таким образом, основные задачи по уничтожению врагов на расстоянии брали на себя представители Гильдии, а стрелковые полусотни решали вспомогательные и второстепенные по меркам сражения задачи в интересах своего подразделения. Ни о каком взаимодействии с другими родами войск, централизованном управлении огнём (пардон — стрельбой), о распределении целей, о нормальном стрелковом прикрытии и сопровождении своих войск и речи не шло. В том числе из-за того, что командирам «рук» и выше хватало других, более важных, забот, а лучными полусотнями редко когда командовал офицер, пусть и минимального звания. И то правда — ни славы, ни весомой доли в добыче, зато хорошие шансы быть вырубленным на корню при прорыве противника, особенно — кавалеристов. Поскольку ни сколько-то серьёзного доспеха, ни оружия для ближнего боя, за исключением кинжалов или, в лучшем случае, коротких мечей,

ни щитов. И вышестоящие командиры в первую очередь прилагают усилия к спасению «более серьёзных» бойцов.

Кстати, о подразделениях. Как я и предполагал, название «сотня» носило довольно условный характер, количество народу в ней могло варьироваться в достаточно широких пределах. Три сотни пехотинцев — «кость», по факту, как уже говорилось, двести пятьдесят-триста человек. Это как правило, а так, в зависимости от привходящих обстоятельств (в том числе от того, какая это пехота), могло быть от ста восьмидесяти до четырёхсот бойцов (лучники не в счёт). Четыре кости — рука. Почему не пять, по числу пальцев? А чтоб было двенадцать «костей» или «сотен» в руке, всего-то. Четыре руки — полк. А вот тут непонятно, почему не пять, чтобы шестьдесят «костей» в полку было. Это получается штатно «по номиналу» четыре тысячи восемьсот человек? Что ж, практически вдвое больше, чем обычный пехотный полк времён Великой Отечественной. Три полка — легион, четырнадцать тысяч восемьсот пехотинцев. Добавляем две тысячи четыреста лучников в «костях», личную сотню охраны командира легиона (до двухсот человек и больше, на самом деле), личные сотни полковников, конную разведку, расчеты метательных машин, магов со свитой — получаем по усреднённым штатам около девятнадцати тысяч бойцов и приравненных к ним лиц, то бишь — комбатантов. Добавляем штатный обоз (точнее, обозы, свои для большинства родов войск) — получаем двадцать пять-тридцать тысяч человек. Добавляем обоз сверхштатный — всякого рода вольных торговцев, скупщиков трофеев, передвижные бордели, семьи легионеров, всякого рода гадальщиков, предсказателей, авантюристов, наёмников... Получаем толпу, способную достигать и сорока тысяч человек, и больше.

М-да, что-то я увлёкся. Так вот, при осаде крепостей лучники продолжают рассматривать как нечто среднее между «помощниками помощников» и обузой. При этом в попавшемся мне наставлении командирам пехотных подразделений указывалось на необходимость пресекать попытки лучников ввязываться в перестрелку со своими коллегами по ту сторону стен. Как было сказано, «следует направлять их активность на цели, представляющие собой реальную боевую силу и опасность для укрепления». Потери же самих стрелков списывались на «военную неизбежность».

По контрасту с Орденом это воспринималось даже более дико, чем в сравнении с современными вооружёнными силами на Земле. Поскольку основой Ордена были именно Стражи, мои коллеги, ориентированные на дистанционный бой. Конечно, тут причина и следствие отчасти менялись местами — Орден изначально строился вокруг Стражей, да и специфичность решаемых задач не могла не сказаться. Интересно, удастся ли протолкнуть идею некоторой реорганизации, с учётом условий грядущих боёв? Есть несколько интересных мыслей, на стыке опыта Спутника и кое-каких идей земного происхождения. Но их я додумаю утром, на свежую голову.

Первое утро настоящей службы. По дороге к учебному стрельбищу я крутил так и этак мысль о реорганизации стрелковых подразделений Резани. Точнее о том, как убедить начальство пойти на это. Было бы у меня в запасе хоть полгода, можно бы поднатаскать пару десятков ребят с наилучшими способностями и устроить классическую армейскую показуху. Не в смысле покраски газонов, а — показательные учения. Но времени у меня в разы меньше. Казалось бы — откуда такое рвение в навязанном мне деле, о котором сутки назад и думать не думал, а предложили бы — отказался? А всё дело в моей лени.

И незачем удивляться. Меня довольно сложно заставить делать что-то, чего я не хочу. Но если уж я вынужден взяться за навязанную мне работу, то стараюсь сделать её так, чтоб не пришлось переделывать. Правда, возникает другая сложность — в следующий раз норовят обратиться опять же ко мне, но тут уже надо суметь вывернуться.

Лень — это весомый фактор, но был и другой. Я из истории помнил, что бывало с захваченными во время войн городами. И не только со славянскими поселениями во время нашествия Чингиза да Батгя, но и позже, при европейских войнах. А тут, случись захват города — в жилые кварталы ворвутся орки, представители другого биологического вида, тёмной расы, любители человечинки. И если в моих силах как-то повлиять на возможный исход вероятной осады, пусть это будет только увеличением потерь противника и отсрочкой падения города на пару часов — кто знает, может именно в эти часы к осаждённым придёт помощь? Похоже, тут на собственный характер плотно наложились и влияние Спутника, и Кодекс Стражей. Хм, Кодекс имеет на меня такое заметное влияние? А с другой стороны, если Печати Обетов есть на моём теле, если они проявляются в виде того самого щитка — то никакого удивления не должно вызывать то, что эти ритуалы, пройденные моим подсадным духом, действуют и на меня.

Если показуху устраивать некогда и не с кем, как-либо продемонстрировать новые приёмы — тоже, то что остаётся? Рассказывать об эффективных действиях стрелков, о перспективных методиках — что же ещё. А для большей убедительности — надо вести агитацию на конкретных примерах, вплоть до пересказа Азенкурской сказки, только с некоторыми уточнениями, которые приблизят её к реальности. Вот, идея: надо привлечь к этому делу Гролина, похоже, у него всяких баек в запасе — на две Шахерезады хватит. Вот пусть прекращает скромничать, перетряхнёт свои закрома и выберет подходящие. Надо будет только представить его «ко двору» в моём обиталище — и пусть за трапезой ездит по ушам офицерам гарнизона. Но это после того, как он на пару с Драуном закончит доклад старейшинам диаспоры, и то — если эту парочку не отправят лично в горы, докладывать по инстанциям.

Кстати, о двурвах. Вчера, встав на довольствие, зашёл в местное отделение банка — узнать, как у меня со средствами в целом и не поступали ли деньги от Миккитрия. И тут столкнулся с интересной особенностью местной банковской системы. Молодой бергзер выдал мне расклад по счёту, перечислив солеры, луны и медяки на моём счету. Оказалось, что в какой монете средства поступили на счёт — в той они и числятся! Поэтому состояние счёта, например, в один золотой, семь серебряных и двенадцать тысяч медяков никого бы не удивило, кроме меня. Пересчёт в другую монету считался отдельной услугой и был (правильно, приз — в студию!) платным удовольствием. Миккитрий что выручил — то и засыпал в банк, поделив в определённой пропорции. Так что золота у меня «на карточке» не добавилось, зато появилось определённое количество серебра и изрядное количество меди. Троль, оказывается, был тем ещё хомяком, и сгноил далеко не все трофеи. Следует учесть ещё и то, что продано далеко не всё, большая часть имущества ждёт законных наследников.

Вот тоже — казалось бы, средневековые дремучее, а соблюдение имперских законов, особенно — в отношении собственности, на уровне, способном вызвать зависть. И дело, пожалуй, не в суровости наказаний (загнать на каторгу или на эшафот — это надо хорошо постараться), а в убеждённости, что отвертеться не удастся. Ну, и магически подтверждаемые клятвы, обязательные для всех государственных чиновников. Потому в Роулинге ищут наследников сгинувших на большой дороге путников, в глухую деревушку на

заброшенном тракте везут за несколько сотен вёрст сообщение о наследстве — и это абсолютно никого не удивляет. Блин, и правда — завидно.

Добравшись до стрельбища, я познакомился с начальником учебки, пожилым усатым дядькой в звании, приравненном мною к капитану. Имя своё он произнёс неразборчиво, переспрашивать я постеснялся. Решил — узнаю в канцелярии, или ещё где при случае, а пока буду обращаться по званию или просто на «вы». Благо с моей совершенно дырявой памятью на имена опыт такого вот безлично-вежливого общения накопил изрядный. Могу знать и помнить о человеке кучу всего — возраст, предпочтения в музыке и кино, политические взгляды, отношение его к окружающим, количество детей и внуков, какие сигареты он курит — и не помнить, например, отчество и фамилию. Или наоборот — фамилию знаю, а имя в голове не держится. Своего преподавателя по «вышке» — то есть высшей математике — выучил (в том смысле, что сопоставил вместе должность, внешность, фамилию и имя-отчество) только к концу третьего семестра. До того путал по фамилии с физиком, а по отчеству — с историком... Опять я отвлёкся.

Итак, дядька, покосившись недовольно на армейские нашивки на моей не слишком форменной одежде, проворчал:

— Ладно, предупредили. Пойдём, сотник, там твои как раз строятся.

За полсотни метров пути от кабинета до плаца этот капитан успел сделать мне штук семь замечаний, касающихся ошибок в расположении и комплектности знаков различия на моей одежде. Как я узнал позже, его за такую вот дотошность дразнили, а кое-кто, кто мог себе такое позволить — и в глаза называли Инквизитором.

На плацу, который представлял собой утопанную до кирпичной твёрдости земляную площадку с одним мощёным краем, неубедительно пытались изобразить подобие строя около полутора сотен лиц мужского полу. Как выяснил позже их, не считая сержантов из ведомства Инквизитора, было сто сорок семь единиц личного состава. Кстати говоря, лицами обладали не все, были такие физиомордии... Как говорится, во сне увидишь — топором не отмахнешься. Впрочем, мне их не женить надо, а стрельбе обучать. Плац ещё вызывал сомнения: пройдёт дождь, и будем на построение не выходить, а выплывать.

Кстати говоря, строились мои будущие орлы-снайперы в полном боевом, с оружием. М-дя, бывает и хуже, но не всегда: лук простой деревянный, длиной примерно метр тридцать, тесак в ножнах на поясе, колчан, кожаная куртка (скорее, рубаха, но уж больно выделка кожи грубовата) с короткими рукавами и нашитыми бляшками, бронзовыми по виду. Сапоги, грубые, похожие разом на кирзачи и самошейки на одну ногу. Штаны, под куртками — рубахи из небелёного полотна, на плечах коротенькие накидки, имитирующие пародию на плащ, явно геральдического или ещё какого ритуального назначения. Мешки типа «сидор» были, фляги на поясе, ещё один нож, явно хозяйственного назначения, какая-то коробочка и пара кисетов там же, на ремне. Всё. Собственно, больше ничего и не надо, если летом и в гарнизоне, но вот исполнение большинства элементов снаряжения...

Я прошёлся вдоль строя. Снаряжение уже более-менее подогнано, но не у всех до конца, куртки не обмяты, одно слово — вчерашние новобранцы. Оружие... не будем о грустном.

— Здравствуйте, орлы!

Да уж, ответ ничем не похож на слитное «здра-жла...» и так далее. Кто в лес, кто по дрова, чей-то голос вообще пискнул: «здрасьте, дяденька!». Не то природное у человека, не перестроился ещё, не то прикалываться пытаются — потом разберусь.

— Да уж. Ладно, строевой займёмся тоже. Я — ваш новый командир по стрелковой части. Как вы можете видеть, сотник Империи, зовут меня Виттор. — Я решил максимально адаптировать доставшееся мне при переносе имечко к более привычному. — Если бы вы обладали Даром, то могли бы увидеть доказательства того, что я ещё и Истинный Страж. Это к вопросу моей квалификации. Обращаться ко мне будете «господин сотник» или «командир» — по обстановке. Вопросы есть? Вопросов нет.

Судя по открывшимся там-сям рта́м, у некоторых вопросы возникли. Щаззз, с четырьмя «з», так я и позволил кому-то что-то спрашивать. У нас тут не семинар-диспут, а построение. Можно сказать, довожу до сведения личного состава приказ номер один, а они будут с вопросами лезть! Ничего, со временем привыкнут узнавать риторические вопросы командования. Тем более что я тут получаюсь один офицер на роту, грубо говоря, да ещё и в учебке, где народ пока дикий и правильному поведению не обученный. Одна надежда на приданных «сержантов» из ведомства придирчивого капитана, да ещё на особенности местного уклада — для моих бойцов офицер — это не просто «такой же мужик, но с другими погонами», а существо другой породы. К тому же с мерами воспитательного воздействия тут попроще, а их ассортимент — пошире. Или даже поширее. Ничего, прорвёмся.

— Итак, мы с вами будем учиться чему? — я ткнул пальцем в ближайшего детинушку: — Отвечай.

— Из лука стрелять, — в голосе опрошенного слышалось некоторое недоумение.

— И этому тоже, но потом. Для начала, будете учиться быть солдатами. Точнее, этому вы будете учиться всё время, от начала до конца. И это не только дисциплина и умение держать строй. Во-вторых, будем подтягивать вам физическое состояние. То есть — наращивать силу, выносливость и ловкость.

— А это ещё зачем? — раздалось из глубин строя.

— Во-первых, следующий, кто вякнет в строю без моего разрешения, а тем более — перебьёт командира, получит дисциплинарное взыскание. А во-вторых, сейчас объясню на примере. Я всё люблю объяснять на примерах и сразу всем, чтоб лишний раз не повторяться. Первая шеренга — шесть шагов вперёд марш!

С помощью сержантов команда была выполнена минуты через две. Бойцы этой первой шеренги нервно оглядывались по сторонам.

— Да уж, стадо овец на лужайке, а не солдаты. Строевой надо будет заняться обязательно. Вторая шеренга — четыре шага вперёд марш! — Пауза. — Третья шеренга — два шага вперёд — марш!

Я подождал, пока строй разомкнётся по глубине. Возможно, тут для этого существовала отдельная команда, но я-то её не знал, да и в любом случае — очень сомневаюсь, что подчинённые меня бы поняли.

— Итак, теперь взяли в левую руку ваши палки с верёвками, — я увидел недоумённые взгляды и ткнул пальцем в лук одного из бойцов.

— Это не палка, это армейский боевой лук! — обиделся один из инструкторов.

— Хорошо. Возьмите в левую руку ваши боевые армейские, — я покосился на возмущившегося инструктора, — палки с верёвками, вытяните руку вперёд и замрите в таком положении.

Я заметил какое-то странное движение в глубине строя. Присмотрелся.

— Кто приказал натягивать тетиву?! Куда вы, клоуны, стрелять собрались?! Палку — в

руку, руку — вперёд! Выполнять!

Я решил дать простейшее упражнение на статику. Даже пустую руку неподготовленному человеку удержать горизонтально несколько минут непросто, а если там ещё и груз, хоть и небольшой... Короче говоря, довольно наглядный, хоть и не слишком честный способ убедить солдат в их неготовности.

Дождавшись выполнения команды, я подозвал возмущавшегося инструктора и заговорил с ним вполголоса.

— Оставим пока без внимания, что вы позволили себе меня перебить — формально я вам не командир. Теперь по сути возражения. Не желаете сравнить? — я протянул сержанту свой лук.

Тот, и без того ошеломлённый моим к нему обращением, изумился ещё больше, но оружие схватил охотно. Удивлённо погладил тетиву, рассмотрел сложную многослойную конструкцию древка и, взглядом спросив разрешение, попробовал натянуть лук, имитируя выстрел. С заметным усилием дотянул правую кисть примерно до подбородка, попытался плавно отпустить тетиву, но в самом конце не удержал, тренькнув ею по наручу. Смущённо протянул оружие мне. Я, приняв лук, слитным движением обеих рук оттянул тетиву к мочке уха, плавно отпустил её. Потом, повернувшись к строю, в котором у многих руки уже опустились или дрожали, ехидно произнёс:

— Что, девочки, уже скисли?! И какой смысл учить вас стрельбе, если вы, малышки, уже через пять минут лук в руках удержать не в состоянии? А та дурная баба, что будет ржать над подружками — будет держать лук вместе с налучем и колчаном.

Смешки в строю, и без того редкие и негромкие, стихли.

Я увидел на дальнем от нас краю плаца деревянную лопату, прислонённую к кусту ручкой вниз. Расстояние — сто девяносто шесть метров, отлично, ветер — спереди и справа, под углом десять-пятнадцать градусов. Поправка... Я, немного ускорившись, потянул из колчана первую стрелу. Десятая сошла с тетивы одновременно с тем, как первая воткнулась в несчастный инструмент. Оценить кучность стрельбы не получилось: уже после четвёртого попадания лопата треснула, после шестой стрелы просто развалилась, и четыре последние пролетели через то место, где раньше была мишень. Я обернулся к подобию строя.

— Вот это вот был норматив, после выполнения которого у нас в Ордене получают право называться лучником. Но вас я буду учить по армейским нормам. Хотя я сомневаюсь, что ваша шайка наспех отловленных гномов сможет освоить даже их. Кто давал команду опустить руки с палками?! Какой смертник отменил мой приказ?! А если никто не отменял — то какого гоблина вы вытворяете?! Рученьки устали у малышей? Значит, нагрузим ноженьки. Отряд! Убрать оружие! Напра-во, вокруг плаца бегом марш!

Я пристроился сбоку от строя и подозвал к себе того сержанта, которому до того давал свой лук.

— Напомните мне, если забуду, сказать капитану, чтобы вычел стоимость лопаты из моего денежного довольствия.

Такое подчёркнуто уважительное отношение к моим помощникам было неслучайным. Я намеренно обращался к сержантам как почти к равным для того, чтобы дополнительно поднять их авторитет в глазах солдат. Раз уж я вынужден опираться на них не только в качестве командиров десятков, но и использовать в роли полусотников, то...

В общем, в этот день до обеда мы побегали — сначала на плацу, потом — вокруг форта. На будущее я с радостной улыбкой маньяка пообещал ежедневные пробежки вокруг города в

качестве утренней разминки, вызвав хоровой горестный стон. Немного позанимались на гибкость и растяжку, но почти сразу прекратили — такая работа с толпой неподготовленных людей чревата травмами. Я решил сначала потренировать в этом плане десятников, а потом уже работать с мелкими группами увальней. Немножко уделили внимание силовой подготовке. В учебном центре нашлось что-то вроде комплекса простейших тренажёров — лестницы, турники, даже макет фрагмента стены! Отжимания, подтягивания, пресс...

В столовую народ пришёл в достаточно пожеванном состоянии. Я под удивлёнными взглядами бойцов подошёл к поварам и взял себе порцию из общего котла. Да уж, далеко не деликатес. Они что, крупу вообще не моют, или как? Судя по тревожной суете среди поваров, они ещё и нахимичили что-то. Вникать не буду, некогда, но пару выразительных взглядов в сторону кухни, сопровождаемых почёсыванием шеи, бросил, отчего оживление там только усилилось.

После обеда я, дав около половины часа на «оправиться и закурить», опять выгнал народ на плац. Я же обещал строевую подготовку? А обещания надо выполнять. Часа два разучивали простейшие строевые приёмы. Выяснилось, что проблема с тем, чтобы различать право и лево, актуальна и в этом мире. Поручил сержантам погонять путающихся в ногах часок до отбоя и после подъёма по схеме «сено-солома» и занялся отработкой построения. Команды «разойдись» и «в четыре шеренги становись» оказались нашим единственным успехом. Короткий отдых — и опять небольшая пробежка километра на три с последующими занятиями в тренажёрном городке. Работали на статику — держали горизонтально вытянутые в сторону руки с подручным грузом, потом лёгкая гимнастика, силовые упражнения — и опять статика. По дороге на ужин я спиной ощутил желание многих бойцов пристрелить меня на месте. Ну-ну, лук на ходу натянуть они не в состоянии, а отстать не дадут сержанты. Не взбунтовались, пожалуй, только оттого, что я выполнял всё вместе с ними, только больше. Честно признать — и сам устал, но виду не показывал.

Хм, вот так считаешь описание занятий — и кажется, что дикий маньяк напал на неподготовленных граждан. На самом деле всё было и в половину не так страшно: нормативы-то давал детские, а то и вовсе, как добегут. Так что, не увеличивая количество и не меняя расписание занятий, интенсивность их можно будет наращивать и наращивать.

За ужином каша была из мытой крупы и больше пахла мясом. При этом я подошёл на раздачу в середине строя бойцов, во избежание мухлеза. После столовой провел построение, выдал сержантам задания на дополнительную работу с отстающими и отправил всех в казарму, объявив полтора часа личного времени по прибытии туда.

В гостинице меня ждал не слишком удививший меня сюрприз в виде собрания значительной части офицеров, свободных от службы, которые затеяли небольшую (завтра — на службу) попойку в честь нового коллеги. Как заявил после третьего тоста комендант (который, кстати, сразу после этого откланялся) именно с этого момента я могу считать себя офицером гарнизона. Да уж, всё-таки много общего у разных миров...

Перед уходом слегка подобрешего коменданта я всё же выпросил у него разрешение на небольшую реорганизацию моей учебной роты, с заявленной целью «навести порядок и структурировать временное подразделение». Про жреца Лерия если и вспоминал в течение дня, то мельком.

Остаток недели был не менее насыщен. Я успел узнать, что собой представляет тот самый Трясогузик — оказалось, он претендовал на роль своеобразного духовника Наместника. Тот не подтверждал этого, но и не слишком отрицал. Два раза поцапался с оным типусом (я не про Наместника, если кто не понял), вследствие чего, похоже, подпортил отношения с главарём местной религиозной братии. Точнее — с руководителем главного городского храма. Если учесть, что в данном заведении были представлены все почитаемые в этой местности боги, каждый со своим клиром, а сухонький желчный дедок держал в руках всю братию уже четвёртый срок (должность была выборной), то обострять не хотелось. Похоже, больше всего зацепило главжреца то, что я прилюдно обозвал его коллегу самозванцем, а доказать обратное его профсоюз по каким-то причинам не мог или не хотел.

Ещё за эту неделю перетряс оргштатную структуру своего учебного подразделения, создав компромисс между местным и земным подходами. Разбил всю шайку на отделения по двенадцать человек, четыре отделения плюс командир и заместитель — взвод. Три взвода — рота. Поскольку для заполнения штата не хватало трёх человек, я поставил на роль взводных инструкторов, предоставленных Инквизитором. Нижестоящие командиры были временными, из числа обучаемых, а за плечом каждого из них стоял опять-таки инструктор.

Перетряхнул я и стрелковые запасы местного арсенала, придя в состояние, близкое к тихому ужасу. Погрызенные жучком или просто подгнившие стрелы, которые ломаются в руках или при попытке натянуть тетиву — это просто кошмар! В результате сменился и формат тренировок: мы теперь бегали не вокруг плаца или крепости, а до леса и обратно. Там я, используя чувство леса, выскивал, а бойцы выкашивали поросль дерева лучников, заготовки вязанками доставлялись в крепость и обрабатывались. Причём в последнем этапе уже три дня принимали участие не только мои недоучки, но и гарнизонные оружейники, и бойцы линейных стрелковых полусотен.

Попутно моя рота изрядно проредила поголовье мелкой и не очень (это уже с моей помощью) нежити и нечисти. Одних рэбторов перебили больше полусотни, да ещё разорили их гнездовье. Накрыли десяток гоблинов, причём — на горячем, мелкие зеленухи как раз делили явно человеческую ногу, поджаренную на костре. Истребили четыре «лиха многоглазых», трёх мелких демонов. С одним из них пришлось изрядно повозиться, имея на руках серьёзно раненого бойца (и ещё троих, которым досталось меньше), вынуждены были уйти из леса досрочно. И надо же — именно в этот день нам встретился Трясозадик, колобок щетинистый. И начал было проповедовать о недопустимости истребления «редких животных, мирно живущих в своих (!) лесах», а также о терпимости к другим видам разумных, включая гоблинов. Я, наплевав на стремление «не марать руки об дерьмо» и на возможные последствия, взял придурка за грудки, рывком приподнял над землёй так, чтобы глаза наши оказались на одной высоте (не очень-то легко оказалось, тушка увесистая), и медленно, нарочито спокойно произнёс:

— Я не лезу в твои жреческие дела, так и быть — обещал вашим. Но если ты, колобок волосатый, будешь подрывать боеготовность моего подразделения — я тебя мехом внутрь выверну. Потом скажу, что так и было, и мне поверят. Понял, боров?

Местные жители хорошо понимали разницу между боровом и хряком, помимо явного одобрения на лицах проходивших мимо моих бойцов я заметил и едва сдерживаемые

смешки. Десяток охраны жруна стоял в стороне, всем своим видом демонстрируя полный швейцарский нейтралитет. Я опустил тушку на обочину, демонстративно старательно поправил смятый воротник и пошёл дальше, торопясь занять своё привычное место напротив середины колонны. Кстати говоря, похоже, что выражение насчёт выворачивания мехом внутрь понравилось и пошло в обиход, во всяком случае, я слышал его минимум дважды — это за пределами роты и от гражданских. Не в свой, разумеется, адрес.

Разумеется, (для меня «разумеется»), все призовые за истреблённую враждебную живность (и не-живность), а также выручка от продажи трофеев пошли на счёт роты. Часть средств пошла раненым в наших вылазках, часть — на приварок к столу. Ещё некоторая сумма осталась «на всякий случай».

Вчера я, наконец, позволил своим бойцам натянуть тетиву на их луки и, выведя на стрельбище повзводно, дал сделать по три выстрела. Как говорил один небезызвестный персонаж, «душераздирающее зрелище». Сегодня буду вбивать азы — как стоять, как держать и тому подобное. Но это — потом, потом. У меня в процессе реализации два проекта, которые пытаюсь довести до ума при помощи городских гильдий кузнецов и оружейников.

Один из них — попытка сделать блочный лук, тут главный затык был в том, что я плохо представлял себе, как именно должна размещаться тетива. Пользуясь памятью о том, как это оружие выглядело со стороны, я пытался соотнести эту картинку с кое-какими знаниями по механике, оставшимися в голове после университета. Сделал уже пару моделей, но — не совсем то. Нет, мои модели могли стрелять, но вот никак не удавалось добиться такого эффекта, о котором доводилось слышать ещё дома: дескать, усилие прикладывается только при натяжении тетивы, а удержание стрелы после этого осуществляется почти без труда. Вторая сложность — достаточно длинный, тонкий и гибкий тросик для тетивы блочного лука. Тут удалось взять «на слабо» мастеров из числа берглингов, но результата пока нет.

Второй же проект сегодня должен был, наконец, осуществиться. Я задумал воспроизвести стражий сплав, тот самый, для наконечников. Благо технологию и рецептуру благодаря Спутнику знал в деталях. Какое-то время ушло на поиск ингредиентов, ещё требовалось найти достаточно сильного и опытного мага (или магов) для подпитки дремлющего в наконечниках-затравках глифа преобразования материала. Требовалась дозированная и непрерывная подача энергии в достаточно большом объёме. Вчера мы прогнали репетицию «на холодную»: компоненты помещались в стоящий на столе не нагретый тигель, маги проговаривали вслух порядок своих действий и параметры потока силы. И вот сегодня на утро намечена реальная плавка! По такому случаю Инквизитор согласился подменить меня на несколько часов кем-то из своих офицеров, который должен был проследить за бойцами, получившими внеплановый ПХД.

Кстати, о магах. Большую помощь в подборе кандидатов оказала... «девчужка», которую я видел в приёмной коменданта. Она оказалась весьма серьёзным магом-менталистом, обладательницей майорского звания и значительного (хоть и неизвестного мне в точности) поста в местной контрразведке и службе безопасности. Сколько на самом деле лет этой двадцатишестилетней с виду «девчужке» я узнавать не рискнул. Не потому, что опасался получить «по рогам» за любопытство, а оттого, что не хотел портить впечатление, поскольку она мне очень даже понравилась. Её, в свою очередь, заинтересовала мелодия, которую я постоянно намурлыкивал себе под нос — та самая ария Мефистофеля, где «люди гибнут за металл», прицепилась ко мне намертво. Разумница, как выяснилось, интересовалась

музыкой и после довольно долгих (но не слишком) уговоров я таки напел ей, как сумел. Предупредил, правда, что слышал это на почти незнакомом языке, потому слов не знаю. На самом деле я их просто не помнил, поскольку никогда не пытался выучить. Дело уже дошло до совместного ужина, хоть и в обеденном зале моей гостиницы, но в отдельной выгородке. И я твёрдо намеревался довести дело до ужина, переходящего в завтрак. При этом не слишком скрывал свои намерения, плюс направление дара новой подружки — всё это давало основания предполагать, что мои планы не являются секретом для их «жертвы». А то, что она не пыталась меня отшить — давало надежду, что эти планы её вполне устраивают.

Короче говоря, настроение в этот день было хорошим с самого утра, и на то были основания. Насвистывая давно уже осточертевшую мелодию, я пришёл к месту грядущего действия. Тут уже околачивались Драун с Гролином, которые в самом начале собирались провести процесс сами. Ага, и сделать сплав монополией своего народа — по крайней мере, в ближайших окрестностях. Нет уж — союзничество, да ещё многовековое — хорошо, но табачок, особенно имеющий оборонное значение, лучше держать свой.

Кстати, эти двое неплохо постарались на ниве пропаганды. Уже на третий вечер, возвратившись со службы, я застал эту парочку в обеденном зале гостиницы. Где они, «случайно» придя раньше времени, ожидали меня с «важными новостями». Не знаю точно, как там они организовали то, что называется «слово за слово», но к моему приходу Гролин уже заканчивал ту самую историю про Рунные Трилистники, которую я подслушал как-то ночью. Вот только подробностей и живописных деталей было несколько больше.

— Дааа уж, — протянул один из офицеров гарнизона. Кстати, из числа тех немногих, что подчёркивали своё происхождение. — Хороший трофей. Это же хорошее поместье купить можно было бы. Интересно, где они сейчас, а?

В голосе явственно слышалось непроизнесённое «найти бы...». Тут на меня накатило. Перед глазами встала картинка, и как сами собой зазвучали слова:

— Пять дюжин чёрных троллей охраняли ставку Верховного Вождя. Огромные, могучие, почти неуязвимые. Пять мастеров лука из числа стражей. Пять дюжин рунных стрел. Полторы дюжины Рыцарей Ордена, ненамного отставая от косы смерти, прошедшей по внешнему кольцу стражи, помчались к холму с шатром. Десять из них прорвались и смогли уничтожить или отвлечь достаточное количество варлов, колдунов и шаманов противника, чтобы ослабить многокомпонентную магическую защиту Ставки. Пятеро из них ещё были живы, когда маги Ордена смогли свести на вершину холма Поцелуй Солнца.

— Это как же? Они знали, что... — чей-то голос из зала.

— Рыцари знали, что ни один из них не вернётся из этого боя. Стражи знали, что их шансы выжить невелики. Маги знали, что им придётся бить по своим и что путь домой пройдут не все из них. И каждый в Ордене был уверен, что цена не так и высока. Неудержимый селевый поток нашествия орды со смертью поистине великого Вождя и большинства племенных вождей и шаманов почти мгновенно превратился в быстро пересыхающее болото интриг и клановых междоусобиц. Из пяти Стражей двое — по иронии судьбы как раз те, кто мог бы открыть Лесную Тропу для всех выживших — полегли на месте. Ещё один, тяжело раненый, погиб при отходе. Из семи магов к своим вышли пятеро — двое отдали жизнь в заслоне, один выжег себя, защищая товарищей, полностью утратил Дар. Орден принял цену и уплатил её...

Я тяжёлой походкой двинулся к лестнице.

— Да, иногда легенда гораздо ближе к нам, чем мы можем представить... — протянул

Драун. И, характерно запнувшись (узнаю локоть Гролина), продолжил: — Или кто-то кто знает её истоки.

Ужинал я в тот день у себя в номере.

В последующие дни двурвы успели рассказать легенду о трёх душах Стражей — точнее, оформленную в виде легенды быль — и историю снятия осады с Липницы, плавно перейдя на историю Девятнадцатого Легиона.

Хорошо поработали. И вот сейчас переминаются с ноги на ногу в нетерпении. Оба — в кузнечном наряде, жутко гордые, что им доверили быть в числе помощников мастера, и они смогут сами, из первых рук, узнать все детали процесса. Ну что же, если все собрались — можно приступать к делу...

Когда все компоненты были введены в расплав, в строгом порядке, как ингредиенты в борщ (чтобы он не превратился в столовский «суп с бураками»), настал черёд образца с магической начинкой. Я с некоторой дрожью в душе опустил в тигель оставшиеся наконечники и, опустив на глаза артефакт-различитель, стал наблюдать за превращением смеси компонентов в наполненный губительной для зла магией сплав. И тут меня накрыло своего рода откровение. Или в Ордене завёлся математический гений, уровня Эйлера и Лейбница вместе взятых, или общий уровень развития науки в Мире гораздо выше, чем я представлял себе... Да нет, вряд ли. И мой Спутник, воспоминания которого не давали возможности понять механизм наследования сплавом магического компонента из заготовки — или дело в разном понятийном аппарате, или он просто был, мягко говоря, не силён в теории? Не знаю. Сейчас, когда разбуженное заклинание разворачивалось передо мной, поглощая поток льющейся в него силы, всё стало кристально ясно. Структура этого самого магического компонента представляла собой фрактал! Просто и изящно — берём любой фрагмент фрактала, увеличиваем его — и, пожалуйста, то же самое заклинание и во всём слитке, и в любой его точке. Гениально!

Не помню, в каком году на Земле стали известны математикам принципы построения бесконечно масштабируемых узоров? И как к этой идее пришёл неизвестный мне гений, составивший это плетение? Тем более не представляю, сколько труда стоило встроить весь требуемый заклинательный комплекс в такого рода топологию! Или...

Или тут постарался помочь один из четырёх богов, принимавших, по официальной легенде, участие в основании Ордена?

Пока я размышлял, формирование плетения в новом объёме почти закончилось. Осталось запитать вот эту ветвь, чтобы наполнить силой прорисовавшиеся на грани чувствительности завитки. Но что это? Поток энергии дрогнул, изменил конфигурацию и напор, невероятно прекрасная и пока ещё поразительно хрупкая структура начала трепетать, угрожая схлопнуться в бесформенное нечто. Один из двух магов пошатнулся и, шагнув назад, облокотился на верстак. Не медля ни секунды и не колеблясь, я обратился к собственному запасу энергии и направил её поток в точку входа плетения. Ещё успел подумать, что толку от этого вряд ли будет, тут с учётом работы второго мага нехватка энергии примерно в полтора моих запаса, но не смотреть же безучастно?!

К моему искреннему удивлению через пару секунд всё было закончено, и закончено благополучно. Более того, у меня в резерве ещё осталось некоторое количество маны!

И как же это понимать? Я ещё в первые дни определил свой боезапас в двенадцать-пятнадцать разрядов молнии, здесь я влил энергии столько, что хватило бы как минимум на двадцать-двадцать две, и что же?! Кажется, понимаю. Видимо, именно об этом говорил

Арагорн, что я уже имею, но ещё не знаю — увеличившийся энергозапас! Надо будет завтра на полигоне попробовать оценить его, отстрелявшись по мишеням до доньшка. А пока — вернусь в окружающую реальность.

Как только формирование глифа было завершено, по расплаву прокатилась волна структурных изменений, и он почти мгновенно застыл, сформировав причудливую кристаллическую решётку и полностью скрыв всю ту, в буквальном смысле слова, волшебную красивую вязь сил, что и придавала сплаву его особые свойства. Заодно стал более понятен и механизм срабатывания заклинания, и то, благодаря чему я мог накачивать этот металл силой. Кстати, надо предупредить мастеров.

— Вот, готов металл. Но работать с ним надо с некоторой осторожностью. Каждый раз, когда вы будете нарушать его цельность, деформировать или разрушать кристаллическую решётку (если вы понимаете, о чём я) — заклинание внутри будет просыпаться и проверять, не попал ли металл в цель, а потом снова засыпать. И каждый раз оно будет вытягивать из ближайшего источника немного энергии, чтобы возместить расход на проверку. Ничего страшного в этом нет, просто если работать будет не маг, то устанет в несколько раз быстрее, чем обычно. Желательно, чтоб обработку производил человек с Даром, хоть и самым слабым. Или чтобы при этом хотя бы присутствовал любой маг, кроме тёмного, разумеется.

Потом мы поделили полученный слиток, точнее — окончательно определили долю каждого из участников концессии. Мне отошло двадцать процентов от примерно шестидесятикилограммовой чушки. Двенадцать кило, по пятьдесят граммов на наконечник — двести сорок стрел. Сразу же заказал полсотни наконечников и оплатил работу авансом. Уже на что-то похоже. Если ещё учесть, что я заранее выторговал себе по семь процентов от каждой последующей плавки пока я в городе или пять процентов стоимости сплава независимо от того, где я нахожусь...

На полигон я пришёл в приподнятом настроении. Порадовал Инквизитора (так и не узнал, как же дядьку на самом деле зовут) новостью. И тут же истолковал её в нужном мне ключе: мол, теперь любой лучник одним попаданием может вывести из строя любого орка, а двумя-тремя (или одним удачным) — тролля. А, следовательно, эффективность и роль стрелков резко возрастают, и их следует выделить в самостоятельные подразделения со своим компетентным командованием. Плюс обучение — грех разбрасывать такого рода оружие без толку. Как-никак, десять процентов серебра в закладке. Конечно, есть шанс, что кто-то из осаждающих поцарапается о валяющийся на земле кусок металла. Или что сплав растворится из-за обилия тёмных аур вокруг и сделает ядовитой для врагов саму землю у стен, но... Возможность накачки стрел энергией и то, какой это даёт эффект я оставил на десерт. Просто пообещал показать один фирменный фокус, когда получу готовые наконечники. С другой стороны — много ли лучников имеют хоть самый слабенький дар и запас Силы достаточный, чтоб накачать одну-две стрелы? И много ли магов, пусть не сильных и не боевых, согласятся взять в руки лук и обучиться стрельбе из него?

Но, может, гильдия какой-нибудь амулет придумает на этот случай? Заготовить их несколько десятков, а то и сотен в мирное время, пусть в каждом накопителя хватит на пяток выстрелов — уже хорошо. И перезарядка таких амулетов особого труда не вызовет — на территории города и крепости три Источника (два земляных и один воздушный) и один Светлый Алтарь Земли. Поместить разряженные артефакты в любой из них на пару-тройку часов, и всё. Решено — завтра, сразу после демонстрации, настропаю Инквизитора, да и

сам зайду в Гильдию, подкину идею. А заодно и вариант её реализации, кое-какие мысли уже появились на эту тему...

Вечером успешную плавку отмечали и в гостинице. Двурвы, в разговорах между легенд и историй, порассказали кое-что из нашего путешествия, в том числе и об эффекте стражбего сплава против орков. К празднованию присоединилась и Изира — та самая дама из Гильдии магов. Она же, наклонившись ко мне через столик (открывшийся при этом вид сильно отвлекал от сути её слов), рассказала о причинах сбоя, чуть не погубившего плавку.

— Эти молодые балбесы, услышав, что их энергии хватит на процесс «с некоторым запасом», слишком расслабились. И если один всё же удержался в рамках, то второй пошёл на день рождения к подружке и там устроил праздничный фейерверк, потратив изрядное количество сил. Ночью потратил ещё сколько-то, а утром с больной головой не смог как следует пополнить резерв. Потом-то, уже в ходе ритуала, протрезвел окончательно и осознал, а толку? Держался он потом, как и подобает боевому магу, пока не начал сознание терять. Но если бы ты не подхватил канал и не имел достаточного запаса сил...

— Да уж... Может, стоило всё-таки взять магов поопытнее?

Изира фыркнула:

— Тех, что поопытнее, мы бы до сих пор убеждали, что действовать надо именно так, как им говорят, а не так, как они считают лучше. И то не факт, что они в процессе работы не стали бы авторитетом меряться.

Менталистка опустила глазки долу и, напустив на себя невинный вид, спросила, рисуя ноготком по капельке пролитого на стол вина:

— Будем тут праздновать или отправимся куда-то ещё, где чуть поуютнее?

Вопрос был вполне обоснован: офицерская гулянка в зале набирала ход и размах, половина уже, наверное, не помнила изначального повода. Но вот чувствовался в её словах, позе и голосе некий подтекст. Надеюсь, он мне не почудился?

— Я плоховато знаю город. И самое уютное из известных мне мест — мой номер в этом заведении. Если вас не оскорбит такое предложение.

— Предложение само по себе не оскорбит, а в дальнейшем всё будет зависеть от твоего поведения.

— Можете не сомневаться, приложу все усилия, дабы удовлетворить вашим требованиям.

— Знаешь, больше всего любую настоящую женщину оскорбляет пренебрежительное отношение.

— Да разве ж можно пренебречь такой красотой, как формы, так и содержания?!

За разговором мы дошли до моей двери, и я приоткрыл её, пропуская даму вперёд.

— И ты готов подтвердить искренность своих слов? — Изира остановилась в полушаге от дверного проёма вполборота ко мне, оставив между собой и косяком слишком узкую щель, чтоб можно было надеяться втиснуться в комнату, не задев её.

— Разумеется, — последнее из необязательных слов, что я успел проговорить, опуская правую руку на крутой изгиб бедра дамы, а левую — на дверной засов.

Таблетками из подарочка Арагорна я не пользовался, хоть один раз и мелькнула такая трусливая мыслишка. А вот к бальзаму под утро мы оба приложились основательно.

— Замечательная вещь! — прокомментировала контрразведчица последний глоток. — Производство открыть не планируешь?

— Да где там... — я сокрушённо махнул рукой. — Ни состава полного не знаю, ни, тем более, рецептуры. Так, основные компоненты. А жаль — такой был бы повод отпраздновать.

Я подмигнул женщине, которая сделала безуспешную попытку покраснеть (может, удалось бы лучше, будь на ней из одежды хоть бусы) и тут же перешла в контратаку:

— Ах ты ж, паразит. Тебе, значит, ещё какой-то особый повод нужен, помимо меня самой?

— Ну что ты, наоборот. Обычно такие редкие лакомства приберегают к особому случаю.

Тут она всё же немного порозовела и вернула разговор в конструктивное русло:

— Если бы ты отдал остатки бальзама, вместе с бутылкой, я могла бы озадачить парочку толковых алхимиков. Если заинтересуются — подойдёшь, расскажешь, что знаешь.

— Договорились. Только я ещё и одного из двурвов приведу. Они тоже бальзам пробовали и даже строили кое-какие предположения, исходя из национальных особенностей зельеварения.

— Ладно, приводи своего двурва.

По дороге на службу я заскочил к оружейнику. Простимулированный накануне материально мастер сделал десять наконечников вне очереди. Забрав заказ, я поблагодарил его за работу и лёгкой трусцой направился к плацу.

Демонстрацию «стрельбы с накачкой» решили провести ближе к обеду, за это время на стрельбище должны были соорудить по моим указаниям мишенное поле из набитых соломой чучел, изображающих атакующих орков, причём в трёх вариантах — слитный строй, пешая лава и «кавалерия» на волках. Ради того, чтобы я мог наблюдать за подготовкой, мы изменили план занятий. В частности — перенесли поход в лес на послеобеденное время, а на первую половину дня поставили занятия на тренажёрах и учебные стрельбы — пока ещё по неподвижной мишени.

Кстати, о мишенях. Идея насчёт подготовки мишенного поля потому была принята почти без споров и могла быть реализована так быстро оттого, что я уже дня три назад «продавил» реконструкцию стрельбища. Мой Спутник и я сам сошлись на мнении, что готовить армейских стрелков только по неподвижным мишеням — бессмысленно. Спутник был даже более радикален в этом вопросе. Компромиссным решением было учить бойцов по-старому до тех пор, пока не научатся определять расстояние до мишени и соответствующий угол возвышения, после чего — начинать тренировать в стрельбе по движущимся мишеням. Для этого требовалось значительно переделать стрельбище. Правда, с финансированием были некоторые проблемы, так что «планов громадье» пришлось урезать. Вариант стрельбища с приближающимся к стрелковому рубежу массивом из полусотни мишеней, падающих при попадании, который должен был тренировать лучников отражать нападение на позицию, пришлось забыть. Я-то раскатал губу, рассчитывая, что использование магии позволит отказаться от большей части громоздкой, но точной механики и тем самым удешевить проект. Но мне быстро и популярно объяснили, где и в чём я был неправ. Да уж, реальная экономика в условиях развитой маготехники — это отдельная тема. Самым дешёвым был бы гибрид механики с магией, но и тогда дело влетало в копейку.

Ладно, это всё лирика. Тем более что моё решение имело и неожиданный результат.

Около половины двенадцатого утра, когда мои бойцы как раз получили перерыв на

отдых между тренажёрами и стрельбищем, на территорию учебной части проник не кто иной, как мой «любимый» служитель культа. Лерий Трясогузик уверенной походкой покатился к казармам. Я тихонько последовал в ту же сторону. Но, поскольку мне было идти гораздо дальше (колобка я опознал издали благодаря новым возможностям моего зрения), я застал данного типа уже в разгар проповеди перед новобранцами из числа пехотинцев.

— Орки — такие же носители разума, как и мы с вами. Всё, что им нужно — это возможность жить по своим вековым укладам. Степным кочевникам не нужны наши леса и наши земли. Вместо того чтобы проливать свою и чужую кровь, надо просто разрешить им свободное перемещение по нашим землям, выторговав такое же право для граждан империи на территориях орков. Естественно, без права поселения там. Мир и гармония вместо войн и насилия, новая эпоха...

Тут блуждающий по лицам взгляд журуна наткнулся на мою мрачную физиономию, и голос, сорвавшись на фальцет, пресёкся.

— Ты почему не в лесу?! — возопил проповедник после полусекундной паузы.

Кое-кто начал похихикивать — видимо, бойцы, слышавшие о нашем противостоянии.

— Говоришь, разрешить оркам кочевать по нашим землям?

— Да, ради предотвращения кровопролития и гибели...

— Цыц! Этот бред я уже слышал. Если забыть, с каким количеством оружия «мирные кочевники» отправляются в поход. Если даже забыть про «милую» привычку орков есть всё, что шевелится, невзирая на наличие разума у обеда. Если забыть про их религию, связанную с поклонением Хаосу, и то, как отнесутся наши боги к проведению хаоситских ритуалов на своей территории. Если даже поверить в то, что весь бред, который нёс Трясозадик, имеет под собой какое-то подобие достоверности, что само по себе указывает на необходимость помощи целителя, а именно — специалиста по разуму. Так вот, при соблюдении всей этой кучи невыполнимых условий — цыц, я сказал! Так вот, представьте. Около этого города останавливается на недельку кочующая орда из тысяч пятнадцати орков. Вы, разумеется, в курсе, что они считают орду по числу воинов, соответственно всего в этой толпе будет тысяч пятьдесят голов. Теперь представьте количество скота — тяглого, вьючного, верхового, дойного, мясного. И подумайте — неужели орки принесут фураж с собой? Представьте, что останется от полей после хотя бы трёхдневной стоянки орды в окрестностях и сколько людей умрёт с голоду ближайшей зимой?

— Орки не станут разорять поля, они уважают право собственности!

— Только среди своих. Что не принадлежит другому орку — то, по их закону, бесхозно и принадлежит тому, кто первый нашёл. Кстати, если «найдут» на полях работающих крестьян — то их тоже причислят к бесхозной собственности. Это всё, кстати, часть того «многовекового уклада», уважать который нас призывает это вот недоразумение ходячее.

Первоначальная оторопь у Лерия уже прошла, и он явно собрался продолжить проповедь, ошибочно решив, что я имел глупость начать аргументированную дискуссию с демагогом. Как же!

— Я что говорил насчёт подрыва боеготовности? А? Тебя через какую дырку выворачивать, смертничек?

— Это не твои бойцы! Много на себя берёшь, Страж!

— Не мои. Но именно они будут в бою стоять перед лучниками, закрывать их стеной щитов. И боеготовность этих воинов напрямую влияет на выживание тех, что отданы под мою команду. Ладно, надоело мне это.

Я повернулся в сторону своей роты, которая понемногу подтягивалась всё ближе.

— Первый взвод, на изготовку! Мишень — «бегущий кабан», по три стрелы каждый!

Взводный, не то поддерживая мою игру, не то от чистого сердца, переспросил:

— Так нету ещё «кабана» вроде, командир!

— Один есть.

— А когда побежит?

— Вот сейчас пну — и сразу побежит отсюда, боров в рясе!!!

Лерий взвизгнул, подпрыгнул и с криком «Вы не посмеете!» рванул к городу. Его охранники, опять не выказавшие желания защищать подопечного, чем продемонстрировали изрядную долю здравого смысла, постарались догнать жреца и приготовились на всякий случай прикрыть его щитами. Я повернулся к ухмыляющимся стрелкам:

— Ладно, пусть бежит пока. А теперь — идём на стрельбище. Сегодня я буду стрелять, а вы — контролировать результат. Кстати, — я повернулся к пехотинцам, — где ваш командир?

— Он, того, отлучился ненадолго... С животом что-то, наверное.

Странное совпадение, Лерий явно знал, что ему никто не мешает вести свою работу по разложению подразделения. Ну да ладно, разберёмся со временем.

— Когда придёт — передайте ему мои соболезнования. И, если это произойдёт в ближайшие четверть часа, и он сочтёт возможным — пусть придёт, сам или с вами, на стрельбище. Думаю, это будет полезно и поучительно.

На мою демонстрацию собралась довольно большая и авторитетная компания. Нет, самого Наместника тут не было — он в последнее время вообще мало куда выбирался из резиденции, ссылаясь на возраст и недомогания. Рискованная политика — могут же и сместить, заменив кем-то помоложе. Или хоть попытаться сместить. А может, это результат жизнедеятельности Лерия? Нет смысла гадать, тем более что моё командование — вот оно, в лице коменданта, и Инквизитор рядом. Десятка два офицеров гарнизона, десятков магов разной специализации, включая мою новую подругу. Я прокашлялся и, поздоровавшись, начал вступительную лекцию:

— Должен предупредить, что воздействие взрыва на манекены будет намного слабее, чем могло бы быть в бою против настоящих орков.

— Интересно, почему это? Орки — они потяжелее будут, манекены должно сильнее разбросать, — раздался полный скепсиса голос.

— Потому, что образующаяся в результате взрыва суспензия оказывает на порождения Тьмы и Хаоса дополнительное травматическое воздействие. Как если бы плеснуть вам на открытый участок тела расплавленным металлом или кипящей кислотой. Соответственно — болевой шок, судороги, падения, завалы и прочие радости жизни. Манекены, понятное дело, от боли кричать и метаться не будут. Ну, приступим, по порядку.

Первой мишенью я выбрал группу травяных мешков, изображающих латный строй с ростовыми щитами. Эффект планировался минимальный, я же планировал наращивать зрелищность.

— Как видите, в обычной ситуации для обычной полусотни лучников с типичным уровнем подготовки шансы разрушить такой строй или нанести сколько-то заметный ущерб противнику — близки к нулю. Посмотрим, как с сюрпризом. Следите внимательно, я буду заполнять наконечник Силой медленно, попробуйте определить порядок действий.

Последнюю фразу я адресовал магам. Стрелу в руки, сформировать канал Силы, сплести его со структурой сплава, заполнение... Я залил количество энергии, примерно в полтора раза превосходящее то, что было нужно для моего первого боевого заклинания — молнии. Оперение к уху, выстрел с прицелом в шлем «орка» во втором ряду, причём с расчётом на то, чтоб стрела срикошетила вверх.

Вот же незадача — некоторые пропустили момент взрыва, поскольку смотрели на меня. Не думали, видимо, что буду стрелять прямо отсюда, собирались подойти поближе. В чём-то я их понимаю, сто пятьдесят метров, в пересчёте на местный «стандартный шаг» длиной около шестидесяти сантиметров — двести пятьдесят шагов. А для армейских лучников рубеж начала стрельбы определён в сто пятьдесят шагов же.

Вспухший серебристый шар взрыва опрокинул два манекена из первого ряда и один из второго. Кое-кто, в первую очередь — из числа магов, начал скептически хмыкать.

— Разумеется, боевой маг мог бы выдать что-то гораздо более впечатляющее, если бы у него была такая возможность. Вот только — сколько времени и усилий надо, чтобы подготовить его? А сколько для того, чтобы снабдить десятком таких одноразовых зарядов каждую полусотню? И как среагирует противник, получив сотню таких подарочков в первом же залпе? А если накрыть ими вражеский строй за пару секунд до столкновения с нашей кавалерией?

Когда мы все подошли к мишеням, я продолжил:

— Вот, смотрите: вся лицевая поверхность шлема покрыта серебристым налётом. Если бы внутри шлема был настоящий орк, то всё облако, осевшее на металл, втянулось бы внутрь, следуя за аурой цели. Ожог лица, глаз, частичная, а возможно и полная, слепота, боль... В любом случае, как боевая единица этот орк значения уже не имел бы.

Затем последовали обстрел рассыпного строя и лавы всадников, с аналогичными комментариями. Некоторые маги продолжали воротить носы, с основным упором на то, что «подготовленный маг способен на гораздо большее, и без дорогостоящих экспериментов со сплавами».

— Простите, уважаемые, но сколько стоит подготовленный маг? Его поиск, обучение, тренировка, содержание? Я уж не говорю о том, что далеко не каждый подданный империи может стать магом, а какой процент из них имеет подходящие склонности и способности, чтоб стать подготовленным боевым магом? Тут же — посадить учеников, подмастерьев, бытовиков и прочую околочарную братию, от которой в обороне толку чуть, на территории источника, и пусть заряжают наконечники.

— И что толку? Заранее не заготовишь, прямо в бою бегать туда-сюда с каждой игрушкой? И что останется от заряда, пока гонец доберётся до стен?

— А вот это уже похоже на деловой разговор. Утечки можно минимизировать рядом мер, например, вот таким вот закрытием подпитки, а также уровнем заряда. Кроме того, есть наметки защитных чехлов, которые сохранят наконечник в полной боеготовности минимум трое суток, а также многопозиционных держателей — своего рода колчанов на пару дюжин стрел.

— И что для этого понадобится? Во сколько обойдётся?

— А каков будет эффект? Если зелёные соотнесут количество накачанных стрел со Стражами и хоть на минуту поверят, что тут собралась четверть Ордена — они же драпать будут без оглядки, пока ноги не заплетутся.

— Ну, это уже преувеличение, честное слово...

Так, слово за слово, мы и дошли до здания Гильдии, по дороге утрясая черновик договорённости. Эскизы чехла и колчана мой собеседник (как оказалось позднее — опытнейший артефактор со стажем более чем полтора года лет) глянул мельком, буркнув только, что он примерно так себе и представлял, только сомневался, стоит ли именно так замыкать потоки. Ну и ладненько, от момента, как орки будут обнаружены, до начала собственно боёв пройдёт в худшем случае дня три. А стало быть, сюрприз клыкастые могут получить немалый.

Моя подруга забежала в гости ненадолго, сослалась на дела в Гильдии и возраст, который, дескать, не позволяет не спать по две ночи кряду.

— Что значит — «возраст»?! Человеку столько лет, на сколько он себя ощущает. А ты и выглядишь, и ощущаешься всеми пятью чувствами как красивая, интересная молодая женщина лет тридцати.

Изира взглянула на меня заинтересовано:

— Говоришь, молодая тридцатилетняя? Интересно... Обычно люди считают женщин этого возраста старухами, которым пора о свадьбе детей думать. Интересные вы люди — Стражи. Знать бы ещё, что ты на самом деле думаешь...

Вот же гадство какое — опять прокол, на ровном, можно сказать, месте. С мерками и привычками Европы начала двадцать первого века подступился к женщине совершенно другого мира, живущего по совсем другому укладу. А что значит — знать бы?

— Что значит — «знать бы»? Ты же менталист, мягко говоря — не из последних. Неужели не можешь прочесть меня? А если можешь — то неужели не поддавалась соблазну?

— Зачем ты такое говоришь? Это проверка какая-то, что ли? Это не в своём уме надо быть, чтоб Стража читать пробовать. Дело даже не в том, что у вас защита неплохая, хоть и не особо выдающаяся, я бы справилась. А в происхождении этой защиты. Обидеть сразу четырёх богов — покровителей и создателей Ордена?! Нет уж, я лучше потерплю.

Вот оно даже как... Каждый день, если не час, новости, причём о себе, любимом. Изира ещё минут пятнадцать попытала меня о составе бальзама, помогла вспомнить события, касавшиеся сбора Спутником трав в детстве, когда он только начинал учёбу в Ордене. На мой вопрос, не обидятся ли боги, маг отмахнулась:

— При чём тут это... Я ж не ломаю ничего, наоборот, укрепляю память, помогаю тебе с твоего же разрешения.

— Слушай, — осенила меня мысль, — а это усиление сколько продлится? Мне просто кое-что вспомнить надо, что видел давно и мельком...

— Ну, ещё с полчаса можешь поработать. Но потом — спать, обязательно, без вариантов и вопросов. И никакой выпивки!

Отлично, постараюсь вспомнить всё, что читал и слышал о блочных луках — надо же разобраться, в чём у меня проблема? А насчёт спать — завтра же выходной. Храмовый день, что-то вроде нашего воскресенья. Теперь-то я уже учёный, это неделю назад примчался на второй день службы в общий выходной на базу...

Особого чуда не произошло, но две главные свои ошибки я осознал: во-первых, тросик и тетива — это не одна и та же «верёвка», а две разные, соответственно, ни о каком замыкании тетивы в кольцо и речи не идёт. А во-вторых, как минимум один из роликов должен быть эксцентриком! Я быстренько зарисовал всё, что смог вспомнить (в том числе и третью точку опоры тросика, которая отводила его в сторону с пути стрелы), и

действительно лёг в койку. Завтра будет день и будет время для экспериментов, хоть я и крепко сомневаюсь, что удастся подобрать размеры эксцентрика и нижнего ролика так быстро.

Утром я решил сходить в главный городской Храм, как и большинство горожан. Разумеется, преследовал при этом сразу несколько целей, далеко не всегда благочестивых. Во-первых, слиться с народом, чтобы стали меньше видеть во мне чужака. Во-вторых, принести пожертвования богам, которые участвовали в создании Ордена и считались его покровителями. А заодно постараться, не привлекая ненужного внимания, подарить что-то Арагорну. Понятно, что он и без жертвы не обеднеет (и от меня не отцепится), но всё же... Как говорится, доброе слово и кошке приятно, что уж говорить о более высокоорганизованных существах? Если уж достоверно известно о существовании богов и один из них более чем зримо участвует в моей жизни, то игнорировать их было бы весьма глупо. В-третьих, попытаться как-то поправить отношения с главой жреческой гильдии. В-четвёртых, постараться собрать кое-какую бытовую информацию, которой Спутник не очень меня баловал, да и заронить в головы местных парочку полезных с моей точки зрения мыслей. В-пятых, проследить за деятельностью моего «любимого» жреца и, при необходимости, пресечь её. В конце концов, просто скучно сидеть в гостинице, где нет никаких развлечений, кроме выпивки и сплетен выпивающих с наливающими.

В зале гостиницы сидели двурвы и вели рассказ о трёх душах Стражей, которых пытались насильно удержать в Мире. Да уж, поучительная история и почти полностью достоверная. По крайней мере, места, где это происходило, теперь всемирно известные достопримечательности. По одной в «нашей» Империи, в Империи Последнего Оплота (или, проще говоря, у «закатников», расположившихся на огромном острове) и у орков. Ну, не буду отвлекать, равно как и мешать слушателям.

При входе на площадь ко мне подскочил странный субъект. Худой, ссутуленный дядька, если бы его распрямить, то ростом выше среднего по местным меркам, с физиономией, покрытой запущенной клочковатой бородой. Растительность пыталась кучерявиться и торчала во все стороны витыми сосульками.

— Приятно видеть в нашем захолустье благородного и образованного человека. Уверен, вы, как никто другой здесь, способны оценить истинное величие духа, равно как и глубину таланта творца, — затараторил дядька сладким голосом. — Я вижу на вашем умном лице отблеск понимания. Творческий поиск, радость озарения ведь не чужды вам? Как и горечь от чужой непорядочности!

Всклокоченный потряс сжатым кулачком куда-то в пространство, второй рукой он продолжал цепко держать меня за рукав. Кажется, меня угораздило нарваться на местную достопримечательность. Если дать по шее — на меня сильно обидятся окружающие? Ладно, до храма потерплю его, а там видно будет. Пока я предавался размышлениям, непонятный субъект продолжал свою речь, которую он уже и не пытался представить диалогом. Похоже, сел на любимого конька и реакция собеседника для него совершенно не важна. Голос дядьки обрёл какие-то повизгивающие нотки, в нём звучали искренние гнев и горечь.

— ... эти бесчестные плагиаторы! В итоге я — подумайте только, Я! — вынужден влачить жалкое существование, пока другие пожидают плоды моего труда! Вот статуя богини Жизни в образе Весны — разве она не прекрасна? Моя работа. А витражи на ратуше? Тоже моя идея. Жалкие недоучки украли и испортили бездарным исполнением. Всё, всё

переврали — три фигуры вместо пяти, другой Император, изобразили принятие Императором присяги вместо зачитывания им Эдикта. Цветовую гамму тоже испортили. Всё, всё переврали жалкие, ничтожные личности! Вы слышали о блестящей речи нашего Наместника на прошлом заседании городского управления? Я, я её сочинил! Я знал, что её будут стараться украсть, никому не читал, даже не записывал и вслух не произносил — и что же? Всё равно украли! И опять всё испортили! Вместо речи о бесстыдстве и несправедности местных жительниц получилось выступление о распределении бюджета. Но идея-то моя! Обращение в начале речи, третья фраза начинается со слов «а теперь приступим», в седьмом и одиннадцатом использован глагол «думаю» — все, все признаки налицо!

Клочковатый нехорошо возбуждился, пальцы левой руки впились в мой рукав так, что побелели, изо рта вылетали брызги слюны, в глазах полопалось несколько мелких сосудов. Эх его расколбасило-то... Встречные аборигены косились на меня с насмешливым сочувствием и старались держаться поодаль, но далеко не отходили.

— А вот наш главный Храм! Чудесное строение, уникальная акустика, проповедь слышна по всему залу и на площади, а то, что говорится у статуй богов, не слышно даже у соседнего алтаря. Я, я придумал всё здесь! И проект, и звучание, и где материал взять — а успех у меня опять украли!

Я скептически покосился на укреплённую у входа табличку, согласно которой Храм был заложен более трёхсот лет назад. Навязавшийся на мою голову псих или проследил мой взгляд, или просто увидел более благодатную тему:

— А вот статуя бога Изобилия, Виноделия и Праздников. Смотрите, какая гордая осанка, какая роскошная, крупными локонами, борода! Ничего не напоминает, нет? Ну, как же! Это же я! Именно с меня ваяли эту статую. Больше скажу, мне хотели поставить памятник в центре города, но злобные завистники украли под покровом тьмы...

— Опять ты за старое?! А ну, брысь отсюда, недоразумение! — вмешался новый участник разговора. На крыльце стоял жрец бога Воинов со строгим выражением лица. Дядька ойкнул и, непрерывно похлопывая себя по ляжкам, скрылся в засмеявшейся толпе.

— Надеюсь, он не слишком вас утомил?

— Не успел, но определённых успехов в этом достиг. А кто это?

— Да, местный юродивый, Аврик. Всё, что ему понравилось, считает своим, но украденным у него, вот и мелет языком. Раньше возле нашего Храма ошивался, но когда начал вещать, что этот храм изначально был его, то есть построен для поклонения ему... Короче говоря, три раза у него за день штаны загорались на интересном месте. В итоге намёк он понял и в том квартале не появляется. Да и на божественность претендовать с тех пор не пытался.

Жрец придержал дверь Храма, пропуская меня внутрь, как хозяин гостя в дом. Потом, войдя внутрь, продолжил:

— Главное, ни в коем случае не отвечать ему. Если дать понять, что не верите — обидится и начнёт сплетни распускать, если хоть в чём-то согласиться, то ещё хуже — через день весь город будет знать, что вы полностью его поддерживаете и готовы отстаивать его права. В-общем, лучше ему не попадаться, а если что — молча тащите к нашему алтарю — смоемся не ближе, чем за полста шагов, проверено.

— Благодарю за помощь и совет.

— Не за что.

— Не подскажете ещё заодно, где здесь алтарь Урлона? Хотелось бы сделать

пожертвование.

— Этому противиться не буду. Но, по дошедшим до меня слухам, около дюжины дней назад вы и так ему богатую жертву принесли? Впрочем, не смею мешать общаться с Высшими.

Жрец откланялся и ушёл по своим делам. Да уж, и правда — выручил, я уже не знал, как от обузы избавиться. Надо бы и мне делами заняться...

Двигаясь к выходу из Храма, я натолкнулся на некую довольно экзальтированную дамочку, которая эмоционально проповедовала, стоя недалеко от входа в главный зал с улицы. Простое серое платье, платок... Или послушница, или просто ревностная прихожанка. А о чём же она вещает? Опаньки, благоглупости всеобъемлющего масштаба — судя по тому, что в разных мирах звучат почти одинаково.

— Путь насилия — это прямая дорога к хаосу! Созидание и Согласие — вот стезя, заповеданная нам Богами для укрепления Порядка! В то время как насилие — деструктивно по сути своей и бесплодно. Ничто не может быть создано путём насилия, но всё может быть разрушено!

Я выдавил из себя громкий смех, стараясь, чтоб он звучал искренне и радостно. Да уж, никогда не считал себя хорошим актёром. Но — услышали, особенно проповедница, до которой было метра два.

— Вас что-то насмешило? И что же?!

— Ну, как же, — ответил я похихикивая и вроде как утирая слезу в уголке глаза. — Ваша шуточка про насилие и созидание, с их противопоставлением. Давно так не смеялся. Скажите, в город цирк приехал, и Вы собираете зрителей? Вы из труппы, да?

Дамочка закаменела.

— Если Божественные Откровения кажутся вам шуточками, а Жрецы Богини — комиками...

Я невежливо перебил, уже не пытаюсь имитировать веселье:

— Я слышал только Откровенную Дурь, которая никак не может исходить от кого-то из богов. И заподозрить тех, кто изрекает подобное, в наличии здравого смысла не могу.

— То есть вы не согласны с тем, что Насилие разрушительно? Или с тем, что Разрушение — антипод созидания?

Честно сказать, никогда мне не нравился эпизод у Хайнлайна с разбором этого же бреда в «Звёздных рейнджерах». Как-то вял был полковник Дюбуа и невнятен в своей отповеди. Что ж, попробую быть более доходчивым и убедительным.

— Я не согласен с тем, что Вы и подобные вам приравнивают разрушение к насилию, выворачивая здравый смысл наизнанку в угоду своим бессмысленным рассуждениям. Я берусь доказать, что любое созидание неизбежно содержит в себе зерно насилия, более того — без этого самого насилия оно просто невозможно.

— Это как же?! — проповедница совсем немного, на долю секунды, растерялась, не зная, на что реагировать в первую очередь — на суть моего заявления или на личный выпад. Что и требовалось.

— Да очень просто. Вот у вас на груди висит кулончик...

— Это символ веры!

— Да пожалуйста. Он был создан людьми, не правда ли? Что же, рассмотрим, как его создавали. Шахтёры, совершив насилие над горой, выкопали штольню. Насильственно вырвали из жилы кусок руды и выволокли на поверхность. Совершив ещё ряд

насильственных действий над невинной рудой, люди выплавили металл. А затем, усугубляя свою вину, не дали металлу растечься свободно, а насильственно придали ему нужную форму. Интересно, сколько эпох понадобилось бы, чтоб уговорить руду превратиться в подвеску добровольно, на основе Согласия?

В толпе раздались смешки — видимо, кто-то представил себе процесс уговаривания руды.

— Это не есть Созидание в истинном его смысле! Простое, банальное изменение ранес созданного! Если же говорить о Подлинном Созидании...

— Хорошо, пусть будет так. Хотя этому «банальному» люди учатся многие годы. Давайте так — вы сами предложите мне пример любого предмета или объекта, созданного кем и как угодно, или же любой акт творения. И я назову то насилие, которое сделало возможным предложенное вами созидание. Только вот даже акт Божественного Творения, результатом которого стало возникновение этого Мира, — я счёл, что идею Большого Взрыва озвучивать не время и не место, — был актом насилия по отношению к первоначальному Хаосу...

Послушница (или жрица?) захлопнула открытый было рот. Неужели угадал её пример? На лицах окружающих видна напряжённая работа мысли. Пусть подумают — бывает полезно.

— А пока вы размышляете, я, с вашего позволения, растолкую всё поподробнее. Насилие не есть некий абсолют или «вещь в себе», это всего лишь инструмент. Универсальный и мощный, но — инструмент. Используется он во зло или во благо — зависит от того, в чьи руки попадёт. Всякое, повторю, созидание несёт в себе элемент насилия...

— Неправда!

— Вы уже придумали пример? Нет? Я даю вам шанс доказать, что я неправ, а вы им пренебрегаете? Продолжу. Этот самый элемент насилия должен содержать три аспекта: насилие должно быть обдуманным, точно направленным и дозированным. Отсутствие любой из этих трёх опор может превратить Созидание в Разрушение, а может и не превращать. В то время как отсутствие любых двух опор неизбежно ведёт к Хаосу, и мои оппоненты предпочитают оперировать примерами именно такого насилия.

Я перевёл дух. Добить или нет? Долой ложный гуманизм!

— Более того, насилие в большей степени является именно инструментом созидания, нежели разрушения. Моя собеседница пока не смогла придумать достоверно ненасильственного акта созидания, в то же время я могу, не слишком утруждая себя, назвать несколько примеров ненасильственного разрушения.

— Это как же?! — с ядом в голосе осведомилась, прерывая свои мысли, проповедница. Решила ущучить меня на другом поле?

— Например, маг создаёт заклинание. Создает, подчинив своей воле силы стихий и заставив их выполнять нужную ему, магу, работу. Но как только в заклинании, если оно не создано способным поддерживать себя, заканчивается запас энергии — оно разрушается, безо всякого насилия. Вообще любой процесс, предоставленный самому себе, идёт к угасанию, прекращению и разрушению. И только кропотливо рассчитанный, тщательно выверенный и точно направленный акт насилия (то есть — приложения сил) может на какое-то время притормозить этот процесс или обратить его вспять — на какое-то время, в каких-то пределах. Огонь гаснет, если не подбрасывать топливо. Пруды пересыхают и

исчезают, успев побывать зловонным болотом.

— Пруды высушивает Солнце, а это тоже насилие, — голос из толпы.

— Меня радует ваше возражение, — я повернулся в ту сторону. — Оно говорит о том, что вы, здесь присутствующие, думаете над моими словами. Но вот по сути... Налейте в чашу воды, поставьте её в тёмном чулане, где никогда не бывает солнца, и проведайте через пару дней — уровень воды убудет. Вот если сотворить насилие — закрыть чашу плотно притёртой крышкой, которая будет удерживать влагу внутри...

— Дитя! — вдруг провозгласила проповедница.

— Кто?

— Зачатие и рождение ребёнка, создание новой жизни — вот пример Созидания без разрушения и насилия! — моя оппонентка явно гордилась своим примером.

Хм, один из самых сложных и скользких в толковании примеров. Но, поскольку у меня на продумывание вариантов было много времени, ответить смогу. При этом наиболее спорные возражения стоит исключить самому.

— Да, пример хороший, сложный, но — увы... Я не буду касаться спорных вопросов о том, какая часть зачатий действительно добровольна и желанна для всех участвующих сторон и прочего. Возьмём некий идеальный случай. Вы, собственно говоря, в курсе, как вообще происходит зачатие?

Жрица что же, смутилась и порозовела?! Забавное существо — поднимать такую тему, не будучи готовой обсуждать детали? Ох уж эти мне «незамутнённые девицы кристальной чистоты»! Если противник сам даёт дополнительное оружие...

— Судя по милому румянцу, в курсе, по крайней мере в той части, что касается внешних проявлений процесса, — кто-то хихикнул, румянец усилился. — Но я, собственно, имел в виду процессы, происходящие внутри. Семя содержит множество «семян», доказывать это — тема отдельного разговора, но многим это известно и так. Но только одно из них достигает цели и становится зародышем, становится в борьбе с другими «семенами». Борьба без насилия? Не смешите мои тапочки! Но для тех, кто мне не верит насчёт борьбы, продолжим. Та самая «новая жизнь», созревая внутри матери, берёт от неё всё, что ей, новой жизни, нужно. Ничуть не заботясь об интересах самой матери. Скажите, здесь присутствующие, сколько матерей потеряли зубы за время беременности и кормления грудью? У скольких выпадали и редели волосы? Невинное (на самом деле, ибо не отдаёт себе отчёта в том, что делает) дитя насильственно отбирает у матери всё, что ему нужно — и без этого насилия просто не выживет. Я уже не говорю о самих родах. Вы, девушка, как-нибудь попроситесь в помощницы к повитухе, это сильно расширит ваши представления о мире.

— А ящеры? Отложили себе яйца и пошли спокойно, без мук и прочего. Или рыбы — выметали икру, и всех забот...

— Тут чуть-чуть сложнее. И одновременно — проще.

— Это как это?

— Ну, самое простое, что лежит на поверхности — не разрушив скорлупу, новорожденный не сможет начать свою жизнь, то есть рождение всё равно неразрывно сопряжено с актом насилия и разрушения. Но есть и более глубокий, я бы даже сказал — философский пласт. В случае человека насилие, пусть неосознанное, направлено от будущего ребёнка на мать. Рыбы и прочие уклоняются от ответственности за потомство, перекладывая всю тяжесть последствий на своих будущих детёнышей — и открывая их насилию среды. Из миллионов, то есть — тысяч тысяч, икринок вылупляются тысяч

пятьдесят рыбьих личинок, из них вырастают шгук двадцать взрослых рыб. А остальные служат жертвой, которой их родители откупились от ответственности и от насилия по отношению к ним. Но не всем это удаётся — есть рыбы, которые гибнут после нереста, отдав всё потомству. И у ящеров, если они не домашние, разоряются три кладки из четырёх. Да и в уцелевшей тоже выживают не все зародыши.

К моей противнице в споре явно шло подкрепление. Не желая и дальше обострять ситуацию, я сказал:

— Не смею больше злоупотреблять вашим вниманием. Да и пора уже готовиться к общей проповеди, — после чего начал проталкиваться в сторонку.

Кстати, об общей проповеди. Странно было ожидать такого в политеистическом храме, посвящённом всем богам, но вот смотри ты. Тот самый главный жрец каждый большой выходной читал речь, касавшуюся не каких-то конкретных догматов, а, так сказать, общенравственных вопросов. После чего все желающие могли подойти за благословением или к самому главе профсоюза, или по конфессиональной принадлежности.

Отходя от места своей лекции, я наткнулся на раздражённый взгляд главного жреца. Кажется, на планах по улучшению отношений можно ставить крест. В том, что не казалось, а так и есть, я убедился сразу после проповеди, когда пытался получить благословение — вредный дед просто прошёл мимо меня, как мимо пустого места. Да уж, отказать в благословении — это сурово. Чувствую, жить мне в городе станет труднее и неприятнее. В средневековой Европе после подобной выходки какого-нибудь епископа меня и на костёр могли потащить. Не знаю, как бы обернулось тут, благо ситуацию разрядил жрец Урлона, который шёл следом за главарём и благословил меня с таким видом, словно я именно к нему и подходил, при этом ещё и подмигнул заговорщицки. Видимо, слышал мою речь (или пересказали), и она ему понравилась, что неудивительно, с учётом специализации. Блин горелый! Главарь-то из того же клира, что и отважюканая мною дамочка! Да уж, дядя Витя, умеешь ты находить друзей, особенно — среди представителей власти.

Вечером ко мне в гостиницу вновь пришла Изира. Я как раз сидел в общем зале за ужином, стараясь не замечать лукавых взглядов и подмигиваний одной из хозяйских дочек. Оно мне надо, искать неприятностей от хозяина? Тем более что у меня уже есть подруга в этом городе. Кстати, вот и она...

После того, как мы поужинали и под ехидным взглядом присутствующих поднялись ко мне в номер «смотреть интересный амулет, найденный в эльфийском городе», она спросила:

— И зачем было устраивать это представление с послушницей Целительницы в Храме?

— Да какое там... Просто увидел излишне возбуждённую дамочку, изрекающую благоглупости — ну и потыкал немножко носом в её же кучку.

— И зачем?

— Знаешь, ситуация сложная, с деморализацией жителей и подрывом боевого духа гарнизона и Лерий справляется более чем. Придушить бы, да руки коротковаты. Не надо ему добровольных помощниц.

— И стоило так перегибать палку? Ты же чуть не весь их символ веры под сомнение поставил.

— Как говорят мудрецы в одной очень-очень далёкой стране, «чтобы выпрямить кривую палку — нужно перегнуть её в обратную сторону». А так — может, кто и призадумается, если хоть человек пять к моменту возвращения домой не забудут, о чём я

говорил.

— Ну-ну... Не надо так прибедняться, это одна из самых модных тем сегодня.

— С чего бы так?!

— Ну, Стражи и раньше интерес вызывали, а уж сейчас, когда вас осталось-то... — она осеклась и посмотрела на меня слегка виноватым взглядом. — Тем более и двурвы твои своими рассказами интерес подогревают. И тут такой спор...

Изира махнула рукой, потом усмехнулась.

— Я из-за чего задержалась-то. Парочка молодых дуболомов из Гильдии устроила попойку под лозунгом «Боевые маги — самая созидательная сила Мира». Поскольку наливали всем, кто с ними соглашался (из своих, гильдейских, разумеется), пьянка быстро разрослась. Потом, понятно, слово за слово, один пристал к целителю насчёт того, какое насилие он предпочитает в общении с молодыми пациентками, тот ответил заклинанием, расслабляющим кишечник...

Я невольно засмеялся и уточнил:

— Жертв не было?

— Нет, не успели. Даже разрушений особых не случилось. Но меня привлекли к наведению порядка.

— Ну и ладненько. Надеюсь, ты сюда не проповеди читать пришла и не порядок наводить? — я плавно провёл пальцем по её позвоночнику, от затылка и до... Дотуда, где позвоночник заканчивается.

Изира потянулась, как кошка, но ответила старательно недовольным голосом:

— Вечно вам, мужчинам, одного надо!

— Ты не права! Мне от тебя сегодня надо... — я закатил глаза и начал загибать пальцы: — Раз, второй так, потом этого, вот так вот ещё... Много всего надо!

— А справишься? — в глазах женщины заплясали чёртики.

— У меня есть секретное оружие. Если что — уболтаю до потери сознания!

Следующая неделя была уже вполне рутинной: муштровка новобранцев, визиты в Гильдию магов, посиделки с Изирой... Тот мастер-оружейник, с которым мы пытались воспроизвести блочный лук, получив новые выкладки, как-то на удивление быстро ухватил основную идею и весь ушёл в подбор размеров эксцентрика. Всю работу свалил на помощников и подмастерьев, и у него даже получилось добиться эффекта — для нашего макета с размахом плеч около полуметра. Дело встало за достаточно прочной и гибкой тетивой, но с этим была проблема. Двурвы, которым я сказал, что немного погорячился и мне подойдёт тросик раза в полтора-два толще, чем просил сначала, попытались обидеться. Они решили, что я в них не верю и собираюсь облегчить задачу. Пришлось объяснять, что это не так, для чего рассказал им про идею блочника. Лук, изготовленный полностью из металла и способный прицельно метать стрелы на семь сотен шагов, им очень понравился. Настолько, что даже не сразу поверили в осуществимость идеи, зато когда убедил... Обещали первую тетиву через неделю, не позже.

Ещё запомнилась возня с перегонным кубом, в рамках воссоздания бальзама. Нет, само устройство алхимики знали, но вот залить в него вино или брагу — или не додумались, или не придали значения результатам. Зато с моей помощью оценили свойства спирта как растворителя и для приготовления вытяжек. Пришлось читать отдельные лекции на тему «Это пить нельзя! Потравитесь к гоблинам, разбавляйте хотя бы раза в два с половиной!».

Зато вечером перед очередным выходным Изира пришла с заговорщицким видом и принесла фляжку с образцом народного творчества по мотивам бальзама Стражей. Напиток оказался заметно крепче прототипа — градусов тридцать два-тридцать пять примерно, то есть слабее водки, но ненамного. Эффект оказался намного меньше, зато, по словам чародейки, не было ограничения на срок использования «после откупорки». Нет, пить такого рода напитки просто как выпивку, да ещё и вечером — это не только кощунство, но и провокация для собственного организма. Тем более, если делать это в компании с привлекательной и расположенной ко всем видам общения женщиной... Утром я являл собой пример неизвестной в Мире некромантии — зомби типичный. Или, как говорят: «поднять — подняли, а разбудить забыли».

И да, привязавшийся ко мне намертво в первые дни пребывания в городе мотив из «Фауста» аукнулся. И тут тоже приложила свои ручки гиперактивная в некоторых областях женщина из Гильдии магов. Короче говоря, моих учеников решили не разгонять по полусотням, как было принято, а, в качестве эксперимента, оставить в виде отдельной роты. И отрядной песней сделали ту самую арию Мефистофеля, в местной аранжировке! Наверное, композитор перевернулся бы в гробу, услышав своё произведение в переложении на два барабана, флейту и два рожка. Но в целом получилось достаточно приемлемо, даже удивительно, сколь много Изира смогла извлечь из моих «пам-парам-пам-пам-парам»! На следующей неделе обещали ещё и слова подобрать, причём первую строчку клятвенно обещали не трогать: «люди гибнут за металл» — очень, мол, уместно для гарнизона Резани.

Главную задачу: прекратить деятельность Лерия Трясогузика, желательно — полностью, решить не удалось. Осторожничать начал, гадёныш. Пришлось ограничиваться контрпропагандой. Последние два дня с лёгкой руки двурвов город вспоминал снятие осады Липницы и историю Девятнадцатого Легиона.

И вот свежеподнятый зомби двинулся в сторону городского Храма. Наученный горьким опытом, осмотрел окрестности на предмет наличия Аврика поблизости. Как я выяснил за эти дни, дядька он был, как ни странно, вполне обеспеченный. Просто ему некогда было следить за собой, а порой даже и поесть — слишком много сил тратил на поиски того, что ещё у него «украли», и подбор «доказательств». Тщательно избегая больших скоплений народа и любых разговоров («улыбаемся и машем», ага, хоть и в другом смысле), пробрался в Храм. Очень хотелось вести себя пайнкой, тем более что выяснилось — Трясогузик сумел заручиться поддержкой некоторых младших офицеров не только стражи, но и гарнизона, можно было ожидать провокаций, перетекающих в дуэли или даже в попытку ареста. А оно мне надо — устраивать бои в городе? Даже если и сумею прорваться к воротам — всё, сделанное мною ранее, будет безнадёжно испорчено и враг сможет торжествовать. Как бы лишит Лерия сана, или хотя бы поддержки Поликавтия, верховного жреца? Надо думать, держать уши на макушке и думать.

Пока вроде всё идет, как задумано — я уже час, как вошёл на храмовую площадь, а ещё ни с кем не поругался. Правда, лапочка? Так, начинается проповедь, народ притих, послушаю-ка и я, надо только физиономию подходящую надеть.

Вдруг по толпе как ветерок прокатился. Статуя бога Правосудия и Справедливости вдруг налилась мерцающим светом, который наполнил Храм. Твою дивизию, он что, воплощаться затеял?! С какого перепугу-то?! Статуя открыла глаза, заполненные белым пламенем, немного повела головой и, уставившись прямо на меня, изрекла:

— Ты что тут делаешь?! А ну, брысь из города!

Вот это подстава! Народ шарахнулся в стороны от меня, но это ненадолго: сейчас соберутся с духом, и... Краем глаза уловил какую-то активность слева: там по краю толпы пробиралась шайка, возглавляемая тремя перевербованными Лерием офицерами. Вроде и сам колобок мелькнул между колоннами. Ну, эти церемониться не станут, блин, принимать бой в Храме?! Сомнут толпой!

Я только сейчас заметил, что скользнул в ускоренное восприятие, вот только как-то мне слишком трудно, будто кто-то выпихивает в обычный режим существования. Кстати, голосок у статуи подозрительно знакомый. Но если и так, то ЭТА шуточка грозит стать последней — по крайней мере, для одного уроженца Земли...

Меня вытолкнуло в обычный мир, фигуры людей вокруг отмерли. Где-то заскрежетала сталь по ножнам. «Ты что творишь, гад божественный?!» — мысленно заорал я. Выдержав МХАТовскую паузу, во время которой у меня изрядно добавилось седины, голос продолжил: — Тебе больше заняться нечем, как штаны тут просиживать?!

Я решил, что терять мне уже нечего (или почти нечего), и ответил погромче, чтобы меня услышало как можно больше народу вокруг:

— Сам обещал месяц отдыха!

— Не месяц, а несколько недель. Две — это несколько, так что готовься к выходу.

Толпа вокруг недоумённо замерла. Разговор поворачивался как-то иначе, чем казалось вначале. Вот и «группа быстрого реагирования» замерла в сомнении. А я убедился, что разговариваю действительно с Арагорном. Вот только почему он из чужой статуи вещает? Ай, кто их там разберёт, небожителей, с их отношениями и заморочками?

— Хорошо, дела только закончу основные. У меня тут, знаешь ли, тоже обязательства.

— В этот раз я тебя уговаривать, как раньше, не буду — надоело. А раз дела завелись — то и отдых тебе уже не нужен. Тем более что сам знаешь — вся эта возня здесь не стоит твоей задачи. Как и сам этот городишко.

— Вот уйду я от тебя на пенсию. Сам будешь бегать по Миру, прорывы Хаоса пальцем затыкать!

Кто-то рядом сдавленно ахнул. Не то от уважения, не то от страха — так разговаривать с богом мог, по мнению любого здравомыслящего горожанина, только настоящий самоубийца.

— Найду другого Посланника. Да и куда ты денешься, пока Миссию не выполнишь... Короче говоря, чтоб завтра с рассветом ноги твоей не было в городе!

Глаза статуи начали угасать, но тут же разгорелись снова:

— «В городе» означает внутри стен, независимо от высоты над уровнем земли. А то знаю я тебя — уже, наверное, придумал закрыться где-то в башне и в город носа не совать?

Я тяжко вздохнул и развёл руками.

— То-то же! Помни — не позже рассвета! Дорогу тебе мой подарок укажет.

— Как же, подарочек... Сколько из-за него побегать пришлось, сколько орков положить, не говоря уж о гоблинах...

Ощущение божественного присутствия схлынуло. Многие, как я заметил, рухнули на колени, несколько человек лежало на полу, не то без сил, не то без сознания. Очень многих покачивало. Самыми бодрыми выглядели жрецы, хоть и они были как пыльным мешком из-за угла ушибленные. А вот я — хоть бы что, даже наоборот, какая-то бодрость духа, кожу у

основания волосков будто маленькие разряды статики пощипывают.

Надо ли говорить, что проповедь была безнадежно сорвана? Люди в храме смотрели на меня большими глазами, кто-то шарахался в сторону, кто-то наоборот, пытался дотронуться до плаща. Трясогузые гвардейцы при моём приближении довольно убедительно изобразили телепортацию. Я подошёл к главному жрецу и, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально и даже почтительно, спросил:

— Надеюсь, сейчас вы согласитесь благословить меня в дорогу?

— Нет.

Даже собственные помощники воззрились на Поликавтия с удивлением и недоверием. А тот продолжал:

— Что может добавить реке кружка воды? Зачем благословение простого пастыря, приставленного к слабым духом смертным, Посланнику богов, говорящему с ними на равных?! Мне впору самому просить наставления и ободрения, а не раздавать их.

Пожилой служитель культа вздохнул и, повысив голос, продолжил:

— Надеюсь, все понимают, что работы, связанные с помощью Стражу собраться в путь, не имеют отношения к мирской суете, которая не одобряется в этот день? Более того, я согласен зачесть их за храмовую повинность, ибо делаться будут во исполнение божественного повеления.

Жрец развернулся и, ссутулившись и пошаркивая ногами, удалился куда-то за алтари. Что это с ним, как-то слишком его впечатлило произошедшее...

Остаток дня прошёл в беготне. Я из принципа решил выйти из ворот Резани с первым лучом солнца и не делал из этого секрета. Собственно, и сборов-то тех было... Официально уведомить коменданта города, попрощаться со своими подчинёнными и с двурвами (они бы, может, и увязались за мной, но были вынуждены ждать возвращения гонцов и решения Старейшин), собрать кое-какие вещички в дорогу. Вот с этим и пришлось больше всего провозиться.

На дно рюкзака я пристроил пару полуторакилограммовых слитков стражьего сплава. Помимо этого, какое-то время назад было заказано несколько метательных ножей из этого же металла. По некоторым намёкам Арагорна можно было сделать вывод, что в будущем возможно сотрудничество с другими попаданцами. Поскольку не известно, какими навыками и умениями они обладают, подстраховаться и снабдить оружием, гарантированно способным быстро уложить не только орка, но и кого-то посерьёзнее, будет нелишним — так я подумал. Правда, и тут я невольно выделился из массы, сам того не желая. Просто нарисовал эскизы ножей, держа в уме кое-что из аналогичных изделий родного мира: лезвие без рукоятки, только с коротким толстым хвостовиком. А баланс подогнан благодаря цепочке отверстий разного диаметра, идущих от трети лезвия и до ручки. В первом ноже их пришлось доработать напильником, зато остальные, изготовленные по этому шаблону, удовлетворили и меня, и Спутника после минимальной подгонки. Тут-то и выяснилось, что ни «мой» кузнец, ни его коллеги именно вот такого варианта ни разу не видели и о таком не слышали.

Изира, грустно вздохнув, принесла металлическую флягу с эрзац-бальзамом, ёмкостью граммов семьсот. Эта посуда имела очень знакомый и современный вид: плоская, изогнутая вдоль продольной оси. Только что медная, а не стальная, но с неким алхимическим покрытием. Когда я вслух удивился наличию такой удобной штуки, женщина

опять вздохнула и сказала:

— Сам же мне про неё рассказывал. И даже рисовал, когда мы про рецептуру напитка очередной раз разговаривали.

Половину подаренных Арагорном таблеток я оставил гостеприимному хозяину. Он вначале отнёсся умеренно-скептически, но когда я рассказал ему на ушко кое-какие сведения об эффективности препарата (точнее — пару анекдотов на тему), передумал и взял с удовольствием, старательно уверяя, что не для себя. Взамен я обзавёлся отличнейшими припасами на дорогу. Однако же и «орденские кирпичи» забыты не были. Оружие, боеприпасы, котелок, аптечка и прочее, прочее, прочее...

Только оружие, стрелы и запасные наконечники потянули почти двадцать пять кило! А в целом — рюкзак с пристёгнутыми скатками «ростом» мне почти по грудь и весом в полцентнера. Да уж, оброс я вещичками...

Подруга, кстати говоря, надолго не задержалась. Меньше чем через час она вдруг засобиралась, оделась и, сказав:

— Перед дорогой силы на меня тратить не надо, в пути больше пригодятся, — ушла, не слушая возражений.

Пришлось после кружки пива с хозяином гостиницы действительно ложиться спать. А перед самым рассветом, едва начали тускнеть звёзды на восходе, я стоял у восточных ворот, которые выбрал просто потому, что они были ближними к моему временному обиталищу. Караул у ворот, все бойцы которого были в курсе дела (кто б сомневался!), вопреки уставам и приказам открыл для меня калитку, не дожидаясь утра.

Амулет, зажатый в левом кулаке, никак себя внешне не проявлял, но работал. В этом я убедился, когда приметная скала на вершине гряды холмов, которую я наметил себе в качестве ориентира, внезапно оказалась далеко за спиной, хоть я мимо неё и не проходил. Часам к одиннадцати утра, если можно доверять чувству времени на быстрой тропе, я совсем потерял ориентацию — то есть даже примерно не представлял, сколько я прошёл и в каком точно направлении. Где-то на восток-юго-восток от Резани. Ну ладно, куда спешить — я не знаю, а отдохнуть и перекусить не повредит, пока пирожки не зачерствели. Вот и полянка подходящая: небольшой пригорок, поросший короткой травкой, ручеёк шагах в десяти, раскидистое дерево над ним, фигура Арагорна, прислонившегося к стволу, кустик малины на десерт... Что?!

Точно, стоит, ухмыляется, зараза. Молча, будто не заметил, прошёл на поляну, уже привычно ощупав её заклинаниями на предмет наличия врагов и опасности в целом. Да, к хорошему человек привыкает быстро — например, к тому, что можно не опасаться притаившейся в траве гадюки. Бррр, не люблю я этих гадов...

Я заканчивал раскладывать припасы на пригорке (сервируя на одного, естественно), когда ко мне изволил подойти Арагорн:

— А это не хамство ли — не замечать присутствия начальства? Тем более — бога?

Ах, так у нас всё ещё игривое настроение?

— А так пугать человека — нормально? Нашёлся бы придурок с хорошей реакцией — как бы ты потом бой в Храме останавливал?!

— Да вырубил бы всех, кроме тебя и жрецов, а тем дал бы прямой и чёткий приказ...

— Шуточки у тебя, как у того боцмана...

— МНЕ — понравилась шутка! — в голосе Игрока зазвучал металл. — А это и ест

главное. Я ясно излагаю, надеюсь?

— Угу... Только у меня дела остались недоделаны из-за этого галопа.

— Я же говорил уже — местные делишки кучки смертных...

— А если не только смертных?

— А если поподробнее?

— Можно подумать, ты ещё у меня в голове не полазил...

— А вот и нет. Я считываю весь пакет — всё, что у тебя там варится, на всех уровнях сознания разом, потом уже выбираю, что мне нужно. А сегодня мне лень...

— Как я понимаю — последнее время некоторые боги... эээ... не так активно интересуются жизнью смертных?

— И?..

— И завёлся в Резани, как мне кажется, фальшивый жрец. Хотел его на чистую воду вывести, да не успел.

— Ну-ка, давай подробности, — явно заинтересовался Арагорн. — Я его, как у вас выражаются, пробью по своей линии. И если что... Есть у меня в запасе пара шуточек, вот только никак не подворачивался смертный, которого совсем не жалко.

Я изложил своему работодателю всю историю Лерия Трясогузика, насколько был в курсе. А затем поинтересовался:

— Теперь твоя очередь — зачем из города вытащил?

— Есть дело. Помнишь разговор о желании? Подумал уже?

— Да. Хочу...

— Подожди, потом, после дела — говорят, примета плохая.

Бог иронично подмигнул мне и, поёрзав, продолжил:

— Ты лучше ещё подумай, с учётом граничных условий. Первое — желание должно быть в моих силах, желательно — с учётом моей специализации. Второе — это должно быть твоё личное желание и касаться именно тебя, твоих интересов, а не чьих-то ещё. Третье — оно не должно ущемлять мои интересы или провоцировать мой конфликт с другими богами. Ну, и последнее — желание не должно противоречить фундаментальным принципам мироздания. ВО всяком случае — сильно не должно. И должно быть одно! Вариант «деньги, молодость, подружку, машину — это раз» не пройдёт.

— Обложил, как волка флажками. Кстати, не прими за личный выпад, просто для уточнения границ. Ты говоришь, чтобы в твоих силах было — а ведь я их и не знаю. Слышал, что силы бога зависят от количества верующих и их искренности. Но твои Храмы (уж не обижайся) в этом Мире далеко не главные, на Земле так и вовсе не припомню...

— Не жди, что я буду откровенничать со смертным касательно божественной природы и тонкостей сил. Одно скажу — до какого-то момента то, что ты слышал, справедливо. Но как только бог выходит на уровень общепланетарного божества, то есть такого, чьи адепты есть во всех племенах и странах мира — эта зависимость от прихожан резко снижается. У меня так и вовсе нет жёсткой привязки даже к какому-то определённому миру, этот уровень я уже давно перерос. Мои интересы сейчас не отдельные души и не племена — а миры и скопления миров.

Кажется, Арагорн ляпнул больше, чем хотел — или только сделал вид? Бросив на меня ещё один пламенный взгляд, он продолжил:

— Что до мест поклонения... Как сказал клирик одного из главных богов вашей Земли — храм должен быть из рёбер, а не из досок. Когда какой-то шейх сидит около рулетки и

вопит: «О, боже, пусть будет КРАСНОЕ!» — он к кому, на твой взгляд, обращается? К своему Аллаху, который азартные игры вообще запрещает? Как бы не так! И, поверь мне, молитва эта очень сильная и предельно искренняя! Вот, кстати, и о храмах из камня. У одного вашего, земного, бога есть резиденция, город целый — Ватикан называется. Одна. А у меня? Лас-Вегас, Монте-Карло, десятков менее известных широкой публике центров по всему миру, оборот каждого из которых в разы больше, чем у известных торговых центров? Что же до часовен и малых храмов — на каждом вашем рынке стоит сооруженице с игровыми автоматами.

— Ага... даже вот оно как... Хорошо, теперь по пункту три. То, что ты в чужую статую вселился — под нарушение не подпадёт, надеюсь? Поскольку сделал ты это до того, как моё желание услышал.

— Об этом не беспокойся, вопрос улажен. Недёшево мне это обошлось, но игра того стоила.

Ага, уже поверил. Уж больно физиономия у него довольная для такого расклада. Небось совсем недорого это встало, а то ещё и прибыль какую-то поимел, жучара божественный.

— Ладно, а что там по заданию?

— Тоже позже. Иди пока по тропке, когда время придёт, я за тобой приду. Отведу к костру, познакомлю с земляками и коллегами, там и подробности расскажу. А сейчас — мне пора.

С этими словами Арагорн исчез, безо всяких спецэффектов. Только что вот сидел, как скала, — и вот уже никого нет, и кажется, будто никогда не было. Я собрал пожитки и двинулся дальше, куда вёл меня добытый в бою амулет. Когда начало смеркаться, я снова сошёл с тропы на показавшуюся подходящей поляну, развел огонь — не для тепла, а для уюта, поужинал и сидел, задумчиво глядя в небо поверх костра и макушек деревьев напротив. К моему ещё не очень яркому в сумерках костерку опустилась на корточки знакомая фигура. Вот уж любитель в чистом поле из-за угла выйти! Присел так, как будто давно уже тут рядом болтался, хоть ещё несколько секунд назад никого, крупнее сойки, в радиусе полусотни метров не было.

— Помнишь наш разговор про желания? — зачем-то опять начал тот же разговор, что и утром, Арагорн.

— Это который из?

— Про исполнение одного желания в обмен на работу. Кстати, заметь, такое предложение делаю не всем, кое-кто то же самое даром выполняет или по обязанности.

— Помню, и то количество оговорок, которое на это самое желание уже наложено — тоже.

— Ну, стало быть, время пришло для той самой работы.

Какое-то нехорошее ощущение дежа-вю. Или для него много времени прошло, и он не помнит, что именно мне говорил, а что нет? Или просто его приложило чем-то основательно? Или это подстава какая-то? Проверим на повторяемость ответов.

— Ты меня ради этого из Резани выгнал столь скоропостижно?

— И для этого тоже. Тем более что городишко через три дня после твоего ухода орки в осаду взять должны. И от твоего там присутствия результат не изменился бы, а вот свободу манёвра тебе бы это урезало сильно. Ладно, принципиальное согласие есть. Посиди пока у костерка, я за остальными схожу.

Волевым усилием подавив размышления о судьбе Резани и своих знакомых в этом

городе — всё равно вернуться вряд ли бы позволили — решил проверить свою готовность к неведомому заданию. Так, снаряжение всё на себя, мало ли. Ножи метательные, которые как раз для такого случая делал, поверх прочих вещей положить. Правда, только полторы дюжины мне их сделали, ну да ладно. Перекусить ещё на всякий случай, или хватит уже съеденного ужина?

Все вещи собраны, рюкзак подо мной, глефа пристроилась между ног. Ждать — очень скучное занятие. Я, надев капюшон и укутавшись плащом, сам не заметил, как задремал. Как-то вдруг оказалось, что мой угасающий костерок сменился странным костром того места, которое Спутник определял, как родственное Грани. Вечерний туман, заботливо укутывавший на ночь длинные и тонкие, как у моделей, ноги сосен, тихо шелестящих ему какие-то непонятные двуногим комплименты в благодарность за заботу, обернулся необычным туманом этого загадочного места или же мира. Вроде бы туман густой, а видеть почти не мешает. Нет, метрах в тридцати перестаю различать детали, в пятидесяти и вовсе всё начинает расплываться, но при этом стойкое ощущение, что туман густой и почти непрозрачный. Странная двойственность чувств.

Из этого вот тумана выпала, споткнувшись, фигура всё того же типа в пернатом плаще, которому я вручил когда-то свой трофей. Похоже, для него туман совсем непрозрачен. Рядом с ним таким же образом нарисовалась высокая фигура в доспехах. Броня, обтянутая тканью, латы на руках и ногах, шлем у пояса, светлые волосы почти до плеч.... Так это же девушка! И симпатичная, только очень взъерошенная и сердитая.

Появление этих действующих лиц почему-то совсем не удивило, как будто так и надо. Более того, воспринималось всё как-то отвлечённо, словно бы кино смотрю. Вот Шаман (как его там, Дмитрий, что ли?), сказав что-то неразличимое своей спутнице, подошёл к лежащему недалеко от меня валуну, потыкал посохом, уселся. Девушка же направилась в мою сторону. Интересно, кто она такая? На щите значилась какая-то Алёна, но была записана клириком. То есть, в моём представлении, должна была быть скорее в сутане, чем в бригадине. Тут железа килограммов, наверное, под тридцать, и как только таскает?

Пока я предавался ленивым размышлениям, девушка вышла из зоны видимости. Только я собрался стряхнуть с себя дремотное оцепенение и поздороваться, как мне на спину обрушился весомый, хоть и не резкий, удар. Словно на меня с небольшой высоты уронили что-то очень тяжёлое и угловатое.

— Уй-ё...выдохнул я хриплым спросонок голосом, проваливаясь вперёд.

Обернувшись, увидел поднимающуюся с земли ту самую девушку. Взъерошенность организма у неё удвоилась, а настроение явно перескочило в разряд «ща укушу!». Да, не самое удачное начало знакомства. Вот если бы она на меня без брони рухнула.... Угу, мечтать не вредно, как говорится. Ну что ж, попробуем резко сменить настроение. Вместо ругани или ещё чего-то похожего, нужно нечто предельно вежливое, а то и «высоким штилем».

— Девушка, я, конечно, все понимаю, задремал бесхозный паренёк у костра. Но не могли бы вы в следующий раз, не столь рьяно падать на меня своей аппетитной, но бронированной фигуркой?

Потом не удержался и добавил в духе своих размышлений, когда только увидел её:

— А вот если без брони, то оно и пожалуйста...

В ответ послышалось резкое шипение сквозь сжатые зубы. Я с интересом ждал, что же

она выскажет мне, обретя дар речи. В принципе, по её словам и интонациям можно было бы сделать немало выводов о характере, но тут вмешался Шаман. Он встал со своего бульжника и со смехом сказал:

— Виктор, ты осторожнее! Сегодня уже раз покушались родственными объятьями на неприкосновенность жреческого сословия! А ты решил продолжить тему, только замахнулся уже на посиделки?

Хм, так это он её в тумане взьерошил? В смысле обниматься полез и разозлил? Или не совсем так? А девушка в ответ на слова Дмитрия буквально взвилась. Она уже набрала в грудь побольше воздуха, но высказать наболевшее ей опять не дали — не её день, видимо. К костру выскочили, внезапно, в лучших традициях этого места, ещё двое: Арагорн и довольно высокий, гибкий даже на вид парень в кожаной облегающей одежде чёрно-золотистых тонов.

— А вот и последний ваш спутник, прошу любить и жаловать. Насколько мне известно, друг дружку вы уже знаете, так что процедуру знакомства и братских объятий пропустим, — проговорил наш божественный начальник.

Кстати, впервые вижу Арагорна курящим. Вот объясните — богу-то это зачем?!

Шаман тем временем продолжал развлекаться:

— Ну почему же, братские объятия — они иногда даже очень ничего, особенно с некоторыми.

Даже милый девичий кулачок в виде изрядного размера стальной дыньки с шипами, которую представляла собою латная перчатка, не вразумил пернатого. Слово за слово, и он получил-таки свои «братские объятия». Правда, довольным после этого совсем не выглядел, помяла его незнакомка изрядно. А что — девушка высокая, от силы на полголовы ниже меня, и явно крепкая, такой-то груз на себе таскать. При желании и рёбра поломать могла, наверное. Чем-то она мне нравится, хоть раньше всё как-то больше везло на девушек миниатюрнее. Нет, крупные тоже нравились, иногда даже очень, вот только не срасталось у нас почему-то, может, с этой незнакомкой удача, наконец, улыбнётся.

Незнакомкой? Вспомнилась реплика Шамана о жреческом сословии, которую вначале пропустил мимо ушей. Возможно, это и есть та самая Алёна, хозяйка щита, превращённого в скрижаль?

Так, судя по словам помятого, но не сломленного, Шамана незнакомого парня зовут Александром. Ну, можно считать, что познакомились. Вот только кто ж ты такой, Александр? Костюмчик, катана, вакидзаси, если не ошибаюсь... Что-то восточное, в стиле рукомашества и ногодрыжества? Ладно, разберёмся.

Арагорн дожидался окончания представления с гримасой усталого недовольствия на лице. Наконец, вздохнув, начал раздачу «подарков». Алёне достались какие-то не то бусы, не то чётки, на которые она среагировала на диво бурно. Вот что сказать по этому поводу? Недоверчивость девушки мне нравится, особенно в отношении Арагорна, а её реакция со швырянием предметов в лицо богу — не очень, потому как может привести к большим неприятностям.

А вот и мой подарочек, с рифмованным представлением в стиле второразрядного провинциального конференса семидесятых, а лучшем случае, годов прошлого века. «С ней пристрелишь ты слона», это как понимать? И зачем мне, скажите, вообще ещё одна тетива, если и своя далеко не проста, и Арагорн об этом прекрасно знает? Какой такой слон может нам встретиться?

Тем временем Игрок озвучил непосредственную задачу, которая вызвала у всей команды разной степени шок и удивление пополам с недоверием. Надо же — дверь принести!

Забавно как жизнь поворачивается-то. Долгие годы одной из моих любимых присказок на тему пустой суеты было «бегаць, як дурны з дзвярыма» — а вот смотри-ка ты, именно так и придётся. Тут мне тюкнуло ещё кое-какое воспоминание, об одном знакомом. Дядька хотел поменять входную дверь, и всё надеялся совместить «три в одном» — быстро, недорого и качественно, хоть ему и говорили, что тут можно выбрать только любые две позиции. Наконец, как ему казалось, нашёл вариант. Заказал, оплатил, ему даже привезли быстро. Вот только привезли одно лишь полотно: без рамы, без петель... Как оказалось после нескольких подобных итераций, то, что дядька именовал словом «дверь» на языке фирмы называлось «дверь с коробкой, наличниками, сборкой и установкой, с демонтажем старой двери». Общая стоимость превысила первоначальную цену чуть ли не втрое. А уж при продаже компьютеров подобные выходки продавцов в порядке вещей. С них станется обозвать «компьютером» системный блок не только без монитора, мышки и клавиатуры, но и без единого привода...

Эти соображения, мелькнувшие в голове быстрой чередой ассоциаций, заставили задать уточняющий вопрос:

— А дверь как, просто с петель снять или вместе с коробкой выламывать и тащить?

Алёна недовольно зыркнула на меня. Это характер такой — всегда всем недовольной быть, или просто считает вопрос «лишним»? Значит, не сталкивалась ещё с такими вариантами, как мой приятель. Как говаривал незабвенный Остап Ибрагимович: «это от недостатка практических навыков, не будьте божьей коровкой». Хммм, «божьей», если учесть профессию нашей красавицы, вполне в тему. Ладно, ссориться в команде последнее дело, а объясниться нетрудно.

— Ну, я просто уточнить, а то два раза бегать лень, лишний груз тащить — тем более...

— Самой двери вполне достаточно, — Арагорн добродушно нам улыбнулся и стал таять в воздухе, причем последней исчезла улыбка. Тоже мне, кот чеширский, дубль два. Примерно так я это дело и прокомментировал.

Когда наниматель в ходе инструктажа заявил, что уйти отсюда мы сможем только после выполнения задачи, я отнёсся к заявлению скептически. Даже мелькнула было идиотская мысль устроить показательный демарш — свалить вот прямо сейчас обратно в леса под Резанью. Идея эта сразу же была задушена мною именно по причине своей полной неадекватности. Да и какой смысл?! Тем более что и Спутник прорезался, усомнившись в успехе. Ну-ка, что такое? Оказывается, этот сеанс перемещения в туман существенно отличается от предыдущих. Как смутно выразился мой «нутряной голос», на этот раз я переместился «полностью». Если прежде я просто возвращался в Мир, то теперь возвращаться некуда. Нынешняя ситуация в значительной мере соответствует процедуре ухода Стража на Грань, и для возвращения нужен особый ритуал там, в Мире, своего рода маяк и одновременно лебёдка. Можно попробовать всё же сбежать, аналогично аварийному сходу с Грани, но вот только шанс полностью сохранить качество личности при этом не превышает сорока процентов. Да уж, это точно на самый что ни на есть крайний случай.

А Александр, или Лекс, оказывается, ассасин. Если перевести на русский — наёмный убийца. Вот ужкого не ожидал встретить во вроде как светлой команде. Ну, не верю я в

«честных» бандитов и благородных убийц, которых «жизнь заставила». Как и в перевоспитанных троллей. Значит, придётся присматривать за ним.

Перед уходом от костра девушка приотсталала, подбирая щит. Я немедленно воспользовался возможностью уточнить кое-что у Александра касательно характера нашей спутницы, сочтя его наиболее близко знакомым с данной особой. Опять же, Шаман с ней явно что-то не поделил, может быть субъективен в оценке, а если у этой парочки отношения более-менее серьёзные, то Лекс может знать, тогда я себя попридержу в плане совсем уж рискованных комплиментов.

— Эта ваша Алёна, она всегда такая? — спросил я, заодно глянув на путеводный клубочек в исполнении Арагорна.

— Какая "такая"? — переспросил Лекс.

Ага, значит, и правда Алёна, правильно я её определил.

— Как голодная кобра с оттоптаным хвостом. Просто вполне себе интересная девчонка, а сказать ей об этом страшновато как-то...

— Ну, знаешь ли, я ее сам всего один раз видел, хотя чувствуется — девчонка боевая.

— То-то и оно, что боевая. Люблю таких, чтоб с перчиком.

— О чём шепчетесь, братия? — раздался голос подошедшего Шамана.

— О вечном, светлом и добром, батюшка, — вопрос отношений Шамана с Алёной оставался открытым, потому я старался избегать каких-либо высказываний на эту тему, особенно в части своего к ней отношения.

— О бабах значит, — безошибочно определил шаман. — Хотя, знаете ли, я бы сейчас не стал, не тот случай, — он потрогал челюсть, затем пощупал ребра и тяжело вздохнул.

Ну, судя по реакции, подкатить-то он пробовал, да обломался. Стало быть, горизонт чист, можно играть.

И вот идём в тумане. Алёна, закинув памятный щит за спину, идёт последней. Так сказать, прикрывает тыл. Вот только толку от такого прикрытия, которое спотыкается на каждом шагу? Туман, стоило нам двинуться вслед за Александром, явно загустел, я уже на расстоянии чуть больше двадцати метров только силуэты различал, а мои спутники и вовсе, похоже, дальше вытянутой руки не видели. Вот и сейчас Алёна, очередной раз запнувшись, рухнула мне на многострадальную спину. При этом умудрилась попасть каким-то выступом на броне точно в синяк, оставленный её же юбкой. Ну что ж, зато повод поговорить. Только надо бы повежливее, на всякий противопожарный...

— Девушка, ну что вы всё на спину-то покушаетесь? Поверьте, это далеко не самая интересная часть меня. Учитывая же количество железа на Вас, это даже страшновато. Позвольте предложить Вам идти рядом? — я подставил согнутую в локте левую руку.

Девушка окатила меня ледяным взглядом и заявила:

— Я с незнакомыми мужчинами в плотном тумане под руку не гуляю. Не так воспитана.

Отличный ответ — куча возможностей для продолжения. Что это, если это не приглашение к продолжению разговора? Проиигнорировав мелькнувший вариант «а в не очень плотном тумане?», я, невольно улыбнувшись, развёл руки в стороны и предложил:

— Так в чём дело?! Давайте знакомиться. Я Виктор, рейнджер, лучник, и немного маг. А вы?

— Алена, клирик, наемный. Боец и целитель, — задумчиво ответила собеседница.

Ага, видимо, девушка отыгрывала кого-то наподобие паладина, но с более сильным

уклоном в религиозную часть.

— Ну, вот и познакомились, — моё настроение росло, всё же разговаривает, а не шипит. — А теперь вы со мной под руку в тумане пройдёте?

Алёна, ничего не отвечая, продолжала идти в какой-то странной задумчивости. Что это с нею такое? Думает, куда подальше послать, или как? Пройдя в молчании шагов пять-семь, я делано тяжко вздохнул и продолжил монолог:

— Ну что ж, предложение руки отвергнуто. Сердце предлагать не буду, а то ещё воспримете буквально — кто вас, валькирий, знает? Но рядом-то хоть идти позволите?

Алёна повернулась ко мне лицом, но тут подал голос Александр:

— Эй, народ, не отстаем! Все. Компас вновь показывает дорогу, — с этими словами он резко свернул направо.

Не понял, что значит «вновь показывает»?! Мы что, наобум Лазаря шли? При условии, что проводник вряд ли видит впереди дальше десятка метров, это уж слишком экстремально! Я не был уверен, видит ли Алёна нашего проводника, и протянул к ней руку, чтоб подкорректировать движение. Протянул — и на долю секунды замер в растерянности. В первый раз гуляю с девушкой в полном доспехе. По какому месту стучать-то?! В итоге просто подёргал её за плащ:

— Девушка пройдете.

И добавил, решив признаться в своём преимуществе:

— Этот туман мне не помеха, а ты тут точно потеряешься, так, что и костей не найдут.

Кости-то откуда всплыли? Видимо, вспомнилось предупреждение Арагорна при нашей первой встрече у огня в тумане. Алёну заметно передёрнуло. Да уж, тема не слишком галантная, зато объясняет ситуацию доходчиво. Во мне боролись два желания: продолжить разговор с Алёной, полагаясь на то, что Лекс дорогу знает, и более здравая мысль — пойти в голову нашей небольшой колонны, чтоб видеть, куда идём. Никогда не любил выбирать один из вариантов, почти всегда хотелось предложить свой. Кстати, а почему бы и не совместить два в одном? Я сам подхватил Алёну под локоть и увлёк за собой со словами:

— А пойдём-ка, глянем, куда нас ведёт наш Вергилий.

Когда мы обгоняли шамана, взявшись под ручку, он только хмыкнул озадаченно. А нечего в большой семье клювом щёлкать, пернатый!

Однако помурлыкать с Алёной не получилось. Пока догоняли Александра, пока пристраивались рядом, пока собирался с духом, чтоб продолжить при свидетеле — туман начал редеть, и мы вышли к какому-то изрядно потрёпанному жизнью и врагами замку. Странное местечко, и Спутник подтверждает, что мы уже и не между мирами, но и сказать, что вернулись в какую-то реальность — тоже нельзя. Какой-то островок, кусок мира в междумирье. Куда нас занесло-то? Кстати, и шаман со мной согласен в этом плане, во всяком случае похожую мысль высказал.

Народ тут же озаботился вопросом проникновения внутрь. Я не ниндзя и не геккон по стенкам бегать, хоть они и изобилуют выбоинами, но без крайней нужды лезть через верх не хочется. В первую очередь из тех соображений, что придётся ещё и спускаться. Даже если внутри и уцелели лестницы для гарнизона — это положение не облегчит, всё равно будем замечательными мишенями для тех, кто, возможно, сидит в донжоне. Если ворот не найдём, то придётся лезть в пролом. Кстати, о проломе. Я присмотрелся к нему, к отметинам на стенках, к разбросу булыжников вокруг замка...

— Знаете, ребята и девушки, тут не всё так просто с проломами. Чую тем местом, где спина теряет своё благородное название, что тут не катапульты с требушетами работали, а нормальная ствольная артиллерия. Или ракетная установка.

— Это каким же именно местом? — с явным ехидством вмешался Шаман.

— Головой, разумеется. Я же не говорил, что новое название менее благородное?

— А я думал, другим каким-то...

— Нет, тот датчик настроен на ощущения иного характера...

— Так народ, если не заткнетесь, у обоих данная важная часть тела незамедлительно перейдет в разряд срочно нуждающихся в лечении, — непреклонно заявила Алёна. Мои намерения уточнить, какую именно из частей она имеет в виду и как будет её лечить, наткнулись на арктический взгляд девушки, замёрзли на лету и рухнули под ноги ледяным крошевом.

— Вот и ладненько, — неожиданно улыбнулась Алёна. — Ну, как бы там ни было, но метод Александра нам не подходит, а значит остается либо пролом, либо возможность отыскать вход.

— Что-то мне подсказывает, что на последнее надеяться не стоит, — вставил шаман. — Хотя пролом мне тоже не особо нравится. В принципе, я мог бы попытаться перевоплотиться и перелететь через стену, но тут связь слишком плохая...

— Вы-то, может, и могли бы напрямую, а вот у нас с Виктором выбора особого нет, я в своих железках наверх не полезу, — пожала плечами девушка.

Ассасин согласно кивнул. И то правда — забавный был бы квест, «подними Алёну на стену, не уронив». Да и вся наша команда, совсем не по канонам ролевых игр подобрана. Положено иметь как минимум «танк» — кого-то здорового и в толстой броне, кто будет прикрывать собой остальных, мага и лекаря, остальное — по вкусу. У нас роль танка исполняет лекарь (или наоборот — танк в роли лекаря?), магическую поддержку оказывает шаман, который говаривал, помнится, что магичить вообще не умеет...

Кстати, о шаманах — что-то Дмитрий озирается тревожно. Неуютно как-то становится на него глядя, хоть бы уж в замке спрятаться, что ли?

— Ну, так что мы стоим, чего ждём? — поинтересовался я.

— Подождите. — Лекс подошел к шаману. — Дим, чувствуешь что-то нехорошее?

— Не знаю, — покачал тот головой. — Общее ощущение от этого места поганое, такое впечатление, что нас еще не видят, но уже почувствовали и...блин, не знаю, как объяснить.

— Ясно, — наш проводник повернулся к моей соседке.

— Алёна, вы давайте двигайте к пролому, а я прямиком на стену, гляну что внутри, а то предчувствие не очень, если что — дам сигнал.

— Хорошо, — кивнула девушка и, повернувшись к нам, скомандовала:

— Так, добры молодцы, хватит лясы точить, выдвигаемся до той щели, — и, покосившись на меня, погрозила кулаком: — Только состри у меня что-нибудь на этот счет.

Ну что ж, на фоне остальных уже выделяет, главное, чтоб выделение было в лучшую сторону. И почему это я так заинтересовался в этой девушке? Вроде как вниманием женским в последние дни совсем не обижен был, и она хоть и симпатична, и фигурка в порядке, но далеко не идеал... Реакция на то, что она тоже землянка — единственная в зоне досягаемости? Не знаю, не знаю...

На верхушку ограды Лекс взлетел буквально в несколько прыжков, отталкиваясь ногами от выступов кладки, прямо как в китайских боевиках. Или — как кот на забор. Оглянулся на

нас и, махнув рукой, переместился к внутренней части стены. Пока мы добрались до места, этот шустрик успел вдоволь побегать по гребню, дважды высунулся в нашу сторону, но особо встревоженным не выглядел, на второй раз даже махнул рукой, как бы поторапливая.

— Позвольте вас пропустить вперёд! — я сделал ножкой перед Алёной. — Во-первых, по этикету положено, во-вторых, сзади брони поменьше, как мои рёбра помнят. Потому и обзор получше...

Бэмц! Подзатыльник латной перчаткой на ласку мало похож, аж в ушах зазвенело. Но всё же не булавой огрела, да и шипеть особо не стала — значит, шансы растут! Ну, хотелось бы верить. Однако, не время сейчас для флирта, начинается работа...

Нижняя часть облюбованного провала находилась примерно на высоте второго этажа, но обломки образовывали достаточно пологий, хоть неровный и неустойчивый, пандус.

— Так, граждане-товарищи, дайте-ка я вперёд пойду. В случае чего или ударить смогу быстрее («и сильнее» — подумал я про себя), чем ты, Дима, или сбежать быстрее, чем Алёнушка. Девушку пустим второй, чтоб при случае помочь на валунах, а шаман прикроет тыл. Возражения, предложения есть?

Возражений и предложений не было, чего и следовало ожидать, всё же народ подобрался вменяемый, насколько можно судить по первым впечатлениям. Добравшись до пролома, я взглянул наверх и опять увидел свесившегося вниз Александра. Поскольку обзор из щели был не ахти, я решил уточнить обстановку, благо, спутники приотстали.

— Как там внутри?

— Вроде все тихо! — крикнул он в ответ. — Думаю, спущусь с другой стороны и буду ждать вас там.

И куда летит? Сидел бы наверху и контролировал обстановку, пока мы по такой же осыпи внутрь спускаемся. Случись что — и помочь не сможем, и даже не поймём, куда он девался, и что произошло.

— Давай, только если кто вздумает тобой перекусить, ты на нём хоть крестик черкани, чтобы знать, в ком тебя искать! Может, Алёна и воскресит.

— Обязательно! — похоже, намёк не понят, ну, да и ладно. Точнее сказать, совсем неладно, но не устраивать же здесь и сейчас лекцию на тему «как вести себя в групповом поиске»!

Когда я преодолел пролом, Лекс был ещё вполне жив и бодр, стоя на странном тёмно-зелёном покрытии мостовой около руин лежащей на боку телеги. Телеги! Вот интересно, её сюда что, требушетом забрасывали? Судя по габаритам, при жизни транспортное средство было из разряда тех, на каких чумаки за солью ездили.

Я помахал Лексу, чтоб показать, что вижу его, и спрыгнул вниз. Покрытие оказалось упругим, наподобие резины. Только я повернулся к проёму, чтоб предложить Алёне помощь в спуске (изнутри насыпь из камней была намного меньше), как это самое покрытие дёрнулось в сторону. Словно ковёр, который вырывают из-под ног зазевавшегося противника. На голом рефлексе я скользнул в боевой режим и вспорхнул на самый большой из валяющихся рядом булыжников. Бросил взгляд на Александра, который довольно быстро даже в моём восприятии убежал к телеге, и замер, не зная, чего ожидать от отхлынувшей к замку зелёной волны. Если сейчас плеснёт обратно, то единственный вариант — прыгать отсюда назад в пролом. Если что другое удумает — то смотреть по обстановке.

Удумало «что-то другое». Масса начала вспучиваться псевдоподиями — не то пальцы,

не то почки.... Едва убедившись в том, что масса распадется на отдельные фигуры, двинувшиеся в нашу сторону с грацией наскипидаренных зомби, я выхватил лук и потянулся к заветному колчану.

В умеренно быстром темпе, без суеты, воткнул по стреле в головы трёх ближних ко мне фигур. Как ни странно, они продолжали двигаться, при этом видимые сквозь полупрозрачную стеклоподобную плоть тварей наконечники стражьего сплава и не думали разрушаться. Плохо дело, придётся пробовать варианты. И работать надо быстрее.

Я, уже в темпе выхватывая из другого отсека колчана стрелы со стальными наконечниками, выстрелил ещё по разу в головы тварей, а затем ещё по одной стреле воткнул в торс, где виднелось какое-то свечение. Две фигуры распались со странным вибрирующим звуком. Видимо, на обычной скорости это должен был быть хлопок? Я вонзил в неподдающуюся тварь ещё три стрелы — по одной бронебойной в торс и голову и ещё одну специальную — точно в зону свечения. И замер на секунду — подождать реакции моей мишени и глянуть, как дела у других. Тем более что сзади накатился басовитый из-за растянутости голос Алёны:

— Аааалллееееексссс...

Не дожидаясь окончания фразы, я повернулся в сторону телеги и увидел нависающий над Лексом сзади силуэт. К сожалению, торс твари был закрыт головой Александра. Я выстрелил в верхнюю часть этой угрожающей фигуры, стараясь хоть немного притормозить её. Лекс рывком ускорился, обернулся к твари и замахнулся катаной. Ладно, дальше пусть сам справляется. А как там реагирует на новый кусок металла в организме моя подопытная мишень? Плохо реагирует: превратила руки в подобие стеклянных мечей и преодолела полпути ко мне. Вот гадство! Я на пробу выстрелил в светящуюся зону двух других отростков, и они послушно рассыпались, как автомобильное стекло. Ещё одну стрелу в то необычное существо — никакой реакции!

Я услышал, что Лекс кричит и, обернувшись в его сторону, снизил скорость восприятия.
— ...слабое место в груди, где свечение...!

Спасибо, конечно, но я и сам уже понял. Ого! Пока я выслушивал Алекса, утыканное стрелами создание подползло ко мне на расстояние атаки и, сделав резкий выпад вперёд, взмахнуло своими руками-лезвиями на уровне моей шеи. Увернулся, но дистанцию надо разрывать. Я отскочил влево, оказавшись между Алёной и ассасином. Ошибка, надо было уходить вправо! Там бы я смог разорвать дистанцию и охватить тварей с фланга. Всё же враги движутся очень медленно, по крайней мере, с моей точки зрения, что даёт возможность ещё и подумать.

Новый выстрел — и ещё один враг рассыпался в крошку. Смотрю направо — Алёна орудует клевцом, при этом каждый удар сопровождается чётко ощутимой вспышкой Силы, отличной от уже привычной мне магии. Видимо, божественной силой бьёт. Может, именно поэтому враги рассыпаются от удара в любую часть тела, кроме конечностей. Вот девушка на моих глазах разбила в пыль руку-лезвие твари и тут же обратным движением снизу-вверх вонзила шип на обухе оружия в пах инвалиду. Тот послушно развалился. А ещё дальше, на самом правом фланге орудовал лапами огромный белый волчара, ростом даже не с телёнка, а с хорошую корову! Шаман стоял в проломе с отрешённым видом, прикрыв глаза. Наверное, управляет зверюгой.

Оп-па! Опять подпустил врага слишком близко. Пожалуй, пострелять уже не получится, пришла пора меча. Главное, не дать врагам окружить Алёну — сзади её броня имеет явные и

чётко различимые «окна». На бегу, пока я прятал лук и вытаскивал сияющий знакомыми переливами льдисто-голубого и изумрудно-зелёного цветов меч, пришла ещё одна идея: подставить неправильного монстра под клевец Алёны.

Угу, как же! Похоже, тварь привязалась ко мне, как репей к собачьему хвосту. В общем, ближайшие минут десять я носился кругами и восьмёрками между Алёной и Александром, отрываясь от преследующего меня босса, срубая мешающихся на пути «обычных» сосулоидов и приканчивая тех, что пытались зайти к Алёне с тыла. Наконец, количество врагов стало ощутимо сокращаться, то есть истребляли мы их быстрее, чем эти твари почковались, а мне надоело бегать. Да и сколько можно?! Измором эту тварь вряд ли возьмёшь.

Крутанувшись через левое плечо, бью с разворота по шее твари и разваливаю её от плеча до пояса. Клинок прошёл сквозь неё гораздо легче, чем я рассчитывал, и меня по инерции развернуло спиной к вражине. Тут же я не услышал, а ощутил всем телом противный хруст от входящего сзади в левое плечо вражеского клинка. И — липкий холод, расплзающийся от раны. Продолжая разворот, я упал на левое же колено и выпадом снизу вверх воткнул клинок точно в центр свечения, которое не было затронуто предыдущим ударом. Тварь дёрнулась и ещё какое-то мгновение, показавшееся мне вечностью, стояла, нанизанная на мой клинок. Она даже успела замахнуться и сделать шаг вперёд, когда, наконец, лениво и неохотно рассыпалась крупными бурыми кусками.

Прямо перед моими глазами волк прикончил последнюю тварь и, превратившись в струйку чёрного дыма, улетел куда-то за границы моего поля зрения. Надо понимать — вернулся к Шаману. Ко мне тут же подскочила Алёна:

— Не двигайся, ты ранен! Сейчас подлечу!

Я хотел было напомнить, что и сам способен затягивать небольшие раны, а также изгонять яд из организма, но решил промолчать. Всё же лишний повод познакомиться поближе.

Наша клирик, сбросив перчатки, возложила ладони на рану, прямо поверх продырявленной одежды. Да уж, даже плащ снять не дала. Тут же сбоку раздался голос ассасина:

— Сильно цепануло?

— Да не очень, — я поморщился, неприятно быть единственным раненым. Вроде как знак, что я тут самый неуклюжий. — Эта тварь чем-то от остальных явно отличалась. Я ей целый пучок стрел в этот светящийся узел всадил, а она меня еще по двору гоняла, да и двигалась пошустрее остальных.

— Видимо, это их главный был, — сказал подошедший шаман.

— Ага, босс, прокачанный до двадцанадцатого уровня.

— Я не шучу, — покачал головой наш специалист по духам. — Если бы я не оборвал нити силы, идущие от него куда-то в замок, то эта тварь до сих пор бы за тобой бегала.

Стало быть, он не волком руководил, а занимался работой по магическому прикрытию партии. Что сказать — молодец дядька, пожалуй, единственный кто отработывал свою роль по сюжету. Тем более, что если бы тварюга прожила на пол минуты больше.... Даже думать не хочется.

— Ну, значит спасибо тебе, уважение и все такое..., ой, жжёт же! — вот, сорвалось. Не столько от боли, сколько от удивления. Самолечение воспринималось мной как холод, заполняющий рану изнутри и сменяющийся приятным теплом, затем — жаром и умеренным

зудом. Здесь же ощущения были радикально иными, жар охватил сразу всё плечо, одновременно в рану словно воткнули несколько десятков иголок.

— А ты не вертись, — буркнула Алена. — Мне надо сконцентрироваться. И так лечение здесь с трудом даётся, еще ты крутишься, как уж на сковородке. Посиди пару минут спокойно!

— Яволь, майн хенераль! — отчеканил я и замер, прикидываясь статуей, поскольку к ране воткнутым иголкам подключили источник переменного тока.

— Значит, говоришь, из замка кто-то всем этим управляет? — озвучил Лекс мой вопрос.

— Не уверен, что управлял, но подпитка шла оттуда. А так создалось впечатление, что эти существа что-то типа киборгов, только магических — механические оболочки без души, зато энергией накачанные щедро.

За входом, похожим на пасть, шёл коридор, вполне ожидаемо похожий на глотку. Даже возникла мысль проверить это — поковырять стеночку. А, впрочем, лучше не надо: ещё выплюнет нас, да прямо в наружную стену. Будет на ней три кляксы и одна вмятина, от Алёниной брони. Наконец, минут через десять, мы забрели в небольшую овальную комнату с тремя выходами в виде арок. В комнате было довольно светло, правда, откуда свет шёл было совершенно непонятно. «Это очень сильное колдунство», решил я про себя и на этом тему закрыл, всё равно решить эту задачку мне не по силам. А вот то, что никаких указателей тоже не видно, как и светильников — плохо.

— Камешка тут не хватает, — пробормотал я наконец.

— Какого ещё камешка? — тут же не то подыграл, не то повёлся Дмитрий.

— Обыкновенного, указательного. Который богатырям всегда подсовывают: "Направо пойдешь — женатому быть, налево — жена сковородкой погладит, а прямо пойдёшь — навернёшься об камень". Или нас за богатырей не считают? Даже обидно...

— Угу, тебе еще камень подавай указательный, — усмехнулась Алена и, оглядевшись, бросила. — Так, минут десять передых и надо чего-то решать.

— Разделятся, думаю, смысла нет, — сказал шаман, подходя к другому проходу и внимательно осматривая арку. — Кстати, тут все-таки какие-то надписи по краю имеются.

— Знаешь язык? — поинтересовалась наша бронированная медсанчасть.

Шаман отрицательно покачал головой.

— Тогда смысл от них ноль, — девушка вздохнула и, переключившись на Александра, спросила. — Сащ, а твой компас что показывает?

Тот пожал плечами и, вытащив компас из кармана, бросил взгляд на стрелку, затем усмехнулся и показал его девушке. Да уж, есть чему усмехаться — это больше на вентилятор похоже, чем на компас.

— Могу я попробовать поискать, с помощью сильфов, — предложил Дмитрий.

— С помощью кого?

— Ну, духи такие сильфами кличут, — пояснил шаман. — Вот.

Он поднял руку и в воздухе рядом с его головой возникли две миниатюрные фигурки, на которые все мы уставились с неподдельным удивлением. Больше всего, казалось, удивился сам шаман.

— Классные девчонки, только больно маленькие, — сказал я, пытаюсь проверить на ощупь, глюк это или нет. Девчонка пискнула и метнулась в сторону.

— Вы их видите, — наконец признал этот факт шаман, в голосе которого чувствовалась полная растерянность. Он быстро сделал жест рукой и сильфы исчезли.

Как я понимаю, с этими крошками облом вышел, никуда их пернатый не отправит.

Тут глаза Дмитрия приняли какое-то отстранённое выражение, впрочем, это продолжалось всего несколько секунд.

— Нет, сова тоже ничем помочь не может, хотя говорит, что язык надписей ей кажется знакомым, однако она не уверена...

— А твоя деревяшка еще и разговаривать умеет? — удивился я и с подозрением посмотрел на посох с деревянной совой в качестве навершия.

— Она не деревяшка, — поморщился шаман, — а..., впрочем, неважно. Короче, сова говорит, что над правой аркой написано «склады», над левой — «казармы», а прямо — «тропы».

Как это сейчас модно называть, «когнитивный диссонанс»? С одной стороны — поход «налево», а с другой — расположенная там же казарма. И склады, которые так и манят сходить направо.

— Не сильно полегчало, — вздохнула Алена. — Хотя можно предположить, что в казармах данной двери мы точно не найдем. Остается еще два... черт бы побрал этого Арагорна с его загадками.

— погоди, я тоже кое-что попробую, — я сдвинул свою головную повязку на глаза и посмотрел сквозь неё. В магическом зрении проёмы казались одинаковыми, не считая отчётливо видимых надписей.

— И в другом диапазоне проемы одинаковы.

— Думаешь, я бы не почуял, будь они разные? — ухмыльнулся шаман.

— Мало ли, чем Арагорн не шутит... В любом случае, в казармы мне как-то не хочется, а вот по складам бы я пошарил...

Александр стоял в задумчивости. Вдруг он покосился на Алёну, потом на одну из арок, опять на девушку...

— Алён.

— Да? — повернула та голову.

— А что у тебя там? — палец ассасина был направлен куда-то в район, где обычно у девушек бывает декольте. Вот только на бригадине такая деталь не предусмотрена. Хммм, вряд ли это попытка флирта. Интересно, о чём он?

Алёна посмотрела на палец, затем, видимо, мысленно провела от него линию и нахмурилась.

— Это шутка?

— Не, ты не поняла, я не в смысле что там, а в смысле, что у тебя там? Ну... тьфу ты, напасть. Смотри. — Александр ткнул пальцем в плясавшее на стене красное пятнышко, как от лазерной указки. Затем он медленно провел рукой в воздухе, рисуя прямую линию, и вновь указал девушке на грудь. — Что у тебя там?

Алена несколько минут непонимающе переводила взгляд с пятна на ассасина и на свою грудь, затем быстро скинула латную перчатку и, запустив руку за пазуху, извлекла на свет небольшой кулончик мерцающий ярко-красным огоньком.

— Похоже, этот кулон нам явно куда-то указывает, — сказал стоявший рядом шаман, с интересом разглядывая светящуюся подвеску.

— Похоже, — кивнула девушка. — Знаете, в свое время эта штука помогла мне найти одну вещь, может и сейчас...?

— А что мы теряем? — поинтересовался я. — Ясно, что эта вещица не просто так дала о

себе знать. Такой бы камушек к луку прикрутить, вместо коллиматорного прицела. Особенно, если на невидимых супостатов наводиться умеет. Может, Арагорн восточку шлёт таким образом?

— Угу, от него дождешься, — ухмыльнулась Алена и, оглядев нас, спросила: — Ну что, братцы кролики, идем?

— Мы не просто кролики, а настоящие боевые кроли, — жутко зубастые и всегда готовые к основному своему предназначению.

— Это и видно, — улыбнулась девушка. — Ладно, кроли, вперед за сладкой морковкой.

— Секундочку, — шутки шутками, но я вспомнил о заготовленном заранее гостинце. Заодно и последняя проверка для партии на, так сказать, отсутствие враждебного элемента. Я достал из рюкзака метательный нож из стражьего сплава, один из заготовленных заранее именно для соотечественников. Протянул его Лексу рукоятью вперед.

— Глянь, как тебе?

Он взял ножик и, осмотрев его со всех сторон, пожал плечами:

— И что? Нож как нож...

— Надо же, не сработало, — пробормотал я себе под нос. В принципе, сплав срабатывает, не только попав в кровь тёмного существа, достаточно пребывания в его ауре, только в таком случае срабатывает он с задержкой. А в слух пояснил:

— Это особый сплав, созданный в Ордене. Содержит, помимо материальных компонентов, определённые глифы преобразований. В итоге — абсолютно фатален для любых порождений Мрака и Хаоса. Наконечник стрелы из этого металла убивает самого крупного и здорового орка максимум за пять-шесть секунд при самом неудачном попадании, в ногу, например. Одно «но» — металл при этом разрушается...

— А смысл? — Александр еще раз осмотрел нож. — Одноразовое оружие. Если массированная атака, как недавно, таких ножей телега потребуется.

— А патроны на Земле сильно многоразовые? Этот металл создавался как материал для наконечников стрел. Задача — минимальным количеством выстрелов остановить или максимально проредить набегающую орду до того, как она достигнет пехотного прикрытия. А для вас — вдруг тварь какая заковыристая попадется, так что, думаю, пригодятся. В принципе, есть вариант материала, который работает так же, но не разрушается. Но сложность изготовления и стоимость компонентов такова, что, например, обычный кинжал стоил бы как целый городок с населением тысяч пять человек и достаточно развитой промышленностью. Шпага или рапира по цене соответствует средней руки баронству. Новая, мало отработанная технология. Короче говоря, у меня таких ножиков восемнадцать штук. Мне не надо, стрелы есть такие же. Будете делить поровну, по шесть, или как? — с этими словами я выложил ножи в ряд на пол.

Алена взяла три штуки, и то колебалась. Оно и понятно — в тяжёлом доспехе метнуть что-то с приемлемой точностью очень сложно. Шаман подтвердил моё мнение о нём, как о человеке с явным наличием генов хомяка, которые и у меня присутствуют. Он придиричиво выбрал ровно шесть штук, причём по лицу было видно, что для каждого у него уже есть минимум два-три варианта, как пристроить повыгодней. Ну, а львиная доля досталась Лексу. Оно и правильно, для него это оружие самое профильное.

— Ну, теперь все? — спросила Алена и, еще раз окинув нас пристальным взглядом, кивнула в сторону прохода, указанного кулоном. — Вперёд.

Вперёд так вперёд. Опять всё то же дежурное блюдо — «гуляш по коридору». В подвалах, особенно в узких проходах, довольно трудно реально оценить как время, так и пройденное расстояние — имел возможность убедиться. Особенно, если проход не освещён и батарейки в фонарике сели, правда, здесь не тот случай, да и внутренние часы у нового меня работают без нареканий. Минут пять-семь погуляли и вышли в почти такой же овальный зал, только в несколько раз побольше, с двумя проходами вместо четырёх и толстым слоем костей на полу.

— Вот это тут бойня была, — присвистнул я. — Интересно, кто тут дрался?

— А не все ли равно? — почему-то почти шепотом ответила Алёна.

Кости, какой-то хлам, обломки, гнилые или ржавые, в зависимости от происхождения. Мрачновато, честно говоря.

— Знаете, что странно? — спросил шаман, ковыряясь посохом в куче костей, и тут же, не успев уточнить, какую именно странность он имеет в виду, сам ответил: — Тут нет ни одного целого скелета, одни разрозненные костяшки. Такое впечатление, что существ тут не просто убили, а еще и расчленили на мелкие кусочки.

«Или сожрали после убийства. Или не после» — эту мысль я озвучивать не стал.

— Существ? — наша бронеблондинка посмотрела на Диму. — Разве это были не люди?

Дмитрий молча покачал головой и через несколько секунд выудил посохом из груды какую-то заковыристую конструкцию, гибрид салатницы, причудливого шлема и дизайнерского абажура. Через какое-то время, осознав, что это кость и, стало быть, часть скелета, я опознал в находке череп.

— Бррр, даже не хочу представлять, как это выглядело. Кстати, а вот интересно, кому этот черепок принадлежит — оборонявшемуся или одному из тех, кто штурмовал этот зал?

— Думаю, нет смысла гадать, — бросил шаман, аккуратно возвращая череп на место.

— Ну, я так, чисто академический интерес... — Ага, как же. Если замок строили (и обороняли) люди, то можно попробовать найти в его устройстве какую-то логику. И благодаря ней — что-нибудь полезное. Если же строили носители таких черепков... — Кстати, об академиках. Люди сотни лет мечтали о контакте с братьями по разуму, а мы...

— Виктор, помолчи секундочку! — вдруг зашипела наша отрядная «кобра». — И всем тихо, даже не шевелитесь!

В тишине отчётливо раздалось какое-то не то шуршание, не то скрежет. Как будто ползёт что-то. Например, змеюка в костях... Я, честно признаться, этих тварей недолюбливаю, и сильно, потому начал усиленно озираться по сторонам. И тут же мысленно дал себе подзатыльник — у меня же есть заклинания! Быстро бросил «Поиск врага» и активировал свой радар в режиме подсветки опасности. Ничего и никого, по крайней мере, в зале и на первых метрах десяти выходящего из него коридора.

— Чувствую опасность, просто разит, думаю я, ноги надо нам уносить отсюда.

Тоже мне, Мастер Йода в перьях.

— Куда идти-то? — спросил я в робкой надежде, что никуда не надо и дверь закопана где-то в костях. Ага, как же.

Я вспомнил, что название моего класса часто переводят как «следопыт» или «разведчик», и двинулся вперёд, стараясь поменьше хрустеть костями. При этом вытащил из ножен меч, который не торопился принимать свой истинный вид и прикидывался булатным, подтверждая отсутствие рядом чего-то эдакого. Но мысль о змеях под костями, брр... Я бы,

пожалуй, предпочёл иметь в руках глефу, но уж больно надёжно её приторочил, не хочется всю укладку разворачивать.

Внезапно сзади раздался жуткий хруст, как будто эти самые кости сунули в огромную мясорубку. Понятно, что этот хруст тут же заглушил все прочие звуки. Алёна, естественно, истолковала мой недовольный взгляд по-своему:

— Им уже всё равно, — мрачно буркнула она.

Им-то да, а нам?! Может, ещё песни попоём, чтоб нас лучше слышно было? Хотя, что это я, всё равно, не нашумев тут не пройдёшь, тем более — в броне.

За выходной аркой оказался не слишком длинный, метров пятнадцать, коридор, перекрытый огромными двустворчатыми дверями. Мне они почему-то напомнили двери какого-то бункера, прямо всей душой ощутил неподъёмную тяжесть броневых плит метровой толщины. И что характерно — никаких запоров с нашей стороны, кроме пары довольно хлипких с виду ручек. Игривый орнамент по периметру вызвал у моей разыгравшейся паранойи мысль о спрятанных там, в узорах, датчиках и излучателях.

— А нам точно туда? — вырвалось у меня.

Алёна молча ткнула пальцем в отметку своего коллиматорного прицела. Что ж, делать нечего. Я, в довесок к «радару», ещё раз бросил за дверь заклинание «Поиск врага», правда, дальше тридцати метров оно не достало. Заодно прощупал дверь и пространство за ней другим полезнейшим изобретением прикладной магии, «Поиск ловушек» называется. Всё чисто. Ладно, попробуем открыть и посмотреть, что там шуршит. Может, декоративный водопад из мелкого песка, или ещё что.

Хм, обычно такие двери открываются наружу — просто чтоб труднее было выбить их при штурме. Я взялся за ручку и потянул, а дверь, вопреки ощущениям и ожиданиям, легко распахнулась. Мои спутники как по команде вздрогнули и даже дёрнулись в мою сторону. Что это с ними?! Они что, решили, что я без проверки полез? Ну-ну. А если бы даже и так — что, топтаться под дверью до тех пор, пока она не заговорит человеческим голосом?

— Иногда сначала думать надо, а потом открывать, — подтвердил мои догадки шаман.

Ну и ладно, оправдываться не буду.

— Так ведь нет никого!

— А кто тогда шуршит?

Кстати говоря, звук заметно усилился.

— Гномы в подвалах трудятся. Или неведомы зверушки с заковырыстыми черепами.

— Скорее, трудяги пчёлы, — раздался из-за спины голос Лекса.

Да уж, пчёлка что надо. Размером с крупную собаку (что само по себе нонсенс — не может насекомое таких размеров достичь, дыхательная система не позволит), с огромными фасеточными глазами и — здоровой пастью с кучей острых зубов. Откуда зубы у насекомого, скажите мне, пожалуйста?!

— Какие-то это неправильные пчёлы, — буркнул я.

Пока смотрел да говорил — пчела оказалась уже на прицеле. Обычная стрела с листовидным стальным наконечником, зачем тут изыски?

— А вот и собратья, — откомментировал наш ниндзя появление ещё трёх экземпляров бреда энтомолога.

Я всё ещё не решался стрелять — мало ли, кто как выглядит? А вдруг они разумные и с ними договориться можно? Но когда эти четыре полосатых «фоккера» рванули к нам со скоростью чуть ли не такой же, как у того самого истребителя — в дело вступили рефлексy.

На подлёте успел сбить двух, потом пригнулся, пропуская вторую пару над собой, и, скользя ненадолго в боевой режим, пристрелил и их, уже в зале. А на кости они упали с таким грохотом, будто и весят как собаки. И как они умудряются летать при такой массе на таких крыльшках?! Вот только не надо старую (и давным-давно опровергнутую грамотными расчётами) байку про шмеля приплетать! Линейное масштабирование тут ну никак не подходит.

Пока я любовался трофеем, Алёна захлопнула и даже подперла собою дверь. Видимо, в конце коридора (точнее, на его повороте) опять начал накапливаться противник для новой атаки.

— Что это было? — спросила наша служительница культа.

— Не знаю, — ответил Лекс. — Какие-то насекомые.

— Понятно, что не бурундучки.

— Я и говорю, «неправильные пчелы».

И неправильностей чем дальше, тем больше, надо сказать. Я подошел к двери и встал рядом с девушкой.

— Мадам, я помогу вам подпирать сию поверхность, дабы злобные вражины больше не побеспокоили ваш покой.

Уй! А за что так железом по рёбрам-то?! Или на «мадам» обиделась? Видимо, надо было звать «мадемуазель», дамы не любят не только упоминания о возрасте, но даже и намёков на это.

— Это шурши, — заговорил шаман человеческим голосом. — Сова говорит, что это обычные насекомые и к тварям хаоса не имеют отношения, а еще они довольно ядовитые и у них там гнездо.

— Весело, — вздохнула совсем не выглядевшая весёлой соседка по двери. — И что нам делать?

А ниндзя наш нормальный герой, сразу в обход предложил. Только вот блуждать по коридорам как-то не улыбается, тем более что дверь может оказаться буквально за поворотом, а обходной путь пройдёт через самое гнездо этих милых животных. Если этот самый обход вообще существует, как правильно заметила Алёна.

А путь-то всё вниз идёт. Пустить бы туда какого газу тяжёлого, для насекомых фатального, а человеку безвредного...

— А может, у кого бутылочка дихлофоса где завалялась? — озвучил я свою идею. — Ну так, совершенно случайно. Хотя, судя по их размерчику, бутылочкой тут не обойдешься, нужна цистерна.

Шаман, немного поёжившись под нашими изучающими взглядами, заявил, что ничего подходящего не имеет. Жаль. Окуривать их — пускай идёт тот, кто предложил такое. Что, нет желания? Вот то-то и оно...

Тем временем шуршание всё усиливалось. Алёна предложила идею — близкую родственницу окуривания, а именно — поджечь ту серую гадость, что висела на стенах за дверью, напоминавшую бумагу осиных гнёзд. Ага, картинка маслом по сыру — бегаем мы между пчёл и тыкаем факелами в эти самые космы. А пчёлки мило нам улыбаются, во все шестьсот пятьдесят четыре зуба. Если вспомнить, как неохотно горели те самые осиные гнёзда, сжигаемые в детстве на бабушкином подворье, то улыбаться им придётся долго. Хотя, если подождать, пока шурши ушуршат по своим делам и пустить перед собой огненный вал...

— Ребята! — вдруг произнёс Лекс голосом телевизионного проповедника. Да уж, будь Алёна, простите за выражение, феминисткой — уже бы толкала лекцию о «мужском шовинизме».

— Я сейчас туда кое-что кину, а вы все прячьтесь, кто куда! — продолжал ассасин, сжимая что-то в своей сумке.

Куда тут прятаться-то, в коридоре?! Разве что успеть до зала добежать, так и там — у овала углов нет, особо не спрячешься.

— Все вопросы потом! — пресёк Лекс все протесты и, шагнув вперёд, метнул что-то за слегка приоткрытую им же дверь.

После чего рванул от неё на впечатляющей скорости, явно используя что-то сродни моему боевому режиму. Вот же... деятель! Нет, чтоб подождать, пока Алёна в своём железе и шаман в перьях отбегут подальше!

Это я думал уже на бегу, стараясь держаться между Алёной и той самой дверью. Почему, спросите? Ну, поскольку перед решением Лекса мы говорили про огонь, то есть шанс, что его граната будет именно выжигать насекомых. А я после боя во дворе улучил момент и поставил свой любимый огненный кокон. Так что я, надеюсь, от огня защищён хоть как-то (блин, жаль не успею заклинание «защита от жара и холода» активировать — спасибо нашему скоростному), а вот Алёна — не знаю. При этом она наша походная аптечка и самая бронированная единица в одном лице, её беречь надо. Удивительно, сколько мыслей успевает пробежать в голове за пару секунд, особенно если ты в боевом режиме находишься...

Оглянувшись, я увидел нагоняющий нас фронт ударной волны, чем-то похожий на плёнку огромного мыльного пузыря и, одновременно, на переливы воздуха над горячим камнем. Вслед за ним двигался вал бурлящего пламени, завораживающе-красивый и пугающий. И на фоне яркого пламени вдоль правой стенки летел какой-то неразличимый из-за сияния огня большой тёмный ком. Я отвернулся от всей этой феерии, пытаюсь придумать — как ускорить Алёну? В ускоренном восприятии её движения казались и вовсе мучительно-медленными. А ведь сейчас нас догонит взрыв, сначала меня приложит об неё (а точнее, об её доспехи), потом клиричку снесёт мною, а затем нас обоих ударит об пол. Да уж, перспектива далеко не чарующая. И осталось до этого — совсем чуть-чуть, даже по моим нынешним меркам. В итоге так и не придумал ничего лучше, чем догнать Алёну и попытаться приподнять её, схватив ладонями подмышки.

Тут нас и догнал ассасин подарок. Хорошо хоть об девушку ударило не сильно, полетели с ней вместе, одновременно оторвавшись от земли. Зато об пол шваркнуло от души, благо, что тяжело бронированная девушка была снизу и все торчащие острые осколки костей если и были, то обломались о сталь её доспехов. Но всё равно — в груди хрустнуло и в глазах потемнело, я даже и не понял — погас засиявший при соприкосновении с огненной стеной защитный кокон оттого, что атака закончилась или он исчерпал себя. А может — я потерял сознание на какое-то время? Не знаю.

Когда пришёл в себя, грудь болела нещадно, а соратница подо мной не шевелилась. Я задействовал свою самую мощную лечилку. Это для меня она на пределе возможностей, а объективно — «Исцеление лёгких ран». Полегчало, но не слишком. Слезая с Алёны (хм, двусмысленно звучит), я применил заклиналку повторно, а встав на ноги — и в третий раз. Ладно, переломов вроде бы (уже?) нет, а синяками займусь позже. Кстати, о девушках. Наша зашевелилась, ещё когда я вставал. Подавая ей руку, я сплюнул какую-то гадость, неведомым

образом попавшую в рот (не хочу думать, ЧТО это было!), и спросил в пространство:

— И что это было?!

— Дихлофос, — ответил Лекс из-за соседней кучи костей. — Со стопроцентной гарантией...

Я прервал справедливые инвективы Алёны — не время мозги прочищать нашему спутнику и не место. Не хватало ещё разругаться в ходе рейда по тылам противника. А вот куда делся шаман — надо выяснить прямо сейчас.

Дмитрий обнаружился неподалёку — в комплекте с трупом шурша и с запахом опаленных перьев, нашитых на плащ. Вот только признаков жизни он проявлять не удосуживался. Правда, вскоре очнулся, может, даже и без Алёниной помощи справился бы, поскольку она только-только начала лечение. От облегчения меня опять пробило на шуточки. Тем более что удар пчелой в грудь явно говорил об одном: шаман в этот момент стоял лицом ко взрыву, то есть даже не пытался убежать. Что это — впал в ступор от шока, или понадеялся на свои таланты? В любом случае, адекватность персонажа в критической ситуации под вопросом, так что пару подколок он честно заслужил.

— Что ж, ты сейчас не просто шаман, а «шаман, пчелой стукнутый». Заметь — не ужаленный, а стукнутый! Редкий вид, однако...

— А чем это ты так шарахнул? — спросил я у ниндзя нашего. Поскольку шаман ещё, похоже, не пришёл в себя и не отвечал, я решил сменить собеседника. Кстати, тоже — тот ещё перец. Мог и заранее предупредить, и дать возможность отбежать. Похоже, из всей компании доверять прикрывать спину без опасения, что прикрытие выкинет какое-то коленце, можно только Алёне.

Тем временем Лекс достал из сумки и протянул мне какой-то предмет:

— Вот таким вот.

Я взял в руку обычный с виду камень, слегка тёплый, будто лежал не в сумке, а во внутреннем кармане, около тела.

— А вот этим я ударил, — ассасин протянул мне второй камушек, такой же по виду, но более лёгкий и холодный.

— То есть как это — «этим»? — вернуться и подобрать Лекс ну никак не мог.

— А это как неразменный пятак — я бросаю, он возвращается.

Да уж, отличная вещь! Правда, владелец чудо-камушков тут же провёл профилактическую работу на тему, что это подарок и в чужих руках работать в лучшем (для этих рук) случае просто не будет. И перезарядка в костре — иногда может оказаться делом хлопотным, но зато не требует способностей к магии.

— Прямо нанотехнологии на марше, — изрёк я, передавая камушки для изучения шаману. — На Земле такого рода штука килограммов двадцать весит, РПО «Шмель» называется. Хм, «Шмель» — удивительно к месту название пришлось бы.

Может, потому и вспомнилось, что подходит? И там, вроде, эффект поскромнее наблюдаемого. Но — в закрытом пространстве, да и вес я изрядно «округлил» в большую сторону, так что — так на так примерно. Нашу познавательную беседу прервала Алёна, напомнив, что надо бы пошевелиться. Надо так надо, кто ж спорит.

В коридоре обнаружилась сорванная с петель створка двери, смятая, покорёженная, лежащая около стенки метрах в шести от косяка. Да уж, хорошо, что шаман с другой стороны стоял, эта железяка куда как поувесистей неправильной пчелы будет, могли и не откачать.... За дверью проход полностью избавился от всех посторонних «украшений», кроме

нескольких десятков трупов шуршей. В одном месте, где они лежали кучкой, кислый и колючий запах, напоминающий смесь уксуса с нашатырём, заставил задержать дыхание и ускорить шаг. А ну как это их яд, да ещё и не разложившийся? То-то и оно... Ладно, всё равно они явно делали совсем неправильный мёд.

Через некоторое время в стенах стали попадаться какие-то металлические пластины. Двери, остатки облицовки, что-то другое — непонятно. Наверное, всё-таки двери — вон впереди деревянная, разохшаяся, ветхая с виду, с пробивающимся через щели светом. Какой свет в подвале, а? При этом у меня сложилось чёткое ощущение, что свет — солнечный, не от факела и не от масляного светильника точно. Какое-то тревожное чувство вызвала эта дверь. Кстати, ветхость её была чистой воды имитацией: я, улучив момент, когда никто не видит, от души пнул её ногой, и чуть не отбил эту самую ногу. Как по каменной стенке ударил, даже подлечиться пришлось. Следующую металлическую дверь я всё же попробовал открыть, проверив на опасность в целом и на ловушки в частности. Никакого эффекта — и толкал, и тянуть пытался, и сдвигать во все стороны, всё без толку. Народ смотрел на меня заинтересованно, но ни возражений, ни предложений помочь не последовало.

А вот и открытая дверь, за ней — ряды каких-то не то ванн, не то чанов. Что-то мне это всё напомнило, причём что-то опасное и угрожающее, но что? Да это же похоже на чаны для клонирования из старой «уфошки», второй её серии! И значительная часть закрыта, что характерно. Я не хотел зря пугать своих спутников необоснованными догадками, а поскольку уже открыл рот и успел сказать: «по-моему, это...», то пришлось наспех конструировать версию про баню. Или сауну для почётных гостей, с картами и девочками. Шаман, ссылаясь на свой тотем, заявил, что над дверью написано — казармы охраны. Странно, вроде как в комнате с тремя дверями проход в казармы был слева, а мы пошли в средний?! Вон, и остальные тоже удивились. Хотя с моим вариантом про устройства клонирования коррелирует неплохо.

А следующая открытая дверь оказалась гораздо интереснее — за ней был арсенал! Причём помощь совы для перевода не понадобилась, всё было очевидно. Между стеллажами с видом заблудившихся в музее измученных «Нарзаном» алкашей болтались два шурша, которых пристрелил, даже не используя никаких фокусов, как воздушные шарик в тире. Гораздо больше меня напрягло состояние вещей на полках и в стойках. Все экспонаты были мало что не в идеальном состоянии, и именно это настораживало. Вряд ли представленные в арсенале образцы новее тех, что валялись в зале костей, но найденные ранее превратились в ветхий хлам, а эти... Разве что это такое свойство у помещения или стеллажей — сохранять материальные ценности?

Глаза разбегаются, сколько всего интересного. Правда, большая часть имущества имеет заковыристый вид и неясное назначение. Вытащить бы всё это в тихое, укромное местечко, и там рассортировать.

— Жаль, всё это с собой не унесёшь. Даже и не всё, а малую часть не утащишь! — вслух пожаловался я.

— Всё не всё, но унести можно довольно много, вообще-то говоря, — ответил шаман.

— Отлично! — я решил не вдаваться в подробности, как именно он будет уносить трофеи. — Значит, я ношу сюда то, что выглядит поинтереснее, а ты сортируешь и пакуешь. Потом у костерка поделим при случае.

И мы приступили к мародёрству. Предварительно я выставил в коридоре охранный контур, во избежание. Кое-что из трофеев я сразу запихал в рюкзак, например, пару то ли

широких браслетов, то ли наручей. Туда же пошли три стрелы с резными, костяными по виду, древками — меня привлекло то, что они стояли на полке поштучно, каждая в своём гнезде, стало быть — хозяева замка относились к ним с уважением. Алёна пару раз пыталась оторвать нас от этого увлекательного занятия. Вот странные существа эти женщины. Вокруг трёх вешалок с пятью тряпками могут круги нарезать часами, меряя одно и то же по нескольку раз, а стоит попасть в действительно интересное место — через десять минут начинают концерт на вольную тему.

А нет, не прав был. Приношу извинения. Похоже, Алёна с Лексом нашли в коридоре что-то по-настоящему важное, поскольку теперь пришёл наш ниндзя. Я с сожалением отложил в сторону очередной образец — предположительно копьё, длиной чуть меньше моего роста. Длинный, не меньше полуметра, конический наконечник, напоминающий разом гриб строчок, кожух-охладитель ствола и футуристического вида антенну. С другой стороны в полуметре от конца древка было что-то вроде конической гарды, наподобие тех, что рисуют на турнирных лэнсах. С тем же успехом это могла быть манжета-уплотнитель, поскольку материал «гарды» был упругим и пластичным.

В коридоре Алёна и Лекс с торжественным видом ткнули в стену:

— Вот!

Видимо, я всё ещё продолжал обижаться, что мне не дали разобраться с тем копьём, потому как начал язвить:

— Вижу, стенка. Кладка неровная, швы...

Меня перебили, обозвали и ткнули пальцем в пятнышко от Алёниного амулета, прыгающее на этой самой стенке на уровне груди. Как-то это мало похоже на дверь. Замуровали, что ли? Шаман подошёл и начал сосредоточенно постукивать по стенке своим посохом, а ассасин озвучил мою первую мысль:

— Замуровали?

Алёна вдруг хихикнула и процитировала надпись на воротах Мории:

— Скажи слово «друг» и входи.

Вся команда тут же начала рассуждать, какое слово могло бы подойти. И эти люди обзывали меня «толкнутым»! На каком, интересно, основании — неужели оттого, что я помнил имя одного из эльфийских колец, того, что втихаря таскал Гэндальф? Кстати, мне сразу вспомнилась другая знаменитая фраза, поминающая всеу одно сельскохозяйственное растение. Да-да, та самая, из сказки про Алибабу.

— Ладно, давайте я гляну, — прервал я обсуждение пароля и надвинул на глаза свою головную повязку.

Очень интересно. Обычно весь мир сквозь нарисованные глаза выглядит как сплетение потоков энергии, из окружающей действительности разве что земля под ногами более-менее различается, да контуры самых близких предметов. А тут — в нише отчётливо видна дверь с узором из треугольников, как нарисованная. Ещё на уровне плеча чуть левее середины проёма висит какое-то образование, больше всего похожее на лыжное крепление. Пока я пересказывал своим напарникам увиденное, последовала реакция — или двери, или тех, кто её замуровал. По глазам как будто стегнули мокрым полотенцем, причём ощущения были такие, словно мокрым оно было от кислоты.

Я отшатнулся, сорвал повязку и провёл руками по лицу. К моему удивлению и облегчению, глаза были на месте и даже видели. И ожогов на лице не было.

— Ёлки, такое впечатление, что мне в глаз дали, точнее, в оба сразу, аж ноют теперь, —

прокомментировал я свои последние действия.

— Ладно, подождите, — сам не знаю, кому адресовались эти мои слова, окружающим или тем, кто устроил ту ловушку для любопытных. Так, где там была та конструкция в стене? Я вынул свой нож, скорее охотничье-хозяйственного, чем боевого назначения, вставил его в щель между камнями. Клинок вошёл, как в ножны, как будто раствор в стыке был лишь иллюзией. Я поковырял в стенке, пытаясь вспомнить, как выглядела та защёлка и как её открыть. Вдруг что-то громко клацнуло, и вся стенка ниже ножа просто рухнула в пол. Хотя я и надеялся на что-то подобное, но слишком уж внезапно всё произошло, я вздрогнул, и даже не обратил внимания, что случилось с верхней частью загородки — втянулась она в потолок, или просто растворилась в воздухе...

Все столпились вокруг двери, стоящей на каменном постаменте в зажимах. Ну, точно как в магазине, только ценника не хватает. Если ещё в этих зажимах сигнализация встроена. ... Нет, такое нам не нужно, хоть казармы охраны и выглядят пустыми и заброшенными, но — не надо, и всё. Шаман как-то ревниво покосился на меня, но промолчал. Он протолкался вперёд, достал из сумки небольшую коробочку и начал пытаться приладить её к углу двери.

— И что это ты делаешь? — подозрительно ласково спросила Алёна.

Вместо ответа Дима обернулся к нам, вздохнул и вытащил из коробочки самый настоящий стул! Покрутил его перед нами и запихал обратно в пенал. Так вот куда он трофеи трамбовал!

— Классная штука! Где взял? — спросил я голосом Бараша из «Смешариков». Видимо, у остальных не было на Земле малолетних родственников, готовых смотреть этот мультик круглосуточно. Зря старался. Но штука и правда классная, я бы не отказался от парочки (одну про запас, на всякий случай).

— Общий знакомый подбросил. Типа свадебный подарочек, — шаман поморщился, как будто его ради этого подарка заставили жениться на лягушке, причём не царевне, а самой обычной. — Только с этой дверью не работает.

— Да, классная вещь! Может, тоже жениться?

Ух ты, а что это творится с нашей неприступной, неужели порозовела? Да нет, не может быть, видимо, что-то с освещением.

— Ладно, давайте дверью займёмся, — тяжело вздохнул Лекс. Он что, тоже жениться там у себя намылится?

Я, вспомнив выходку ниндзя с брошенной без предупреждения гранатой (точнее, заменяющим её камушком), решил его подколоть:

— Пластида с полкило ни у кого не найдётся?

Опять зря старался, опять никто иронии не понял, восприняли буквально и даже стали искать. Вот же клоуны, а? Полкило С-4, в пересчёте на тротил по фугасному действию, — эта дверь до середины арсенала долетела бы, и не факт, что одним куском. А нас бы накрыло взрывной волной и обломками камня. Нет, всё же хорошо, что ни у кого взрывчатки нет!

Тем временем шаман осмотрел постамент и вынес вердикт:

— Дверь в подставке какие-то штыри держат. Если их срезать, то можно будет вынуть.

Срезать, хм... Мой меч в своём истинном виде, пожалуй, взял бы, но рисковать боевым оружием — нет уж! Лучше в арсенале взять, что не жалко один раз использовать и выбросить. Но мой порыв сбегать за подходящей железякой остановил Лекс. Он вытащил свою катану и, странным образом встряхнув, заставил её превратиться в подобие лазерного меча из «Звёздных войн». Да он ещё и джедай! Хотя — на себя посмотри, у самого клинок

тоже с теми ещё спецэффектами. Тем временем Лекс с некоторой натугой не только перерубил крепления, но и развалил подставку пополам. Энтузиаст-стахановец, блин. Дверь тут же начала заваливаться вперёд, на нас — и я метнулся её ловить. Нет, не по дурусти, а по точному расчёту: сейчас, пока она не успела отклониться на большой угол и набрать скорость, остановить её нетрудно, особенно если хватать повыше. «По дурусти» — это когда я как-то при заготовке дров ловил начавшую падать не в ту сторону берёзку диаметром сантиметров тридцать. Поймал, с помощью такого же безбашенного по молодости братишки, и уронил в нужную сторону — но дед потом долго и виртуозно разговаривал матом.

Но я отвлёкся. Дверь, неожиданно тяжёлую, я поймал. К некоторому моему удивлению, с другой стороны её держала Алёна. Нет, это уже безобразие — мало того, что она девушка, так на ней и без того немало железа висит. Совместными с ассасином усилиями клирик была отправлена в боевое охранение, мы вдвоём подхватили двёрку. Ничего себе! Замок дрогнул, по коридору прокатилась волна, похожая на судороги.

— Хотел бы я знать, что это было, — пробормотал я.

— А я бы не хотел, — возразил Лекс, — потому как мне это очень не нравится.

Вот, опять различие в подходах. Мне всё это тоже очень не нравится, и именно поэтому я и хотел бы по возможности точно знать причины, чтобы принимать осмысленные решения. А позиция, приписываемая страусу способна привести только к неприятностям.

— Нравится, не нравится... Не на ромашке гадаете! — резко одёрнула нас Алёна. — Давайте в темпе делать ноги, раз это строеньице так воеет.

Оно и правильно. Мы с Лексом постарались ухватить двёрку как можно удобнее, хотя говорить об удобстве в данном случае было несерьёзно. Только присутствие дамы удержало меня от непечального комментария по поводу веса этого изделия. Нет, она и выглядит серьёзно, но я мог ожидать в ней килограммов семьдесят веса, ну восемьдесят. А тут такое ощущение, что по центнеру на брата приходится!

— С такой бандурой особо не побегаешь, — высказал я максимально отредактированную версию.

— Это смотря как жить захочешь, — вступил в разговор шаман. Он заметно нервничал и тискал свой посох так, будто хотел из него сок выдавить. — У нас крупные, я бы даже сказал, гигантские неприятности.

— Тогда чего стоим? — задал мой напарник логичный вопрос. Дверь просто руки обрывает. — Алён, веди давай!

Алёна посмотрела на нас в растерянности.

— Кулон! — совсем не галантно рявкнул Лекс. — Задействуй свой кулон, а то плутать тут будем!..

Хм, судя по лицу, Лекс хотел выразиться несколько иначе, но тоже следит за речью, молодец, не надо при девушке говорить то, что он подумал.

— Не работает, — пролепетала Алёна. — Заряд кончился, что ли?

Я подумал, что заряд тут ни при чём. Арагорн же говорил, что кулон поможет найти дверь — он и помог. Про обратную дорогу не было сказано ни слова. Я вспомнил про свой амулет пути, но не успел додумать эту мысль. Шаман заявил:

— Я поведу! — и шагнул вперёд, поводя впереди себя посохом.

Мы втроём (я, Лекс и дверь) двинулись за ним, девушка оказалась на роли тылового охранения. Бодрой поросычьей трусцой добежали до зала с костями. К этому времени груз

отдавил руку до онемения. Освоенные ещё при памятном побеге от орочьей погони, когда мы бубен похитили, навыки поддержки физических сил за счёт магии не действовали. Энергия уходила, но приносила только секундное облегчение в наиболее пострадавших местах, а это были руки. Такое ощущение, что или законы природы тут другие, или что-то просто вытягивает выпущенную из внутреннего резерва силу. Не двёрка ли?

Возможно, именно это онемение привело к тому, что мы уронили-таки дверь. Один из нас споткнулся, другой одновременно поскользнулся на костях — и гнусная железяка, рухнув едва ли не на единственный чистый участок пола, загудела, как колокол. Звон был такой, что уши заложило. Нет, спешка спешкой, а перекуры делать надо, хоть для того, чтобы руку сменить.

— Ну вот, дали знать всем заинтересованным лицам, что мы здесь, и где именно, — откомментировал я.

Шаман, который был уже на выходе из зала, окатил нас очень выразительным взглядом. Угу, попробовал бы сам эту конструкцию тянуть. Нет, всё же хорошо, что не нужно ещё и коробку дверную тащить!

После выхода из костяного зала началась чертовщина какая-то. Ну не было столько поворотов, не было! Свернуть не туда тоже шансов не было: в зале костей насчитывалось ровно два прохода, в один вошли, в другой вышли. Ну вот, точно, не пойми что творится. Вошли в комнату с четырьмя выходами, не считая того, в который вошли. А по пути внутрь единственной развилкой была овальная комната, имевшая на одну дверь меньше. Шаман проявлял явные признаки неуверенности. Что ж, есть время передохнуть. Мы с Лексом аккуратно прислонили дверь к стене — помню, с каким трудом мы пытались оторвать гладкую дверь от гладкого пола, когда её уронили. Я прикрыл глаза, стараясь как-то привести в порядок внутреннюю энергетику.

— Японский городской! — закричал ассасин. — Вить, хватай бандурина!

Я открыл глаза и оглянулся. Коридор, по которому мы пришли, будто крутила и сплющивала неведомая сила, а по нему самому на нас неслась полупрозрачная зеленоватая стена, чем-то похожая на тварей во дворе замка. Сразу мелькнула мысль, что при такой скорости этой дряни сбежать от неё мы не успеем. Я уже привычно и почти рефлекторно ускорился. Сдвинув восприятие, я увидел, или мне показалось, что увидел, в этой жиже какой-то узел, отдалённо похожий на жутко искажённое лицо. Почти ни на что не надеясь, схватил лук и вогнал в этот узел стрелу с наконечником из стражьего сплава. Стена дрогнула, остановилась и начала покрываться коркой, камень.

Правда, я это особенно не рассматривал, мы с ассасином подхватили дверюгу, а шаман, наконец, определился с выбором, закричав:

— Нам туда!

Туда так туда, главное — успеть. Ох уж эта мне дверь! Теперь мы её ещё и бегом тащим. Мы влетели в длинный коридор, образованный рядом арок. Вдруг ассасин сбился с шага и резко замедлился. Я из-за этого чуть не навернулся вместе с грузом и не сдержал короткого, но очень эмоционального возгласа. Сделаю вид, что поверил в то, что Алёна могла это не услышать. Я покосился на ассасина и увидел, что он одним глазом смотрит под ноги, а вторым косит куда-то вверх. Я глянул туда — и тоже сбился с шага. Оно и немудрено: складывалось ощущение, что ни потолка, ни стен просто нет, а вокруг коридора клубится красно-оранжевое нечто, не то загустевшее пламя, не то жуткое варево, чем-то напоминающее небо в некоторых локациях старого DOOM'а. Надеюсь, это тут обои такие, а

не прозрачный потолок и эта гадость вокруг.

Очередной поворот — и мы резко останавливаемся, поскольку впереди — тупик. Добротный такой, с торцевой стенкой из крупных зеленоватых валунов.

— Ну что, Сусанин? Обратно дверь сам поволочёшь! — обратился я к шаману.

— Странно, — проговорил тот. — Сова говорит, что впереди преграды нет, а она — вот она.

Дима постучал посохом по стенке. Да уж, слишком убедительно для иллюзии. Из дальнейшего разговора выяснилось, что обход искать бесполезно, потому как его нет. Ассасин предложил взорвать преграду ко всем чертям. Вот же пироманьяк. Но тут я с ним полностью согласен, пробить проход в препятствии, которого нет — и тикать дальше. Только заранее отойти подальше. Я обернулся и первым заметил очередную гадость. Коридор, по которому мы пришли, уже начинал скручиваться и срастаться.

— Некогда дольше думать! — оповестил я остальных. — Саш, кидай свою гранату, все за дверь, я прикрою.

Ну, или постараюсь прикрыть. Я схватил Алёну за руку и затащил за дверь, которую мы с ассасином продолжали удерживать в вертикальном положении. Шаман встал около стенки, наклонившись в сторону будущего взрыва и выставив перед собой посох. Ему что, шурша в грудь мало было, ещё и бульжников парочку хочет в голову получить? Всё, некогда уговаривать, пошла граната! Я толкнул Алёну вниз, навалился на неё, одновременно активируя все защитные заклинания, какие могли вспомнить и успеть наложить я и Спутник.

Ох, как рвануло! Нас трясло, колотило и волокло по коридору одним комом, при этом Алёнины доспехи и успевшая вусмерть достать дверь своими углами.... Не буду о грустном. Когда я пришёл в себя, Алёна как раз слезла с меня и вставала на ноги. Странно, вроде бы вначале она была снизу?! Так, а на чём это я лежу? Ага, правильнее сказать — «на ком», потому как Лекс вроде бы жив, что не может не радовать.

— Так, Алёна и я живы, Дима — я глянул на встающего по стеночке шамана — тоже, и ассасин шевелится, значит — живой.

— Твою ж, ну что за запахло... Чтоб тебе! Пошла вон, зараза! — раздался вдруг крик шамана, который пытался своим посохом зашибить на диво уродливую тварь, чем-то напоминающую могильщика из чёрной комедии «Мёртвые, как я», только с рудиментарным подобием крыльев. Вдруг зверушка ухватила нашу дверь и легко, как картонную, вскинула её над головой. Я схватился за рукоять меча, но не успел вытащить его из ножен, как вдруг сова, сидевшая на посохе шамана ожила и взлетела в воздух, а с того места, где она сидела, ударила струя серого тумана, охватила тварь и потащила к Диме. Неизвестно, кто выглядел более удивлённым — похититель двери или наш пернатый друг (не подумайте, что я имею в виду сову). Правда, тварь ещё извивалась и шипела так, будто туманная петля причиняла ей страшную боль. Наконец, зверюга странным образом извернулась, дёрнулась и вырвалась из захвата. Существо влипло в стену и растворилось в ней. Ничего себе заявочки!

— Что это было? — озвучил Саша мою мысль.

— Сам замок, — отозвалась Алёна, затравленно озираясь по сторонам.

С такими сюрпризами — ну его в болото, этот замок. Я начал ворочать дверь, Лекс тут же подскочил и стал мне помогать. Удивительно, но последствия контузии исчезли, будто бы их и не было. Стоило нам с Лексом поднять проклятушую железяку, как обломки камней вокруг зашевелились, потекли и стали собираться в дикие и уродливые фигуры, похожие на

те, с которыми мы воевали во дворе замка. Мало того, когда шаман, вновь возглавивший наш отряд, пролезал в дыру, проделанную гранатой, мне показалось, что отверстие стало меньше. Да нет, какое там «показалось» — оно явно зарастает! Неужели изменение стен догнало нас?!

Страх добавил и сил, и прыти. Я, кажется, говорил, что мы бежали из той комнаты, где я стрелял в студень? Ничего подобного, то была лёгкая трусца. А вот сейчас мы бежали по-настоящему! Алёна немного задержалась, потом за спиной что-то сверкнуло, загремело, и она поравнялась со мной.

— Что там? — выдохнул я.

— Хреново, — так же лаконично ответила девушка, и мы побежали дальше. Мчались, пока не стали двигаться по синусоиде, рискуя упасть и отдавить себе этой дверью конечность-другую. Наконец мы с ассасином остановились, хрипло дыша. Шаман обернулся к нам с удивлённым и недовольным видом. Я сплюнул горечь, накопившуюся во рту.

— Ща сам попрёшь, — прохрипел я, упреждая вопрос Сусанина. — Водички бы...

— Ребята, всего три зала осталось — и выход, помните, мы тут были?

— Какая разница были, или нет? — не было сил напоминать, что после зала костей, где мы тоже были по дороге туда, на обратном пути забрели в неведомые края. — Главное, что оторвались, правда, непонятно, от чего.

Дима внезапно, как кнопку нажали, утратил свой оптимизм и грустно сказал:

— Не совсем. Ещё минут... — он призадумался, — да, минут десять — и нас догонят.

— Значит, пять минут на отдых есть, — заявил ассасин. И тут же начал строить планы на будущее:

— Как только выберемся во двор, Дима и Алёна хватают дверь и уходят, а мы с Котом прикроем.

Сомнительное решение. Девушка в своих доспехах и так не слишком превосходит по скорости нас с Лексом, а если на неё ещё и трофей нагрузить — замучаемся ждать, пока до выхода доберётся. Зато в тыловом заслоне ей с её броней цены не будет. А я подстрахую, и не только в контакте, как мог бы Сашка. Кстати, сама Алёна придерживалась того же мнения. Я не видел смысла дублировать её слова и аргументы, потому слушал молча, старательно восстанавливая дыхание и разгоняя по телу энергию из резерва. А уж когда она заявила, что с подаренными чётками и воскресить при случае сможет, причём в массовом порядке... Короче говоря, я только кивнул, соглашаясь с девушкой, когда ассасин наконец решил узнать моё мнение.

Ниндзя недовольно скривился и отложил неприятное для него решение:

— Ладно, во двор выберемся, там видно будет.

Шаман во время разговора как-то нерешительно мялся, будто что-то хотел сказать, но не мог решиться. Наконец он с решительно-обречённым видом сунул руку в сумку и извлёк шесть не то камешков, не то комков глины. С таким видом, будто отрывал кусок мяса от собственного тела, пернатый протянул нам эти изделия.

— Вот, держите, может — пригодится.

— А что это такое? — поинтересовалась Алёна.

— Грубо говоря — гранаты. При ударе взрываются, гладкие — огнём, которые с завитушкой — водой.

— Понятно, контактный взрыватель, — мне эти изделия напомнили давнишний трофей, аналогичного назначения бульжник, отнятый у гоблинов. Там их, кстати, тоже шаманы

делали.

Мы с ассасином взяли по два камушка каждый, один водяной и один огненный. Я тут же сунул их в кармашки своей самодельной разгрузки, спрятанной под плащом. Лекс тоже быстро спрятал трофеи. Алёна же смотрела на предложенный гостинец с сомнением. Шаман тем временем продолжал:

— Правда, я не уверен, как они будут действовать в этом замке, они на основе духов...

Эти слова разрешили колебания девушки:

— Нет, я, пожалуй, откажусь...

Мы с Лексом переглянулись и синхронно ухватили по одному камешку из Алёниной доли, огненный мне и водяной напарнику. Шаман, может, и хотел бы возразить, но не успел. Мы с Сашей подхватили опостылевший трофей и двинулись к выходу.

Уже следующий зал заставил скептически отнестись к словам нашего Вергилия о знакомых местах: в нём было два боковых прохода, то есть опять развилка, которую по дороге внутрь не встречали. Мы с Сашей были примерно на середине помещения, когда я увидел, как шевелятся губы на побледневшем лице шамана, застывшего в выходной арке, глядя на что-то за нами. Сзади раздался речитатив, напоминающий латынь, закончившийся гулким ударом и жутким, многоголосым воем и визгом.

Я оглянулся посмотреть, что там происходит. Увиденное заставило меня остановиться, бросив дверь на пол — ассасин в итоге чуть не упал, споткнувшись, и энергично откомментировал мой манёвр. Не до извинений и объяснений. Добрая четверть зала была заполнена бесформенной массой, покрытой каменной коркой. Похоже, это результат Алёниных действий. Вот только вся поверхность массы уже покрылась сетью трещин, из которых высывались многочисленные отростки, превращающиеся в уродливых тварей. А девушка не видела этого, она старалась догнать нас и не оглядывалась. Отдельные щупальца, оторвавшись от общей массы, довольно быстро перетекали по полу, стремясь догнать беглянку.

Но я не просто рассматривал всю эту вакханалию: руки уже выхватили лук, поправили колчан, тело скользнуло в ускоренный режим, сознание сформировало плетения на точность стрельбы и слегка сдвинуло восприятие мира, чтобы видеть узлы энергий. Как только я ускорился, пронзительный вой ушёл за грань диапазона чувствительности ушей, превратившись в глухую пульсацию. Первые шесть стрел успокоили самые шустрые сгустки. Стенка выбросила пару особо длинных псевдоподий — в одну воткнул три стрелы, во вторую ещё две. Я хватал стрелы без разбора — бронебойные, листовидные, из стражьего сплава. Нынешнему противнику это было без разницы. Алёна начала медленно оборачиваться, губы её шевелились. Надеюсь, это ещё одно заклинание «по площадям», а не вопрос ко мне «что случилось?». Девушка вроде неглупая, вопреки впечатлению, которое осталось у меня после чтения надписи на щите. Ещё семь стрел ушли в наиболее опасные отростки. Вот гадство — преследующая масса хитрее, чем казалась: новые отростки росли всё выше, а тем временем несколько валявшихся на полу валунов ожили и метнулись к нам.

Я вспомнил свои тренировки в Резани и бросил молнию, задав и мысленно удерживая сразу полдюжины целей. Сработало на сей раз (а могла быть и осечка в виде обычного разряда), несколько тварей отбросило назад. Такая молния больше энергии берёт, но оно того стоит. Вот гадство! Такое ощущение, что новые твари вылупливаются из плиток на полу. Я заорал шаману и Лексу, стараясь как можно сильнее растягивать слова, чтоб они не прозвучали скороговоркой:

— Ууууу-хooooоо-дiiii-теееее! Заааа-дееер-жиииим!!!

Ещё шесть стрел списал в минус, когда Алёна плавным движением опустилась на одно колено, ударив булавой в пол. Сверкнуло знатно, даже пятна в глазах мелькают. Сквозь эти зайчики я увидел, как Алёна потянулась к чёткам. Она же не хотела их использовать? У неё наступает крайний момент? У меня еще четыре пятых резерва в наличии! Я подскочил к девушке и, опустив руку на плечо, так же мучительно медленно, по слогам прокричал ей:

— Перекатами уходим! Ты первая! Прикрываю!

Я вспомнил, наконец, что у меня тоже есть заклинания массового поражения. Мой вариант «Облака холода», проморозить массу метра на два вглубь. Не сейчас, пусть Алёнину корку взломает. И получившимся огненным шаром сверху. Нет, ошибка! Оттает! Куда сбросить энергию от заморозки? В боковой проход!

Алёна, похоже, поняла и приняла мои слова и, прикусив губу и не отпуская чётки, двинулась к выходу. Наша задача притормозить врага, а не стоять нерушимой скалой. То есть драпаем, но чуть медленнее, чем двереносцы.

Пока я, пятясь задом наперёд, передумал всё это, в глазах прояснилось. Твою дивизию! Стенка ещё держалась, хоть и начала трескаться, но из пола проросло полтора десятка фигур! Бросил подготовленное заклинание почти в упор, так, что от холода зашипало кончики пальцев. Но они сразу отогрелись от возникшего над рукой огненного мячика, который я бросил не в боковой проход, а в первый же наплыв, проломивший корку на основной массе. Пока мой подарочек делал свою работу, я отбежал ещё на десяток метров. На бегу махал руками Алёне — уходи дальше, уходи! Поспешно сформировал ещё одно заклинание заморозки и, обернувшись, задал точку фокуса на шевелящейся поверхности гнуса. Со злорадством увидел, что замерзшие ранее фигуры частично раскололись от взрыва огненного шара, но признаков жизни не проявляют. Биомасса покрылась коркой инея. Отвалившиеся кое-где куски льда явили цвет гнилой капусты.

Шамана и ассасина не было видно. Я побежал мимо отрешённо-хмурой Алёны не столько с целью уступить ей право следующего удара, как для проверки коридора. И просчитался — то ли промороженный слой оказался тоньше моих расчётов, то ли замок сильнее. Так или иначе, когда я вбегал в коридор, за моей спиной опять сверкнуло. Обернуться, три стрелы по отросткам, прикрывая отступающую Алёну. Сил у меня ещё на пять-шесть заморозок, по две на зал и одна-две в запасе.

Дальше всё так и слилось в памяти: я морожу, придумываю, куда сбросить излишки тепла, убегаю, вспышка за спиной, остановиться, отстреливать наросты, пока их не станет слишком много. Опять заморозка — и очередной пережат. Как там говорил шаман? «Ещё три зала»? В первом мы расстались, но потом было ещё четыре! Это не считая одной галереи и коридоров между ними. После галереи, украшенной десятком кривых столбов, мы уже просто убегали, решив драпать, пока не догоним своих. Казалось, мы научились понимать друг друга без слов. А может, так оно и было. Не стоит и упоминать, что из ускоренного режима я к тому времени вывалился. Тем не менее, один раз пришлось замораживать начавший сжиматься коридор перед нами. В итоге у меня осталось процентов пять от первоначального запаса. На одну дохлую молнию или полторы лечилки. В результате после прохода этого сфинктера пришлось бросать за спину одну из гранат, подаренных шаманом. Сзади что-то зашипело и взвыло чуть другим тоном, чем до того. Сработала ли граната, и если да — то как, я не знаю, не было времени и желания оглядываться.

Вот, наконец, свет в конце тоннеля, долгожданный двор! Вопреки моим опасениям, он

не был заполнен зелёной слизью, но и шаман с ассасином нас не ждали. Так, не понял? Руины телеги должны быть слева от выхода, ещё левее — пролом в стене. А пролом — справа, телега за ним. Как будто замок повернулся вокруг своей оси на четверть оборота против часовой стрелки. Или, наоборот, стена и двор крутанулись по часовой.

Или я слишком увлёкся рассматриванием двора, или преждевременно расслабился, решив, что главная опасность позади — не знаю. Но наказание последовало незамедлительно. В проёме входных ворот появилась тварь, неотлично похожая на ту, что пыталась украсть дверь, и метнула в меня здоровый булыжник. Я отскочил в сторону от траектории снаряда, но недооценил суть и коварство местных камней. Валун на лету «поплыл» и вдруг выбросил в стороны четыре отростка, превратившись в эдакий гибрид безголового кота и ножа от мясорубки. Одна такая лапа рубанула меня по левому колену. Вспышка боли, хруст, докатившийся до сознания по всем костям и нервам, и колено, как мне показалось, согнулось куда-то в сторону. Я начал заваливаться на бок, когда вторая лапа хлестнула по бедру, распоров его тремя когтями и, кажется, перерубив кость как минимум одним из них.

Налитое гормонами до бровей тело позволило ещё сделать в падении поспешный выстрел навскидку, но стрела прошла мимо головы твари. И тут я рухнул на камни двора, подмяв под себя раненую ногу. Я хотел выхватить меч и ударить по упавшей рядом метательной дряни, но не знаю, смог ли хоть дотянуться до рукояти — картинка перед глазами схлопнулась в яркую точку, звон в ушах.

Всё.

Какой-то назойливый гул. Нет, голос. Чей это голос, о чём говорит? Страх, злость, забота — всё вместе, странно...

Из мути начали выделяться отдельные слова:

— ... ну, давай же! Не смей оставлять меня тут одну, слышишь?!

— Не дождётесь, — просипел я и открыл глаза.

Открыл, правда, только со второй попытки, увидел над собой женское лицо, пепельные волосы, закушенную губу. Что это с ней такое? Ой, ё... Это не с ней, это со мной «что такое». Я вспомнил, как внезапно разлапившийся булыжник распахал мне ногу. Странно, слишком хорошее самочувствие у меня для «после такого». С другой стороны, Алёна при случае и воскресить обещала.

— Вить, ты чего? Я тут одна... Голова не кружится? С глазами всё в порядке, не плывёт перед ними, не двоится?! — в голосе моей лекарки послышалось профессиональное беспокойство.

— Да нет, это так, присказка, всё хорошо.

— Напугал ты меня...

Усталые серые глаза всего в сантиметрах двадцати от моего лица, какой-то нездоровый румянец. Я, не задумываясь о том, что делаю, приподнял голову и легонько поцеловал в уголок губ:

— Спасибо...

Алёна, расширив глаза, отшатнулась от меня. Как мне показалось, скорее удивлённо, чем испуганно или обиженно. Она поднесла руку к лицу, коснулась пальцами того места, куда пришлась моя неожиданная для нас обоих ласка. При этом кулак естественным образом разжался и чётки, подарок Арагорна, выскользнули и упали мне на грудь.

Девушка вздрогнула всем телом, глаза её закатились, и моя спасительница рухнула в обморок. На лицо мне плеснуло что-то горячее. Я, вскочив на ноги, провёл ладонями по щекам и увидел, что они все в крови, которая довольно бодрыми ручейками продолжала катиться из ноздрей Алёны, стекала по губам и щеке, пачкала выбившийся из причёски локон. Не задумываясь, я упал на колени рядом с клириком и вложил половину остававшегося энергозапаса в лечение. Кстати, сил оказалось заметно больше, чем мне помнилось на момент выхода. Я так долго был без сознания, или наша блондинка при лечении подзарядила меня? Не важно, потом пойму.

Безжалостно распотрошив один из своих перевязочных пакетов, я вытер лицо своей спутницы тампоном, пропитанным травяным отваром. Вроде бы кровь остановилась. Кстати, текла она не только из носа, но и из ушей Алёны.

Я оглянулся вокруг и с трудом удержался от ругательства — мы, оказывается, были всё ещё во дворе замка! Нет, я понимаю, я не пушинка, да и снаряга моя тоже весит прилично — я выходил из Резани в расчёте на автономку дней в десять и не планируя возвращаться, так что мой рюкзак весил всяко не меньше Алениной брони, а если ещё оружие посчитать... Но неужели нельзя было вытащить наружу, пусть и без вещей?! Нас же тут сожрать могли! Разве что...

В глаза бросилась одна деталь — широкая кровавая дорожка от места, где я очнулся, в сторону замка. И кровавое пятно на той стороне. Да уж, похоже, у меня крупный сосуд

лопнул, если бы сестрица Алёнушка меня тащила наружу до лечения, то точно бы воскрешать пришлось. Прости, родная, за упрёки, и ещё раз спасибо тебе огромное.

Я подхватил не самое хрупкое тело на руки. Чуть легче, чем половина двери, но ненамного. Не уверен, что вылезу по этим камням. Остается надежда, что здесь и сейчас мои умения будут работать, как надо. Я, вначале осторожно и неуверенно, а потом щедро расходуя весь оставшийся запас, подпитал свои физические силы за счёт магии. Сработало! Внимательно выбирая дорогу и осторожно ощупывая ногой каждый камень, я карабкался к пролому в стене. Странно, такое ощущение, что с какого-то момента замок полностью утратил интерес к нам с клиричкой.

Двигался я неторопливо, оставалось много времени для размышлений. Например, о том, что команда из нас получилась, мягко говоря, никакая. Да, мы, скорее всего, справились с задачей. Но именно как команда не работали и пяти минут. Несогласованные, суматошные действия шайки индивидуалистов. Мы не только не знали толком возможностей и слабостей друг друга, но даже и не пытались ни узнать их, ни согласовывать свои действия или хотя бы действовать с оглядкой на спутников. Нет, больше я в такие авантюры с неизвестным составом участников и без времени на подготовку и слаживание не пойду! Чем дольше думаю, тем больше нахожу моментов, когда мы выжили не столько благодаря, сколько вопреки своим усилиям! Хотя, что это я?! Если Арагорн не увильнёт от исполнения моего желания, то скоро эти мысли приобретут отвлечённый и гипотетический характер.

Так, вот и твёрдая земля. Ещё с гребня осыпи я увидел, что нас с Алёной никто не ждёт. Надеюсь, с нашими товарищами всё в порядке. Надеюсь даже не для того, чтобы закончить свои дела с Игроком, а просто потому, что здесь каждый земляк (от слова «Земля») воспринимается как близкий родственник. Я покосился на «родственницу» в своих руках. От её точёного носика вновь протянулись две лаково сверкающие тёмные полосы. Так, надо как минимум устроить её поудобнее. Ага, вон там, примерно на двух третьих пути от стен к туману, под деревцем.

Я пристроил голову Алёны на своём рюкзаке, вновь стёр кровь. В ноздрях начали набухать новые капли, но очень медленно, ничего общего с первоначальным выплеском. Да и тогда на меня буквально десяток капель попало, просто размазал сильно и перенервничал, потому показалось что крови гораздо больше, чем было. Всё равно мне её лечить в плане магии нечем. Уложить правильно, что ещё? Дыхание облегчить, для чего снять бригадину. Так, где же это расстёгивается? Конструкция намного заковыристее того, что раньше приходилось снимать с женщин, даже корсет на шнуровке был проще — там эту самую шнуровку хоть видно было, а крепёж брони — место уязвимое, его от противника прятать желательно. Так, снял железяку. А под ней — ещё одна! Кольчуга называется. И эта изящная деталь дамского гардероба, вся из кружавчиков, снимается, как правило, через голову. И весит прилично, особенно для раненной девушки. Помучиться пришлось, в первую очередь из-за желания как можно меньше тревожить пациентку. И вот, наконец, нижнее бельишко — стёганный поддоспешник. Расшнуровать его расшнурую, но снимать не буду, а то ещё поймут неправильно. Та же Алёна — сначала не так поймёт, потом воскрешать будет. Потом опять сознание потеряет, а мне её снова откачивай, рискуя новым непониманием.

Это я так шутить сам с собой пытаюсь, неудачно, знаю. Но слишком уж ситуация неприятная. Сидеть здесь неведомо сколько с бесчувственной девушкой неуютно и страшновато. В туман её нести тоже не хочется, странное это место, непонятное и, помимо костра, опасное. Так, у меня же есть настойка укрепляющая! Конечно, тому бальзаму, что

мне Арагорн, спасибо ему за это, при переносе подсунул, не чета, но гораздо лучше, чем просто ждать. Я аккуратно приоткрыл рот Алёны и тихонечко, по капле, влил туда пару ложек укрепляющего. Теперь самому хлебнуть — и ждать.

Вот, кстати, ещё одна животрепещущая тема для размышлений — плюсы и минусы лука по сравнению с огнестрельным оружием. Точнее, главный на сегодня минус моего нынешнего снаряжения. Нет, это не меньшая скорость снаряда или невозможность стрельбы лёжа. А боекомплект. Сравните размеры и вес патрона, хоть того же 7.62x39, знаменитого и пресловутого «промежуточного образца 1943», со стрелой. Я уж молчу насчёт противопоставления боеприпаса для СВД и арбалетного болта. У меня с собой было стс стрел. Казалось бы — немного, а это два полных колчана, больше десяти кило вместе с тарой. Разумеется, стрелы можно подбирать и использовать повторно. Но — не всегда. Например, в первой стычке во дворе мне четырнадцать стрел поломали на дрова — и монстры, и друзья, наступив ногой в пылу боя. Наконечники оторвал и в рюкзак упаковал. Шесть нуждались в ремонте, а ещё четыре я просто не нашёл. Второй пример — наше отступление. Только в том зале, где мы расстались с Лексом и Димой, осталось штук тридцать стрел, и вернуться, чтобы подобрать их, шансов не было.

И что мы имеем в сухом остатке? А имеем боекомплект в четыре стрелы — и все из тех, отложенных для ремонта. Нет, есть ещё три артефакта в форме стрелы, прихваченных из арсенала Замка — но использовать оружие абсолютно неясного происхождения и назначения наобум, это не ко мне. Как тот анекдот про обезьяну, бомбу и ножовку. Короче говоря, лук можно смело паковать и прятать подальше. Например, на место глефы, а её, родную, в руки. Уже слышу возражения, что стрелу, дескать, можно самому сделать, в отличие от патрона.

Можно. Поинтересуйтесь у знакомых реконструкторов или на форумах — сколько это занимает времени? Одна качественная (подчёркиваю это слово) стрела по аутентичным технологиям — это минимум часа три работы, не считая времени на приготовление лака и клея, а также на их высыхание. Это значит, мне, чтоб возместить сегодняшней боекомплект, надо триста рабочих часов — месяц работать по десять часов в сутки, не считая перерывов на еду и иные физиологические нужды, без праздников и выходных. Хорошо, что местные эльфы вывели и расселили в лесах карсиал, который даёт практически готовые древки стрел! И клей заодно...

Алёна все ещё без сознания или спит. Я наклонился поближе, прислушался — дышит, неглубоко, с рваным ритмом — но дышит. Хвасталась — «я полк подниму!», а сама одного меня вылечила, и с ног долой. Стоп, она сознание потеряла, когда чётки уронила! Откат из-за резкого разрыва связи? Тогда это я виноват, блин. Кстати, где они, чётки? Вроде бы в карман сунул, в левый. Я похлопал себя по бокам. Точно, вот они. Запустил руку в закрёма, чтоб достать этот предмет культа — и чуть не закричал от боли и неожиданности, мою конечность как будто высоковольтным разрядом скрючило! Что за ерунда такая, я ж их в карман сунул без каких-либо последствий, подхватил в воздухе, когда они с моей груди на землю летели, и в карман бросил. Ничего не понимаю...

Так, интересно, а по голове меня не били во дворе этого замка? Хожу тут перед девушкой наполовину без штанов, поскольку левая штанина явно была измочалена в ключья. Не знаю, чем она мешала Алёне, но девушка отрезала её почти под основание и куда-то выбросила или спрятала. С другой стороны, запасные штаны — в рюкзаке, рюкзак под

головой у Алёны, поскольку он оказался единственным кандидатом на подушку, у напарницы вещей с собой не было, кроме брони и оружия. Придётся вернуться в плащ, благо он длинный.

Я сел на пятки лицом к замку в двух шагах от девушки, уложив рядом глефу. Раз уж выдалось относительно свободное время, но при этом нельзя поспать — займусь-ка я текущим ремонтом, даже четыре стрелы лучше, чем ни одной. В определённой ситуации могут оказаться спасительными. Угу, уже занялся — инструменты в рюкзаке, рюкзак под головой у «сестрицы Алёнушки». Хм, вот именно как сестру её воспринимать хочется всё меньше и меньше, если честно. Чай, не извращенец какой.

Если переодеться и ремонтом заняться не получается — устрою себе «разбор полётов». Уж чего-чего, а ошибок я наделал немало. Да и вообще проанализировать свои действия и действия соратников в плане оптимизации полезно будет. Минут через сорок размышлений я решил размять ноги и осмотреться на всякий случай. Глянул на Алёну — и пошёл круги наворачивать, мне вообще не ходу лучше думается.

На границе тумана я увидел, как что-то блеснуло на земле. Точнее, земли как таковой тут и нет, но каждый раз проговаривать, пусть и про себя, «твёрдая поверхность, воспринимаемая как каменистая равнина» — слишком уж длинно и заковыристо. Так вот, я заметил на этой поверхности металлический отблеск. Сторожко оглянувшись по сторонам, я подошёл поближе и наклонился к заинтересовавшему меня предмету. Вон ещё блестит, и ещё... Какие-то куски металла, и вот этот, который самый большой, что-то смутно мне напоминает. Двигая обломки кончиком ножа, я принялся собирать головоломку. Вскоре обломки сложились в дважды странный клинок — странно выглядящий и странно знакомый. Я призадумался. Точно! Очень уж эта находка похожа на лезвие одного из тех ножей, которыми Лекс хвастался.

С одной стороны, если это и правда принадлежало знакомому ассасину, находка говорит о том, что Саша выбрался из замка. С другой — ему пришлось принять бой, который неведомо чем кончился. С третьей — эти куски металла могли не иметь вообще никакого отношения к Сашке. Может, они тут с сотворения тумана болтаются, или только кажутся мне... Алёне я решил о находке без крайней нужды не говорить. В крайнем случае, если слишком переживать будет о судьбе товарищей, скажу, что нашёл следы их пребывания около тумана.

Кстати, о девушках. Мне показалось, или она и правда шевельнулась? Я подошёл к клирику, опустил на правое колено (которое в штанине) и наклонился посмотреть поближе. Как раз в этот момент Алёна открыла глаза и слегка вздрогнула. Я, отчасти по необходимости, а отчасти — оправдывая своё столь близкое присутствие, вновь протёр её лицо тампоном от перевязочного пакета.

— С возвращением! Алён, если ты от практически братского и почти невинного поцелуя так сознания лишаешься, то что ж с тобой после свадьбы-то будет?! — личико порозовело, вот, гораздо приятнее прежней синюшной бледности.

Девушка вздрогнула и спросила:

— Чётки?

— У меня в кармане плаща, в левом. Доставать будешь сама, они меня током бьют так, что искры из глаз сыплются. Если можешь — прямо сейчас и забирай, а то я нервничаю.

Девичья ладошка скользнула в карман, а её хозяйка слегка приподнялась на импровизированном ложе. Я чисто машинально запустил правую руку под спину, чтоб

помочь и поддержать. Интересно, почему она своё имущество ещё не вынула из моего кармана. Что?! Это мне чудится, или?.. Или она гладит мою ногу через подкладку плаща?!

Я наклонился ещё чуть ниже и легонько коснулся губами уголка её губ. Никакого сопротивления. Интересно... Я пробежался лёгкими прикосновениями губ от одного уголка рта девушки до другого и рискнул поцеловать «почти по-настоящему» — и она мне ответила! Опущу технические подробности, скажу только, что голова закружилась, как когда-то на первом курсе, когда... впрочем, это лишнее и личное. Даже не самая, мягко говоря, удобная поза ничуть не мешала. Правой рукой я приподнял Алёнушку, левая же автоматически скользнула под ранее расшнурованную куртку и там коснулась сквозь тонкую рубашку чего-то тёплого и мягкого.

Девушка вздрогнула всем телом и отстранилась, уткнувшись обеими руками мне в грудь.

— Стой, подожди, не надо! — её лицо горело, как маков цвет. — Не надо, не сейчас...

Храбрый боец превратился в донельзя смущённую девушку.

— Отпусти меня... Отвернись, я оденусь.

Хм, солнышко, ты и сейчас далеко не раздета, собственно говоря. В такой ситуации может быть два варианта — или послушаться и прекратить, или мягко, но настойчиво, форсировать события. Форсировать — не то место, не то время и не то состояние здоровья у дамы. Придётся отпустить.

— Хорошо, ты тоже не подсматривай, мне штаны сменить надо, у этих кто-то штанину отгрыз. Какая-то на редкость голодная и зубастая моль попалась!

Собственно, просить смысла не было, длинный плащ позволял спокойно переодеться, просто отвернувшись, но стоило показать, что я понимаю её, и вообще — мы в одной лодке. Я взял свой рюкзак и на непроизвольно подрагивающих в коленках ногах отошёл метров на пять. Да что это со мной такое — реакция, как в ранней молодости при внезапной влюблённости, одной из первых не совсем платонических. Аж ноги подгибаются.

Минут через десять за спиной послышалось:

— Я готова. Ну, почти... Помоги ремни затянуть!

Алёна стояла уже в надетой бригандине, правда, опять побледнела и покачивалась. Я протянул ей откупоренную несколько ранее бутылочку:

— На пока, хлебни укрепляющего. Пару глоточков — и хватит.

— Справишься с ремнями?

Я проглотил вариант ответа, что, мол, уже справился разок, когда развязывал. Вместо этого произнёс:

— Я с корсетами справлялся, и послеоперационными, и теми, что фигуру подтягивают.

Через пару секунд раздался новый вопрос:

— Бррр... Что это за самогонка?!

— Продукт совместного творчества одного рейнджера, двух двурвов, алхимика и мага-артефактора.

— Всё понятно, кроме одного — что за двурвы, и чего вы тут намешали?!

Собственно, это не «одно», а как минимум два вопроса, но для девушек такое типично. Попробуй только скажи — можешь узнать о себе много нового.

— Двурвы — это что-то вроде фэнтезийных дварфов, которых наши переводятлы любят обзывать гномами, но не совсем. А намешали... Пытались воссоздать Орденский бальзам, на базе смутных воспоминаний.

Так, с доспехом справился.

— Предлагаю пойти к костру, там, говорят безопасно. Так что у огонька посидим, подкрепимся сухпайком.

— А наши где?

— Не знаю, нашёл кое-какие следы, так что, скорее всего они уже ушли от этого замка. Кстати, щит и всё прочее-лишнее давай сюда. Давай-давай, на ногах еле держишься.

Клирик хотела что-то возразить, даже рот открыла — но тут же медленно выдохнула и сказала:

— Ладно, уговорил. А как костёр искать будем?

— Есть одна задумка, — я мысленно потянулся к амулету Истинного Пути. Быструю тропу он мне не открыл, но ПРАВИЛЬНОЕ направление я ощутил. Не факт, что там именно костёр — но нам туда.

— У меня «подарочек» от нашего «шефа» имеется. Здесь, оказывается, тоже работает, дорогу подскажет.

Добрались минут за пятнадцать. При этом пришлось отдать девушке свою глефу на роль дорожного посоха, отобрав чуть не с боем клевец и булаву. Выйдя к огню, я опустил на землю всё чужое имущество и, поворачиваясь к спутнице, сказал:

— Сейчас достану... кое-что поесть, — закончил я, обращаясь к ночному лесу.

Блин, глефа! Оружие мирно лежало на траве в двух метрах от моей многострадальной левой ноги...

Однако... Перенеслось обратно всё моё имущество, независимо от того, где оно находилось? Проверил — не всё, по крайней мере, стрелы, потраченные мною в Замке, в колчан не вернулись. Интересно: если бы я успел поделиться с Алёной едой — у неё бы ужин из рук пропал? А то, что успела бы съесть? Исходя из того, что подаренные мною ножи исчезли, то — нет. Но глефу-то я тоже сам дал, но она вернулась. Или дело в том, что ножи я раздаривал в Замке? А трофеи, что я сплавил Шаману, они-то передавались у костра?

Вопросы, вопросы, вопросы... И никакого намёка на ответы. А что я хотел — так вот сразу, с налёта познать тайны места, которое и местом-то назвать нельзя? Да ещё в ситуации, усугублённой прямым и достоверно имеющимся вмешательством сущностей, которые именуют себя богами? Да, я лично вступал в контакт только с одним таким — но, в отсутствие сопоставимого по силам оппонента, он бы и сам давно ситуацию разрешил, не так ли? Может, и не так — потому как пахнет тем, что в христианстве именуют «гордыней».

Лучше, пожалуй, обратиться к более насущным вопросам собственного выживания. Чем это так воняет-то? Или показалось? Так, костерок мой явно уже погас, может, угольки остались? Опаньки... Он не просто погас, он остыл давно и безнадежно — на корке намокшей от дождя золы отпечатки птичьих лап. Сколько же я отсутствовал? Вон, и края ямки, выкопанной мною под кострище, оплывать начали. Нет, всё же явно чем-то воняет на полянке! Но не всё время — значит, источник где-то рядом, а запах приносит ветром: ветер повернулся так — несёт на полянку, эдак — и мимо. Надо глянуть, что это за «источник» и хоть прикопать, дабы аппетит не портил и падальщиков не привлекал.

После непродолжительных поисков я обнаружил метрах в трёх от кромки полянки полуразложившуюся тушку лже-кролика. Чем же это его? Похоже, что мною — точнее, сработал защитный контур, который я поставил практически рефлекторно, едва решив сделать привал на полянке. Так, значит, по состоянию тушки можно определить, сколько он

тут валяется. Если верить Спутнику (а какие основания поступать иначе?), до такого состояния плоть демона должна была бы дойти примерно за неделю. Значит, пока я бродил в тумане и штурмовал живой Замок, в этом мире прошла целая неделя?!

Нет, неправильно — на каком основании я решил, что рэбтор наткнулся на полог в первую же ночь после его установки? Это могло произойти и через сутки, и больше — пока энергия в контуре не рассеялась. А поскольку работал контур в пассивном режиме, то батарейки, достаточной для уничтожения хоть мелкого, но демона, должно было бы хватить надолго. То есть неделя — это нижняя граница. А верхний предел мне подскажет кострище — точнее, дёрн, который я срезал при его обустройстве и откладывал в сторону. Укладывал я эти пласты песком вверх, перевернём лопаткой... Старая трава сгнила, новая начала пробиваться, но сквозь песок ещё не проросла. Стало быть, не больше месяца прошло и не меньше недели, в зависимости от погоды — ну, про неделю мне уже рэбтор подсказал. Интересно девки пляшут, по четыре сразу в ряд...

Прикопав тушку жертвы своего заклинания (падальщиков ЭТО бы точно не привлекло, но настроение и аппетит портило капитально), я вернулся на стоянку, очистил кострище и заново разжёг огонь. Когда опускал зажигалку в карман плаща, меня хорошо потрянуло. Бусы, они же чётки, вдоль их и поперёк! Выходит, клиричка их так и не забрала?! И мне теперь ходить с включённым электрошокером в кармане?! Ну, спасибо, ну, удружила сестрица Алёнушка...

Поужинал, ещё раз вспомнив, что Алёна так и осталась голодной. Голодная, измученная, с магическим истощением и с пустыми руками. Вроде и не виноват, а совесть мучает. И ещё — что сейчас в Резани творится? Исходя из слов Арагорна и оценки прошедшего времени, там уже осада орков. Как город держится, как мои ребяташки, не забыли ли, чему я их учил? И дали ли им возможность применить ту тактику, что я предлагал? Конечно, при помощи Изиры я сгрузил в память какого-то специально обученного человека своего рода Наставление по стрелковой подготовке и применению лучников. Его обещали переписать, размножить и передать в гарнизон, причём ещё дня за два до моего скоростного ухода — но вот что из этого вышло? Удалось ли сделать блочные луки? А я ещё и забыл подсказать, что ту же технологию можно использовать для переделки машин на башнях! Конечно, могут и сами додуматься, но не факт, что сразу, а не лет через десять (если носители нового знания переживут осаду).

Что-то я опять скатился в болото вопросов, принципиально не имеющих ответов, надо это дело прекращать. А вот Арагорна при следующей встрече попытаю хорошенько. Ага, «як бы нашаму цяляці ваўка з'есці», самому смешно.

Интерлюдия.

Многое сказано про драконов. И сказки, и сплетни, и чистая правда. А кто-нибудь задумывался, как драконы, извините, гадят? Сами они (по крайней мере — в этом Мире) уверяют, что такой низменный процесс им не свойственен и это, дескать, возвышает их племя над всеми остальными обитателями Мира. Того, кто возьмётся спорить могут и съесть. И неизвестно толком — не то они и правда так считают, пребывая в блаженном заблуждении, не то старательно притворяются. Собственно, возможны оба варианта, если учесть физиологию этих существ. Может быть дело в том, что данная процедура для них возможна только в полёте, когда всё тело вытянуто в струнку, и сами они не видят её результатов? Кто знает...

Но все обитатели Мира знали одно — не стоит стоять под летящим драконом. Потому как катышек, наподобие козьего, но весом килограммов пять-семь, с обломками не переваренных костей внутри, да прилетевший с высоты метров пятьсот — это не тот предмет, падение которого рядом может доставить хоть какое-то удовольствие. Поэтому орки, осадившие Резань, поглядывали в небо с той же опаской, что и жители города — не видно ли парочки монстров, прибывших для поддержки вторгшегося войска.

Вот только фигура, пробиравшаяся по гребню крепостной стены, не обращала внимания на небо. Лерий, а это был он, старался красться незаметно. Конечно, жреческий статус позволял ему отбрехаться почти от любой претензии, но для дела будет лучше, если всё пройдёт чисто. Заплечный мешок с нажитыми в городе ценностями приятно давит на плечи, но главная ценность — вот она, за пазухой: пергамент с планом обороны Города, со всей раскладкой сил и средств, с подземными ходами и полным описанием резервов. Ещё полчаса назад этот лист лежал на столе Наместника города, а теперь должен был обеспечить приятное будущее ему, Трясогузику.

Этот так не вовремя нагрянувший Страж попортил немало крови и нервов. И в чём-то он был прав — орки признают какие-либо права только за своими соплеменниками. Но ему самим Сыном Хаоса было обещано принятие в орочье племя, а уж дальше всё будет зависеть от него самого. Жаль, не удалось полностью подчинить этого старого маразматика — Наместника своей воле. И этот опять же Страж, оказавшийся помимо того ещё и Посланником весьма уважаемого и сурового божества, что-то наплёл в уши другому ископаемому, а именно — главе жрецов города. И тот стал нехорошо коситься на него, Лерия.

Ну, ничего. Такой документ даёт полное право выбраться из города загодя. Пускай молодые дураки, поддавшиеся на его проповеди, открывают ворота и потом гибнут под ударами с обеих сторон. Пусть те обеспеченные, но безмозглые, горожане, чьи жертвоприношения составляли значительную часть загрузки мешка, ждут в захватываемом городе наступления какого-то там нового порядка. Он гораздо умнее и не хочет подвергаться опасности штурма.

Так, где-то здесь его должны будут ждать. Сняв с плеч мешок, Лерий прислонил его к зубцу стены, а сам, зажав в руках моток верёвки, высунулся наружу — посмотреть в свете луны, на месте ли встречающие? Увлечённый своими мыслями и мечтами о несомненно блестящем будущем, Лерий не обратил внимания на тихий нарастающий свист.

Свежий драконий катышек ударил точно в затылок, облепляя голову плотной плёнкой тягучей, зловонной субстанции. Разом оглушённый, контуженный и ослеплённый, Трясогузик сделал пару заплетающихся шагов в никуда, когда под ногами вдруг не оказалось опоры.

Упитанное тело свалилось со стены прямо под ноги затаившимся у её подножия троим оркам.

— Гля, Зардан, мясо!

— Гы, само прилетело!

— Цыц, уроды! Хотите, чтоб на стене слышали и булдыган кинули?!

— Дык, мясо! Халява!

— У нас приказ — ждать человека, который пароль знает.

— Ну так и жди, а мы с Гархом мясо к костру отнесём. Не дрищ, вернёмся!

— Гы, прикольно вышло — драконы нам мяска подкинули.

— Ага, ржачно...

Интерлюдия-2.

— Ну, что там, какие у тебя новости?

— Пропал «жрец», как и подозревали. Со всеми ценностями. На стене нашли мешок с кое-какой одеждой. Видимо, передумал забирать.

— Что с планом обороны?

— Тоже пропал.

— Ну и хорошо, не зря мы три дня его рисовали.

Собеседники переглянулись и рассмеялись.

— Знал бы ты, как надоело изображать старую развалину, да ещё и маразматика.

— Я вот думаю — может, стоило Стража не втёмную использовать? Жреца этого он и сам раскусил...

— Нет, всё нормально. Всё же чем меньше народу в курсе, тем лучше. Кстати, пора уже и подарочки этого самого Стража в ход пускать. Ты его наставление по стрелковой подготовке читал?

— Просмотрел. Интересная книжка. И когда он успел?

— Ну, они с Изирой много чего успели по вечерам. Она же как-никак наш лучший менталист...

— Хм, а я-то думал, они там другими делами занимаются.

— Все так думали. Я, конечно, свечку им не держал, но так считаю — думали не на пустом месте. Однако большую часть времени...

— Да, не мы одни тут конспирацию разводили.

— Вот именно. Кстати, сколько заряженных стрел можем завтра дать на стены к началу орочьего штурма?

— По три стрелы каждому из роты, что Кот готовил. И по шестьдесят на каждую линейную полусотню. Это то, что уже заряжено и вынесено в башни. А так сплава стражьего около двух тонн сделали.

— Хорошо. Давай вернёмся к «жрецу». Его «паству» отследили?

— Да, всех уже взяли.

— Ну и ладненько, к завтрашнему их допросят, может, что интересного скажут.

Наместник и военный комендант Резани склонились над очередным документом, требующим их внимания.

Утром я плотно позавтракал — очень плотно, если честно. Да и вечером аппетит был зверский, что называется — «как не в себя». Видимо, организм требовал возмещения за все фокусы последнего времени — и бой в Замке, и ранение с последующим экспресс-исцелением, да и хождение по «быстрой тропе» неизвестно, как сказывается. Ещё дважды помянул Алёнушку — первый раз сочувственно, когда к завтраку приступал. А вот второй раз — уже совсем иначе. Это когда сунул руку в карман (сразу забыл, что мне там надо было), и опять получил плюху от бус или чёток. Что характерно — через подкладку они меня не шибают, дают только по рукам — видимо, когда считают, что я покушаюсь на то, чтоб ими завладеть.

После завтрака встал вопрос — что делать дальше? Продолжать нестись по «быстрой тропе» неведомо куда? Возможно, что и так — но не сразу. Посмотреть трофеи из Замка,

постараться пополнить боекомплект — всё же мой класс это в первую очередь стрелок, а потом уже всё остальное. Что дальше делать — там видно будет.

Как выяснилось, из всего богатства выбора я запихал в рюкзак не так уж и много, подавляющее большинство добычи отправилось в бездонную шкатулку Шамана. Я разложил перед собой пару широких браслетов, три резные до ажурности стрелы из чего-то, похожего на снежно-белую кость, и странную загогулину. Там, в арсенале, она показалась мне похожей на специальный инструмент, применяемый для вырезания канавок на торце стрелы, но теперь, при свете дня... Даже и не знаю, чем это может быть. Стало быть — в сторонку. Какие-то странные ощущения у меня вызывают эти стрелы. Как больной зуб, который так почти не беспокоит, но вот если задеть...

Я глянул на трофеи через повязку. Хммм, а стрелы-то, штучки такие, что лучше держать от себя подальше. Тянут ману из окружающего пространства, как небольшие насосы. Вот откуда это ощущение дискомфорта! Интересно, когда они «наедятся» и что тогда будет? Надо бы найти ближайший Источник и проверить. Браслеты — пока не понятно, тоже встроена какая-то магическая конструкция, но вот что они делать должны угадать не получается. Ладно, отложим на попозже, как и загадочную загогулину, которая через различитель смотрелась, как красноватая палочка с тускло горящим на конце шариком, меняющим свой цвет. Алгоритм, по которому происходило перекрашивание, я за десять минут наблюдения так и не понял. Ну и леший с ним.

Зато алгоритм моих действий вполне понятен. Надо искать карсиал, как источник боекомплекта, какое-нибудь место Силы для зарядки стрел и местечко в сторонке, чтобы подождать результата. Потому как неведомо, что будет с трофейными артефактами после зарядки. А ну как рванут каждая на пару сот кило тротилового эквивалента? То-то и оно, лучше понаблюдать издали. Вещи — в рюкзак, кострище засыпать, амулет Пути спрятать, мне теперь «быстрая тропа» не нужна. Глефу в руки — и в путь.

Часа через полтора я вскарабкался на голую вершину холма и, осмотревшись через различитель, обнаружил к северу от себя тоненькую ниточку Силы. На глаз — километров пять-семь, трудно сказать точно, не зная мощности Источника, а мощность издали визуально не определишь, не зная расстояния. И какие там Силы присутствуют — тоже непонятно. Ладно, пора идти. По дороге это заняло бы чуть больше часа, а вот по лесу, да поперёк гряды (точнее, наискосок) — совсем другое дело. Ну и ладно, дойду, устроюсь — а там и обед. В животе согласно заурчало. Нет, это что-то противоестественное, этот жор, как у щуки после нереста.

По дороге я высматривал интересующую меня растительность, и небезрезультатно. Нашёл три дерева лучников, но смог подавить рефлекс «хапнуть сразу, чтоб туда-сюда не ходить». Сначала разведваю дорогу, потом приду, потому как скакать с охачкой острых и липких веток через овраг, например, удовольствие весьма сомнительное. И не зря опасался — в одном месте песчаный край обрыва осыпался под ногами, и я таки кувыркнулся вниз с высоты метра полтора. Ругнувшись, подобрал отброшенную во время падения глефу, вылез обратно на звериную тропу и минут через сорок был уже у Источника. Тут явно просматривалось вмешательство эльфов — местность была облагорожена и ухожена, хоть уже немного успела одичать. Однако селиться рядом ушастые не стали — может быть оттого, что стихия была им не слишком удобна? Всё-таки огонь, пусть и с Воздухом... А вот и тропка в сторону, не вытопанная и не мощёная камнем — просто полоска существенно более низкой и густой, чем вокруг, травы. Интересно, куда она идёт?

Я пристроил резные стрелы около Источника на подзарядку и пошёл по тропе. Как и думал, минутах в десяти ходу я нашёл место отдыха для тех, кому захотелось бы посетить Источник — и в приличествующем отдалении, чтобы не тревожить других паломников. Спальное дерево, родник, «удобства» за кустами метрах в пятидесяти, опять же в эльфийском стиле, на базе узкоспециализированной растительности — эдакий суперпитывающий коврик. Тут и заночуем. Кстати говоря, вещи можно с собой не таскать — то самое гостевое, или спальное, дерево, признав меня как законного постояльца, спрячет их от посторонних. Значит, за карсиалом можно будет сбегать налегке, только с мечом и глефой.

На третий день пребывания рядом с Источником, ближе к вечеру, я собрал все свои вещи в ожидании конца зарядки странных артефактов. Просто на всякий случай, а если честно — то на случай того, что придётся удирать отсюда. За это время я пополнил боекомплект. Жутко жалко было потраченных в Замке наконечников из особого материала — на тамошних монстров они никакого особого впечатления по сравнению с обычной сталью не оказывали. Разумеется, сплава у меня в рюкзаке достаточно — но в виде слитков! А где прикажете кузницу брать для их обработки? Готовых наконечников, правда, было с собой тоже около полусотни, плюс кое-что обломал с безнадёжно попорченных в ходе «битвы за дверь» стрел, но подобрать смог только те, что выпустил во дворе. Так или иначе, часть наконечников, вздохнув, упаковал обратно, использовал только тридцать. Сделал десяток охотничьих стрел из острых от природы ростков карсиала — пригодятся в дороге. Ну, и шесть десятков стальных, бронебойных и с листовидным наконечником. Сто штук, чуть больше девяти с половиной кило без веса колчана.

Отоспался, отъелся — жуткий аппетит пропал к утру, за первую же ночь после того, как я избавился от артефактных стрел. Пытался разгадать секрет браслетов и загогулины, но не смог. Каждые часа три гулял к источнику — посмотреть, как идёт зарядка. Процесс, кстати говоря, шёл неравномерно, то ускоряясь, то замедляясь. При этом сквозные вырезы в древках стрел заполнялись, зарастали изнутри чем-то, похожим на розовый коралл, только без пор. К моему предыдущему визиту рельеф почти сгладился, стрелы стали ощутимо тёплыми, а по наконечникам начал прорастать узор из розовых прожилок.

Я залёг, что называется, «в складках рельефа» метрах в двухстах от источника, пристроив рядом рюкзак, и внимательно смотрел туда, где оставил свой трофей.

— БУМ! — раздалось у меня за спиной.

Я подскочил, как подброшенный пружиной, и приземлился уже в боевой стойке, в одной руке — глефа, вторая — на рукояти меча. Только сердце колотится так, что сейчас, кажется, через горло выпрыгнет, и во рту пересохло. А напротив стоит ехидно ухмыляющийся Арагорн. Руки на груди сложил и хихикает, изверг.

— Как-то ты странно спать лёг, на животе...

— Нельзя же так людей пугать!

— Мне — можно, — и ухмыляется, зараза.

— Я тут эксперимент провожу, на всякий случай — отошёл подальше.

Арагорн картинно сложил руки биноклем, посмотрел в сторону Источника.

— Целых три, — тут он издал неразборчивый скрежет, напомнивший мне анекдот про японскую лесопилочку и железный лом, — то есть «Стрелы последнего часа», заряженные, хоть и не совсем правильно. Оно и понятно, им бы Свет и Огонь дать, а не Огонь и Воздух.

Лежат в источнике. А в чём эксперимент-то?

— Хорошо быть богом... Я-то не знал, как они себя поведут, зарядившись, вдруг бы рванули?

— И где только добыл, игрушка довольно редкая... Стой, знаю. Неужели в Замке арсенал разграбили? Вот же стая хомяков, как специально подобрались... Так, стрелы — понимаю, малые хранители — тоже, хоть можно было найти и что-то посерьёзнее, а вот ключ-допуск к башенному метателю тебе зачем?!

— Не разграбили, а спасли от захвата врагом. Брать приходилось наугад, так что... Малые хранители — это браслеты? И что они хранят?

— Не что, а кого. Хозяина. Способны блокировать по приказу владельца физические воздействия, правда, в довольно ограниченном диапазоне мощности. Удар мечом заблокировать рукой в этом браслете можно, а вот двуручной секирой — уже рискованно. Количество срабатываний определяется запасом энергии в накопителях, сейчас они полные, так что на пять-шесть блоков на полной мощности можешь рассчитывать. Ключик же давай сюда: тебе он всё равно без надобности, считай, расплатился за консультацию.

— Кстати, стрелы после зарядки надо в течение месяца использовать. Они вообще-то в специальном держателе храниться должны, чтоб не активировались раньше времени, — добавил Игрок, пряча в карман свой гонорар.

— Стоп, что я вижу? Ты брезгуешь моим подарком?! — Арагорн мрачно смотрел на мой лук.

— Если ты про тетиву — то нет, не брезгую. Просто не знаю всех возможностей. С моей лук можно держать постоянно натянутым, а с твоей?

— Нет, ты и правда меня оскорбить хочешь! Неужели ты думаешь, что мой подарок будет хуже того, что ты сам себе выдумал, а?! У меня что, фантазия хуже?!

— Всё понял, сейчас сменю. Дело не в твоей фантазии, а в моём незнании.

Арагорн вдруг стал серьёзным, как часовой у Мавзолея.

— Ладно, шутки в сторону. Садись и слушай внимательно, что дальше делать будешь. Считай это моей наградой — позволение сидеть в моём присутствии.

— Э-э-э, нет, дорогой ты мой. Это ты меня послушай сначала!..

— Чтооо?!

— Желание. Обещанное.

— Давай позже, когда всё закончится?

— Во-первых, какое такое «всё»?! Изначально речь шла именно о походе за дверь. Во-вторых, «потом» не катит из-за кучи условий, проверить многие из которых я в принципе не могу. Откуда мне знать, какие тут ещё боги обретаются и в каких ты с ними отношениях? И таких вопросов у меня штук восемь!

— И что предлагаешь? — устало вздохнул Арагорн.

Честно говоря, меня наши с ним разговоры удивляют несказанно. Казалось бы — если ты бог, что тебе стоит просто приказать любому смертному, задавить, так сказать, авторитетом? А ведь почти не пробует, странно. Может быть дело в том, что он Игрок?! Скучно играть с дилетантом краплёной колодой или, скажем, на компьютере во что-то, включив все чит-коды разом? Нет, есть любители порой пройти игрушку в стиле «на танке по муравейнику», но их не так уж и много, и им всё очень быстро надоедает. Если же ты бессмертен, то проблема скуки должна стоять очень высоко во внутреннем приоритете задач. Другого объяснения, не впадая в полную ересь, способную превратить старину

Оккама в подобие вентилятора, я придумать не могу.

— Предлагаю простую штуку: я излагаю тебе своё желание, а ты говоришь, осуществимо оно или нет. И если «нет» — то что там неправильно и по какой причине. Тогда буду думать дальше, но не в спешке, по варианту «хватай мешки, вокзал отходит», а спокойно и заранее. Чтоб не оказалось, что я шкуркой своей рисковал (и чуть, кстати говоря, не оставил там на роль коврика у входа) за две печеньки и полпачки жвачки.

Арагорн на секунду изобразил задумчивость, потом кивнул головой:

— Принято. Только не затягивай.

— Хочу вернуться домой в минимально возможные сроки по времени Земли после своего ухода с полным сохранением качества личности. Всё.

— И что ты понимаешь под «качеством личности»?

— Целостность психики и самосознания, полный объём памяти, знаний, навыков и умений.

— Так-таки «полный объём»?

— Заметь, я не прошу, чтобы «в этом теле», хоть и понимаю, что, попав в своё прежнее, буду чувствовать себя старой развалиной. Просто не знаю, возможен ли такой перенос материи в принципе. И заодно — проверка на наличие совести у одного очень могущественного существа...

Игрок немного замаялся.

— Понимаешь, тут есть одна проблема...

— Не можешь этого сделать, что ли?

— Нет, могу, и без особых усилий, но вот... Как бы сказать... А, ладно, расскажу по порядку, только не перебивай. Итак, как я и говорил раньше — сам факт твоего переноса не моих рук дело. Я просто немножко подправил процесс в части твоего переоснащения и переобучения. Тут ты должен быть благодарен по уши. Тебя призвал сам этот Мир. Такие, как ты, называются Стабилизаторами. Когда какой-либо мир находится в критическом с точки зрения дальнейшего существования положении, он находит в окрестных (а иногда и весьма дальних) мирах существ, которые одни своим присутствием способны послужить восстановлению равновесия. То есть все, буквально все поступки Стабилизатора оказываются, в конечном итоге, направлены на восстановление Равновесия. Плюс способность аккумулялировать След Создателя...

— Но это уже лишнее сейчас, — продолжил бог Игры после короткой паузы. — А важно то, что пока Равновесие не восстановлено — Мир не отпустит своих Стабилизаторов. И если я сегодня верну тебя на Землю — он вскоре выдернет обратно, причём без предупреждения и без подготовки. Если Зов застанет тебя в душе — то так и перенесёшься: голым, босым, мокрым и без знания о мире, без языков и прочего. Оно тебе надо?

— Не слишком, если честно.

— Вот, а я могу подсказать, как быстрее всего выполнить эту Миссию — восстановить Равновесие, окончательно нарушенное около пяти лет назад...

— Это что же, — я невежливо перебил Арагорна, но мне было уже всё равно. — В одиночку возродить эльфов (для этого мне «Виагры» насовал?!), отбить набег орков, освободить Цитадель Туманов и возродить Орден?! Который, между прочим, четыре бога создавали совместными усилиями?!

— Ну, вообще-то их, богов, было семеро...

— Ты думаешь, что этим меня утешил?!

— И не пытался. Просто из семи двое — не из этого Мира, а один — слишком плохую репутацию имеет. Всё-таки бога смерти общественное мнение относит к тёмному пантеону, хоть это и не так. Но зачем смущать умы?

Да уж, умеет Арагорн ошарашить на ровном, казалось бы, месте.

— Не вижу, как это уточнение мне поможет.

— Конечно, ты ведь всего лишь смертный, хоть и забавный. Раз не все боги пришли из этого мира (или имели интересы в нескольких мирах), то и основную работу они проделали вне Мира. Вот в этом Сердце Миров и надо будет проводить ремонт, поскольку причина нарушения Равновесия тоже к данному конкретному миру отношения не имеет. Здесь оставлен только якорь — трон главы Ордена, установленный на Светлом Престоле Сил в недрах Цитадели. Кстати, и сам Престол создан богами искусственно, специально для этой цели — они переместили отдельные Источники и парочку Алтарей, имевшихся поблизости. Поэтому для восстановления Равновесия тебе надо будет проникнуть в Цитадель, пройти в церемониальный зал и сесть на трон с обнажённым мечом Стража в руке. Там увидишь в подлокотнике отверстие как раз под него, как ножны. Вставишь клинок до щелчка — и окажешься на пороге Сердца Миров. Там я тебя встречу...

— Ага, всего лишь пробиться через орочью орду и в одиночку захватить мощнейшую крепость, какие пустяки...

— Не ёрничай. Во-первых, большую часть пути и войск противника ты проскочишь по быстрой тропе. Во-вторых, в Центральной Цитадели орков и прочих тварей немного: мало того, что там в подвале Светлый Престол, который сам по себе не добавляет им ни здоровья, ни боевого духа — так этот самый Престол ещё до сих пор взбаламучен после той самой атаки пять лет назад. Всё-таки встречно закороченные Источники, да ещё и разной полярности... А всплески Светлого Астрала попросту выжигают всех тёмных и хаоситов в пределах детинца...

— Так, стоп! Давай-ка с этого места подробнее. Я имею в виду атаку.

— Эх... Помнишь, как уходил на Грань? Это я Спутника спрашиваю.

— Да, — ответил мой внутренний голос. — Помню. Весь капитул Ордена. Дюжина лучших магов, открывающих Путь. Дюжина их помощников, из молодых магов, полдюжины учеников. Стражи — дюжина и один лучших, отобранных для того, чтоб взойти на Грань взамен возвращающимся или ушедшим в Вечный Дозор. По одному сменщику для каждого из них, чтоб никакая случайность не могла помешать Служению — те, кто должен будет заступить в караул через год. Два раза по дюжине и одному оруженосцу из самых молодых Стражей, для приобщения к традициям и для помощи Вернувшимся. Приглашённые гости — наиболее уважаемые Истинные Стражи, отличившиеся в боях Рыцари Ордена, помимс почётной стражи из тридцати девяти Рыцарей. Весь цвет Ордена. Глава Ордена на Престоле Богов. Я шёл четвёртым, сменяя Истинного Гвиандия...

— Достаточно, — вмешался Арагорн. — Дальше я сам продолжу. Четвёртый Страж ушёл на Грань успешно, как мы можем видеть. И пятый. А когда канал открылся в шестой раз, открылся проще, чем рассчитывали, вместо возвращающегося Стража оттуда пришёл массиванный выброс изначального Хаоса. Кто-то, точнее — кое-кто, сумел открыть прямой канал за Грань и вывести его устье к Порталу Стражей. Весь цвет Ордена погиб почти мгновенно, те, кто выжил, подверглись искажениям и перерождению. Верховный маг ордена с двумя помощниками, увидев, что не смогут удержать эффективную защиту до выхода из зоны поражения, сумели пробиться сквозь астральную бурю и отправить послание

богам-покровителям Ордена. Правда, для этого им пришлось вложить в заклятие не только все свои силы, и даже гораздо больше, чем просто жизнь...

Арагорн сделал паузу, видимо, давая нам со Спутником осмыслить и осознать сказанное. Затем продолжил:

— Три минуты. Три минуты Хаос властвовал в Церемониальном Зале. Затем Светлый Престол вытеснил чуждую субстанцию из пробитого им канала, да и на той стороне нашлось кому прекратить безобразия. Но было поздно — волна Хаоса, Изменённых им из числа людей и Тварей Изнанки, прорвавшись через портал, хлынула по коридорам. Наносит сокрушительный удар изнутри Цитадели. Следом катилась волна взбудораженного Света и Порядка, устраняя искажения и добивая раненых или отставших тварей. И — подстёгивая остальных. К тому времени, как к Цитадели подошли пресловутые девять тысяч орков, на стенах оставалось сто двадцать воинов Ордена, три Стража и два мага, причём в ранге подмастерьев. Остальные были или мертвы, или изменены, или просто — слишком далеко от места боя...

— Да уж, — сказал я после приличествующей случаю паузы. — И как это должно помочь мне?

— Очень просто. Я немножко помогу амулету Истинного пути, и вызванная им быстрая тропа выведет тебя во внутренний сад Цитадели туманов. Нужно будет пересечь малый плац — и окажешься на ступеньках внутренней крепости. Если подгадать выход к тому моменту, когда вот-вот должен будет начаться очередной всплеск активности неуправляемого Престола, то никого из орков и прочих не будет ни в детинце, ни на плацу. Максимум — какое-то количество людей из ренегатов и, возможно, один-два Изменённых, в которых осталось внутри зерно Порядка, позволяющее им пережить всплески. Но они будут или вялыми, или даже почти вменяемыми. Пройдёшь во врата, ну, дальше ты дорогу знаешь.

Я уже открыл рот, чтобы возразить, но понял — знаю. До шага, до щербинки на полу. Спутник явно «поплыл» от рассказа Игрока и гнал поток данных, так или иначе связанных со внутренним убранством Цитадели и распорядком дня в ней. Надеюсь, он придёт в порядок к началу боя? Слишком уж всё легко и просто получается по описанию.

— Знаешь поговорку про бумагу и овраги? Так вот, — продолжил я, дождавшись подтверждающего кивка, — в этом плане всё СЛИШКОМ гладко. Колись, какие сюрпризы рельефа утаил?

— Да ничего! Почти... Изменённые, о которых я говорил. Перед Выбросом, а уж тем более — во время его, они будут действительно вялыми и слабыми — по сравнению со своим повседневным состоянием. Но обычно они — ровня демонам. Высшим демонам...

Арагорн переждал мой удивлённо-озадаченный свист и продолжил:

— При удачном раскладе тебе встретится только один такой монстр. И у тебя есть всё, что нужно, чтобы с ним справиться, не доводя дело до ближнего боя.

— Так то при удачном, а он бывает...

— Ты забыл, с кем разговариваешь? Кого другого уже бы развеял, наверное, за такое оскорбление. Почему тебя терплю — сам Я, а не кто-то ещё, Бог Игры! Ты сомневаешься, что на МОЕЙ раздаче я смогу обеспечить нужный МНЕ расклад?!

А он, кажись, всерьёз разошёлся. Ой-ой-ой...

— Прости, Игрок. Я и правда забылся, упустил из виду, что ты повелитель не только Шутки. Признаю вину и готов искупить.

— Ладно, бог с тобой, — ответил Арагорн уже нормальным голосом. — Живи пока.

— Кто бы спорил-то... Что с первым, что со вторым...

— А раз споров нет — собирай имущество, и в путь. Пока собираешься, давай сюда амулет, я его слегка доработаю.

Через час я уже шёл по быстрой тропе, ещё минут через сорок мир вокруг содрогнулся, будто был нарисован на прозрачной плёнке, которую кто-то встряхнул. Неуловимый миг — картинка помутнела, и вокруг тропы расстелился туман. Да нет — Туман это. И не тропа под ногами, а та странная твердь в мире-вне-миров. А что это за звуки, странно знакомые? И источник их — тоже знакомый. Алёнушка, сидит на «земле», рыдает.

Нащупывая в кармане последний практически чистый платок, я зашагал в её сторону...

Я подошёл к самозабвенно рыдающей девушке. Да уж, видок у неё тот ещё. Вся какая-то помятая, взъерошенная, как пожёванная, одежда порвана и перекошена, клевца нет. А вот это серьёзно — рядом лежит та самая ребристая булава, как бишь её зовут, не то шестопёр, не то ещё как-то. Но не в названии дело, а в том, что на неё налипли какие-то комки, брызги крови и даже клочок волос, как бы не со скальпом. Её что, прямо из боя сюда выдернуло?! Похоже на то — вон, и руки кровью даже не забрызганы, а покрыты. И она эту самую кровь, похоже, старательно размазывает по лицу пополам со слезами. Макияж «мечта вурдалака»...

Я протянул платок, буквально вложив его в руку Алёне. Та взяла его, коротко содрогнулась, не то пытаясь кивнуть в знак благодарности, не то просто от рыданий — и продолжила своё мокрое дело. Ну нельзя же так расслабляться, в конце-то концов! Здесь не летний бульвар, а довольно опасное место! Разве что она тоже владеет каким-то вариантом охранного контура и знает, что врагов рядом нет?

Вот хоть ты разорвись — долг зовёт обратно в Мир, на быструю тропу, а чувства тянут к рыдающей фигурке. Обращение к Спутнику обескуражило — я снова оказался в мире Тумана «полностью». Вырваться можно, но с огромным риском, стоит ли того? Голос совести брюзжал, что я ищу оправдания тому, чтобы остаться с Алёной — ну и пусть. Тут вспомнил, как Арагорн среагировал на один лишь намёк на сомнения в его способности вывести меня в нужную точку в нужный момент, и это сразу же заставило совесть умолкнуть. Кто его знает — вдруг это он меня сюда засунул, в ожидании нужного момента?

Я опустил на корточки, продолжая разглядывать эту вот, такую на первый взгляд несуразную, угловатую, в тяжёлой броне — и одновременно такую... девушку, самую настоящую, несмотря ни на что. Вспомнилось, какая она там, под бронёй (которой на ней сейчас, кстати говоря, и нет), мягкая и тёплая, такая уютная и желанная... Так, что это со мной творится, а?!

Наконец до Алёны дошло, что что-то происходит не то. Она рывком подняла на меня голову, взглянув в упор широко распахнутыми, зарёванными и припухшими, но всё равно огромными глазами. Мне показалось, что меня толкнули в грудь двумя руками, и я даже покачнулся. С целью скрыть смущение, и чтобы не дать девчонке ляпнуть что-то неподходящее, я взял инициативу в свои руки.

— Брожу по туману, брожу, и вдруг вижу — такая красивая девушка сидит, как Алёнушка над омутом, плачет. Дай, думаю, подойду, узнаю, в чем дело.

Моя собеседница ответила очень содержательно и по существу: прерывисто, со всхлипом, вздохнула. Если она сейчас продолжит сырость разводить...

— Еще один платок нужен? — спросил я.

Головой мотает, не нужен, и это хорошо. Нет, у меня-то есть, даже два, но пользоваться ими без хорошей стирки не хотелось бы. А уж даме предложить... Дама между тем решила взять быка за рога:

— До костра довести сможешь? Мне нужно обратно в мир. Спешно! Там... там... — решимость оказалась недолгой, опять подступили слёзы, перехватив голос. Это что ж там у неё творится?! И помочь ничем не могу! Или всё же могу?

— Уверена? — спросил я.

Алёна кивнула.

— Точно? Может, переждешь? И хоть дамам не принято такое говорить, но вид у тебя... эээ... не очень, — продолжил я допрос. Вот только в конце голос дрогнул — на мой взгляд, выглядела она вполне даже «очень» — только вот не для боя. Если отмыть, конечно.

— Может, лучше здесь задержишься? — продолжил я попытки возвать к голосу разума. Если там такой бой, что она вся обляпалась, причём её, судя по отсутствию тяжёлого снаряжения, застали врасплох, то от вымотанной, уставшей и зареванной девушки толку будет немного.

— Вить, ты не понимаешь! Там... там... Мне очень важно обратно. Жизненно важно. И не для меня одной.

— Ладно, — в голосе звучала такая убеждённость и внутренняя сила, что я нехотя согласился. В конце концов, выход к костру ещё не гарантирует её или моего возвращения куда бы то ни было. Вот только как бы не раскидало нас у костра-то. Помнится, там не получалось подойти друг к другу.

Подав руку, я помог Алёне встать на ноги.

— Пойдём. Нам, — я мысленно обратился к амулету, но ответил, как ни странно, Спутник, — туда.

Туман тем временем поредел, вернувшись к привычной для меня консистенции. Едва мы успели пройти шагов десять, клирика отчётливо повело в сторону, после чего она охотно ухватилась за мой локоть. И она в таком состоянии собирается в бой?! Не пуцу, насколько это от меня зависеть будет, или сгинет она впустую. Когда девушка споткнулась пару раз на ровном, на мой взгляд, месте, я сменил диспозицию: забросил руку Алёны себе на плечи, а сам приобнял её за талию. Так и поковыляли дальше, благо что я уже и сам отчетливо чувствовал направление на «костёр».

По дороге я чуть язык не намозолил. Стараясь отвлечь от тяжёлых мыслей, молот всякую пургу, отслеживая, какие темы слушательница воспринимает наиболее благосклонно. Убедившись, что человек «не в теме», я даже пару эпизодов из канонических «Хроник лаборатории» ввернул, слегка перелицевав, в качестве случаев из практики. Стоило мне перевести дух, робкая улыбка на губах Алёны стремительно таяла, она тяжело вздыхала и опять начинала всхлипывать. И тогда я, опасаясь новой истерики, начинал новую байку.

Ну, вот и костёр. Я усадил служительницу культа на один из валунов, скинул рюкзак и полез туда в поисках чего-нибудь полезного. Кормить Алёну сейчас бессмысленно, вот чуть позже — да, а сейчас ей кусок в горло не полезет, тем более что у меня только сухпай и остался. А вот фляжка с бальзамом — самое то, снять усталость, не дать развиваться реактивному психозу, и для аппетита не помешает.

— Выпей, — я сунул ёмкость в руки девушки. Никакой реакции. Пришлось забирать и самому подносить к губам.

— Пей, кому говорят! — сказал я, как мог более строго, и наклонил посудину.

Когда она сделала пару-тройку крупных глотков, я отнял посудину и сел рядом, обняв за плечи. Бедолага ты...

Через пару минут Алёну начало трясти.

— Тебе не холодно? — поинтересовался я на всякий случай, а то вдруг у неё ещё и простуда. — Просто у тебя теперь не куртка, а творение сумасшедшего портного. Я бы даже сказал — дизайнера, простите за выражение.

— Все нормально, — лязгая зубами, попыталась заверить меня Алёнка. — Просто нервы. Пройдет.

Конечно, нервы и пройдёт. Просто сейчас излишек вброшенных в кровь во время боя гормонов и прочих секретов начинает рассасываться. Это действительно скоро пройдёт, организм начал перестраиваться на мирный лад. Сейчас её надо укутать, не дать замёрзнуть. Потом накормить, напоить горячим и уложить в койку. Не в том смысле, что могли подумать, а спать. Хотя... и «в том смысле» тоже бы невредно было, просто с точки зрения психотерапии.

Я, накинув на нас обоих мой чудо-плащ, крепче прижал к себе зарёванное сокровище, и она, опять прерывисто вздохнув, доверчиво положила голову мне на плечо.

— Очень жестокий мир, в который угодила? — спросил я всё ещё дрожащую девушку.

Она запрокинула голову, словно собираясь завывать на Луну.

— Не то чтобы... На Земле и хуже бывает, наверное... Нормально, в общем...

Ага, нормально — опять два ручья побежали. Я погладил эту, такую боевитую в прошлый раз и такую хрупкую сейчас, девушку по голове. В ответ она, всхлипывая и захлёбываясь слезами, начала сбивчиво, перескакивая вперёд и назад, пересказывать свои приключения. Если можно это так назвать. Да уж, у меня по сравнению с ней так просто курорт. И последний бой... Почему-то перед внутренним взором картинка, иллюстрирующая рассказ Алёны, накладывалась на другую, где мотоциклисты в форме с закатанными рукавами, гогоча, догоняют колонну беженцев. Даже руки зачесались оказаться там — на дистанции прицельной стрельбы...

— Если бы я была там!.. Если бы сейчас была!.. Я бы подняла всех, кто погиб!.. — прорывалось между всхлипами. — А я пока здесь... Чтобы успеть воскресить, время должно пройти немного. Не больше получаса!.. А я здесь... и...

Помню я, чего тебе стоило меня вылечить, если не воскресить. А тут — «всех»... Если ещё вспомнить, как я вывалился в «свой» мир спустя добрых две недели, то и вовсе девочку лучше отвлечь.

Наконец она вымоталась и затихла, прижавшись к моему плечу.

— Может, еще настойки? — предложил я, не зная, что ещё сказать в этой ситуации.

— Не-е-е...

Ну, нет, так нет. Так мы и сидели, не знаю, сколько точно. Алёна вскоре перестала дрожать, согрелась и покраснелась. Да и на ощупь стала мягкой и горячей. Тут уж начало потряхивать меня, впрочем, по другой причине. Хотя... Сам не знаю, как именно я относился к вот этой вот девушке. Гремучая смесь — одновременно казалась и кем-то наподобие младшей сестрёнки, которую надо утешить и защитить, и вместе с тем будила совсем не братские чувства.

Тем временем она высвободила руку, чтоб отбросить мешавшую ей прядь волос, и глянула на эту самую конечность так, будто перед ней что-то непонятное и незнакомое.

— Вить, а у тебя вода есть? — раздался жалобный голос через пару секунд.

Ну, стало быть, очухалась девчонка, базовые рефлексy прорезались. Вода у меня была — как не быть? Кожаная баклажка, которую за ненадобностью можно сложить и убрать в рюкзак, ёмкостью литра три. Набирал на месте своего долгого привала из родника, очищенного и обустроенного эльфами для паломников к Алтарю Сил. Вода эта должна была храниться, не портясь, как минимум до следующего Белтейна, обладала лёгким тонизирующим и антибактериальным действием. Использовать её для мытья и стирки?! А куда деваться-то...

Алёнка тратила воду экономно, это хорошо. Вымыла кисти рук, ополоснула платок и

уже им стала оттирать лицо и руки до локтя. Потом ещё раз ополоснула платок и прижала его к лицу, как компресс, жестом показав, что вода больше не нужна.

Я убрал флягу, посмотрел на Алёну. Вот тут вот надо бы причёску поправить, вот так вот, аккуратненько.

— Вот так-то лучше.

Лучше, но не совсем — вон, на щеке пятнышко сажи. Это не от сгоревшего ли в божественном пламени супостата? Убрать надо. Я попросил у Алёны платок:

— Сажа осталась...Вот тут... Ещё капелька...

Третье пятнышко я оттирал, уже не глядя на него — я смотрел в огромные серые глаза.

Как-то так получилось, что они стали ещё больше, ещё, закрыли всё поле зрения. А потом смотреть стало неважно. Вкус горячих губ, ещё хранящих остатки тонкого аромата лесного родника. Запах девичьей кожи и волос... Алёна целовалась истово, исступлённо, яростно. Это было похоже на молитву — молитву фанатика. Она даже немного пугала меня такой своей страстью, пару раз мы чувствительно ударились зубами, так, что я даже почувствовал мимолётный привкус крови, смешавшийся со вкусом моей дорогой священницы. Руки, ставшие зрячими, вполне заменяли собой глаза, они заглядывали везде, осматривая такую нежную и неистовую девушку со всех сторон. А если что-то мешало их взгляду, то эта досадная помеха отправлялась в недолгий полёт на каменистую землю, к обоюдному удовлетворению.

— А знаете, почему не стоит делать ЭТОГО на Красной Площади?

Убью скотину! И не посмотрю, кто это вылез. Головой думать надо, когда шуточки можно шутить, а когда нужно свалить в туман! Тем более — в такой момент! Я вскочил в боевую стойку, подхватив глефу — и немного опешил. Передо мной стоял весьма странный персонаж. Точнее сказать, странный для этого места. Дома я ему не очень бы удивился. Дядька габаритами чуть меньше меня, в камуфляже (если не ошибаюсь, это так называемая «горка»), бронежилете, разгрузке, на поясе висит немного странно выглядящая каска, а в руках — что-то, похожее на пулемёт Калашникова, побывавший в руках фаната Круза. С пристёгнутой патронной коробкой, ещё три навьючены на этого бойца. Расстояние до хама — метров семь. Стоит, слегка расставив ноги в берцах, ухмыляется самоуверенно. Ну ещё бы, с его точки зрения ситуация беспроегрешная.

Щаз, с четырьмя «з». Пулемёт держит стволом влево от продольной оси, градусов под сорок пять-пятьдесят, опустив ствол вниз так, что точка прицеливания примерно в метре перед нашими ногами. Думает, наверное, что ситуация в его руках. Ускориться, рывок перекатом вправо (для него — налево), ещё и глефу отбросить в другую сторону, отвлечь внимание. Если даже успеет нажать на спуск и начнёт стрелять — меня там, куда целится, давно уже не будет, отдача станет разворачивать оружие «не туда», придётся поворачиваться всем корпусом, а он и так стоит вполоборота, короче, с учётом моей скорости — без шансов. После переката вправо — резкий рывок ему за спину, ударом по нервным узлам «отсушить» руки от локтя, связать ремнём от его же пулемёта, просунув оружие между спиной и локтями. Он, по идее, вообще никак не должен успеть среагировать.

Но — вдруг успеет? А у меня за спиной — Алёнушка. И если попасть в меня для него не проще, чем до Луны доплюнуть, то её может и зацепить. И даже будь на девушке её брига — для пулемётной пули с такого расстояния это абсолютно без разницы. Ладно, живи пока, сволочь.

— И тут советчики, блин. Точнее, советники. Военные... — показал я знание древнего

анекдота, прокачав ситуацию и справившись с желанием придушить этого прямо здесь и сейчас.

— Ага, советами замучают! — продолжал хамить «пулемётчик Ганс». — Хотя если вас это не смущает, можете продолжать.

Вуайерист, блин, нашёлся.

— Было бы неплохо, но БЕЗ свидетелей! — я уже осознал, где именно мы находимся, как и то, что не все могут сами приходить в Туман или уходить из него. Но эмоции требовали, чтоб этот гад убрался отсюда немедленно, куда угодно.

— Однако ДО этого вас не смущало, что здесь люди ходят.

Хотел было я пояснить этому типу, чем люди от него отличаются, но тут услышал горячий шёпот Алёнушки:

— Вить, не надо... Ну его нафиг. Не пререкайся. У него ж палец на крючке! Вдруг он нервный, или того хуже — контуженый на голову. Давай, я вежливо попрошу его позволить нам одеться?

Точно, оно ещё и пялится на МОЮ девушку! На которой почти ничего из одежды и не осталось...

— Угу, тот ещё гусь серый... — ответил я. Тут слились разом несколько ассоциаций: этот похож на наёмника, наёмников называют «дикие гуси», дикие гуси, как правило, серые — вот и «гусь серый».

Хмырь с пулемётом как-то странно на меня покосился и начал пятиться, обходя костёр по дуге спиной вперёд и не сводя с нас глаз.

— Извините, но не могли бы вы позволить нам одеться? — вмешалась из-за моей спины Алёна.

Ну, зачееееем?! Зачем давать ему понять, что у него есть рычаг давления на тебя?! Сделай вид, что тебе всё равно, как ты одета (или не одета) — и он скоро перестанет внимание обращать, а то и сам предложит одеться, чтоб не отвлекаться. А сейчас — показала, что ты от него в чём-то зависишь.

Тот ничего не ответил, продолжая играть в крабика и разрывая дистанцию. По большому счёту — не принципиально для меня, просто больше патронов пожжёт, пока я до него доберусь, но сам манёвр мне не нравится. Как бы убрать Алёну с линии огня?! Сама она из-за моей спины не вылезет, нашла время постесняться. Я почти одновременно с камуфлированным типом тоже начал движение — очень медленно и плавно вправо, к валуну. Надеялся, что, когда подойдём вплотную, Алёна догадается спрятаться за булыжник, развязав мне руки.

Выяснилась цель манёвров пулемётчика — он добрался до щита с гравировками, поддел его носком ботинка и глянул вниз, как будто хотел узнать, что лежит под скрижалю.

— Кстати, красавица. Если еще что найдется на обмен, оставляй, — бросил тип загадочную фразу и начал отступать в туман.

Я напряженно смотрел на него, пока он метрах в двадцати не слился с туманом и не исчез. Я бросил свои заклинания поиска — никого. Вот почему было сразу так не сделать?! В смысле — свалить потихоньку?! Одно слово — хамло с пулемётом. Я повернулся к Алёне:

— Сильно испугалась?

— Это кто был?! Тоже попаданец?! Арагорн теперь ТАКИХ засылает?! Тогда мы ему на кой со своим железом?! И что он имел в виду, когда говорил?!.. Он не вернется назад?!

Похоже, испугалась сильно, но уже успокаивается. Вон, какой вал вопросов на меня

обрушила, если отвечать на все, да по порядку, суток не хватит. Вместо этого я обнял девушку, прижал к себе покрепче и поцеловал где-то около уха, в которое и прошептал:

— Храбрая ты моя... Давай лучше оденемся. Неровен час, еще кого вынесет, а мы в таком виде.

Ну, допустим, я-то относительно прилично выгляжу. Есть у меня такая склонность — раздевать подружку полностью, не торопясь делать то же самое самому. Такой контраст, между полностью обнажённой девушкой и лишь слегка расстёгнутым мной, он ещё больше, на мой взгляд, подчёркивает женственность и привлекательность спутницы.

Но хватит об этом. Зато теперь у меня была возможность полюбоваться вспыхнувшей как маков цвет Алёнушкой, собирающей свои вещи по площадке. Но никакое удовольствие не длится долго, вот и клирик оделась, даже булаву с земли подхватила. Ну что ж, вернёмся к нашим баранам, точнее, одному представителю племени.

— А что этот с «Калашом» бегаёт, так мало ли... Может, его с ролёвки по «Сталкеру» дёрнули. Что до железок... Был у нас в Ордене маг, Гларизон Пламенный. Его изобретение, «Поцелуй Солнца»... — я невольно содрогнулся от воспоминаний Спутника, хоть тот сам и не застал этого легендарного мага, призванного богами (просто как-то раз в храме открылся портал, куда он и ушёл), но видел места, где наносил тот свои удары. Без малого четырёхста лет прошло, а по сей день впечатляет. — Ближайшая аналогия с Землёй — тактическое ядерное оружие.

Угу, по описанию самого Гларизона: «Выжигает круг диаметром километр». Вот только его представление о том, что значит «выжигает», радикально отличалось от общепринятого. Он считал границей зоны поражения тот рубеж, где толщина спёкшейся в кирпич земли становилась меньше ширины пальца. На сколько сот метров вокруг простираются поля пепла — такие «мелочи» его не интересовали. В принципе, объяснение такому подходу простое: именно на этом рубеже мог выжить попавший под удар полноправный боевой маг, а всех, кто слабее, этот огневик противниками не считал. Так, помеха, иногда — досадная, иногда — назойливая, но и не более того. Четыре «гларизоновы сковородки» или «гларизоновы плечи» до сих пор зияют кругами голого камня на «орочьем тракте». А как тогда удирали остатки орды... Почти тридцать лет зеленошкурые не рисковали собираться толпами больше сотни вблизи от границы.

За воспоминаниями я подошёл к Алёне и ласково, почти дружески, поцеловал её.

— Обещаю, в следующий раз... А сейчас туман неспокоен. Не нравится мне он, — при этом я почти и не лукавил. Вокруг действительно творилось нечто невразумительное. Ощущалось движение каких-то титанических сил рядом, буквально руку протянуть, но они никак не проявлялись. Может, только пока?

Девушка легонько коснулась моих губ в ответ.

— Все нормально.

Мы стояли, прижавшись друг к другу.

— А ты у меня в кармане четки забыла, — вспомнил я о наболевшем, в том числе — и в буквальном смысле. — Знала бы ты, сколько я с ними натерпелся!..

— Я не специально...

— Надеюсь...

— А они где?

— По-прежнему у меня в кармане. Лежат, как приклеенные, даже потерять не получилось.

— Можно я их заберу?..

Можно?! Нужно! Этот электрошокер уже изрядно задолбал, буквально — током.

— Да уж хотелось бы. В левом, в плаще.

Алёна вдруг странным образом замялась.

— Вить?..

— М-м-м...

— Амулет обратно возьмешь?

Не понял, о чём это она? Да ещё и «обратно» — разве я ей что-то такое давал?

Единственный амулет, который я давал девушкам, это кулончик, подаренный официантке в Роулинге. Лучше спросить напрямую.

— Какой?

Откинувшись назад верхней половиной тела, клирик подняла на уровень глаз кулачок и, разжав его, высвободила цепочку с прозрачным камушком. Это же тот самый, который в Замке путеводным зайчиком работал.

— Зачем ты его отдаёшь? Он ведь твой.

Подруга моя очередной раз зарумянилась.

— Вообще-то нет. С самого начала он предназначался тебе... В общем, долгая история... Я у костра кошелек нашла.

Ага, что-то проясняется. И с тем, куда девался гонорар Арагорна. Клирик между тем продолжала:

— Он там, в шве был зашит. Только потом на задании с дверью поняла, чей он. Прости, что не сразу вернула... Пожалуйста?! Если бы не он, я бы погибла... Прости, ладно? А деньги... Мне жить не на что было... Но я верну... Вить?..

Вот что тут прикажете делать? Не то плакать, не то смеяться. Это она всерьёз извиняется за то, что не уморила себя голодом, воспользовавшись найденными деньгами?! Правда, мысль о том, что я могу потребовать их обратно, уже на грани оскорбления. Девочка-девочка, откуда же ты такая нашлась, настолько правильная. И кто же тебя окружает по жизни, что у тебя такие мысли в красивой твоей головке бродят? Зато сразу понятно, что светлая жрица — это точное попадание в типаж.

Пока я раздумывал, любуясь заодно смущённой мордашкой, Алёнка спешно вложила мне в ладонь кулончик и сама сжала её в кулак.

— Возьми.

Ну что ты с ней сделаешь? Ладно, пусть напоминание о ней будет. Я поцеловал девушку в кончик носа и сразу вспомнил о другом сувенирчике от неё же. Чуть опять не забыл...

— Лучше чётки свои забери. А то, не дай бог, еще раз забудешь. Я ж поседею тогда...

Алёна запустила руку в карман, не преминув вновь погладить меня сквозь подкладку плаща, и вытащила эти, изрядно мне надоевшие, бусы наружу. В тот же момент эти самые непонятные силы взбурлили. Я напрягся, готовясь противостоять неизвестно чему, но вместо какого-то неизвестного ужаса у меня в голове раздался голос Арагорна:

— Где тебя носит?! Всплеск заканчивается, сейчас Изменённые очнутся! Сюда, немедленно!

Тут же последовало ощущение рывка сразу во все стороны, я сделал несколько шагов вслепую и оказался среди остатков того, во что превратился в результате воздействия противоборствующих сил один из внутренних садов. Одной из этих сил явно были орки,

чему имелось немало свидетельств. В воздухе носилось ощущение напряжённости, как в трансформаторной будке. В носу свербело, шерсть норовила встать дыбом по всей тушке, восприятие магических сил было забито подобием щекотки. Короче, весь комплекс ощущений, говорящих о только что прошедшей здесь магической буре.

Прошедшей?!

Какого хобота, кто вещал про «удачный расклад»?! Сейчас новое население Цитадели очухается, и минут через десять меня начнут тщательно плющить всей ордой! Ой, ё...

Вспомнив описания гарнизона, данные Арагорном, я решил, что первыми придут в себя и смогут доставить мне неприятности те самые Высшие Изменённые, с которыми лучше разбираться на дистанции. Я тут же взял в руки лук с подаренной тетивой. Она, кстати говоря, вызывала ощущение покалывания в кончиках пальцев, похожее на то, что исходило от чёток в Алёниных руках. Тоже канал к богу, или просто так ощущаю божественные силы, задействованные в её изготовлении? Глефу — за спину, наискосок в две петли на рюкзаке. Заодно проверить рукой — где хвостовики артефактных стрел. В путь!

В голове вспыхнула объёмная картинка внутреннего двора. Спасибо, Спутник. Итак, я — в правом нижнем углу прямоугольника. Слева от меня — Малый плац, в левом нижнем углу — ворота в предыдущий двор. Левая стена: казарма (скорее — гостиница) для Стражей. Три двери, окна, короче — самое опасное направление. Правая стена — глухая, там один из арсеналов и «офицерская» гауптвахта. Большую часть верхней стороны прямоугольника занимает здание детинца, он же — донжон, он же — Внутренняя Цитадель. Справа и слева от здания — два нешироких прохода к его заднему фасаду, где всё почти так же, только гостиница и губа не для Стражей, а для рыцарей Ордена. Главный вход в донжон — прямо передо мной, а на широком и высоком (до высоты средней трёхэтажки, по привычным с Земли меркам) крыльце непонятный завал. Странно, вроде обрушенных стен нет, откуда такая куча обломков?! И ещё какая-то неправильность во всём этом, а что не так — не пойму, недавняя астральная буря всё ещё мешает органам чувств, отвлекает. Да и некогда особо думать-то.

Ускоряюсь по максимуму, иду вдоль глухой стены примерно до середины, пока не увижу — есть ли проход между этой грудой не пойми чего и дверью. Если имеется — бегу изо всех сил напрямую, заскакиваю в донжон и в караулке справа от входа, если система не порушилась, включаю осадный режим детинца, по праву старшего офицера в крепости. Это закроет все уцелевшие двери, активирует ловушки и будет транслировать мне все данные с датчиков системы «свой-чужой» в здании. Оттуда уже — вперёд и вниз, в Церемониальный зал.

Пока всё это прокручивалось в голове, я летел низкими, стелящимися прыжками по краю плаца. Разумеется, растянув время на пределе своих способностей. Кстати, о способностях. Ещё во время «отдыха на водах» я заметил, что после визита в Замок мой внутренний энергозапас снова вырос, и довольно заметно. А кроме того усилились и некоторые другие способности. Например, в ускоренном режиме я в начале своей эпопеи мог пробыть минут пять, если без проблем со здоровьем. Во время боя с тёмным эльфом держался около сорока минут, хоть и со стимуляторами. Теперь же мог бы пробегать так часа полтора, не в предельном режиме, конечно, но всё же... Да и вообще у меня было странное ощущение, что меня стало больше. Нет, не в плане габаритов, хоть я и измерил себя, чтобы избавиться от странного ощущения. Размеры не изменились, но чувство осталось.

На третьем примерно прыжке завал на лестнице пошевелился, поднялся, потянувшись, и начал оборачиваться ко мне. Видно было, что существо движется с лентой, не торопясь — и при этом как минимум не уступает мне в скорости! Затормозив ногами в брусчатку (и ощутив себя персонажем мультика), я выдернул «Стрелу последнего часа». Не колеблясь, ибо доктор сказал — в морг, ... то есть Арагорн сказал — Высший, значит, он и есть.

Едва коснувшись лука, стрела потребовала от меня ещё энергии. Правда, совсем немного, но цвет прожилок на наконечнике изменился. Активация? Захват цели? Неважно! Как только начал натягивать тетиву, почувствовал, как она пробуждается, что ли? И гонит в стрелу буквально поток божественной Силы. В итоге стрела к моменту, когда я отпустил тетиву, стала похожа на рисунок акварелью на салфетке, но на ощупь оставалась прежней.

Выстрел! И одновременно тварь, похожая на ящера и обезьяну, забыв про лень, выбросила в мою сторону огромную пасть на длинной шее! Стрела исчезла в метре от лука, оставив вертикально висящее изображение розовой лужицы, и тут же проявилась уже в небе чудовища. В пасти Изменённого словно возник морской ёж с сияющими неземным светом иголками. И голова твари тут же «схлопнулась». Точнее, как будто с неё сдёрнули текстуру, стремительно сжав её в маленький комок, оставшийся каркас мгновенно побледнел, и... ВЗРЫВ!

Надо ли говорить, что я смотрел это кино на бегу? Едва оперение стрелы соскользнуло с моего указательного пальца, я бросился вперёд, стремясь к стыку лестницы и фасада. И вот теперь я летел прямо в стремительно вздувающийся пузырь взрыва. Тоже, надо сказать, нетривиальный — во-первых, он рос очень быстро, как будто и взрыв, и я находились в обычном мире; во-вторых, он был перламутровый. Вдоль тела монстра это пузырь рос быстрее всего, растворяя его без остатка.

Я, не имея возможности остановиться или отвернуть, влетел в этот странный взрыв. Ни удара, ни жара, ни боли. Вот только радужная субстанция, заполнявшая пузырь изнутри, дрогнула и мгновенно собралась вокруг меня, впитываясь в тело. Меня опять стало больше, хоть размеры тела и не изменились! Мелькнуло подозрение, что я впитал какую-то часть силы поверженного демона. Надеюсь, не его сущность.

И ещё я понял, что это ПРАВИЛЬНО.

А ещё я понял, что дурак — правая стена не должна быть глухой. Там же арсенальные ворота!

Тут я пробил вторую стенку перламутрового пузыря и, оглянувшись, увидел распускающийся на стене цветок. Хризантема, иттить её! Вот только вместо лепестков — десятки щупалец.

Стрела, энергия, натяг, Сила, выстрел — и тварь поймала стрелу на лету! Около дюжины щупалец свились в комок, который тут же дёрнулся в сторону — видимо, выбросить снаряд. Но — не судьба.

«Ёжик», схлопывание текстур, вспышка — и добрую половину щупалец как ножом обрезало! Потеряв равновесие, тварь дёрнулась влево и пролетела на расстоянии метров двух от меня. Это притом, что я сам отпрыгнул назад, явно побив при этом парочку рекордов!

Третья, последняя, стрела уже на тетиве — выстрел в промелькнувший мимо меня глаз!

Душераздирающий треск — и древко лука у меня в руках ломается пополам, верхняя часть улетает вперёд. И тут же — ВЗРЫВ!

Оттого, что я был прямо около эпицентра, или ещё по какой причине, но ощущения были иные. Меня тянуло, плющило, ощущение дезориентации и тошноты, чей-то

запредельный ужас рядом и чьё-то невероятное облегчение, ТОЛЧОК!

Меня выбросило вверх по лестнице, я только увидел впитывающуюся радужную массу и снова пережил странное ощущение увеличения себя. И две главных мысли — это правильно, а бросить тут сломанный лук будет неправильно.

В голове царили муть и сумбур, но тело, ведомое не иначе как автопилотом, стремительно летело к дверям. Я сказал «стремительно»? Для кого как — та вон шея, что вытянулась уже на полтора метра вверх за стеной в левом нижнем углу воображаемой карты, движется намного быстрее.

Да что ж это такое?! Я ускорен по самое не могу — и всё равно самый медленный барсук в этом лесу! Мне до двери метров пятнадцать, монстру — не меньше двух сотен, но я боюсь, что он может успеть раньше!

Может, и успел бы — но, увидев вспухающие перламутровые пузыри, дёрнулся вверх и в сторону, потерял темп. Я, потянув на себя створку, открыл маленькую дверцу около Главных Врат и проскочил внутрь. Тут же метнулся в дежурку.

Гулкий удар во врата!

Так, система доступа горит красной голограммой — «Внешняя атака». Бегу к ней, на ходу запихивая обломки лука в саадак. Сую левую руку прямо в красное марево. Запрос, отзыв, опознание, подтверждение. Быстрый обмен мыслями и образами.

«Есть в Цитадели другие офицеры Ордена»?

«Нет».

«Запрашиваю подчинение оборонительных структур как старший офицер».

«Полномочия подтверждены».

«Осадный режим! Активация всех контуров!»

Рухнувшая с потолка в проём входа каменная плита толщиной метров пять удивительно мягко впечаталась в пол, одновременно раздался грохот снаружи.

«Повреждение правой створки шестьдесят процентов» — голос-мысль оборонительной системы. Броневая сталь толщиной полметра, усиленная заклинаниями!

Над головой раздался дробный топот. Кто-то бежал по второму этажу в сторону лестницы. Орки? Пострелять их на спуске, чтоб не ударили в спину? Неправильно! Откуда тут орки, сразу после Выброса?!

Неважно, кто там — бегом к подвалу! На ходу выхватил из колчана пучок стрел из стражьего сплава, накачиваю их энергией и аккуратно раскладываю на полу. Архидемона не остановит, но всякой мелкой мерзости неприятностей доставит.

На втором этаже стукнуло, заверещало, взвыло.

«Сработка ловушки 2-Б17-14».

И почти сразу: «Сработка ловушки 2-Б17-15, ловушек 2-Б16-11, 2-Б16-14, 2-Б17-10...»

Ого! Кто ж там ломится так?!

С глефой наперевес скатываюсь по лестнице, едва успев проскочить в закрывающуюся дверь. Бегу по коридору. Церемониальный зал, дверь распахнута — и, по традиции, не имеет запоров! Только две ручки внутри. А сзади уже кто-то или что-то с треском проламывает себе проход с лестницы!

Тяну створки на себя, захлопываю, а толку?! Как поступить? Глефа! Продеваю её в ручки и, вливая в неё совсем, казалось бы, забытое Спутником заклинание Нерушимости, вонзаю стальной шип в каменный пол. При этом щедро наполняю оружие Силой — и шип

уходит в гранит, как в масло, по самое древко!

Отлично, клинок, особенно ярко искрящийся спецэффектами, из ножен, тридцать девять метров до подножия престола, двенадцать ступенек вверх, вот и Престол. Даже без артефакта виден столб белого света, охватывающий трон и ступени к нему и упирающийся в сводчатый потолок.

Преодолев внутренний трепет, усаживаюсь на трон. Слабое ощущение моей тут неуместности смывает мощный поток осознания правильности происходящего. Вот в подлокотнике узкая щель, клинок входит в неё идеально и плавно втягивается внутрь трона. А что за розетка вокруг щели? Это же отпечаток гарды меча! Но — не моего!

Не успеваю даже испугаться, как отпечаток начинает плыть, изменяться, подстраиваясь под витую чашку, защищавшую мою руку в бою. В момент касания гарды и камня я произношу пришедшую откуда-то извне, но вместе с тем и из глубины меня, фразу:

— По праву старшего в Ордене, по долгу Истинного, по воле Создателя силой Следа его! Властью воплощённого Порядка подчиняю Престол своей воле! Требую доступ к Сердцу Миров!

Столп света вокруг превратился в уже знакомый стакан перламутрового сияния, заполненный радужным огнём. Пока этот огонь впитывался в меня, внешняя стенка закружилась воронкой портала. Я ещё успел заметить содрогающиеся под мощным ударом створки входной двери, когда Переход втянул меня.

И Мир померк...

Это — Сердце миров! Точка Творения всего веера, сосредоточие миропорядка. Но... но что тут делает этот мужичок в ватнике, таких же ватных замасленных штанах и с заломленной «Беломориной» на губе?! Это неправильно! Настолько неправильно, что кристалл моей сущности чуть было не дал трещину! Что этот тракторист делает здесь, в центре Творения целого веера миров?!

Нет, не тракторист. Глядя сквозь кристалл порядка, сквозь нового себя, я видел мощные потоки Сил внутри и вне его.

— Ну ты, братец, обнаглел! — произнёс неправильный тракторист. — Ишь ты его, требует он доступ! Да туда не всех богов без присмотра пускают, а...

Мужичок в кепке осёкся и осмотрел меня внимательнее.

— Нет, ну ты видишь, что творится? — обратился он к ещё одному присутствующему здесь (а где это «здесь?») персонажу.

Надо же, я так был удивлён видом первого оппонента, что совсем не заметил второго, а это надо было постараться! Человекообразная фигура ростом не меньше трёх метров, укрытая пурпурным плащом. Голова закрыта золотистым шлемом с узкой Т-образной прорезью.

— Что ты имеешь в виду, Наблюдатель? — прогудел этот дядька странно безликим голосом. Что-то мне в нём казалось знакомым и близким, даже почти родным, но вот что?

— То, во что этот мальчик начал превращаться! Он же на грани балансирует, ещё бы чуть-чуть больше собрал силы или Следов — и всё, процесс бы пошёл независимо от всего остального! Он и так уже наполовину обычный смертный, а наполовину — куколка Аватара. Скажи, Хранитель, тебе нужен в твоём мире Аватар Порядка, а?

— Если только у орков на континенте, поближе к Язве. Но и то — не такой ценой, как потеря Стабилизатора.

— Аватар — это сильно, — счёл я правильным вмешаться в разговор.

Неожиданно тот, кого назвали Хранителем, отнёсся к моим словам очень резко.

— Что ты понимаешь, смертный?! Ладно бы ещё аватар какого-то бога, те могут сохранить какую-то часть памяти и характера, особенно, если у их бога много таких вместилищ. А стать воплощением безликой изначальной Силы, это...

— Это смерть перерождающегося как личности, — продолжил названный Наблюдателем, когда первый оратор замешкался с подбором слова. — Могущества выше крыши, а разума — как у макаки. И — единственно верный план действий в голове, один маршрут.

— Ну, ты загнул — «как у мартышки». Да им в большинстве своём до мартышки, как ей до архимага. И если что не так, один метод — вломить посильнее. Припрутся, наворотят, а потом разгребай за ними.

Я молчал. Вступать в разговор с этими двумя мне больше не казалось правильным. А раз так — всё остальное не имело значения. Я чувствовал, как мои мысли, воспоминания, эмоции упорядочиваются, сортируются — и это было правильно. А значит — хорошо. Казалось ещё чуть-чуть, и всё станет кристально ясно: мир вокруг, силы в нём и моё место во всём этом. Вывел меня из этого состояния тычок под рёбра и громкий голос Наблюдателя:

— Ты смотри, что творит, а? Он прямо тут мутировать собрался, что ли? Ст... Хранитель, давай, что-то делай с этим.

— Я заберу своё. Мне с самого начала не нравилось задуманное Игроком, точнее, эта его идея. Душа Стража не должна отклоняться от определённого ей пути. Я забираю душу Истинного Стража из этого тела — и вместе с ней её Силу.

«Прощай!» — раздался в моей голове как никогда ранее чистый и вменяемый голос Спутника. — «Приятно было познакомиться с тобой, брат, и сражаться вместе. Пройти ещё раз по Миру, пусть и не в твоём теле. Удачи в бою, тёзка! Я передам тебе всё, что помню, но не успел рассказать — может, пригодится. Но навыки и умения так передать не смогу — придётся осваивать и учить самому. Прощай, Кот!»

Я почувствовал, как меня стало меньше. Это было неправильно! Я-кристалл напрягся было, чтоб удержать отнимаемое, но тут же ощутил внутри своего естества, что наоборот — то, что свершается сейчас единственно верно, несмотря на то, как выглядит на первый взгляд.

Тут же всё стало как-то иначе. Или это я изменился? Скорее, начал возвращаться к прежнему себе. Вернулись иные эмоции и ощущения, помимо «правильно» и «неправильно», правда, были они какими-то приглушёнными, словно бы покрытыми пылью...

— Теперь о тебе, — повернулся ко мне Хранитель. — Поскольку Истинный Страж Витольдус покинул это тело, ты не должен больше причислять себя к Ордену...

— Ц-ц-ц, какой слог, какой пафос! — перебил Наблюдатель. — А посмотреть внимательно, а подумать? Если так не доходит, то...

Я почувствовал уже привычную щекотку на левом плече. В голосе Хранителя прорезалась нотка неуверенности, что ли? Как будто он, голос, треснул вдоль.

— Но как?! Откуда?!

Над моим плечом парил уже привычный семиугольный щиток. Интересно девки пляшут...

— От сырости! — недовольно рыкнул Наблюдатель. — Он исполнял Обеты, искренне и не помышляя о корысти, как и надлежит. Исполнял, ощущая себя Стражем и действуя от имени Ордена. Он принял клятвы, и Печати приняли его.

— Я ещё понимаю — младшие печати, но Шестая печать! Она-то откуда, без ритуала и Обета?! А седьмая опора — это же вообще ни в какие ворота!

— К силе Шестой печати возвала подселённая душа. Грань приняла правомочность призыва. Но направлял-то Силу уже вот он! Дальше объяснять? Вижу, дошло. Что же дс седьмой... Я думаю, его прогулка за Дверью, точнее, результат этой прогулки. Служба здесь, в собственном теле, связанная с исполнением — ну, ты знаешь, чего — да ещё и с пролитием крови...

— Всё равно, эти обеты не могут считаться действительными, — буркнул Хранитель, но уже без прежнего запала.

— Если не будут подтверждены добровольно и надлежащим порядком, — уточнил Наблюдатель.

Тип в золоте и пурпуре поколебался пару мгновений и кивнул головой.

— В любом случае, даже пять Печатей дают ему право выступать от имени Ордена — пусть не как Стражу, то в качестве Рыцаря, — «добил» дядька в ватнике своего спутника.

И тут я понял, почему голос Хранителя кажется таким «безличным». Это не голос в полном смысле слова, а, скорее, равнодействующая множества голосов, возможно — нескольких сотен. То общее, что есть между ними, нечто усреднённое, отсюда и ощущение холодности и безликости. И понял ещё кое-что, кусочки мозаики, щелкнув, собрались вместе.

— Вы ведь тоже Страж? — обратился я к Хранителю. — Точнее, бывший Страж, или нет, много бывших Стражей, хоть я и не понимаю, как это может быть?!

— Как ты узнал?! Откуда?! — растерянное рычание — это звучит своеобразно.

— Не знаю. Понял просто. С самого начала чувствовал что-то близкое, чуть ли не родное. Потом, когда забрали Спутника, это ненадолго ослабло, и тут же вернулось опять, с большей силой. А потом вот как-то щёлкнуло...

— И ты ещё будешь сомневаться в подлинности его статуса? В истинности печатей?

Хранитель только пожал плечами.

— Ладно, некогда тут лясы точить. Если он вернётся в Мир — тогда и спросишь подтверждение Обетов и проведёшь завершающий ритуал. А теперь пора к точке сбора.

С этими словами Наблюдатель внезапно выдохнул мне прямо в лицо клуб дыма от давно, казалось, потухшей папиросы. Не успел я возмутиться таким хамством, как не имевший никакого запаха «дым» развеялся, и я увидел перед собой знакомый костёр.

А около костра — две не менее знакомых фигуры. Арагорн и Дмитрий, который Шаман. И если Арагорн выглядит как обычно, то вот Дима... Даже не скажу, какого фасона и цвета на нём одежда, в таком она состоянии. Изорванная, прожжённая, закопченная...

— Всё понятно? — Арагорн явно заканчивал какой-то инструктаж. — И насчёт желаний, подумай ещё, так и быть. Я, конечно, могу исполнить и это...

Шаман, в противоположность ухмыляющемуся богу, заметно содрогнулся:

— Понял, подумаю...

Я вежливо кашлянул. Арагорн повернулся ко мне.

— Явился, самовольщик! Ты куда с тропы соскочил, а, чудило лесное?!

— Никуда я не соскакивал. Это ты неправильно говоришь. Сдёрнуло меня сюда, в Туман, причём в своём теле, так что выйти не мог.

— Ну-ка, подробнее этот момент!

Ага, сейчас! Лишних подробностей как раз говорить не буду.

— После Замка у меня случайно остались Алёнины чётки, которые ты подарил. Она тогда сознание потеряла, я их подобрал, чтоб не пропали, и в карман машинально сунул. Когда меня с тропы выдернуло — я как раз возле неё оказался. Чётки вернул — и тут же услышал, как ты ругаешься, после чего оказался во дворе Цитадели.

Игрок на секунду задумался.

— Ясно всё. Ну, бабы, хоть смертные, хоть богини — вечно влезут в самый неподходящий момент.

— А мне вот неясно — когда и как мы будем равновесие в моём подшефном мире восстанавливать? И отпустит ли он меня после этого?

— Увидишь всё, когда и как. А что до остального — закроем Язву, которая суть прямой канал Хаоса в мир, починим ткань мира вокруг. Сила, которая вытесняет орков на север, исчезнет, более того — они и сами рванут бесхозные земли делить. Хранители получают право и возможность войти ненадолго в мир, вычистят Цитадель. После этого перенесём туда всех выживших, восстановим Орден, только боги будут немножко другие участвовать. Кстати, ты мог бы претендовать на достаточно высокий пост в обновлённой организации...

— Спасибо, за должностями не гонюсь.

— Ну, раз так... Тогда давай сюда путеводные амулеты, дома они тебе не понадобятся, да и работать не будут.

Этот приказ был правильным, и я без колебаний протянул и трофей из лесного святилища, и кулон, переданный мне Алёной. При этом в душе метнулось сожаление о том, что не смогу сделать ей такой подарок, который бы очень много значил для нас и был бы своего рода паролем. Придётся дома заказать в ювелирке копию. Тут же эти мысли были подавлены другой: как я могу, я не имею права сожалеть о том, что было бы менее правильным! Это же нарушение Порядка!

— Слушай, а как так получается — то у костра не могли даже сблизиться, а то вот ты подходишь, вещи берёшь... Перед замком тоже — здоровались мы с ребятами, руки жали. Это порядок поменялся? И давно ли?

— Это вы поменялись. А остальное тебе знать незачем, тем более что для тебя скоро всё опять поменяется.

С этими словами Арагорн самым наглым образом исчез. Шаман сидел, обхватив посох, и смотрел на костёр (а скорее, сквозь него) с видом человека, на которого внезапно обрушились серьёзные неприятности. Я решил, что тревожить его сейчас будет неправильно, и присел на один из булыжников. Кстати, камни лежали неправильно, не было в их расположении порядка и гармонии. Надо бы передвинуть, только как? Я ощущал наличие рядом сил, с помощью которых мог бы легко сделать это, но чего-то во мне не хватало для того, чтобы подчинить их. Непорядок, который я не мог устранить, вызывал буквально болезненные ощущения. Но есть неправильность и ближе, меньшего размера — поломанный лук в моём снаряжении. Я вынул испорченное оружие и стал прикидывать, как правильнее с ним поступить: отделить целые и исправные плечи от сломавшейся рукояти или просто снять тетиву. Опять же — как правильно поступить с обломками?

Но не успел я прийти хоть к какому-то решению, как у костра появилась ещё одна

фигура. Алёна, и, похоже, опять прямо из боя. Это у неё уже в привычку входит, надо сказать. В этот раз ей досталось, пожалуй, больше, чем когда-либо: броня на одном рукаве содрана полностью, поддетая кольчуга располосована и свисает лохмотьями, на корпусе кое-где не хватает броневых чешуй, из юбки клочок вырван... Кстати говоря, то, что она сменила свою уже привычную мне бригадину на чешуйчатый доспех, говорит об одном — она заранее готовилась к тяжёлому бою с мощным противником.

— Ты в порядке? Помощь нужна, лечение? — спросил я.

— Вроде как... Нет, я не ранена... Вроде бы...

Ну, если всё в порядке, то это хорошо. Стало быть, вмешиваться будет неправильно, поскольку это нарушит порядок, что недопустимо.

Стоп! Что это со мной! Какой ещё «порядок» — вон, пожёвана вся! «Вмешиваться»... Видно же, что ей нужно, чтоб помогли, поддержали. Тем более что это не просто кто-то, это же моя Алёнушка! Вон и у неё вид стал недоумевающий и обиженный...

Кажется, понял я, что со мной творится. Как там Хранитель и Наблюдатель говорили? Почти превратился в Аватара Порядка?! Нет уж, не надо мне такого счастья — стать бездушным и безмозглым куском воплощённой мощи безликого закона мироздания! И, насколько это в моих силах, я должен с таким перерождением бороться!

Я неподвижно сидел на валуне, сжимая в руках куски некогда грозного оружия, а внутри кипела борьба — борьба за возвращение чувств, за восстановление целостности характера. Быстрее бы пришёл Арагорн, и мы начали работу по латанию дыр! Надеюсь, при этом я затратчу достаточно собранной мощи, чтоб снова стать самим собой. Прошло, вероятно, несколько минут, которые показались мне часами. Тем не менее, сдвиг был. Когда у костра появился последний из нашей четвёрки, Лекс, я уже достаточно оправился для того, чтобы встать к нему навстречу и поприветствовать, как полагается встречать вернувшегося из боя друга. Похоже, все мы прорывались сюда через ряды противника. И ещё мне кажется, что Алёна немного обиделась, что я поприветствовал её прохладнее, чем Алексея...

Во всяком случае, подошла именно к нему и с ним заговорила:

— У тебя седина.

Лекс провел рукой по невымытым волосам и грустно усмехнулся.

— Жизнь, она такая. А что с Дмитрием?

— Да шут его знает, — ответил я на правах дольше всех наблюдавшего за шаманом. — Сидит, в одну точку пялится.

— Я просто думаю, — ожил шаман и поднялся с громким кряхтением. — Вроде все собрались. Ну, значит, расклад такой. Помните ту дверь, что мы уволокли из замка?

— Ещё бы, — хмыкнула Алёна. Да уж, такое забудешь... — Кстати, а где она?

— У меня, — Шаман похлопал рукой по сумке.

Неужто впихнул дверь в безразмерный инвентарь? Она же вроде как сопротивлялась...

— Помните, я вам коробочку показывал...

Приятно быть догадливым.

— Это из которой ты тогда стул доставал, — подтвердил я этот факт.

— Да.

— Так ты что, дверь все это время с собой таскал? — сложил два с двумя и ассасин.

— Пришлось, — кивнул пернатый (или бывший пернатый?), покосившись в его сторону. — Арагорн почему-то хотел, чтобы она была у меня, вот только проблем мне это доставило немерено. Тот маг из троицы как-то смог пройти в мой мир следом и...

Какой ещё «тот» маг, из какой такой «троицы»?! У Шамана с Ассасином явно есть ещё какие-то общие воспоминания, отдельные от остальных. Впрочем, и у нас с Алёной тоже... Шаман тем временем замолчал и провел ладонью по лицу, словно пытаюсь отогнать какие-то неприятные мысли.

— Впрочем, неважно, — он обвел нас всех усталым взглядом. — Короче, Арагорн сказал, чтобы мы установили эту дверь на постамент и шли в нее...

— А потом? — наша прекрасная половина команды, численностью в её четверть.

— Да откуда я знаю, — огрызнулся Дмитрий, заставив Алёну удивленно вскинуть брови. — Этот тип появился тут чуть раньше вас, сказал, что делать, и сбежал...

Моего разговора с Арагорном шаман или не заметил, или не счёл нужным о нём упомянуть. Собственно, в такой задумчивости, как у него, немудрено и парад боевых слонов прозевать.

— Ясно, — сказал ассасин и, подойдя к огню, достал компас, памятный мне по прошлому походу. Бросив взгляд на прибор, он продолжил: — Что ж, судя по этой штуковине, выбор у нас небольшой, полоска, что отчитывает время до возвращения в обычный мир, не двигается.

Надо так понимать, полоска движется в ходе выполнения задачи? Эдакий прогресс-бар аппаратный? С Арагорна станется и не такое выдумать...

— Почему-то я не удивлена, — хмыкнула клиричка. — Только вот еще бы знать, где этот чертов постамент.

Не совсем правильное выражение для служителя культа. Непорядок, надо бы устранить — опять попыталось подать голос новообретённое (к счастью — не до конца) свойство природы. Нет уж, пусть как хочет, так и выражается! Была бы она моей жрицей, тогда ещё ладно, а так пусть сама с Лемираен договаривается.

— Думаю, я знаю, — буркнул шаман. — Когда первый раз сюда попал, видел тут недалеко от костра статую Ильича, как раз на постаменте.

— Я тоже видел нечто подобное, — пожал плечами Лекс. — И тоже недалеко от этого места, только там на нем просто необтесанная глыба стояла.

— Кто знает, сколько тут этих постаментов? — заметил я. Да и Ильичей разных тоже есть выбор. — Арагорн оставил хоть какие наметки, куда идти?

— Нет, — покачал головой шаман.

— Значит, бродить нам здесь до скончания века, хорошо хоть, среди нас есть прекрасные дамы, которые могут скрасить одиночество этого туманного мира, — попытался я запоздалым комплиментом приободрить Алёну, показать, что между нами всё по-прежнему. Девушка покосилась в мою сторону и ответила усталой улыбкой.

— В прошлый раз мы шли по компасу, — я опустил тот факт, что изрядную часть времени указатель не работал, но мы всё равно куда-то шли. — Может, и сейчас покажет, а, Лекс?

Но Алексей в свою очередь впал в ступор. Прямо эпидемия какая-то, честное слово! Хотя чья бы корова мычала... Я подошёл к ассасину и, взяв за плечо, легонько потряс, потом потряс посильнее.

— Лекс, Лекс, алло, база, прием!

Пациент вздрогнул и посмотрел на меня затуманенным взглядом.

— Я спрашиваю, может, твой компас что показывает?

Взгляд варёной камбалы плавно переместился с моего лица на циферблат прибора.

Правда, по дороге немного прояснился. Стрелка, будто ожидала благосклонного внимания хозяина, быстро кругнулась на пару оборотов и замерла, указывая вправо.

— Туда, — продублировал я показания компаса, вульгарно ткнув пальцем в нужную сторону.

— Ну, туда, так туда, — покладисто произнесла Алёна, очередной раз подхватила лежащий на земле щит и, бросив взгляд на опять впавшего в задумчивость шамана, спросила: — Или есть другие варианты?

— Нет, — очнувшись, отрезал Дима.

Дорога прошла спокойно. Только один раз нам попытались преградить дорогу какие-то маньяки-самоубийцы. Дюжина зверушек, заставивших вспомнить разом Древнюю Грецию и Перумова — нечто сатириобразное, одетое в разрозненные предметы брони из чего-то похожего на резную кость. Не то демоны не из самых сильных, не то химеры. Мы только переглянулись с саркастическими ухмылками. Дальше — клинок из ножен, мимолётно удивившись, что он на месте, одновременно — ускорение, рывок вперёд и первый удар, совмещённый в один жест с извлечением оружия, в лучших самурайских традициях... Всё закончилось, не успев начаться. Не знаю, чего хотели добиться козлоногие или их хозяева, но мы, по-моему, даже не замедлили движения. Как-то несерьёзно, и даже отчасти обидно — нас что, не воспринимают всерьёз?!

Минут через пять мы вышли к постаменту, прямо в центр которого уткнулась стрелка ассасинова (точнее, конечно, Арагорнова) компаса.

— Странно, в прошлый раз тут Ильич стоял, в кепочке. А сейчас какая-то абстракция готическая... — протянул Шаман, глядя вверх.

— Почему «абстракция»? Нормальная колонна, только обгрызенная. И не готическая, а скорей ионическая, — поправила Алёна.

— Можете, конечно, считать этот булыжник колонной, а по мне так кирпич-переросток, — возразил ассасин, и вся компания выжидательно уставилась на меня.

Ага, как же! Тут, между прочим, девушка присутствует! Но исполнено очень натуралистично, не считая габаритов. Я даже обошёл разок вокруг, и эта активность была вознаграждена. Статуй был украшен плохо затёртыми надписями крайне неприличного толка, адресованными Арагорну и какому-то Артасу. Или это «дружеская» переписка, или заметки Наблюдателя — не знаю. А может, и просто мои глюки.

Тут на землю грохнулась, едва не отдавив мне ногу, та самая дверюга, безо всякого пиетета вытряхнутая шаманом.

— Я достаю из широких штанин, нечто... — пробормотал я, всё ещё под впечатлением от прочитанного на памятнике.

— Мальчики, вы так и будете на нее пялиться или делом займетесь? — Это, как вы понимаете, вокальная партия нашей девочки.

Что ж, джентльмены, давайте тащить рояль. Как ни странно, «рояль» решил вести себя прилично, как бы извиняясь за неудобства, доставленные нам в подвале замка. Стоило только коснуться края проёма углом принесённого полотнища, как дверь буквально вырвалась у нас из рук и с громким щелчком приняла вертикальное положение. Украшавшие её треугольники мигнули и загорелись ровным зеленым светом.

— Видимо, путь свободен, так это надо понимать, — сказал шаман, указывая посохом на иллюминацию.

— А это мы сейчас проверим, — решительно бросил ассасин и, подойдя к двери, решительно схватился за ручку. Стоп! Какая ещё ручка?! Точно помню, сам же тащил — гладкая была, как попадьа, и скользкая, как адвокат, ни одной зацепки! Тем временем Лекс глубоко вздохнул и, обернувшись к нам, потянул дверь на себя.

Стоило ей чуть приоткрыться, как первопроходец стал словно бы плоским, вокруг его силуэта возник зелёный ободок, после чего ассасина словно бы всосало внутрь. Дверь тут же захлопнулась. Так, этот безбашенный тип может вляпаться на ровном месте, надо бы его прикрыть. Я так же решительно шагнул вперёд, дверь на себя... Ощущения, как будто в лицо фотовспышкой сверкнуло в тот момент, когда я со стола спрыгивал. Почувствовав под ногами твердь, я сделал пару шагов, трясая головой, чтобы избавиться от «зайчиков» в глазах.

Две параллельные чёрные плоскости, которые в полном соответствии с законами геометрии тянутся куда-то в бесконечность. Всей разницы, что нижняя — матовая, а в верхней какие-то искры проскальзывают. Посреди этого безобразия стоит Лекс, ухватившийся за рукоять катаны. Не успел я спросить, в чём дело, как за спиной всхлюпнуло, заставив невольно вздрогнуть всем телом, и из радужной вспышки возник Шаман. Если я появился с таким же звуком, то в позе Лекса нет ничего удивительного. А вот и сестрица Алёнушка.

Интересно, где же это мы? Так я спросил, на всякий случай — а вдруг кто знает?

— Похоже, в нигде, — ответил Лекс похоронным тоном.

Пару минут мы стояли, пытаюсь высмотреть хоть какой-то ориентир. Первой сдалась Алёна:

— И что, теперь-то куда? — она вопросительно посмотрела в сторону Алексея. Логично, компас-то у него, мои амулеты Арагорн отобрал...

— Идемте, — наш Сусанин повернулся направо и решительно зашагал вперед.

Минут десять мы молча топали куда-то. Меня настораживало то, что вожак стаи ни разу не глянул на единственный навигационный прибор. Наконец я не выдержал:

— Слышь, Лекс, а почему ты пошел именно в эту сторону?

Тот покосился на меня с ухмылкой и ответил:

— А какая разница, ну, пойдём в другую, — резко развернувшись на пятках, Лекс двинулся под прямым углом к прежнему маршруту.

Я немного приотстал и обратился к двум оставшимся товарищам по путешествию:

— Не нравится мне этот проводник. Чешет не пойми куда, хоть бы для приличия на компас глянул. Да и по дороге к замку — так же уверенно ломился через туман, а потом для меня было страшновато услышать, что «компас опять работает». Заведёт ещё так, что Арагорн не найдёт.

— Вот уж не буду горевать, если больше никогда его не увижу! — с чисто женской логикой ухватила Алёна за три последних слова, начисто проигнорировав смысл фразы в целом.

Я переглянулся с сочувственно вздохнувшим Шаманом. Причём интенсивность этого вздоха многократно, на мой взгляд, превосходила породившую его причину.

— Ребята, смотрите!! — в голосе Алены послышалось искреннее и недюжинное удивление.

Вопреки ожиданиям, Алёна смотрела не куда-то, а прямо себе под ноги. Что же там такого интересного? Нижняя плоскость стала прозрачной, открыв вид на глубокий космос, и там, прямо под нами, плыл огромный космический корабль! Настоящий звездолет, не

спрашивайте, как — но было понятно, что именно настоящий, не декорация! Причем так близко, что даже видны мелкие повреждения на обшивке.

— Нифига себе, — я упал на колени и, протерев поверхность рукавом куртки, словно запотевшее стекло, принялся рассматривать проплывающий внизу корабль. Когда ещё представится такой опыт — изучить принципы компоновки звездолёта! Не глупой голливудской поделки, где центральная рубка непременно вынесена если не на нос, то на самую верхнюю палубу, да ещё и в надстройку, а самого доподлинного! Вот это явно двигатели, маршевые или взлётные — так сразу не скажешь. А вон виднеются круги, расположенные там, где я разместил бы движки маневровые. Это, наверное, створки ангара для малых кораблей...

— Ваш путь окончен, Сборщики, — прервал Хранитель это редчайшее удовольствие. — Идемте, вас ждут.

Фигура в плаще развернулась и медленно поплыла, причем, похоже, в ту сторону, куда мы шли и до этого.

— Интересно, что он имел в виду, говоря о каких-то сборщиках? — тихонько поинтересовалась у окружающего пространства Алена.

— А ты не знаешь? — шаман удивленно покосился на девушку.

— Нет, — покачала та головой.

— Так разве Арагорн...

— Мы пришли, — наш провожатый замер на месте. Мы тоже остановились, но если Хранитель стоял невозмутимо и недвижно, то мы удивленно озирались, ибо вокруг совершенно ничего не изменилось.

Хранитель стоял недвижимой и внешне безучастной глыбой, а мои спутники начинали понемногу нервничать. Алёна уже открыла было рот, чтоб спросить кого-то о чём-то, как вдруг мир стал меняться. Нижняя плоскость словно бы подёрнулась инеем, или, скорее, стала похожа на расплавленный алюминий, а верхняя запылала зелеными сполохами. Не нравятся мне эти перемены! Я на всякий случай ухватил Алёну за руку, если снова выкинет куда ни попадя — так, может, хоть вместе. Тем временем от верхней плоскости отделялись и медленно падали вниз зелёные шарообразные капли, которые лопались в воздухе странными угловатыми брызгами.

Эти брызги, накопившись в достаточном количестве, начали вращаться вокруг нас медленным вихрем, который всё ускорялся. Пространство вокруг темнело — или это вихрь разгорался ярче? Вокруг каждого из нас возник полупрозрачный ореол, который тоже стал проявлять признаки стремления закрутиться — навстречу большому смерчу вокруг нас. Алёна ухватила меня второй рукой, но не успел я сделать то же самое, как её ладошки бесследно исчезли, а мой кокон уплотнился и закрутился.

Бесследно? Не совсем — я почувствовал в ладони какой-то маленький посторонний предмет. Скомканный клочок бумаги — или какого-то похожего материала. На нём — имя, фамилия, адрес и дата. Занятый тем, чтобы с использованием методик Изиры понадежнее закрепить в памяти эти три строчки, я пропустил момент, когда вихрь вокруг меня исчез. Сменившийся цвет освещения заставил поднять голову.

Белоснежная колонна, от неё отходят четыре луча, каждый заканчивается круглой площадкой, на которых стоим мы четверо. Расстояние между нами метров по пять, так что видно и слышно должно быть хорошо, а допрыгнуть — вряд ли. Площадки примерно полутораметровые, до колонны метров семь с половиной по дорожке шириною с

письменный стол. Справа — Алёнка, слева Ассасин и Шаман. И если девушка вполне адекватна, вон, ручкой мне делает, то братья по полу опять затеяли впадать в спячку.

— Лекс!

Медленно повернул голову, посмотрел на меня, на клирика.

— А Дмитрий где?

— А в другую сторону поглядеть? — спросил я и, на всякий случай, ткнул пальцем в нужную сторону.

— Ну, вот и гости дорогие, — ага, наш прораб, он же — бригадир ремонтной бригады, стоит в потёртых джинсах и кожанке поверх клетчатой рубашки рядом с колонной. Оказывается, лепестки не висят в воздухе над пропастью, просто пол прозрачный. Справа от Арагорна стоит тот самый Хранитель в золотой шлем-маске, который отобрал у меня душу Спутника, только плащ сменил на белоснежный. Представитель заказчика или технадзор?

— И что это значит? — спросил я. Как-то диспозиция не сочеталась с моим представлением о починке чего бы то ни было.

— Для многих это конец одной дороги и начало другой, — улыбнулся Игрок. Ну, сейчас начнёт проповедовать — красиво, витиевато и непонятно по сути. — Скажем так, вы все выполнили возложенные на вас задачи, а дальше...

— А дальше все зависит от них самих. — Откуда-то, не то из-за колонны, не то из неё, вылетел маленький белый шарик и, зависнув напротив Арагорна, этот светлячок «разархивировался» в Наблюдателя. — Игра окончена, пешки прошли к краю доски, и теперь им самим решать, кем они хотят быть.

Всё-таки пешки на доске, вот как? А как же свобода воли и прочее? Или все возможные метания смертного с точки зрения божества — несущественные отклонения от проложенного курса? Не сказал бы, пару раз Арагорн сильно нервничал из-за тех же сроков, которые я вполне мог бы сорвать...

— Такими фигурами только дурак будет разбрасываться, — буркнул Арагорн. — К тому же, думаешь, они откажутся от открывающихся для них перспектив...

— Это уже им решать, — повторил Наблюдатель, пожимая плечами и отвернувшись от Игрока. Я ещё из беседы с ним и Хранителем понял, что этот «механизатор» далеко не последняя по могуществу сущность в местной табели о рангах. Но чтобы так вот демонстративно игнорировать мнение бога?! Загадочная личность тем временем продолжала:

— Таковы правила Игры, и ты это прекрасно знаешь, так что давай просто отойдем в сторону, и пусть он, — Наблюдатель кивнул на Хранителя, — делает свое дело... Хотя ты вроде тоже тут понадобишься, так что давайте действуйте, а я тут вот постою, посмотрю.

Наблюдатель отошёл на пару шагов в сторону и достал из кармана своего ватника пачку «Беломора», однако, покосившись на Арагорна, сунул ее обратно. Кстати говоря, Арагорн выглядел, мягко говоря, недовольным. Как кот, которого оттащили от миски со сметаной, причём чуть ли не за хвост.

— Начнем извлечение, — произнес Хранитель, и от его голоса окружающая реальность задрожала, вибрируя в резонансе. По спине пробежали мурашки, в воображении мелькнула дикая картинка: Хранитель клинком по очереди разваливает нас пополам и копошится внутри в поисках чего-то для извлечения. Вот уж точно — бред в чистом виде.

— Подойди, — из складок плаща появилась рука в латной перчатке и указала на Алексея. Тот оглянулся на нас и, кривовато усмехнувшись, шагнул вперед и неторопливо

пошел по белой дорожке. Замер, не доходя пары шагов до Хранителя.

— Отдай мне свой сосуд.

— Чего? — ассасин отвисшей челюстью и недоумённым тоном порушил всю торжественность момента. Хранитель наклонился к нему, рассматривая, как экспонат в музее. Потом, наверное, решил, что сделать самому будет проще, чем объяснять. Он протянул руку, вытащил из ножен на спине Лекса катану и просто положил её горизонтально перед собой на воздух на уровне лица.

А потом рукоять меча словно взорвалась, рассыпавшись в воздухе голубоватыми искрами, которые закружились вокруг клинка по весьма прихотливым траекториям. Полетав немного, они все собирались на вытянутую вперёд ладонь Хранителя, образуя мягко светящуюся пирамидку, которую тот тут же понёс к светящейся колонне. Лишённый внимания моего в каком-то смысле коллеги висящий в воздухе клинок рухнул вниз. Лекс коротко глянул на Арагорна, потом решительно наклонился и подобрал оружие, сунув его на место. Наблюдатель, вновь обнаружившись около ассасина, что-то коротко сказал тому на ухо.

Тем временем Хранитель, размахнувшись, как в кабацкой драке, вцепился по колонне оплеуху ладонью, на которой лежала пирамидка. Столп загудел, как пустотелая железная труба, от него пошли еле уловимые волны искажения пространства. Докатившись до фигуры Арагорна, они стали изменять его. Привычная уже фигура Игрока разбухла, покрылась трещинами... А потом как-то резко, без перехода, на месте Арагорна возникла исполинская гуманоидная фигура, сотканная из белого пламени. Чётких контуров она не имела, расплываясь и непостижимым образом сливаясь с миром вокруг. На какой-то миг за спиной мелькнули два исполинских крыла, буквально пришитых густой бахромой к Реальности.

Видение крыльев, мигнув, исчезло, зато остальная фигура стала более материальной, что ли. И на ней стали видны многочисленные... дефекты? Трещины, рубцы, язвы, в которых клубилось что-то неприятное. Под кожей, казалось, ползали какие-то паразиты, в правой ладони так и вовсе зияла сквозная дыра.

Колонна изменилась, словно проявился составляющий её каркас. Внутри летали многочисленные золотистые огоньки. Краем глаза я уловил какое-то мерцание и повернулся к фигуре Арагорна. Это по его семипалой руке бегали голубоватые огоньки, и дыра в ладони стала быстро затягиваться, словно они её штопали. Существо издало вздох, полный облегчения, глянуло в сторону ассасина и коротко ему кивнуло. Нет, кивнул уже Арагорн в привычном виде. И когда успел превратиться?

— Часть стала целым, — Хранитель отошел от колонны и вновь остановился напротив Лекса. — Тебе пора, человек.

Фигура взмахнула рукой, и прямо перед ногами ассасина разверзлась дыра или, точнее сказать, люк. Снизу ударил тёплый свет, какой-то необъяснимо родной. Алексей несколько секунд простоял, как памятник самому себе, потом поднял голову и глянул в лицо Хранителя. Губы парня шевельнулись, словно он хотел что-то сказать. Его собеседник кивнул головой, и свет, бьющий из люка, мигнув на долю мгновения, неуловимо изменился.

Ассасин повернулся к нам и улыбнулся какой-то обречённой улыбкой.

— Лёша, слушай внимательно, запоминай! Если будешь на Земле — найди нас! — закричал я и стал, тщательно выговаривая слова, диктовать свой адрес и телефоны — мобильник, домашний, рабочий... Но он, покачав головой, коротко указал на уши — мол, не слышу. Вот гадство какое, а?

Тем временем Наблюдатель в два шага оказался у колонны и, запустив в нее руку, достал оттуда маленький светящийся голубым огнем шарик. Вернувшись к Лексу, он сунул этот огонёк тому в руку, что-то при этом произнеся и кивнув в сторону Арагорна. Тот только пожал плечами. А ассасин решительно шагнул вперёд и — исчез.

Хранитель обвёл нас пламенным в буквальном смысле этого слова взглядом и остановился на Алёне.

— Подойди.

Девушка, прикусив губу, вскинула голову и подошла к фигуре и колонны. Помедлив долю секунды, она протянула вперёд свою булаву. Хранитель, как мне показалось — немного удивлённо, глянул на оружие, после чего покачал головой.

— Твой сосуд иной.

Он протянул вперёд руку и взял Алёнку за левую ладонь. Потом резким движением дёрнул на себя. Ничего себе! Девушка резко уменьшилась в размере, словно бы сдулась, и вот — хрупкого сложения невысокая фигурка, ростом где-то метр шестьдесят, не больше, светловолосая, с огромными испуганными глазами и в огромном, не по размеру, доспехе, который висит на ней, как на вешалке. Она робко улыбнулась мне и виновато развела руками — мол, вот она я какая. И это такой вот хрупкий котёнок прошёл сквозь всё то, что она мне рассказала? И ещё через многое после того... Какая-то щекотная волна прокатилась по мне от пяток к затылку, желание подойти, обнять, закрыть руками, как крыльями, и никуда не выпускать.

Тем временем Хранитель комкал в руках что-то, извлечённое из Алёны. Этот комок оплывал, таял, шёл радужными разводами — и вот на широкой, закованной в металл ладони лежит знакомая пирамидка, только оттенок скорее розоватый. Снова удар ладонью по колонне, волна изменений в пространстве, и тёплые розовые огоньки закрывают язву на груди у пламенной фигуры, заставляя побледнеть несколько рядом расположенных рубцов.

Благодарный кивок Арагорна, короткий беззвучный разговор с Наблюдателем, и Алёна, послав воздушный поцелуй удивлённому Шаману, робко улыбается мне, шагая вперёд и исчезая.

— Подойди, младший, — Хранитель стоит напротив меня, золотистое пламя, пылающее в прорезях шлема, достигает, кажется, самого доньшка души.

Да подойду я, подойду, куда денусь. Под любопытным взглядом Шамана шагаю вперёд. Хранитель останавливает меня, вытянув вперёд руку с вертикально повёрнутой ладонью метрах в трёх перед собой. Интересно — а что так далеко-то? Я, положив руку на рукоять меча, вопросительно смотрю на Хранителя, но тот, покачав головой, вытягивает вперёд вторую ладонь.

Ой, боги, как больно-то! Изнутри меня, из каждой, кажется, клеточки, начинает исходить нечто, не то свет, не то туман. Меня становится меньше, хоть сам я и не уменьшаюсь. Сквозь дымку боли вижу полупрозрачные рёбра и грани большого кристалла, охватывающего моё тело на расстоянии чуть меньше метра. Радужные струйки тянутся вперёд и, наткнувшись на висящую прямо перед глазами грань, преломляются, сливаясь вместе. Школьный опыт по разложению света в спектр наизнанку — мелькает в затуманенной болью голове на грани яви и бреда. Луч белого света бьёт из сплетения радужных жгутов, упираясь в ладонь Хранителя. Дальше не вижу ничего. Я и представить не мог, что может быть настолько больно! Всё моё тело, всё сознание, весь мир состоит из волн и сгустков боли всех видов и форм. Вот она, единая теория поля, я понял её — поле Боли,

вот что пронизывает, объединяет и составляет из себя Мироздание.

А что это за мелкая рябь на волнах боли, уносящих меня куда-то к необъяснимо тёплому свету?

— Стоп! Хватит! Не видишь разве — если взять больше, то он уйдёт! — странные, непонятные и малозначительные вибрации одной из болевых струн.

— Да, это было бы неправильно — у него ещё много работы, — ещё порция дрожи на пелене боли.

— Тогда это — лишнее, придётся вернуть, — третий голос.

Я подумал — «голос»? А что это такое? И что значит — «я подумал»? Внезапно, рывком боль, которая только что воспринималась как единственная объективная реальность, исчезла. Тёплый толчок в грудь — я успеваю рассмотреть радужный комочек, впитывающийся в тело. Ещё одна волна облегчения. Я до этого думал, что боль исчезла? Нет, полностью она ушла только сейчас, но я знаю — воспоминания о тех слабых отголосках, которые бродили в моём теле только что, раньше могло быть достаточно, чтобы вогнать меня в холодный пот. Успеваю рассмотреть пирамидку на ладони Хранителя, на сей раз — зеленоватую. Мне кажется, или она несколько больше остальных? Или просто я вижу её с меньшего расстояния? Да какая, в сущности, разница!

Когда моя пирамидка вливается в колонну, перед глазами возникает полупрозрачная картинка. На фоне сияющего тела бога напротив моему взгляду предстаёт схематичное изображение Мира, на теле которого зарастает безобразная язва, зияющая на одном из материков вблизи экватора. И это наполняет душу таким умиротворением и тихой радостью, каких не доводилось испытывать, пожалуй, никогда.

— Что выберешь, Младший? — рокочущий многослойный голос Хранителя.

— Ты же знаешь — мне нужно быть с ней. Если, конечно, вы справитесь без меня там...

В ответ омыли волны эмоций, беззвучный хор голосов, от «справлялись же раньше» до «иди уж, не мнись». И лёгкая ирония, и благодарность, и понимание, и забота — но все пронизаны истинно родственным и тёплым чувством, что они все — ближе, чем род или семья. Стражи. Старшие братья, хранящие единство и сущность миров нашего Мультиверсума.

Я шагнул вперёд, в круг тёплого солнечного света под ногами, услышав напоследок:

— Ступай. В твоём родном мире тоже хватит работы, Страж.

Эпилог.

Заслонив рукой глаза от бьющего в них солнца, я потянулся.

— Привет, — раздался рядом, заставив меня вздрогнуть, голос Длинного. — Слушай, ты как тут нарисовался-то? Только что никого не было!

Я обвёл глазами, в которых ещё плавали круги, окрестность. Сижу, прислонившись спиной к сосне, на краю небольшой полянки, где размещается лагерь «вестфолдских копейщиков». В своём теле, только вот ничего нигде не болит, не тянет, да и видно всё замечательно, хоть очков на мне и нет. И ни секунды колебаний в стиле «а было ли это?», хоть и имел право.

— Как откуда? Партизанскими тропами в глухой тайге...

— Ага, три дерева да четыре куста в округе.

Я прокрутил в голове три заветных строчки с Алёниной записки. Смоленск, надо же, почти под боком. В Хабаровск ехать было бы куда дальше. И ни тени сомнений в том, что

поехал бы. И дата — скорее всего, переноса. Через две недели после меня, есть время подготовиться. Раньше-то она меня всё равно не узнает...

— Семён, на ёжика не наступи! — окликнул я одного из копейщиков, направившегося в лес. — И подосиновик слева под кустом не бери, он червивый!

Чувство леса, брошенное рефлекторно, откачивало силу быстрее, чем она пополнялась, ну надо же! ТАМ я и не замечал, что оно потребляет энергию. Похоже, беден на магию наш мир, придётся экономить.

— Блин, фокусы у тебя — чем дальше, тем круче. Уже страшновато становится. Вот откуда ты про гриб и ёжика знаешь, если с другой стороны пришёл?!

Хм, знал бы ты, друже, какие «фокусы» мне доводилось «откалывать» ещё недавно...

— Кстати, где ты был всю игру? Не, от Арагорна приходил паренёк, сказал, что у тебя особое задание — и всё на этом.

— Да, кстати, — раздался с другой стороны голос командира отряда. — Знаю только, что бонусных очков нам за твои действия в тылу врага накинули немало.

— Где был, где был... Бегал, как не знаю кто. Наверное, до Орши и обратно добежал, если в прямую линию вытянуть. Ноги в задницу вогнал. Даже проверяю иногда на ощупь — не стёр ли до колена...

Вокруг хохотнули.

— Ну и ладно, всё равно нам следопыт на этот раз без надобности был. Нас в столичном гарнизоне поставили после того, как мы настоящего «ежа» показали.

В голосе дядьки звучала искренняя гордость.

— Молодцы, что сказать.

— Кстати, а где снаряга? Лук, посох...

— Погибли в бою. Кстати, не посох, а глефа!

— Ааа... тогда понятно, зачем вот это.

Я открыл глаза и повернулся к командиру. Он держал в руках блочный лук, охотничий, если не ошибаюсь — «Хищник» такой называется. И пять стрел на нём в специальном зажиме — причём с острыми стальными жалами наконечников!

— Арагорн передать просил. Говорит, подарок. Я спрашиваю — приз, что ли? «Нет, — говорит, — призы отдельно, а это от меня лично подарок в компенсацию».

— Нехилая, я скажу, компенсация за кусок фанеры с леской!

— Ага, статья готовая! — прорезался у кого-то голос разума.

— Нет, Арагорн подстав не делает! — заявил командир, заставив меня внутренне даже не усмехнуться, а заржать, катаясь по земле и держась за живот. — Тут пакет с документами, даже разрешение на ношение есть! И как только сделал — не понимаю!

Я молча взял в руки оружие. Мне показалось, что тетива на миг блеснула снежной белизной, и в голове раздался знакомый ехидный голос:

— Неужели ты думал, что всё на самом деле кончилось?

Будем считать, что это мне только почудилось...

Больше книг на сайте - Knigoed.net